

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ ВСЕОБЩЕЙ ИСТОРИИ

И. Е. Суриков

СОЛНЦЕ ЭЛЛАДЫ
История афинской демократии

Факультет филологии и искусств
Санкт-Петербургского государственного университета
2008

Рецензенты:

д-р истор. наук проф *В. Н. Парфенов*, д-р истор. наук *О. Л. Габелко*

Суриков И. Е.

С90 Солнце Эллады: История афинской демократии. — СПб.: Факультет филологии и искусств СПбГУ, 2008. — 360 с. — (Историческая библиотека)

ISBN 978-5-8465-0759-3

В книге рассказывается о том, как возникла, развивалась, пережила расцвет и упадок первая в мировой истории демократия, ставшая образцом для всех последующих демократических государств. Эта демократия существовала на земле Древней Греции, в Афинах – городе, который при демократическом устройстве стал крупнейшим политическим, экономическим, культурным центром античного мира.

Античная демократия таит в себе немало загадок и парадоксов. Она одновременно похожа и не похожа на современные демократические государства. С одной стороны, это была, наверное, самая реальная демократия в мировой истории. Граждане управляли государством не через своих выборных представителей, как в наши дни, а непосредственно, регулярно собирались на народные собрания и решая на них все важнейшие вопросы политической жизни. Совершенно не было такой прослойки, как бюрократия. С другой стороны, любая античная демократия была «демократией для меньшинства». Не только рабы, но и женщины не имели гражданских и политических прав. История афинской демократии содержит немало поучительного. Она позволяет провести параллели с перипетиями развития современного мира и заставит задуматься об их истоках.

Книга предназначена для студентов, преподавателей и всех, кто интересуется историей.

Surikov I. E.

The Sun of Hellas: A History of the Athenian Democracy. — St. Petersburg: St. Petersburg State University Faculty of Philology and Arts, 2008. — 360 p. — (Historical library)

ISBN 978-5-8465-0759-3

The subject of the book is how the first democracy in the world history, which became model for all subsequent democratic governments, had emerged, developed, gone through its heyday and its decline. The democracy in question existed in the ancient Greece, at Athens – the city, which under the democratic rule proved to be the greatest political, economic, and cultural centre of the classical world.

Ancient democracy is fraught with a lot of riddles and paradoxes. It is at the same time alike and not alike modern democratic states. On the one hand, it was perhaps the most real democracy in the world history. Citizens ruled their state not through their elective representatives, as now, but directly: they gathered regularly at popular assemblies and decided all important questions of political life. Such a class as bureaucracy was entirely absent. On the other hand, any ancient democracy was a “minority democracy”. Not only slaves but even women had no civic and political rights. A history of the Athenian democracy is very instructive. It allows us to draw parallels with developmental particularities of the modern world and makes us think about their sources.

The book is for students, teachers, and all who are interested in history.

ББК 63.3(0)32+86.31

Издано при финансовой поддержке Федерального агентства по печати и массовым коммуникациям в рамках Федеральной целевой программы «Культура России»

© И. Е. Суриков, 2008

© Факультет филологии и искусств СПбГУ, 2008

© С. В. Лебединский, оформление, 2008

ISBN 978-5- 8465-0759-3

ОТ АВТОРА

Наверное, нет более распространенного явления в политической жизни современного мира, чем демократия. Ныне мало какой режим не называет себя демократическим (другое дело, что далеко не всегда самоназвание соответствует действительности). Само слово «демократия» прочно вошло в лексикон множества языков.

А ведь слово это — древнегреческое по происхождению. Оно состоит из двух элементов, «демос» (народ) и «кратос» (власть), и означает буквально «народовластие». Греческие корни слова «демократия», конечно, не случайны. Именно на земле античной Греции, или Эллады, в I тысячелетии до н. э. впервые в человеческой истории появились и достигли высокого расцвета демократические государства.

Самой славной и знаменитой, самой могущественной и блистательной из всех этих античных демократий была та, которая существовала в Афинах. Афинская демократия начала постепенно складываться в течение VI в. до н. э., приобрела свою классическую форму в V в. до н. э., а прекратила существование в конце IV в. до н. э. Иными словами, не столь уж и долгая жизнь была ей дарована — около двух столетий. Однако не все измеряется сухими цифрами.

Колоссален вклад демократических Афин в историческое развитие человечества. Именно они послужили примером для всех последующих демократий. Уже в самой античности они воспринимались как образец полной и реальной власти народа, коллектива граждан. Не случайно Перикл — самый известный афинский государственный деятель — называл свой город «школой всей Эллады». Не случайно и то, что Афины классической эпохи как магнит притягивали к себе лучшие творческие, интеллектуальные силы со всех концов греческого мира. Выдающиеся философы и ученые, художники и поэты отовсюду прибывали в «город Паллады», как часто называли Афины; несомненно, именно здесь они находили для себя особенно благоприятную духовную атмосферу.

«Солнце Эллады» — так названы демократические Афины в этой книге. И при рассказе о них по всему ходу изложения мы прибегнем к развернутой метафоре: история афинской демократии будет описываться как история одного долгого дня — дня, растянувшегося на века. У этого дня были свое утро, свой полдень, свой вечер. И не всегда этот день был светел и безоблачен: порой небосвод затягивался тучами, налетали внезапные и разрушительные бури. Обо всем этом пойдет речь в книге.

Но нам не хотелось бы ограничиваться пересказом фактов и событий, хотя это и само по себе небезынтересно и поучительно. Не менее плодотворно будет посмотреть на афинскую демократию как на целостное явление античной и мировой истории и попытаться ответить на вопросы: каковы основные особенности этого политического устройства? В чем античная демократия была схожа с современными демократическими государствами и чем отличалась от них? Чего в ней было больше — позитивного или негативного? Какие причины привели к ее появлению, а какие — к ее гибели? На этом пути нас ждет немало парадоксов, над которыми придется задуматься. Поэтому рассказ о становлении, расцвете и закате демократических Афин будет сопровождаться экскурсами, посвященными характеристике ее наиболее необычных и непривычных для нас черт.

Пролог

ПРЕДРАССВЕТНЫЕ СУМЕРКИ

С птичьего полета

Уже по своим природным, географическим условиям Эллада — страна очень своеобразная. Наверное, второй такой не найти. Чтобы убедиться в этом, достаточно взять любую карту Европы и бросить взгляд в ее правый нижний угол — на юг Балканского полуострова и бассейн Эгейского моря. Наше внимание сразу же привлечет редкостное богатство форм и очертаний. Береговая линия не просто изрезана — ее как будто бы кто-то нарочно искромсал самым непредсказуемым образом (хотя на самом деле, конечно, перед нами — результат длившихся на протяжении многих тысячелетий геотектонических процессов, колебаний уровня Мирового океана и вспышек сейсмической активности).

Море как бы облекает Элладу почти отовсюду, то с улыбкой лаская склоны спускающихся к воде скал, то — в бурю — грозно надвигая вал за валом на прибрежные селения. Причудливы плоды его неустанного труда: оно то врезается в толщу материка длинным и узким Коринфским заливом, то выписывает замысловатые линии полуострова Халкидика, напоминающего трезубец Посейдона, то, разбиваясь, отступает перед вырастающими из глубины грядами островов и островков...

Роль моря в формировании древнегреческой цивилизации невозможно переоценить. Море не разделяло, а соединяло эллинов, манило и звало к себе. Оно постоянно присутствовало в их жизни: в Греции почти нет такого места, где путник, поднявшись на гору или холм повыше, хотя бы вдали, блестящей на солнце полоской, не увидит огромный водный простор. Добраться от одного города до другого зачастую было гораздо легче и быстрее именно по морю, чем по суше.

Не может не вспомниться один эпизод из античной истории (Ксенофонт, Анабасис, IV. 7. 24). На рубеже V–IV вв. до н. э. отряд греческих воинов-наемников, волею судьбы занесенный в самое сердце Персидской державы, пробирался на родину по ущельям и перевалам Восточной Анатолии¹. Афинянин Ксенофонт, один из командиров отряда, оставил воспоминания об этом походе. Двигаясь от одной горной деревни к другой, обороняясь от нападений местных воинственных племен, утопая в снегу на каменистых тропах, греки мечтали об одном — скорее увидеть море. Только это позволило бы им почувствовать себя в родной и привычной обстановке. И вот наконец ряды солдат огласил крик шедших впереди дозорных: «*Ταλασσα! Ταλασσα!*» («Море! Море!»). Ликованию не было предела.

Почти два тысячелетия спустя совсем другой крик долетел с наблюдательной площадки одной из каравелл Колумба, пересекавших Атлантический океан. «Земля! Земля!» — кричал впередсмотрящий. Может быть, на этих двух примерах лучше, чем на каких-либо иных, видно различие в мировосприятии античных эллинов и европейцев эпохи Великих географических открытий. Смелые испанские мореходы уходили в океанскую даль, но думали прежде всего о земле. Греки, наоборот, могли удаляться от моря на многие дни пути, но жизни без него не мыслили.

Отнюдь не случайно, что и в истории афинской демократии, как мы увидим, море тоже сыграет огромную роль. Мощь и процветание «города Паллады» на протяжении классической эпохи будут зависеть во многом от того, что афиняне сумеют поставить морскую стихию себе на службу, и сделают это с большим успехом, чем любое другое государство греческого мира.

Другим важнейшим природным фактором, который, наряду с морем, во многом определил исторические судьбы цивилизации античной Эллады, были горы. Греция — одна из самых гористых в Европе стран: горные хребты и цепи занимали в древности около 80% ее территории. Греческие горы не слишком высоки. Это — не Альпы, не Кавказ. Самая значительная вершина — знаменитый Олимп, находившийся на крайних северных рубежах страны, отграничивавший Грецию от Македонии, — поднимается над уровнем моря чуть меньше чем на 3000 метров. Да и это скорее исключение. Но при своей в целом не поражающей воображение высоте греческие горы, как правило, круты, обрывисты, труднопроходимы. Встав

¹ *Анатолія* — другое название Малой Азии, полуострова, на котором ныне расположена Турция.

тесно сплоченными рядами, они оставляют между собой не так уж и много сколько-нибудь удобных проходов. Например, попасть из Северной Греции в Среднюю можно было, в сущности, только по одному такому проходу — Фермопильскому, который лежал между горным отрогом и болотистым морским заливом и в самом узком месте имел ширину не более десятка метров.

Горный характер рельефа был одновременно и «плюсом», и «минусом». С одной стороны, горы хорошо защищали Элладу от внешних захватчиков. В результате страна на протяжении своей истории неоднократно пользовалась десятилетиями, а то и веками спокойного развития без опасности вражеского вторжения, что по меркам древнего мира было большой редкостью. Но, с другой стороны, горы же и разъединяли греков. Население жило в мелких и мельчайших долинах, изолированных друг от друга хребтами, а это располагало к замкнутому, обособленному существованию. От одной деревни до другой подчас было по прямой несколько километров пути. Но вставала на дороге скала, приходилось обходить ее — и путь этот растягивался на день, а то и больше.

Никогда в своей истории Древняя Греция не была единым государством. Всегда она дробилась на довольно значительное количество государственных образований разного размера — небольших, маленьких и совсем крошечных. Эта политическая раздробленность стала одной из характернейших черт эллинской цивилизации — при том, что свою культурную, языковую, религиозную общность греки очень рано и очень четко осознали. Конечно, неверным было бы утверждать, что гористый рельеф являлся единственным или даже главным препятствием для объединительных начал. Сыграли свою роль и многие другие факторы, как конкретно-исторического, так даже и мировоззренческого плана, в том числе неискоренимый индивидуализм греческого «национального характера». И тем не менее совсем отрицать роль природных условий в формировании «особого пути» Эллады тоже, очевидно, не следует.

Мало какая европейская страна может похвастаться таким же богатством и, главное, разнообразием природно-ландшафтных зон, как Греция. Чего только не встретишь на этой, в общем-то, небольшой территории! С покрытых снегом высей священного Парнаса — горы Аполлона и муз, на склоне которой располагался религиозный центр Греции, Дельфийский храм, — можно было увидеть и живописные долины Фессалии, где паслись конские табуны, и тучные (конечно, по греческим меркам) поля Беотии, раскинувшиеся вокруг обширного Копайдского озера, и лесистые ущелья Этолии, населенные

гордым и диловатым племенем разбойников, и жмушиеся друг к другу селения перешейка Истм, жителям которых от века не хватало плодородных земель, и — за извиливой синевои залива — просторы полуострова Пелопоннес, и, наконец, простор Эгейды с рассыпанными по нему островами.

Иными словами, Греция как бы делилась на множество «экологических ниш». Такой нишей мог быть и участок морского побережья между двумя скалистыми хребтами, и островок, и какое-нибудь «горное гнездо». И каждую из этих ниш облюбовала себе для поселения какая-нибудь часть древнегреческого народа.

Греки, или эллины, — не исконные жители той страны, которая получила от них свое имя. Они переселились в Грецию с севера, скорее всего, из бассейна Дуная. Переселение было длительным и постепенным, оно продолжалось около тысячи лет — с конца III до конца II тысячелетия до н. э. За этот длительный период на юг Балканского полуострова несколькими волнами вторгались различные греческие племенные группы. Вначале долгое время самой сильной и многочисленной из них была племенная группа **ахейцев**. Именно она дала принятое в современной науке название первой греческой цивилизации: эту цивилизацию называют ахейской. Одновременно с ахейцами или, может быть, даже чуть раньше пришли в Элладу **ионийцы**; примерно тогда же в северо-восточных районах страны расселились **эолийцы**.

Наконец, около XII в. до н. э. начался последний этап переселения греков в Грецию. На этот раз с севера двигались воинственные **дорийцы**. Их грозное нашествие во многом изменило облик Эллады. По сообщениям античных авторов, дорийские захватчики сокрушили ахейские государства, а их жителей частью истребили, частью изгнали, а частью поработили. Правда, ученые нашего времени считают, что разрушительная роль дорийцев в греческой истории сильно преувеличена. Подчеркивается, что ахейская цивилизация пала прежде всего из-за своей внутренней непрочности.

И тем не менее именно после дорийского завоевания судьбы греческого мира стали складываться совершенно иначе, чем раньше. Государства, созданные эллинами во II тысячелетии до н. э., — их называют «дворцовыми царствами» — были централизованными монархиями. Экономической жизнью в них руководило многочисленное чиновничество. Рядовое население — крестьяне и ремесленники — находилось в зависимом положении. Важную роль в структуре общества играло сословие жрецов. Государств такого типа в то время было немало на Древнем Востоке — от Египта до Китая.

Ничего уникального в них не было. И, конечно же на основе таких царств не могли бы пробиться даже слабые ростки демократии.

Вторжение дорийцев и гибель ахейской цивилизации отодвинули Грецию далеко назад. На смену стабильности «дворцовых царств» пришла обстановка хаоса и смятения. Монархии рухнули, как карточные домики, ничего не осталось от армии чиновников; была забыта даже письменность — редчайший случай в мировой истории!² Крестьяне, освобожденные от необходимости подчиняться царской власти, стали жить свободными и независимыми общинами. В результате, когда из хаоса вновь начал рождаться порядок, когда после нескольких веков упадка и мрака проступили — пока смутно — черты новой цивилизации, растущей на греческой земле, эта цивилизация с первых же своих шагов была совершенно непохожа на дворцовую цивилизацию ахейцев. Главными фигурами ее были не могущественный монарх, не чиновник, не жрец, а свободный крестьянин-общинник и военный вождь-аристократ.

Дорийское завоевание важно еще и тем, что после него приобрела свой окончательный вид этническая карта Древней Греции. Греки на протяжении всего I тысячелетия до н. э. продолжали делиться на те же, что и раньше, племенные группы. Вот только соотношение сил изменилось. От когда-то сильных и славных ахейцев остались лишь незначительные группы их потомков, жившие в Аркадии — центральной, самой гористой и суровой области Пелопоннеса, — да еще на отдаленном острове Кипр у восточного побережья Средиземного моря. Большая часть Пелопоннеса и Средней Греции была теперь заселена дорийцами и родственными им племенами. Они же освоили и ряд островов в южной части Эгейды, прежде всего Крит и Родос.

Севернее дорийцев размещались ионийцы. Районами их обитания были область Аттика на востоке Средней Греции (об этой области мы скоро будем говорить особенно подробно), большинство эгейских островов — Эвбея, Наксос, Самос и многие другие, — а также узкая полоска земли за морем, на западном побережье Малой Азии. Эта самая восточная греческая область даже стала называться Ионией. Наконец, эолийцы жили еще севернее ионийцев — и на материке,

² Греки-ахейцы II тысячелетия до н. э. пользовались так называемой слоговой письменностью, знаки которой соответствовали отдельным слогам речи. Эта письменность, трудная в изучении, была доступна лишь чиновникам и писцам — именно поэтому она так быстро и забылась. Позже, в IX–VIII вв. до н. э. у греков вновь появилась письменность, но на этот раз алфавитная. Греческий алфавит лежит в основе всех современных европейских алфавитов, в том числе и русского.

и на островах. Карта размещения греческих племен в классическую эпоху удивительным образом напоминает слоеный пирог: три основные племенные группы как бы нависают друг над другом.

Дорийцы, ионийцы, эолийцы говорили на разных диалектах единого древнегреческого языка. Диалекты эти отличались друг от друга, но незначительно. Различия обнаруживаются в основном в произношении одних и тех же слов. Например, имя одной и той же богини звучало в Афинах как «Атена», в дорийской Спарте — как «Атана», а, скажем, в ионийском Милете — как «Атене». А мы произносим имя этой богини как «Афина».

В целом расхождения между диалектами совершенно не препятствовали грекам понимать друг друга. Представители различных племен прекрасно сознавали, что они принадлежат к одному народу. Впрочем, осознавались также и племенные особенности, отличительные черты. Так, по традиции считалось, что дорийцы мужественны и воинственны, но при этом простоваты и чужды любви к изящному. Ионийцев, напротив, порицали за склонность к изнеженности и роскоши, но при этом признавали, что они обладают тонким эстетическим чутьем.

Вот в таком-то пестром, неоднородном и в то же время внутренне едином мире и предстояло произойти событиям колоссального значения, среди которых — рождение демократии.

Аттика и ее обитатели

Продолжим рассматривать карту Греции в древности. Но теперь несколько увеличим масштаб. Обратим внимание на крайнюю восточную оконечность страны, на полуостров, напоминающий по форме рог и глубоко вдающийся в Эгейское море. Это — Аттика, область, которая теперь будет главным предметом нашего интереса. Дело в том, что на протяжении практически всей античной истории Аттика почти без перерывов представляла собой в политическом отношении единое государство, называвшееся по имени своей столицы — Афины. Таким образом, афинское государство было одним из самых крупных в Греции по территории и численности населения.

С юго-запада Аттика омывается водами Саронического залива. В этих местах находится ряд удобных бухт, которые уже в древности использовались для стоянок судов. Особенно изобилует бухтами район местечка Пирей. Не случайно в классическую эпоху Пирей

стал «морскими воротами» Афин, главным портом, как военным, так и торговым. В Сароническом заливе лежит ряд островов: совсем поблизости от аттического побережья — Саламин, а чуть поодаль — Эгина.

На северо-востоке узкий пролив Еврип отделял Аттику от острова Эвбеи — одного из крупнейших в Эгейском море. Не столь протяженны были сухопутные границы Аттики. На севере соседней областью была плодородная Беотия с главным городом Фивы. А на западе Аттика примыкала к перешейку Истм, соединявшему Пелопоннес с остальной Грецией. На этом направлении ближайшим соседом Афин был город Мегары, а за ним лежал богатый Коринф.

Мы не случайно перечислили все соседние государства, окружавшие афинское. В античном греческом мире с его политической раздробленностью межгосударственные отношения играли важнейшую роль, оказывая очень большое влияние на внутреннюю политику. А отношения эти чаще всего бывали напряженными. И самыми непримиримыми врагами, как правило, становились именно соседи. Это вполне понятно: соседям всегда было что делить. Ведь войны вызывались по большей части вполне прагматичными причинами, такими как пограничные конфликты, борьба за спорные земли, стремление отнять у соседа часть территории, торговая конкуренция. Поэтому чаще, чем с кем-либо в своей истории, афиняне воевали с мегарянами, эгинетами, беотийцами.

По своим природным условиям Аттику можно назвать Элладой в миниатюре. Греческая природа в целом была скудной: для нее характерны каменистые горные почвы, дефицит пресной воды, жаркий, засушливый климат и, как следствие всего этого, малое плодородие. Как раз в Аттике все эти черты проявились в полной мере и в сочетании друг с другом.

По ее территории в разных направлениях проходят не слишком высокие горные хребты: Гиметт, Парнет, Пентеликон. Между этими хребтами лежат каменистые равнины, крупнейшие из которых — Элевсинская (на западе области), Кекропова, или Педиея (в центре, в окрестностях Афин), Месогейя (на востоке). Пресной водой Аттика очень небогата. Ее крупнейшая река — Кефис, притоками которого являются Илисс, Эридан и др. При этом сразу же необходимо заметить, что все эти реки и реками-то трудно назвать: речки, ручьи, ручейки... Разве что весной, во время таяния снегов в горах, они набухают, становятся полноводными и даже бурными. А приходит лето — и аттические реки начинают бежать тонкими струйками воды в растрескавшихся от жары берегах. Порой они и просто пересыхают.

Климат в Аттике жаркий и сухой, субтропический так называемого средиземноморского типа. Осадки редки, выпадают они почти исключительно в зимнее время, причем в виде дождя: снега практически не бывает, во всяком случае, на равнинах, где если редко-редко и случится снегопад, то снежинки прямо на лету превращаются в дождевые капли. Греческая зима похожа скорее на нашу осень: холодные ливни, слякоть, пронизывающий ветер... Вот как описывает это время года поэт Алкей (фр. 338 Lobel-Page):

Дождит отец Зевс с неба ненастного,
И ветер дует стужей севера;
И стынут струйки дождевые,
И замерзают ручьи под выюгой.

Летом же воцаряется зной. С синего, почти всегда безоблачного неба сияет солнце. Малая атмосферная влажность делает воздух чистым и очень прозрачным. Классическая ясность афинского воздуха, в которой столь четко обрисовывались очертания величавых архитектурных памятников, вошла в античности в поговорку. Конечно, в наши дни, в связи с общим ухудшением экологической обстановки в индустриальных странах, все это ушло в прошлое. Нынешние Афины так же страдают от загрязнения воздуха предприятиями и автомобилями, как и любая другая европейская столица.

Известковые аттические почвы были плохо пригодны для выращивания зерновых культур. Сеять хлеб, конечно, все равно приходилось. Но урожаи были скудными, и поэтому часто ощущался недостаток в зерне. В классическую эпоху Афинское государство было вынуждено регулярно прибегать к крупномасштабным закупкам хлеба из других стран, из-за пределов Греции. Лучшей зерновой культурой, изделия из которой получались самыми вкусными и питательными, считалась пшеница. Но пшеница — растение довольно капризное, чуткое к неблагоприятным климатическим условиям. Более неприхотлив был ячмень, потому его и сажали в большем количестве.

С другой стороны, в Аттике существовали очень благоприятные условия для культивирования оливковых деревьев. Оливковое дерево, или маслина, как раз любит сухую солнечную погоду и каменистые горные склоны, в которых оно пускает глубокие корни. Оливы были одним из главных богатств Афин, их подлинной гордостью. Из их плодов готовили лучшее во всей Греции оливковое масло. Не случайно маслина почиталась афинянами как священный символ

покровительницы их государства — богини Афины. Неплохо росли в Аттике также виноград и инжир. Славился мед диких пчел со склонов Гиметта. Окружавшие область моря изобиловали рыбой.

Полезными ископаемыми Аттика была по греческим меркам довольно богата. На крайней юго-восточной оконечности аттического полуострова, в местности Лаврий, имелись крупные месторождения серебряных руд. Эти рудники, когда они стали в классическую эпоху интенсивно разрабатываться, превратились в один из главных факторов экономического процветания Афин. В Аттике, на горе Пентеликон, добывались также хорошие сорта мрамора, из которого создавались прославленные храмы и статуи. Очень высокое качество имела аттическая глина, использовавшаяся прежде всего в производстве керамической посуды. Не случайно афинские расписные глиняные вазы были одним из престижнейших товаров, находили себе спрос повсеместно — не только в греческом мире, но и далеко за его пределами, среди самых разных народов Европы, Азии и Африки.

На территории Аттики кроме ее естественного политического центра — очень крупного города Афин — находилось еще несколько небольших городков (Элевсин, Марафон, Браврон и др.), а также большое количество сельских поселений разного размера, которые назывались **демами**.

Столица государства — Афины — располагалась в центральной части Аттики, в нескольких километрах от побережья Саронического залива, в долине речки Кефис, на нескольких холмах и в окружавших их низинах. Главный афинский холм носил название **Акрополь** («верхний город»). Подобно огромному кораблю, возвышался он над окрестностями. Это был священный центр города и его цитадель. На нем размещались важнейшие храмы, дома правителей, а также оборонительные укрепления. Акрополи имелись практически во всех городах Эллады; эти крепости можно с полным основанием сравнить с древнерусскими кремлями.

С афинским Акрополем соседствовали другие холмы — Ареопаг, Пникс, Нимфей, Мусей. На некоторых из них тоже существовали общественные постройки и святилища. Неподалеку от подножия Акрополя лежала **Агора** — центральная городская площадь, место торговли и также одно из средоточий политической жизни.

Жители Аттики называли себя **автохтонами** («рожденными самой землей»). Считалось, что в отличие от всех прочих греков — пришельцев из других мест — они являются исконными, изначальными обитателями своей области. Их легендарный предок и первый царь —

Кекроп — изображался в виде получеловека, полужмея. А ведь змеи всегда считались особенно тесно связанными с землей. Даже в русском языке слова «земля» и «змея» имеют общее происхождение.

На самом деле «автохтонность» — это, конечно, не более чем миф. Мы уже видели, что все без исключения эллины — не исконные обитатели Греции. Афиняне говорили на ионийском диалекте древнегреческого языка (правда, на его особом варианте, немного отличавшемся от того, на котором говорили на островах Эгеиды и в заморской Ионии). А это дает ученым основание причислять жителей Аттики к ионийской племенной группе греческого народа.

О том же говорит и еще один нюанс. Все граждане Афинского государства с древнейших времен делились на четыре крупных подразделения, которые назывались **филами**. Фил было четыре, каждая имела свое название: Гелеонты, Гоплеты, Эгикореи и Аргады. Названия эти уходили в столь глубокую старину, что никто даже не мог объяснить, что они означают. Те же самые филы встречались и во всех остальных городах и областях, населенных ионийцами. Перед нами — явственный знак общего происхождения. В дорийских областях тоже существовали филы, но там их было только три, и назывались они совсем по-другому: Гиллы, Диманы и Памфилы.

Все греки, где бы они ни жили, делились на филы. Сущность и изначальные функции этих больших коллективов людей не вполне ясны даже специалистам. Обычно слово «фила» переводят как «племя». Иными словами, полагают, что филы были пережитком первобытного, племенного строения общества. Но сразу же возникают недоумения. В древнегреческом языке есть другое слово для обозначения племени — «этнос» (отсюда, кстати, наши современные слова «этнография», «этнология», «этнический» и др.). Так греки называли, скажем, этолийцев или фессалийцев, фокидян или локров, то есть отдельные ветви своего народа, расселившиеся в разных областях. Получается, Гелеонты, Гоплеты, Аргады — это что-то иное. Но что?

Есть и другая точка зрения на филы. Древние греки были индоевропейцами³, а у многих индоевропейских народов, как обнаружили ученые, все общество делилось на три или четыре крупные словесные группы. Принадлежность человека к одной из этих групп

³ **Индоевропейцы** — крупнейшая в мире семья языков и народов. К ней относятся, в числе прочих, славянские народы (русские, украинцы, поляки, сербы и др.), германские народы (немцы, англичане, голландцы, шведы и др.), романские народы (итальянцы, французы, испанцы и др.), большинство народов Индии и Ирана.

определяла его место среди других людей, его социальный статус и престиж, иногда даже род его занятий. Лучше всего такое деление на группы известно в Древней Индии; там эти группы назывались варнами. К высшей варне брахманов принадлежали жрецы, к варне кшатриев — воины (включая полководцев и царей), к варне вайшьев — крестьяне и ремесленники, то есть масса простого народа, к варне шудр — слуги, рабы.

Не могло ли быть так, что и древнегреческое общество на заре своей истории делилось на такие же сословия, и они-то как раз и назывались филими? Со временем их изначальные функции отмерли, их истинное происхождение стерлось в памяти греков, но сами филы остались.

Филы, в свою очередь, делились на **фратрии** — единицы более мелкого размера, имевшие в основном религиозный характер. Афиняне вспоминали о своей принадлежности к той или иной фратрии прежде всего тогда, когда нужно было совершать какие-нибудь ритуалы. Происхождение и сущность фратрий — вопрос не менее сложный, чем происхождение и сущность фил. Известно только одно: в каждую фратрию входили как люди знатные, богатые, так и представители рядового населения. Некоторые ученые считают, что греческие фратрии появились следующим путем. Вокруг могущественного аристократического рода спланивались простые крестьяне. Они искали у него защиты, покровительства в трудную минуту жизни и, соответственно, попадали в зависимость к нему. Но эта зависимость простонародья от знати изначальна была добровольной. Так и зародились фратрии: каждая из них включала в себя знатный род (один или несколько), стоявший на ее «верхушке», и незнатное окружение этого рода, его, так сказать, «группу поддержки».

Итак, в состав фратрий входили роды. Нужно специально подчеркнуть, что членами родов являлись не все жители Аттики, а только аристократы. Принадлежность к какому-нибудь роду являлась признаком знатного происхождения человека. Этим Афины отличались от Древнего Рима, в котором каждый гражданин входил в один из родов.

Афинский аристократический род представлял собой семью или, чаще, систему семей, возводивших свое происхождение к одному общему предку. Иногда этот предок был фигурой легендарной, мифической, а иногда — вполне реальной. Членами каждого рода были несколько десятков взрослых мужчин, не считая женщин и детей. Некоторые знатные роды сыграли очень большую роль в истории

Афин, в формировании и развитии демократии. Таковы роды Алкмеонидов, Филаидов, Писистратидов. О них неоднократно будет упоминаться на страницах этой книги.

От «дворцового царства» к полису

Афины — древний город. Они существовали уже во II тысячелетии до н. э., в эпоху ахейской цивилизации, и даже в это далекое время были столицей государства — «дворцового царства», охватывавшего собой Аттику. На вершине Акрополя стоял царский дворец, куда стягивались все нити управления областью, откуда бюрократия бдительно контролировала жизнь и деятельность крестьян, обитавших в деревнях. Остатки этого дворца обнаружены археологами.

В конце II тысячелетия до н. э., в тяжелую годину дорийского нашествия, судьба Афин сложилась иначе, чем судьба остальных городов Греции. Дорийцев, двигавшихся с севера, влек к себе в первую очередь Пелопоннес, а Аттика лежала несколько «на отшибе» от основного пути их движения, и завоеватели обошли эту область стороной. Может быть, лишь небольшие дорийские отряды пытались вторгнуться в афинские владения, но их удалось отбить.

В результате тогда, когда основные центры ахейской цивилизации лежали в руинах и весь уклад жизни стремительно менялся, в Афинах удалось сохранить определенную преемственность с предыдущей эпохой. Они оставались неким «островком стабильности» в мире разливавшегося хаоса. Не произошло резких перемен в составе населения Аттики, не появилось господствующей прослойки пришлых завоевателей, как в большинстве областей Южной Греции.

Из Пелопоннеса, ставшего жертвой захватчиков, в Афины хлынул поток беженцев — ахейцев и ионийцев. В основном это были аристократы, спасавшиеся от дорийцев. Одни из них, используя Афины в качестве промежуточного пункта, продолжали свое бегство дальше, на острова Эгейского моря и западное побережье Малой Азии. Другие оседали в Аттике. Афиняне радушно принимали этих иммигрантов и подчас предоставляли им высокое положение, соответствующее их статусу. Особенно удачно сложилась судьба знатного рода Нелеидов, который прибыл в Афины из города Пилос, находившегося в области Мессения, на юго-западе Пелопоннеса. Нелеиды не просто прижились на своей новой родине; одна из семей, входивших в этот род, стала даже последней афинской

царской династией. Династию эту как в античных источниках, так и в современной научной литературе называют Кодридами или Медонтидами (по имени ее крупнейших представителей — царей Кодра и Медонта)⁴.

Итак, на рубеже II–I тысячелетий до н. э. в Афинах, повторим, сохранялась относительная преемственность и стабильность на фоне всеобщего регресса и распада политических, социальных, хозяйственных структур. Это сыграло свою роль в дальнейшем. Для Эллады в целом XI–IX вв. до н. э. — время тяжелого упадка. Были утрачены многие производственные навыки и технические приспособления: греки забыли ранее прекрасно знакомые им секреты каменного строительства, фресковой живописи, перестали пользоваться письменностью. Пустовали торговые пути, как водные, так и сухопутные; дороги кишели разбойниками, а моря — пиратами. Прервались экономические и культурные связи с развитыми государствами Ближнего Востока. Не случайно этот период древнегреческой истории часто называют «Темными веками».

В Аттике же упадок проявился в гораздо меньшей степени. «Темные века», пожалуй, были для Афин даже временем относительного процветания, хотя, разумеется, их положение может быть названо процветающим только на общем, крайне незавидном фоне тогдашнего греческого мира. Афины, которые раньше были лишь одним из второстепенных центров ахейской цивилизации, в начале I тысячелетия до н. э. стали едва ли не самым значительным в Греции городом, особенно в экономическом отношении.

Бесспорно, лучшими по качеству на Балканах и в бассейне Эгейского моря были в это время производимые в Аттике расписные глиняные сосуды. Их роспись делалась в так называемом геометрическом стиле: поверхность сосуда делилась на декоративные пояса, заполненные орнаментами из различных геометрических фигур — треугольников, ромбов, квадратов, зигзагов, звезд. Люди и животные редко появляются среди этих изображений, а если и появляются, то весь их облик тоже «геометризован»: человеческое тело как бы складывается из треугольников, квадратиков, кружков... Несмотря на это, лучшие произведения геометрического стиля, несомненно, следует назвать подлинными шедеврами искусства. Их отличают строгость, цельность, органичное выражение единой художественной картины мира. Именно это можно сказать об огромных — высотой

⁴ До Медонтидов в Афинах правила династия Эрехтеидов. Сведения об этой династии имеют в основном легендарный характер.

полтора метра и больше — амфорах⁵, которые ставились на кладбищах и выполняли роль надгробных памятников. Самое большое и престижное из афинских кладбищ находилось к северо-западу от Акрополя, на том месте, где позже возник квартал гончаров — Керамик. Раскопки этого некрополя показали: содержимое некоторых могил начала I тысячелетия до н. э. богаче, чем почти в любом другом месте Греции этого времени. А значит — и благосостояние живых было довольно высоким.

И все же общий упадок не мог не наложить свой отпечаток и на Афины. Пусть они пострадали от катастрофических событий на рубеже двух эпох не в такой степени, как многие другие города. Но сказать, что все в них оставалось по-прежнему, никак нельзя. Ослабела царская власть. Более того, значительно сократилась подвластная афинянам территория. В начале «Темных веков» афинские цари держали под своим контролем только сам город и его ближайшие окрестности. А в различных местечках Аттики возникли свои собственные мелкие царьки, правление которых было практически независимым.

Но постепенно начинается восстановление Афинского государства, новое объединение всей Аттики под централизованной властью. Этот процесс получил название «синойкизм». Впоследствии афинские историки приписывали синойкизм легендарному царю и герою Тесею, жившему, согласно мифам, еще во II тысячелетии до н. э. Тесей, как пишет Плутарх⁶, *«собрал всех жителей Аттики, сделав их единым народом, гражданами одного города, тогда как прежде они были рассеяны»* (Плутарх, Тесей, 24).

Однако в действительности афинский синойкизм не имел с Тесеем ничего общего и, кроме того, произошел не в один момент, а растянулся на несколько веков. Началось объединение Аттики, судя по всему, в самом начале I тысячелетия до н. э., а завершилось уже в начале VII в. до н. э. Последним в состав государства вошел находившийся на западе области, на границе с Мегарами городок Элевсин, важный религиозный центр с прославленным по всей Греции святилищем богини Деметры. Присоединение Элевсина знаменовало воссоздание Афинского государства в полном объеме.

⁵ **Амфора** — самый распространенный тип древнегреческого сосуда. Амфоры, предназначенные для транспортировки и хранения вина или оливкового масла, имели узкое горло, расширяющееся тулово с двумя ручками и заостренное дно.

⁶ Плутарх (I–II вв. н. э.) — древнегреческий писатель, философ и историк, создавший цикл биографий знаменитых греков и римлян. В числе этих биографий — жизнеописание Тесея, при составлении которого Плутарх опирался на афинскую историческую традицию.

«Синойкизм» в переводе с древнегреческого означает «сселение в одно место». Иными словами, в принципе население всей Аттики должно было бы перебраться в Афины. Однако в действительности этого не произошло. Правда, органы власти, управлявшие всей областью, и на самом деле находились теперь только в Афинах. Но это не сопровождалось реальным переселением жителей государства в главный город. Аттические крестьяне продолжали жить там же, где и раньше, — в Торики или Рамнунте, Марафоне или Элевсине и во многих других больших и малых селениях.

Синойкизм — не чисто афинское явление. В конце эпохи «Темных веков» и в начале следующей, так называемой **архаической эпохи**⁷ такие процессы стали повсеместными в Греции. В различных ее областях жители соседних деревень объединялись, создавая города. Этот рост урбанизации был важнейшим признаком того, что период упадка закончился, что в эллинском мире начинается возрождение, вновь возникает цивилизация.

Эта новая греческая цивилизация во многих отношениях отличалась от ахейской цивилизации II тысячелетия до н. э. И самое главное в том, что ее основой стали не «дворцовые царства», как раньше, а совершенно иной тип организации общества и государства — **полис**. Феномен полиса отныне становится чрезвычайно важным для понимания всей античной истории. В частности, любой рассказ об афинской демократии возможен только в рамках полиса — поскольку сама она могла появиться и развиваться только в этих рамках. Поэтому здесь необходимо сказать несколько слов о том, что такое полис и каковы его основные черты.

Сразу подчеркнем, что полис — явление очень сложное. О нем можно было бы написать целый толстый том — и все равно не сказать всего, чего он заслуживает. В этой книге будут очень кратко затронуты только самые важные вопросы, связанные с полисом. И наверное, сразу же нужно предупредить, что следующие несколько страниц будут непростыми для чтения. Однако советуем их все же преодолеть, иначе практически невозможно будет разобраться с тем, как на земле Эллады возникла демократия и почему она была столь своеобразной и непохожей на те демократии, которые знакомы нам.

Нередко в научных работах полис определяют как город-государство (или государство-город). Иными словами, это — государство,

⁷ Архаическая эпоха древнегреческой истории охватывает VIII–VI вв. до н. э. Она стала для Эллады временем бурного развития и радикальных перемен, временем, когда закладывались все основные особенности античного типа цивилизации.

которое включает в себя город и примыкающую к нему сельскую местность (**хору**). Такое определение, несомненно, несет в себе зерно истины. Однако необходимо помнить о том, что в античности и понятие «город», и понятие «государство» имели во многом другой смысл, чем тот, который мы ныне вкладываем в эти слова.

Слово «полис» по-древнегречески действительно означает «город». Но как это понимать? Когда в наши дни говорят «город», имеют в виду прежде всего некую территорию и находящиеся на ней постройки. Город — это улицы и площади, жилые дома и общественные здания... Когда же древний грек говорил «полис», он имел в виду город не в смысле зданий, улиц, оборонительных сооружений и т. п., а в смысле совокупности **граждан** — свободных и полноправных жителей этого города. Полис для эллина — *«это люди, а не стены»*, как писал афинский историк Фукидид (VII. 77. 7). Выражаясь несколько иначе, полис — это **городская гражданская община**, община граждан города.

С другой стороны, слово «полис» означает также и государство, но опять же не вполне в привычном для нас смысле. Мы понимаем под государством некую единую территорию, которая находится под управлением определенной верховной и независимой власти. Именно таковы современные государства, будь то Франция, Китай или Россия. Для грека же при определении государства территория — отнюдь не самое главное. Главное в государстве — та же гражданская община, гражданский коллектив, который осуществляет своими силами власть над принадлежащей ему территорией.

Полис, покинутый своими гражданами, в древнегреческом восприятии никак уже не мог считаться полисом: он не был больше ни городом, ни государством. А в то же время, скажем, войско на походе могло в некоторых ситуациях выступать в качестве полиса — постольку, поскольку оно являлось коллективом граждан. И это несмотря на то, что войско, естественно, не обладало ни городскими постройками, ни сельской территорией.

Правда, справедливо и то, что полис нельзя безоговорочно приравнивать ни к понятию города, ни к понятию государства. Так, существовали полисы, в которых имелись не один, а два или более городских центра. Правда, один из этих городов обязательно выделялся из числа других, играя роль столицы. Можно обнаружить, хотя значительно реже, и полисы, вообще не имевшие выраженного городского центра. Именно таким полисом была Спарта, в которой не произошел синойкизм: в результате она представляла собой не город, а несколько поселков, разбросанных по берегу реки Еврот.

Одним словом, полис был не только городом и не только государством.

Таким образом, определение полиса как города-государства следует уточнить: полис — это городская гражданская община, конституирующая себя в качестве государства. В этом последнем определении делается необходимый акцент на роли коллектива граждан — а роль эта действительно была основополагающей для полисного типа государственности.

Безусловно, граждане были не единственными людьми, населявшими полис. На его территории жили и люди, не пользовавшиеся гражданскими правами. Среди них — рабы, переселившиеся в полис чужеземцы, женщины. Все эти люди не могли не быть частью общества. Но вот в состав гражданской общины, в состав полиса как такового они парадоксальным образом не входили.

Итак, с феноменом полиса оказывается тесно связан феномен гражданина; один без другого просто немыслим. Что же такое гражданин в понимании древних греков? Это тем более необходимо понять, что статус гражданина, возникший в античной Элладе, был чем-то новым, раньше неизвестным. До того, в государствах Древнего Востока, люди были **подданными** своего царя.

Для того, чтобы являться гражданином, человек должен был удовлетворять целому ряду требований. Прежде всего он должен был быть лично свободным: «гражданин» и «раб» считались вещами, несовместимыми друг с другом. Далее, чтобы стать гражданином, необходимо было быть мужчиной. Нужно специально подчеркнуть, что полисная цивилизация была всецело построена на решительном преобладании мужской части населения. Женщины не имели не только политических, но и остальных гражданских прав. Они не могли даже владеть имуществом.

Кроме того, гражданином мог быть только человек, происходящий от родителей-граждан или, по крайней мере, от отца-гражданина. И, наконец, необходимым было владение земельным наделом. Человек был гражданином постольку, поскольку он был земельным собственником, и наоборот.

Гражданин греческого полиса был наделен совокупностью неотъемлемых прав и обязанностей, тесно связанных друг с другом. Можно даже сказать, что каждое из прав гражданина было, если посмотреть на него под другим углом, одновременно и обязанностью.

Так, гражданин был обязан участвовать в войнах, которые вел полис, служить в полисном войске. Армии полисов представляли

собой именно ополчения граждан. При этом воинская повинность одновременно являлась не только обязанностью, но и правом. Лица, не входившие в гражданский коллектив, привлекались в войско лишь в редких случаях самой крайней необходимости.

Граждане имели право принимать участие в управлении государством. Для этого они собирались на **народные собрания**. Именно коллектив граждан в форме народного собрания осуществлял высшую власть в полисе. Во всяком случае, так было в идеале. В реальной жизни могло, конечно, случаться и так, что власть в полисе концентрировалась в руках более или менее узкой группы лиц, обычно аристократов и богачей; такой тип политического устройства назывался **олигархией** (по-гречески — «власть немногих»).

Но в целом полисная государственность не предусматривала особых органов власти, оторванных от народа. Античные полисы были — редчайший случай в мировой истории! — государствами без бюрократии. Должностные лица выбирались коллективом граждан. Такие должностные лица, не назначенные вышестоящим руководителем, а избранные, а, значит, и подотчетные не своему начальству, а своим избирателям, были не чиновниками, не бюрократами, а **магистратами**, как их называют в науке.

Гражданин полиса мог с полным основанием сказать о себе то, что в XVIII веке заявил абсолютный монарх Людовик XIV: «Государство — это я». Но при этом гражданин полиса являлся представителем и воплощением государства не в одиночку, а лишь в совокупности с другими такими же, как он, гражданами. Таким образом, в полисах Эллады, пожалуй, впервые в истории человечества сформировалось стабильное республиканское устройство.

Два открытия колоссального значения связаны с античным греческим полисом. Это — идея **свободы** и идея **равенства**. В древневосточных царствах не существовало даже понятия свободы; там люди вряд ли когда-либо об этом задумывались. Каждый кому-то подчинялся: могущественный вельможа точно так же был рабом царя, как и последний крестьянин. Да и царь не был свободен: ведь над ним стояли боги.

В Греции же идея свободы гражданина приобрела весьма развитые формы. Эллин никогда не путал свободу со вседозволенностью, анархией. Свобода — это не возможность делать все, что душе угодно: ведь такая «свобода» нарушает свободу окружающих людей. Свобода в античном понимании — это независимость от произвола любого другого лица, подвластность только закону. Гражданин обладает четко очерченными правами, и права эти неотъемлемы, ли-

шиться их можно опять же только по предписанию закона (например, в качестве наказания за какое-нибудь преступление). Таким образом, свобода и закон неотделимы друг от друга; свобода возможна только в рамках закона. Соответственно, свобода человека предполагает и его ответственность за свои действия.

И равенство в греческом мире понималось прежде всего как равенство граждан перед законом, как равноправие. Эллы прекрасно понимали, что полного равенства, равенства во всем быть не может: всегда останутся люди сильные и слабые, талантливые и бездарные, богатые и бедные. Уравнивать всех по одному шаблону бесполезно и бессмысленно. Напротив, в Греции умели ценить яркую личность. Мир полисов отнюдь не был миром серой, безликой массы, где все похоже друг на друга. Совсем наоборот: не случайно древнегреческая цивилизация произвела на свет огромную плеяду выдающихся деятелей культуры и политики. Среди греков был чрезвычайно силен дух состязательности, **«агональный дух»**, как его часто называют (от греческого слова «агон» — состязание). Что бы ни делал эллин — занимался спортом или государственной деятельностью, сочинял стихи или расписывал глиняную вазу, — он вступал в соревнование с коллегами по профессии. Прекрасно сказал об этом еще на рубеже VIII–VII вв. до н. э. поэт Гесиод (Труды и дни, 25–26):

Зависть питает гончар к гончару и к плотнику плотник;
Нищему нищий, певцу же певец соревнуют усердно.

Зависть в нашем понимании — чувство не слишком достойное. Но та зависть, о которой пишет Гесиод, была завистью творческой, плодотворной. Она заставляла греческих мастеров делать свое дело как можно лучше, блеснуть качеством — ведь только так можно превзойти остальных.

Итак, все люди разные — с этим в Греции никто не спорил. Однако права у всех граждан должны быть одинаковыми, перед законом они должны быть равны. Обратим внимание, что мы снова сталкиваемся с категорией закона. И впредь нам предстоит много раз о ней упоминать. Ведь в греческих полисах сложился настоящий «культ закона». Закон воистину ставился во главу угла. Как писал философ Гераклит Эфесский (фр. B44 Diels–Kranz), *«за закон народ должен биться, как за городскую стену»*.

Из всего, что было сказано о полисах, читателю, наверное, уже стало ясно: эти государства могли быть лишь очень небольшими по территории и населению. Даже самые крупные из них можно сопо-

ставить разве что с карликовыми государствами современной Европы, типа Лихтенштейна, Монако, в крайнем случае Люксембурга. Так, Спарта — крупнейший полис греческого мира — имела в период своего наибольшего расширения площадь 8400 км² и население 200–300 тысяч человек. На втором месте по территории среди полисов стояли Афины (2500 км²), а население их было даже несколько побольше (250–350 тысяч человек)⁸.

Но даже и такие полисы, как Спарта и Афины, были скорее исключениями, «полисами-гигантами». У большей части «нормальных» полисов территория не превышала 100–200 км², а население — 5–10 тысяч человек. Были и совсем маленькие полисы с территорией 30–40 км², на которой жили несколько сот человек. Иными словами, типичный полис был крошечным государством, состоявшим из города или городка и его сельской округи. Его можно было обойти из конца в конец за несколько часов или же, поднявшись на холм, целиком увидеть свое государство. Большинство жителей полиса знали друг друга в лицо. Это было неизбежно и необходимо: только при таких условиях коллектив граждан мог реально осуществлять власть, собираясь на народные собрания. Понятно, что, скажем, в современных государствах с их большими размерами никакие народные собрания просто не могут иметь места.

Но, каким бы миниатюрным ни был полис, он обязательно имел все атрибуты полностью независимого государства: органы власти, войско, финансы. И за эту свою свободу и независимость полис держался всеми силами, отстаивая ее от любых покушений со стороны соседей.

Конечно, полис со всеми его особенностями, которые мы кратко описали, не мог появиться на свет сразу и в готовом виде, как Афина из головы Зевса. Рождение греческого полиса стало процессом долгим и трудным, растянувшимся на несколько столетий. Этот процесс стал главным историческим содержанием VIII–VI вв. до н. э., то есть архаической эпохи истории Древней Греции. И естественно, развитие различных полисов шло во многом неодинаковыми путями. Где-то полисные принципы получили большее воплощение, где-то — меньшее. А как обстояло дело в Афинах?

⁸ Все данные по населению очень приблизительны. В греческих полисах чрезвычайно редко проводились переписи населения, да и при этих переписях обычно учитывались только граждане; женщины, дети, рабы в круг интересов переписчиков не входили. К тому же до нашего времени не дошли данные почти ни одной переписи населения в Древней Греции.

Нет в многовластии блага?

Полисный тип государственности, как мы видим, уже сам по себе содержал определенное зерно демократии. Статус гражданина, подразумевавший свободу и равенство, народное собрание, осуществлявшее власть в государстве, — все это элементы народовластия. Однако понятия «полис» и «демократия» нельзя еще отождествлять друг с другом. В греческих полисах могли существовать различные типы политической системы. Очень распространенной была, например, олигархия — «власть немногих». В олигархических полисах народное собрание хотя и собиралось, но редко и нерегулярно, а самое главное — оно не играло решающей роли в жизни государства. Все действительно важные решения принимались истинными правителями полиса — богатыми аристократами, в своем узком кругу, так сказать, кулуарно. А рядовые граждане в собрании лишь выслушивали и утверждали решения, принятые знатью. Иными словами, народные собрания были послушным орудием в руках правящей аристократии. Лишь на словах, а не на деле могли они считаться высшими органами власти.

Насколько можно судить, в начале архаической эпохи во всех греческих полисах установились именно олигархические режимы. О полномасштабной демократии речь пока не шла, да и слова такого еще не существовало.

В любом полисе, к какому бы типу он ни принадлежал, имелись три обязательных элемента государственного устройства. Во-первых, народное собрание, воплощавшее собой коллектив граждан, — о нем речь уже шла выше. Во-вторых, Совет — постоянно действующий орган (он был необходим, поскольку народное собрание физически не могло заседать ежедневно и решать все текущие дела). В-третьих, должностные лица, или магистраты.

А вот уже конкретная форма и взаимоотношение этих трех элементов менялись от полиса к полису и от эпохи к эпохе. Где-то преобладание получал Совет, где-то — магистраты, где-то — народное собрание. В одних местах членами Совета и должностными лицами могли избираться все граждане, в других — только знатные и богатые. Все это зависело от того, к чему была ближе политическая система полиса — к олигархии или демократии.

В Афинах уже в начале архаической эпохи мы находим все три перечисленных элемента. Это значит, что перед нами — уже полис, хотя полис пока еще формирующийся. Какие же органы власти управляли афинским полисом в эти ранние времена?

Начнем с должностных лиц. Первоначально главным из них и едва ли не единственным был царь (по-древнегречески **басилей**). Власть его восходила к тому времени, когда Афины были еще «дворцовым царством». Таким образом, исторический путь Афин (и других государств Эллады) к полису начался со стадии монархии. Следы монархической идеологии мы еще встречаем в самых первых памятниках античной литературы — поэмах Гомера. Так, в «Илиаде» (II. 204–206) один из героев восклицает:

Нет в многовластии блага; да будет единый властитель,
Царь нам да будет единый, которому Зевс прозорливый
Скиптр даровал и законы: да царствует он над другими!

Однако во времена Гомера, писавшего в VIII в. до н. э., реальная ситуация была уже во многом иной. Басилеи могли сколько угодно кичиться своим происхождением от древних героев и богов, сколько угодно требовать, чтобы им беспрекословно подчинялись, — но их подданные чем дальше, тем больше превращались в граждан. Власть царей стремительно слабела. На смену ей приходило то самое «многовластие», о котором столь пренебрежительно отзывается Гомер. Но ведь как раз оно-то и было одним из главных признаков полиса с его республиканским устройством.

Афинские цари из династии Медонтидов тоже со временем утрачивали свое полновластие. В какой-то момент (пока нельзя дать точный ответ на вопрос, когда это произошло) они стали называться не басилеями, а **архонтами** (правителями, начальниками). Наверное, на том же этапе власть царя из наследственной превратилась в выборную. Иными словами, архонты отныне были уже не монархами, а должностными лицами полиса. Правда, вначале выбирали этих должностных лиц по традиции только из рода Медонтидов. В конце VIII в. до н. э. это ограничение было снято. Теперь стать архонтом мог любой аристократ (пока еще только аристократ).

Сокращался и срок пребывания архонта у власти. В середине VIII в. до н. э. этот срок был уменьшен с пожизненного до десятилетнего. А через несколько десятилетий, в 683 г. до н. э., была проведена новая реформа. Архонты стали занимать свой пост только в течение одного года. Такого архонта уже никто не смог бы назвать полномочным властителем. За год он не смог бы, даже если бы захотел, упрочить свое положение настолько, чтобы стать настоящим монархом. А после этого приходилось волей-неволей уступать место своему преемнику.

Сокращался не только срок, но и объем власти архонта. Одно из главных требований полисной государственности заключалось в том, чтобы ни один гражданин не мог, пусть даже на короткий срок, сконцентрировать в своих руках слишком обширные полномочия. Власть должна быть как можно больше раздробленной, чтобы никто не выделялся из числа других, чтобы соблюдался принцип равенства. Для ограничения притязаний царей были введены другие должности наряду с царской.

В результате всех этих перемен к середине VII в. до н. э. сформировалась политическая система архаического афинского полиса. Это была типичная аристократическая республика. Во главе государства стоял теперь не один царь или архонт, а коллегия из девяти высших магистратов, занимавших свой пост в течение года. Все эти магистраты назывались архонтами, и между ними существовало определенное разграничение функций.

Первый архонт (**архонт-эпоним**) считался высшим гражданским должностным лицом полиса. Его в какой-то степени можно сравнить с президентом в современных государствах. Архонт-эпоним давал свое имя году, на который приходилось его правление⁹.

Второй архонт (**архонт-басилей**) был из всех архонтов в наибольшей мере прямым наследником древней царской власти, что видно уже из названия должности («басилей», как мы знаем, означает «царь»). Но в VII в. до н. э. этот магистрат сохранял уже только религиозные полномочия: он был верховным жрецом полиса, руководил той сферой жизни общины, которая была связана с богами и священнодействиями.

Третий архонт (**архонт-полемарх**) командовал вооруженными силами полиса. Само слово «полемарх» переводится как «военачальник». Остальные шесть архонтов назывались **архонтами-фесмофетами**, то есть дословно «законодателями». Уже из названия видно, что эти магистраты имели отношение к праву и законам. Впрочем, строго говоря, вплоть до конца VII в. до н. э. в Афинах не было никаких письменных законов. Правовые нормы существовали только в устной, неписаной форме, были еще не законами, а устоявшимися обычаями, уходящими в глубокую старину. Эти-то обычаи и хранили в памяти фесмофеты.

⁹ В древнегреческих полисах счет лет велся не с помощью цифр, как принято у нас, а по именам высших должностных лиц. Если мы, к примеру, говорим: «Такое-то событие произошло в 2004 году», то афинянин говорил иначе: «Такое-то событие произошло в архонство Солона». Поэтому имена первых архонтов различных лет приходилось хранить в памяти.

Имелся в архаических Афинах и Совет. Его официальным названием было «Совет Ареопага» или просто **Ареопаг**. Дело в том, что заседал этот Совет обычно на том афинском холме, который именовался Ареопагом — холмом Ареса, бога войны. Ареопаг — очень древний орган государственной власти. В те далекие времена, когда повсеместно в Греции не была еще поколеблена царская власть, при каждом царе существовал совет старейшин. В его состав входили самые уважаемые и авторитетные, обычно немолодые люди (и, конечно, все как один знатные аристократы). Царь советовался с ними по любому важному делу и, хотя решение в конечном счете принимал сам, все-таки совсем не считался с мнением старейшин не мог. Из такого-то совета старейшин и вырос афинский Ареопаг.

А теперь, когда царей в Афинах больше не было, этот древний орган приобрел просто-таки огромную роль в управлении государством. Можно даже сказать, что именно в руках его членов — ареопагитов — находилась наибольшая полнота власти. Ареопаг осуществлял высший контроль над всей жизнью полиса. Являлся он и верховным судом: на своих заседаниях, происходивших обычно по ночам, ареопагиты разбирали самые важные судебные дела.

Совет Ареопага выбирал и архонтов. Как пишет Аристотель в трактате «Афинская полития»¹⁰, *«Совет Ареопага приглашал к себе кандидата и, обсудив в своей среде его кандидатуру, назначал на каждую из должностей подходящего человека на год, после чего отпускал его»* (Аристотель, Афинская полития, 8. 2).

Сам же Ареопаг не был выборным органом, а комплектовался из бывших архонтов. Каждый архонт после того, как истекл годичный срок его пребывания в должности, становился ареопагитом и оставался им пожизненно. Таким образом, назначая архонтов, Ареопаг фактически назначал своих будущих членов, постоянно воспроизводя свой состав. В общей сложности этот Совет включал в себя несколько сот человек.

Конечно, существовало в ранних Афинах и народное собрание. Но вплоть до VI в. до н. э. мы не имеем практически никаких сведений о его деятельности. Из этого можно заключить, что оно не иг-

¹⁰ Среди многочисленных произведений великого философа и ученого античности Аристотеля (384–322 гг. до н. э.) есть трактат о государственном устройстве Афин и его истории — «Афинская полития». Слово «полития» обозначает «государственное устройство». Этот труд Аристотеля, считавшийся безвозвратно утраченным, был найден в конце XIX в. в Египте, на папирусном свитке; его открытие чрезвычайно обогатило познания историков о становлении афинской демократии.

рало значительной роли в политической жизни. В общем-то, этого и следовало ожидать.

Итак, в течение архаической эпохи в Афинах сформировался полис. На смену монархии пришла республика, единовластие сменилось многовластием. И это, конечно же, было благом, потому что создавало условия для дальнейшего движения вперед, к реальному равенству всех граждан, к демократии. Но такое равенство было еще далеко впереди.

Аристократия и демос

Пока что афинская республика была вполне аристократической. Только аристократы могли становиться архонтами, а значит — только они могли входить в состав Ареопага. На протяжении архаической эпохи представители знати прочно держали в своих руках рычаги власти. Именно они постепенно добились сокращения полномочий царей, а потом и фактической ликвидации их правления.

Афинские аристократы назывались **евпатридами** («сыновьями благородных отцов»). По удельному весу знати в составе населения афинский полис едва ли не превосходил все остальные. Так сложилось потому, что, как мы видели, в годину дорийского нашествия в Аттику бежали, спасаясь от завоевателей, многие аристократические роды из Пелопоннеса. Они пополнили собой сословие местных «благородных», слились с ними.

Евпатриды сыграли исключительно важную роль во всех сторонах жизни ранних Афин. Они обладали не только политической властью. В их руках находились ведущие позиции в экономике полиса. Каждый аристократ был хозяином крупных земельных владений и больших богатств, добытых в военных походах. Евпатриды занимали главное место в войске; служили они в основном в кавалерии — самой престижной части вооруженных сил.

Непререкаем был традиционный авторитет аристократии, особенно в аттических деревнях, где простые крестьяне привыкли смотреть на своих знатных вождей «снизу вверх». Аристократы руководили религиозной жизнью государства, занимая должности жрецов. Они же были и судьями, причем при отсутствии писаных законов, естественно, могли толковать нормы устного права по своему произволу, и уличить их оказывалось практически невозможно.

Немаловажно и то, что евпатридам — людям состоятельным — не приходилось, в отличие от рядовых граждан, заниматься повседневным физическим трудом. Это давало им обилие досуга, который они старались использовать с пользой для себя. Аристократы получали хорошее образование, с юности приучались к занятиям политикой. Они составляли, бесспорно, интеллектуальную элиту общества.

Много времени евпатриды уделяли и своему физическому развитию. Они стремились соответствовать эллинскому идеалу красоты — образу сильного, ловкого, мужественного атлета. Стройные, мускулистые, с длинными, ниспадающими на плечи волосами аристократы даже внешне выделялись на улицах города, в толпе земледельцев и ремесленников.

Жизнь представителей знати в греческом полисе была пронизана постоянным соперничеством. Аристократы боролись друг с другом за власть и влияние в государстве. Случалось, что одному из них удавалось одержать верх над всеми своими конкурентами, занять первенствующее положение. Такой человек становился единоличным правителем — **тираном**¹¹.

Рядовое население полиса, простонародье носило название «**демос**». Положение этой части граждан в ранних Афинах, как и повсюду в Греции в то время, было довольно приниженным. Мы уже видели, что слово демоса ничего не значило в политической жизни, что народное собрание всецело находилось под влиянием знати и являлось послушным орудием в ее руках.

Кроме того, демос находился в экономической зависимости от аристократов. Эта зависимость со временем усугублялась и перерастала в настоящее закабаление. Евпатриды требовали от беднейших крестьян отдавать им долю урожая в качестве платы за покровительство и защиту. В Аттике эта доля составляла одну шестую всех плодов, которые земледelec получал за год со своего надела. Поэтому крестьяне, вносившие такую подать, назывались **гектеморам** («шестидольниками»). Нам эта цифра может показаться не столь уж и большой. Но не следует забывать, что на каменистых, неплодородных аттических почвах урожаи получались очень скудными. А если еще и отдавать часть этого мизерного дохода — крестьянин вообще мог оказаться на грани голода.

¹¹ Слово «тиран» попало в современные языки именно из древнегреческого. Изначально это слово у греков не носило негативного оттенка. Тираном называли правителя, который, в отличие от царя, не получил власть по наследству, а добился ее собственными силами.

Помимо всего прочего, получила широкое распространение еще и долговая кабала. Бедняки попадали в неоплатные долги к богачам-аристократам. Правда, нужно помнить о том, что эти долги не носили денежную форму: денег в то время в Афинах еще не было¹². Обычно случалось так: крестьянин, не имея зерна для посева, брал его в долг у богатого соседа с обязательством вернуть после сбора урожая. А если урожай опять оказывался плохим, должник не мог расплатиться с кредитором. Приходилось отдавать ему в залог свой земельный участок. На таких заложенных участках ставились закладные камни. Они показывали, что поле фактически уже принадлежит не тому, кто на нем работает, а его заимодавцу. Более того, порой неоплатные должники обращались в настоящих рабов.

Разумеется, столь тяжелой была участь далеко не всех аттических земледельцев. Среди них было немало людей вполне самостоятельных и даже зажиточных. И все же в начале архаической эпохи демос еще ни в коей мере не мог соперничать с аристократией. Похоже, он и не пытался это делать. В душах рядовых граждан пока не пробудилось стремление бороться за свои права, за равенство со знатью. Они не принимали участия в политической жизни полиса, а лишь пассивно наблюдали за борьбой между евпатридами.

Однако постепенно ситуация начинала меняться. Большую роль сыграли новшества в военном деле. Начиная с рубежа VIII–VII вв. до н. э. повсеместно в Греции стали совсем по-иному выглядеть полисные армии. Резко уменьшилось значение кавалерии. Главной силой на полях сражений теперь были отряды **гоплитов** — тяжело-вооруженных пехотинцев. Доспехи гоплита включали в себя шлем, панцирь, поножи (гнутые бронзовые пластины, защищавшие голени) и круглый щит. Вооружен был такой воин копьем и мечом.

Перед боем гоплиты выстраивались в особый строй — **фалангу**. Они становились плечом к плечу в 7–8 шеренг, образуя сильно вытянутый по фронту прямоугольник. Воины прикрывались щитами, выставляли вперед копья и двигались на врага. Сила фаланги заключалась в ее могучем, неудержимом натиске. Подобно живой стене, фаланга сметала все на своем пути. Никакая конница не могла устоять против ее удара.

Появление гоплитской фаланги имело самые прямые последствия для политического развития греческих полисов. Во-первых, этот строй оказывался эффективным только в том случае, если все в нем действовали коллективно и на равных. В фаланге бок о бок стояли

¹² Первые монеты (**драхмы**) появились в Афинах лишь около середины VI в. до н. э.

гордившийся своим происхождением евпатрид и его незнатный сосед. Это способствовало сплочению граждан полиса в единое целое.

Во-вторых, гоплитом мог стать не только богач, но и человек среднего достатка. Тут нужно пояснить, что полис, в отличие от современных государств, не обеспечивал своих воинов доспехами и оружием. Каждый гражданин должен был экипироваться сам, за собственный счет. Именно поэтому, когда главной частью вооруженных сил была конница, в войске преобладали аристократы. Ведь только очень состоятельный человек мог приобрести и содержать боевого коня. Доспехи гоплита были гораздо дешевле; их могли себе позволить многие крестьяне.

Добившись равенства со знатью на поле боя, демос имел теперь полное право претендовать на равноправие и в политической жизни. В античности вообще роль человека в войске и его положение в государстве были связаны самым тесным образом. Чем больший вклад вносил гражданин в военные победы своего полиса, тем более высокого статуса мог он потребовать для себя в мирное время.

Вступая в борьбу со знатью, демос имел очень большие шансы на успех. С одной стороны, он мог опираться на свое численное превосходство. Естественно, в любом полисе рядовых граждан было во много раз больше, чем аристократов. С другой стороны, в рядах самих евпатридов не было единства, а, напротив, самое ожесточенное соперничество, что должно было облегчить победу над ними.

Однако существовали и факторы, которые препятствовали движению демоса к равноправию. У простого народа не было ни политической сознательности, ни солидарности, ни понимания общности своих интересов, ни опыта управления государством. Да и откуда у него мог взяться такой опыт в условиях господства знати? В результате демос в архаическую эпоху не мог еще выдвинуть подлинных лидеров из своей среды, и его вождями становились опять же те или иные аристократы.

Был, правда, и другой вариант развития событий — стихийный взрыв народного недовольства, бунт, ниспровергавший традиционную элиту. Но оказывался ли такой путь конструктивным? Что-то подобное произошло на рубеже VII–VI вв. до н. э. в Мегарах — городе, находившемся по соседству с Афинами. Мегарский демос насильственным путем пришел к власти и установил демократию. Судя по всему, это был вообще самый первый случай демократического правления в греческом мире.

Разумеется, мегарская демократия, возникшая на столь раннем историческом этапе, просто не могла не быть очень несовершенной и даже примитивной. Античные авторы, описывая ее, не скупятся на осуждающие эпитеты: «необузданная демократия», «беспорядок и безвластие», «полное бесчинство». Наверное, есть в этом определенное преувеличение, сгущение красок. Однако, во всяком случае, несомненно, что правление демоса в Мегарах действительно сопровождалось различными жестокостями — расправами над политическими противниками, произволом по отношению к состоятельным гражданам.

Плутарх (Греческие вопросы, 295d) пишет: *«Неимущие обращались с богатыми до последней степени нагло; они, к примеру, являлись в дом и требовали богатого угощения, а не добившись, брали силой и наглостью все, что хотели. Под конец они даже издали указ ростовщикам вернуть уже полученные ими проценты с долгов»*. Демос грабил храмы, а однажды ни с того ни с сего напал на священное посольство, следовавшее из Пелопоннеса в Дельфы, и переставил многих его членов.

Не удивительно, что такая демократия не продержалась долго. Она была свергнута, и в Мегарах на многие века установился олигархический режим. Этот опыт демократии явно оказался преждевременным; демос не был еще готов собственноручно управлять государством. В конечном счете описанный эпизод мегарской истории сыграл, наверное, скорее отрицательную роль, надолго отбив у жителей этого полиса охоту к демократическим преобразованиям.

К счастью, Афины пошли другим путем — путем не потрясений, а реформ. Этот путь был долгим и постепенным, но зато он привел к более весомым и прочным результатам. Афинская демократия оказалась не первой в греческом мире, однако она стала самой стабильной и долговечной.

Афины на пороге перемен

С начала VII в. до н. э. наметилось некоторое замедление в развитии афинского полиса. Причины этого не вполне ясны ученым; возможно, Афины потерпели какое-то военное поражение, возможно, переместились торговые пути. Во всяком случае, если раньше Афины были важнейшим экономическим центром Эллады, то теперь они как бы отошли в тень, уступили пальму первенства некоторым

другим крупным городам, таким как Коринф на Истме, Халкида и Эретрия на острове Эвбея.

Афинские расписные вазы вытеснялись с греческих и восточных рынков. Беднее стало содержимое могил. Не исключено, что даже несколько сократилась численность населения. В общем, Афины превратились в одно из рядовых, развивавшихся средними темпами, хотя и больших по размеру, государств греческого мира.

Одним из самых значительных событий архаической эпохи истории Древней Греции была Великая греческая колонизация — основание эллинами своих городов и поселений в дальних странах, на побережьях Средиземного и Черного морей. В ходе этого процесса, пришедшегося на VIII–VI вв. до н. э., обширные пространства — от берегов Испании до берегов Колхиды (нынешней Грузии) — оказались буквально усыпаны новыми греческими полисами. Колонизация необычайно расширила ареал античной цивилизации, дала толчок более быстрому ее развитию. Особенно активно основывали колонии такие города-государства, как Коринф, Мегары, Халкида, Эретрия (все они упоминались выше) и в первую очередь Милет, расположенный в Ионии. У этих центров переселенческого движения обнаруживается ряд общих черт: высокий экономический уровень, бурное развитие ремесел и торговли, многочисленное население — и в то же время малый размер сельской территории (хоры). Результатом было то, что все они страдали от «земельного голода» и были подчас просто вынуждены отправлять какую-то часть своих граждан в колонии: иначе нельзя было выжить.

Афины почти не приняли участия в Великой греческой колонизации. Лишь в конце VII в. до н. э. они впервые предприняли попытку основать колонию, да и то не слишком успешную. Афинская морская экспедиция во главе с аристократом Фриноном отправилась в регион Черноморских проливов¹³. Там колонисты поселились в городке Сигей на побережье Малой Азии. Вероятно, афиняне стремились закрепиться на этом месте, чтобы лучше контролировать караваны судов с зерном, которые шли в Грецию из Понта Эвксинского, от берегов далекой Скифии.

¹³ Черноморскими проливами часто называют систему водных путей, связывающих Эгейское море с Черным: Геллеспонт (ныне Дарданеллы), Пропонтиду (ныне Мраморное море) и Боспор Фракийский (ныне Босфор). Зона Черноморских проливов на протяжении всей истории была регионом огромного стратегического значения: здесь перекрещивались сухопутные и морские пути, ведущие с востока на запад и с юга на север.

Однако удержать захваченный плацдарм не удалось: на него претендовал сильный и богатый остров Лесбос, лежавший неподалеку. Лесбосцы начали войну с афинскими колонистами. Фринон погиб в сражении, афиняне были вытеснены из Сигея.

Почему Афины проявляли столь слабую активность в колониционном движении? Ответ напрашивается сам собой: территория афинского полиса, как мы видели, была по греческим меркам очень обширной, и его жители не страдали еще от «земельного голода». Пока что пашен и пастбищ хватало на всех.

Тем временем начала обостряться политическая борьба внутри государства. В 636 г. до н. э. молодой евпатрид Килон попытался захватить в полисе единоличную власть и стать тираном. Встав во главе отряда сверстников, он занял Акрополь. Однако никто — ни другие аристократы, ни демос — не поддержал Килона, и его мятеж окончился полным крахом. Мятежники были осаждены в городской цитадели, а потом жестоко перебиты. В расправе над ними особенно отличились члены знатного рода Алкмеонидов, глава которого — Мегакл — как раз в этот год занимал пост архонта-эпонима.

Мятеж Килона и его подавление стали «точкой отсчета» в долгой междоусобной распре. *«Оставшиеся в живых сторонники Килона, — пишет Плутарх (Солон, 11), — опять вошли в силу и постоянно враждовали с партией Мегакла».* Убийство следовало за убийством: ведь вступил в действие старинный обычай кровной мести, согласно которому родственники жертвы обязаны были наказать обидчика. Запустив этот «механизм», его очень трудно было остановить: одна насильственная смерть влекла за собой другую, и конца смуте не предвиделось.

Поэтому не удивительно, что, когда в 621 г. до н. э. Драконт, один из архонтов-фесмофетов, составил первый в Афинах свод письменных законов, важнейшее место в этом своде занял цикл законов об убийствах. Законодатель задался целью если не ликвидировать окончательно кровную месть, то хотя бы поставить ее под контроль государства. Отныне родственникам убитого не позволялось самовольно расправляться с убийцей. Дело следовало передать на суд Ареопага.

Античные авторы более позднего времени пишут, что законы Драконта отличались чудовищной жестокостью. В них будто бы за все преступления — от тяжелых до самых незначительных — назначалось одно и то же наказание: смертная казнь¹⁴. Однако, когда

¹⁴ Отсюда — бытующее и по сей день выражение «драконовские законы», «драконовские меры» (то есть очень суровые, жестокие).

при раскопках в Афинах были найдены подлинные фрагменты этих законов, высеченных на каменных плитах, обнаружилось, что жестокость их преувеличена. Так, например, за неумышленное убийство законодатель предписывал вовсе не казнь, а изгнание из Аттики. Почему же тогда эти первые афинские законы были сочтены такими суровыми? Наверное, потому, что уже самим фактом письменной фиксации правовых норм государство вмешивалось в дела аристократов. А им такое ограничение их своеволия, естественно, не нравилось.

Издание законов Драконта — важная веха в истории Афин. С этого момента можно считать, что афинский полис окончательно шагнул на ступень государственности. Однако Драконт, составляя свои законы, почти ничего не придумывал и не добавлял от себя. В основном он лишь записывал те обычаи, которые раньше были устными и хранились в памяти фесмофетов.

Демос вряд ли что-то выиграл от принятия законов. Ведь простые крестьяне и ремесленники даже не могли их прочесть: грамотность в Афинах в то время была доступна лишь представителям элиты. Не смогли законы Драконта пресечь и борьбу между аристократическими родами. Уже вскоре Алкмеониды потерпели в этой борьбе поражение. Весь род был приговорен к «вечному» изгнанию из Афин. Даже останки тех его членов, которые уже умерли, были выкопаны из земли и выброшены за пределы Аттики. Вряд ли кто-нибудь тогда мог подумать, что Алкмеониды еще вернутся и снова займут ведущее положение в государстве.

Итак, два важнейших процесса наметились в жизни афинского полиса к концу VII в. до н. э.: непрекращающаяся межаристократическая распря и растущее закабаление демоса, которое вызывало его естественное недовольство. Оба этих процесса подрывали стабильность и порядок, ослабляли Афины, что не замедлило сказаться на внешнеполитических отношениях. Мы уже видели, как Афины проиграли Лесбосу борьбу за Черноморские проливы. К этому же времени относится и еще одна серьезная неудача.

Остров Саламин, лежавший в Сароническом заливе, у самого берега Аттики, и отделенный от него лишь узким проливом, занимал важное стратегическое положение. Тот, кто им владел, получал возможность контролировать аттические гавани. Саламин долго был предметом спора между Афинами и соседними Мегарами. В конце концов мегарянам удалось одержать верх. Победив афинское ополчение в войне, они присоединили остров к своим владениям.

Одним словом, ситуация настоятельно требовала реформ. Без их проведения Афинское государство могло со временем оказаться совсем ослабленным и, может быть, даже распасться. На рубеже VII–VI вв. до н. э. Афины стояли, в полном смысле слова, на пороге больших перемен.

Глава I

ПЕРВЫЕ ЛУЧИ

Заветы мудреца

В начале VI в. до н. э. политическая борьба в Афинах достигла особенной остроты. Все борющиеся стороны были истощены длительной смутой и пришли в конце концов к выводу: необходимо искать пути компромисса, примирения. Для такого примирения требовались взаимные уступки, а сделать их было не так-то легко. Нужны были мероприятия чрезвычайного характера; нужны были реформы.

Эти реформы были проведены. И пусть они достигли не всех своих непосредственных целей, удовлетворили далеко не все слои населения. Зато они привели к другому, исключительно важному результату: резко ускорили развитие Афин, превратили этот полис из рядового в один из самых динамичных в Элладе и в конечном счете со временем сделали его самым значительным политическим, экономическим и культурным центром греческого мира.

Уже этого достаточно для того, чтобы назвать политического деятеля, который провел реформы, воистину гениальным. О ком же идет речь?

Когда в греческом полисе хотели покончить с внутренней смутой, чаще всего поступали так. Подыскивали самого авторитетного и уважаемого гражданина — такого, чья репутация была абсолютно безупречной, которому доверяли все. Назначали этого человека посредником-примирителем, на время вручали ему высшую власть в государстве и предоставляли неограниченные полномочия для проведения реформ. Далеко не всегда такого гражданина удавалось найти внутри полиса: как известно, «нет пророка в своем отечестве». Нередко посредника приходилось приглашать со стороны, из какого-

нибудь другого города. Считалось, что такой пришелец сумеет осуществить преобразования более беспристрастно, что он не будет угождать своим друзьям и союзникам.

Афинам повезло: им не пришлось прибегать к услугам «варяга». Гражданин, пользовавшийся безусловным авторитетом и доверием всего гражданского коллектива, нашелся в самом полисе. Это был Солон (ок. 640–559 гг. до н. э.).

Солона без преувеличения следует назвать одной из самых ярких, разносторонних и одновременно гармоничных личностей во всей античной истории, знаменитейшим из древнегреческих законодателей и реформаторов. Аристотель (Афинская полития, 5. 3) пишет о нем: *«По происхождению и по известности Солон принадлежал к первым людям в государстве, по состоянию же и по складу своей жизни — к средним»*. Он происходил из очень знатного рода Кодридов, или Медонтидов — того самого, который когда-то был в Афинах царской династией. Из его предков был особенно известен царь Кодр, много веков назад пожертвовавший своей жизнью ради спасения отчизны.

Однако семья, к которой принадлежал Солон, обеднела, и будущему законодателю пришлось, чтобы поправить свой недостаток, заняться морской торговлей. Впрочем, это сослужило ему хорошую службу. Много путешествуя, Солон ознакомился с нравами, обычаями, политическим устройством других государств, что, несомненно, должно было расширить его кругозор. Не случайно для всей последующей деятельности Солона было характерно сочетание двух начал: стремления к необходимым реформам и здорового консерватизма. Аристократ, но аристократ отнюдь не закосневший в слепой приверженности традиционной системе ценностей, а в высшей степени мобильный и гибкий по всему складу своего ума, — таким предстает Солон из источников, и прежде всего из его собственных стихов.

Солон стал человеком глубоких познаний и высокой культуры. Даже и теперь не может не поразить обилие и разнообразие его талантов. Не случайно впоследствии, когда в Греции был составлен список «Семи мудрецов» — тех, кто особенно поразил соотечественников силой своего ума, — Солон занял прочное место в этом списке¹.

¹ Список «Семи мудрецов» был составлен в VI в. до н. э., как полагают, в Дельфах. Существуют несколько вариантов этого списка, отличающихся друг от друга, но Солон остается неизменным его членом. Кроме него, в число мудрецов включали первого греческого философа Фалеса, спартанского государственного деятеля Хилона, коринфского тирана Перикланда, критского прорицателя и чудотворца Эпименида и др.

Он был выдающимся государственным деятелем, крупным полководцем, тонким дипломатом, а к тому же еще одним из величайших поэтов Греции архаической эпохи (и между прочим первым поэтом в Афинах).

Солон прославился как автор **элегий** (этот поэтический жанр включал в себя небольшие произведения, написанные особым стихотворным размером и исполнявшиеся нараспев, под аккомпанемент лиры). В своих стихах он гневно обличал недостатки и пороки современной ему политической жизни, призывал к прекращению междоусобных смут, к облегчению положения простого народа. Идеалом Солона было «благозаконие» — такой порядок, при котором законы издаются для блага граждан, а граждане неукоснительно повинуются этим законам.

Особенная известность пришла к Солону около 600 г. до н. э., когда он стал инициатором и руководителем возобновления борьбы с Мегарами за обладание Саламином. На этот раз война оказалась успешной для Афин: спорный остров перешел в их владение. В результате авторитет Солона чрезвычайно возрос; в нем стали видеть человека, который сможет покончить с нарастающим кризисом. Кроме того, все слои населения считали его «своим»: аристократы помнили о знатном происхождении Солона, а рядовой демос знал о сочувственном отношении к беднякам, проявлявшемся в солоновских элегиях, и надеялся, что, придя к власти, поэт-политик сможет ему помочь.

В 594 г. до н. э. в обстановке гражданской смуты афиняне избрали Солона первым архонтом, то есть высшим должностным лицом в государстве. Кроме того, он был облечен чрезвычайными полномочиями для разработки новых законов и реформирования полиса. По словам Плутарха (Солон, 16), *«Солон назначили исправителем государственного строя и законодателем. Ему на усмотрение предоставили все без исключения — государственные должности, народные собрания, суды, советы... Ему дали право отменять или сохранять все, что он найдет нужным, из существующих, сложившихся порядков»*.

Всего лишь год Солон находился у кормила полиса, но и за этот год он сумел оправдать доверие своих сограждан: его деятельность стала исключительно важной вехой в истории Афин. Законодатель стремился прежде всего к тому, чтобы достичь компромисса между разными силами в государстве, пресечь взаимную вражду, примирить друг с другом знать и демос, богатых и бедных. Сам он позже говорил об этом так (Солон, фр. 5 Diehl):

Да, я народу почет предоставил, какой ему нужен —
Не сократил его прав, не дал и лишних зато.
Также подумал о тех я, кто силу имел и богатством
Славился — чтоб никаких им не чинилось обид.
Встал я, могучим щитом своим тех и других прикрывая,
И никому побеждать не дал неправо других.

Всеобщее примирение и согласие были действительно необходимы Солону. Только заручившись как можно бóльшим числом сторонников, мог он рассчитывать на то, что задуманные им реформы получат поддержку и не окажутся эфемерными. Не случайно, став архонтом, Солон сразу же провел широкую амнистию и позволил вернуться в Аттику гражданам, осужденным на изгнание за различные преступления, кроме самых тяжких. Как раз в это время на родину смогли возвратиться и Алкмеониды. Естественно, они были благодарны за это Солону и стали его надежными союзниками.

Итак, законодатель приступил к воплощению в жизнь целого комплекса тесно связанных друг с другом преобразований. Особенно наболевшим, требовавшим немедленного разрешения был в Афинах того времени долговой вопрос. Солон решил покончить с долговой кабалой раз и навсегда. Данной ему властью он объявил об отмене, признании несуществующими всех долгов, которые имелись между гражданами полиса. Больше никто никому ничего не был должен. Эта мера получила название «сисахфия» («страхивание бремени»). Закладные камни были торжественно убраны с полей разорившихся бедняков, кабальные должники освобождены. Были даже приняты меры к выкупу тех из них, кого уже продали в рабство в другие города.

Но Солон думал и о будущем. Ведь единовременное прощение долгов еще не гарантивало, что в дальнейшем не повторится такая же ситуация. Богачи могли со временем вновь закабалить бедняков. Поэтому был принят закон, настрого запрещавший обращение граждан в рабство за долги. Теперь должник, не сумевший расплатиться, отвечал перед кредитором своим имуществом, но не своей личностью.

Значение этой реформы трудно переоценить. Отныне понятие «гражданин» и понятие «раб» становились совершенно несовместимыми. Граждане пользовались полной свободой и подчинялись только законам и законным властям. Таким образом, был сделан шаг к равенству всех членов гражданского коллектива.

Солон позаботился об активизации афинской экономики. Так, он способствовал распространению в среде граждан занятий ремеслами, более того, поощрял приток в Афины ремесленников и торговцев из других государств Греции и даже предоставлял этим иммигрантам гражданские права. Столь передовой подход был почти беспрецедентным в греческом мире: ведь обычно полисы отнюдь не были склонны принимать чужестранцев в число своих граждан.

Не менее значимыми, чем экономические, были политические реформы Солона. Они подорвали полное господство аристократии в общественной жизни. О важнейшей из этих реформ Аристотель — наш главный источник — пишет не очень ясно (Афинская полития, 7. 3): *«На основании оценки имущества Солон ввел разделение на четыре класса, каковое разделение было уже и раньше, — на пентакосиомедимнов, всадников, зевгитов и фетов»*. Эти слова неоднократно приводили ученых в недоумение. Как их понимать? Ввел ли Солон разделение на классы или все-таки оно существовало уже до него? Получается противоречие.

Наиболее вероятное истолкование реформы, судя по всему, будет таким. Еще до Солона, скорее всего с глубокой древности, все афинские граждане делились на имущественные классы. Чем состоятельнее был гражданин, тем к более высокому классу он принадлежал. Богатые афиняне входили в первый класс и назывались **всадниками**, потому что во время войн они служили в коннице. Следующий класс (**зевгиты**) включал в себя граждан среднего достатка, в основном зажиточных крестьян, каждый из которых обладал упряжкой рабочих волов². Такая упряжка по-гречески называлась «зевгос»; возможно, отсюда пошло и название класса. Впрочем, не исключено и другое происхождение этого названия — от слова «зигон», что означало «ряд воинов в фаланге». Таким образом, члены этого класса служили в войске в основном в качестве гоплитов. Наконец, низший класс объединял самых бедных афинян, **фетов** («батраков»). Их либо совсем не призывали на военную службу, либо использовали как легковооруженных воинов без доспеха.

Что же сделал Солон? Он увеличил количество классов: вместо трех их теперь стало четыре. Так получилось потому, что в особый, самый высший класс были выделены богатейшие из всадников. Это были афинские «миллионеры», люди, которые могли позволить себе

² В качестве рабочего скота в Древней Греции держали обычно волов или быков. Лошади при сельскохозяйственных работах не применялись; их использовали только в военных целях.

содержать не просто коня, как обычный всадник, а колесницу с четверкой коней. Когда-то, в эпоху ахейской цивилизации, колесницы были главной ударной силой на полях сражений. К VI в. до н. э. их военная роль в Греции совсем сошла на нет, но они оставались важным признаком высокого, престижного положения в обществе. Не случайно самой почетной победой на античных Олимпийских играх считалась победа именно в состязаниях колесниц.

Во вновь созданный класс вошли прежде всего представители старинной аристократии: ведь именно они были «богачами из богачей». Назывались эти люди «пентакосиомедимны», то есть «пятисотмерники». Дело в том, что богатство в архаических Афинах измерялось количеством продуктов (зерна, вина, оливкового масла), которые гражданин получал со своих земельных владений. Ведь монеты в то время афинский полис еще не чеканил. За единицу измерения принимался **медимн** — мера объема, равная приблизительно 52 литрам. Иными словами, чтобы попасть в состав первого класса, человек должен был получать годовой доход не менее 500 медимнов.

При Солоне были установлены точные имущественные границы и между остальными классами. Чтобы числиться в классе всадников, нужно было иметь доход не менее 300 медимнов, чтобы быть зевгитом — не менее 200. Афиняне, чей доход был ниже этой цифры, относились к фетам. Таким образом, теперь каждый гражданин мог точно сказать, к какому классу он принадлежит.

Роль каждого афинянина в жизни полиса и объем его политических прав определялись тем, членом какого классов он являлся. Высшими магистратами (архонтами, казначеями) могли становиться только пентакосиомедимны. Члены второго и третьего класса имели доступ к другим полисным должностям. Что же касается фетов, то они имели право участвовать лишь в народном собрании да еще в суде присяжных, о котором будет говориться чуть ниже.

Может показаться, что вышеописанная реформа Солона была направлена главным образом на защиту интересов богатых и знатных, что беднейшая часть граждан ничего от нее не выиграла. Это озадачивает. Ведь из стихов поэта-законодателя явственно видно, что он не слишком-то симпатизировал богачам, особенно тем, которые нажили свое богатство несправедливым путем. Напротив, он высказывал сочувствие простому народу.

На самом деле неверно было бы считать, что от политических реформ Солона получила выгоду только традиционная элита. Во-первых, в новых условиях бедняк мог, занимаясь упорным трудом и

повышая свое благосостояние, со временем перейти из четвертого класса в третий, а может быть, даже и во второй. И такие случаи известны. Аристотель видел на афинском Акрополе посвящение богам, которое сделал некий крестьянин Анфемий в благодарность за то, что он из фета сделался всадником. Соответственно резко возрастала и роль такого человека в общественной жизни полиса. Иными словами, даже перед гражданами самого небольшого достатка теперь открывались новые возможности.

Во-вторых, одновременно Солоном был проведен ряд мер, в результате которых политическое значение демоса реально возросло. Значительно активизировалась деятельность народного собрания. Теперь оно стало собираться гораздо чаще и регулярнее, чем раньше, и понемногу превращалось в действительно важный орган управления, высшую инстанцию по важнейшим государственным делам.

В частности, начиная с Солона архонты в Афинах избирались народным собранием, а не Ареопагом, как раньше. Таким образом, этот древний аристократический Совет утратил одно из своих ключевых полномочий. Правда, в целом Ареопаг оставался, пожалуй, самым авторитетным органом. По словам Аристотеля (Афинская полития, 8. 4), *«как и прежде, он имел надзор за государственным порядком, причем он обязан был не только следить вообще за большинством самых важных государственных дел, но между прочим и привлекать к ответственности виновных, имея власть налагать взыскания и кары»*.

Однако рядом с Ареопагом и как бы в противовес ему Солон учредил другой Совет. Он назывался **Советом Четырехсот** — по числу входивших в него членов: по сто человек от каждой из четырех афинских фил. Новый Совет в отличие от Ареопага был выборным, и входившие в него граждане оставались в нем в течение года, а не пожизненно, как ареопагиты. Членами Совета Четырехсот могли быть представители первых трех имущественных классов. Иными словами, этот орган управления выражал интересы более широких кругов населения, чем Ареопаг, в котором полностью господствовала знать. Совет Четырехсот был более демократичным. Одной из важных задач этого Совета являлась подготовка народных собраний, выработка проектов решений, которые выносились на рассмотрение народа.

Ситуация, при которой в одном полисе существуют два Совета, не вполне обычна. Это своеобразное двоевластие могло сложиться лишь при таких условиях, когда аристократия уже не была в состоянии единолично управлять государством, а демос был еще недос-

таточно силен, чтобы взять власть в свои руки. Из двух Советов Ареопаг считался более высоким органом; его и называли в повседневном обиходе «верхним Советом», а Совет Четырехсот — «нижним»³. Было между ними и разграничение функций. И тем не менее Совет Четырехсот своим существованием в известной мере дублировал Ареопаг и тем самым уже снижал его политическое значение.

Огромное значение имело введение Солоном еще одного органа государственной власти — суда присяжных (гелии). Есть мнение, что его члены избирались с помощью жребия. Как нам неоднократно доведется увидеть в дальнейшем, жребий вообще играл заметную роль в жизни многих греческих полисов, в том числе Афин. Он считался самым демократичным способом избрания — даже в большей степени, чем голосование.

Судей-присяжным имел право стать любой афинский гражданин, в том числе и самый бедный, входивший в разряд фетов. Поэтому из всех полисных учреждений гелиея наряду с народным собранием в самой большой мере выражала волю всего гражданского коллектива.

Гелиею предстояло большое будущее. Но пока, понятно, она делала свои первые, в чем-то еще робкие шаги. О ранней истории гелии мало что известно. Не исключено, что первоначально она была практически тождественна народному собранию. Когда граждане собирались, чтобы принимать законы или избирать должностных лиц, такой сход назывался народным собранием. А когда они заседали, чтобы разобрать какое-нибудь судебное дело, они представляли собой уже гелиею.

Гелиея создавалась как апелляционный суд. Если гражданин был недоволен приговором, который вынес по его делу тот или иной магистрат, он мог теперь обжаловать приговор перед своими согражданами-присяжными. Наверное, вначале случаи таких апелляций были редкими, но со временем они стали нормой. В V–IV вв. до н. э., в период расцвета афинской демократии, любая тяжба после предварительного рассмотрения должностным лицом обязательно попадала на суд гелии.

Возрастанию значения этого органа способствовало еще одно нововведение Солона. Он разрешил каждому желающему обращаться в суд по делу, лично его не касающемуся. Иными словами, афи-

³ Может быть, такие названия сложились еще и потому, что Ареопаг заседал на холме, носившем то же имя, а Совет Четырехсот собирался в низине, на Агоре.

нянин, видевший, как другой подвергается несправедливой обиде, имел право заступиться за него, возбудив против обидчика судебный иск. Раньше это не позволялось: только сам пострадавший мог отстаивать свои права в суде. Новое положение вещей повысило гражданскую ответственность и сознательность всех жителей афинского государства.

Не случайно Аристотель (Афинская полития, 9. 1) пишет: *«Вот какие три пункта в солоновском государственном устройстве являются наиболее демократичными: первое и самое важное — отмена личной кабалы в обеспечение ссуд; далее, предоставление всякому желающему возможности выступить истцом за потерпевших обиду; третье, отчего, как утверждают, приобрела особенную силу народная масса, — апелляция к народному суду».*

В ходе своих преобразований Солон издал в Афинах очень полный, можно сказать, всеобъемлющий для того времени свод законов, который охватывал практически все стороны отношений между людьми. Этот свод был гораздо совершеннее и содержал намного меньше устаревших, примитивных норм, чем ранее действовавшие законы Драконта. Он почти полностью заменил их. Отныне афинский полис в течение всей своей истории жил именно по законам Солона. Они оказались настолько продуманными и отточенными, что очень редко возникала необходимость вносить в них какие-то серьезные изменения или поправки.

Реформы Солона имели, подчеркнем еще раз, компромиссный характер. Законодатель ставил перед собой цель создать такой политический порядок, при котором каждому слою граждан — евпатридам и рядовым гражданам, богатым и бедным — было бы предоставлено подобающее место в общественной жизни полиса. Он стремился избежать несправедливого предоставления односторонних преимуществ тем или другим.

Солоновские реформы были еще довольно умеренными. Да ины-ми они и не могли, и не должны были стать в той обстановке, в которой действовал реформатор. Солон принципиально чуждался политического радикализма, избегал слишком резких и крутых мер, которые могли бы расшатать стабильность государства и привести его к гражданской войне. Так, он не откликнулся на активно раздававшиеся из среды бедноты призывы устроить передел всех земель на равных основаниях.

И все же реформами была создана такая политическая система, при которой в управлении полисом в принципе (хотя пока не на деле) могли принимать более или менее активное участие широкие слои

демоса, а не только аристократическая элита, как это было в предшествующую эпоху. Конечно, солоновское государственное устройство нельзя еще называть демократией. Это был лишь самый первый шаг к демократическому правлению, так сказать, первый луч будущего народовластия, блеснувший на пока еще темном небосводе.

И снова — борьба

Солоновские преобразования были рассчитаны на долгосрочную перспективу. Все их позитивные результаты должны были сказаться лишь с течением времени. А непосредственно после проведения реформ казалось, что они не достигли своей цели. Гражданский мир не был достигнут; внутренняя борьба в полисе продолжалась.

Более того, как это часто бывает в истории, желание реформатора удовлетворить все общественные группы и слои, примирить их на первых порах имело противоположные последствия. Деятельностью Солона были недовольны почти все. Аристократия сожалела об утрате многих из своих прежних привилегий. Демос, напротив, считал, что законодатель пошел недостаточно далеко и не установил полного равенства всех членов гражданского коллектива.

Солон относился к непониманию сограждан философски. *«Трудно в великих делах сразу же всем угодить»*, — писал он (фр. 5 Diehl). И все же иногда ненависть тех, кого он облагодетельствовал, приводила его в отчаяние. Об этом свидетельствуют некоторые места из его стихов:

Все когда-то ликовали, а теперь меня всегда
Злобным взглядом провожают, словно я их злейший враг.
(фр. 23 Diehl)

И в другом месте:

...От всех обороняясь,
Кружился я, как волк средь стаи лютых псов.
(фр. 24 Diehl)

Подходил к концу год архонтства Солона. И сама судьба его реформ оказывалась под реальной угрозой. Уже при следующем архонте их вполне могли отменить. Видя такую опасность, некоторые сторонники Солона советовали ему пойти на насильственный шаг —

взять в свои руки всю полноту власти, то есть стать тираном, и продолжать управлять Афинами, проводя свои реформы в жизнь. Но законодатель с благородным негодованием отвергал подобного рода предложения.

В конце концов он решил пойти по иному, очень необычному пути. Сложив с себя в положенный срок предоставленные ему полномочия, Солон тут же покинул Афины, отправившись в десятилетнее путешествие. Но перед отъездом он взял с афинян клятву, что они не отменят и не изменят его законы до тех пор, пока он не вернется. Замысел заключался в том, что за десять лет граждане успеют привыкнуть к новым порядкам, и потом менять их уже не придется.

Путешествуя по разным странам Восточного Средиземноморья, Солон побывал и в Египте, и на острове Кипр, и в Лидии — богатом царстве в западной части Малой Азии. Повсюду лица самого высокого положения и даже цари считали за честь для себя встретиться и побеседовать с афинским мудрецом. Наконец в 583 г. до н. э. законодатель возвратился на родину. Противоречивые чувства испытал он, узнав о том, что происходило в его отсутствие в афинском полисе.

С одной стороны, солоновские реформы остались в силе, никаких попыток отменить их не предпринималось. Новый политический строй укрепился, оказался вполне жизнеспособным. И это не могло не порадовать их инициатора. Но, с другой стороны, стабильность в полисе не была достигнута, не прекращались гражданские распри.

Вот что пишет об этих годах Аристотель (Афинская полиция, 13. 1–2): *«На пятый год после правления Солона не могли выбрать архонта вследствие смуты, и дальше на пятый год по той же причине было безвластие. А после этого, спустя такой же промежуток времени, Дамасий, избранный архонтом, управлял два года и два месяца, пока не был силой устранен с должности».*

Случай с Дамасием, чье правление пришлось на 582–580 гг. до н. э., особенно показателен. Этот архонт попытался незаконно удержать власть в своих руках дольше, чем было положено, то есть сделать именно то, от чего совсем недавно отказался Солон. Иными словами, на политическом горизонте Афин все отчетливее брезжил признак тирании. Да это и не удивительно: междоусобная борьба (**стасис**) в полисе развертывалась преимущественно между самыми влиятельными аристократами. И каждый из них желал стать первым, одержать верх над всеми своими соперниками.

А что же демос? Демос постепенно набирался опыта и ждал своего часа. Этот час рано или поздно должен был наступить, он становился все ближе и ближе. Во-первых, после реформ Солона, как мы уже знаем, народное собрание уже не было таким же бессильным и послушным орудием в руках знати, как раньше. В нем теперь избирались должностные лица, принимались важные решения. Иными словами, в новых условиях от массы рядовых граждан многое зависело. И считаться с ней приходилось даже самым чванливым евпатридам.

Во-вторых, чтобы успешнее бороться друг с другом, каждый аристократ должен был создать группировку своих приверженцев. И чем больше будет эта группировка, тем лучше. А значит, приходилось привлекать на свою сторону простых крестьян и ремесленников. А за их помощь в конце концов нужно было расплачиваться.

Политические группировки в Афинах первой половины VI в. до н. э. были именно такими: лидер-аристократ, его ближайшее окружение, состоявшее тоже из представителей знати, в основном из родственников и друзей лидера, а вокруг них — масса престолярдов, своей численностью придававшая вождю силу. Эти группировки были довольно крупными по размеру. Создавались они по региональному принципу, то есть каждая из них базировалась в одной из частей Аттики и возглавлялась евпатридами из этого региона.

Так, центром одной из таких группировок была равнина в окрестностях Афин, а ее члены носили название «педиои» (от слова «педион» — равнина). Во главе этой группировки стоял один из знатнейших аристократов — Ликург из древнего рода Этеобутонов. Срединная аттическая равнина из всех частей полисной территории была наиболее богата природными ресурсами и даже относительно плодородна. В этом регионе положение знати по традиции было особенно прочным, а сама эта знать — особенно консервативно настроенной. Не исключено, что Ликург подумывал даже об отмене реформ Солона.

Представители второй группировки — **паралии** — опирались на население прибрежной части Аттики (этот район страны назывался Паралией, то есть побережьем). Лидером паралиев был Мегакл из знакомого уже нам рода Алкмеонидов⁴. Жители побережья отличались в целом меньшим консерватизмом и большей мобильностью. Источниками богатства были для них не исключительно земельные владения,

⁴ Этот Мегакл был внуком того Мегакла, который в 636 г. до н. э. подавил мятеж Килона. Имя Мегакл было самым распространенным в роде Алкмеонидов; его носили многие политические деятели, ставшие известными в афинской истории.

но также и морская торговля. Алкмеониды к этому времени наладили уже выгодные экономические связи с богатой заморской Лидией. Вполне естественно, что они поддерживали солоновские реформы.

Внезапно в противостояние этих двух мощных группировок вмешалась третья, возникшая позже, чем остальные. Ее члены назывались «**диаκριи**» («жители гор»), а базировалась она в отдаленной северо-восточной части Аттики, которая была самым бедным регионом всего афинского полиса. Не случайно из всех группировок диакрии были настроены наиболее радикально. Реформы Солона казались им слишком умеренными; они хотели идти дальше.

Вождем диакриев, человеком, который, собственно, и создал их группировку, был Писистрат (602–527 гг. до н. э.). Этот знатный аристократ, возводивший свое происхождение к Нелеидам — царям, правившим в Пилосе во II тысячелетии до н. э., а в пору дорийского нашествия бежавшим в Аттику, — был самым талантливым и амбициозным из политических деятелей афинского полиса середины VI в. до н. э.

Еще в молодости Писистрат добился славы на военном поприще. В 560-х гг. до н. э. он командовал афинским войском в очередной войне с Мегарами за обладание Саламином и проявил незаурядные полководческие способности, добившись весомых успехов. В конце концов вопрос о спорном острове был вынесен на третейский суд Спарты. Этот суд вынес окончательное решение: Саламин должен принадлежать Афинам.

Интересно, что афинские интересы на суде представлял не кто иной, как престарелый уже Солон. Получается, что в это время Солон и Писистрат были союзниками. Кстати, они находились в родстве между собой. Но уже очень скоро дальновидный мудрец-законодатель понял, какую огромную опасность для государства представляет собой Писистрат. Пользуясь большим доверием демоса, прибегая к популистским лозунгам, этот политик помышлял на самом деле только об одном — о том, как бы добиться единоличной власти. Солон предостерегал сограждан, обращаясь, как обычно, к стихотворной форме (фр. 10 Diehl):

Хмурая туча дождем проливается или же градом;
Пламенной молнии блеск в громе находит ответ.
А от великих людей гибнет город, и к единодержцу
В плен попадает народ, если в нем разума нет.
Кто вознесется превыше других, нелегко того будет
После сдержать, — обо всем надо размыслить сейчас!

Однако увещания Солона оказались тщетными. Влияние Писистрата возрастало, и он достиг перевеса в борьбе с соперниками. Оставалось сделать последний шаг — захватить единоличную власть, стать тираном. Но захват нужно было обставить таким образом, чтобы создавалась видимость законности всего происходящего.

Однажды — это случилось в 560 г. до н. э. — Писистрат въехал на афинскую Агору на колеснице. Он был весь изранен и кричал, что на него только что напали враги и ему едва удалось спастись. Впоследствии злые языки поговаривали, что он сам нарочно нанес себе раны. Впрочем, как было на самом деле, никто не видел.

Писистрат утверждал, что его жизнь в опасности, и требовал, чтобы ему был предоставлен от государства отряд телохранителей. Народное собрание приняло такое решение. Правда, телохранителей вооружили не копьями и мечами, как обычных воинов, а всего лишь дубинами, да и число их было небольшим — по одним сведениям, 300 человек, а по другим даже 50.

Но Писистрату этого оказалось вполне достаточно. Уже очень скоро он со своим отрядом занял Акрополь и объявил себя правителем афинского государства. То, что почти век назад не удалось Килону, на этот раз прошло как-то очень легко и просто. Переворот свершился без всякого сопротивления со стороны граждан. Единственным, кто протестовал, был Солон. Старый законодатель не перенес установления тирании и вскоре умер.

Впрочем, взять власть в свои руки Писистрату удалось, а вот удержать ее оказалось значительно труднее. Прошел какой-нибудь год — и Мегакл с Ликургом, объединив свои группировки, изгнали тирана из Афин. Он удалился в свои родовые владения в городке Браврон на окраине Аттики и там выжидал, что же будет дальше.

А в городе продолжалась межаристократическая борьба: Мегакл и Ликург из союзников опять стали врагами. Примерно через два года Мегакл, чувствуя, что проигрывает, решил примириться с Писистратом. Глава Алкмеонидов вступил с ним в тайные переговоры и в конце концов организовал возвращение опального тирана в Афины.

Второй приход Писистрата к власти был обставлен довольно необычно. Аристотель (Афинская полития, 14. 3) рассказывает об этом так: *«Распространив предварительно слух, будто Афина собирается вернуть Писистрата, он (Мегакл) разыскал высокого роста и красивую женщину... продавщицу венков, фракиянку по имени Фия, нарядил ее наподобие этой богини и ввел в город вместе с ним. И Писистрат въезжал на колеснице, на которой рядом с ним*

стояла эта женщина, а жители города встречали их, преклоняясь ниц в восторге».

Часто считают, что Писистрат и Мегакл просто разыграли афинян, выдав смертную женщину за богиню. Получается, сограждане тирана были настолько наивны и легковерны, что не раскусили довольно-таки грубого трюка. Впрочем, в последние годы некоторые ученые склоняются к мнению, что Писистрат вовсе и не думал никого обманывать, а просто использовал торжественный ритуал, инсценировавший старинный миф. Миф этот повествовал о том, как Афина в своей колеснице привезла на Олимп, в обиталище богов, Геракла — славнейшего из греческих легендарных героев. Писистрат давно уже считал Геракла своим «небесным покровителем» и теперь, уподобляя ему себя, рассчитывал таким образом приобрести еще больший авторитет в государстве. Ведь мышление людей архаической эпохи было еще в очень большой степени мифологическим, а не рациональным.

Тем не менее на этот раз Писистрат не продержался у власти даже года. Он вновь поссорился с Мегаклом и вынужден был бежать из Аттики. Теперь его положение казалось более серьезным. Десять лет опальный тиран находился за пределами афинского полиса, живя то на соседней Эвбее, то подальше — на северном берегу Эгейского моря. Но все это время он не оставлял надежду добиться-таки своего и всеми способами готовился к этому: копил богатства, принимал к себе на службу воинов-наемников, устанавливал дружественные отношения с аристократами из разных греческих полисов, чтобы они в случае необходимости поддержали его.

Наконец в 546 г. до н. э. Писистрат перешел к решительным действиям. Собрав сильное войско, он вторгся с Эвбеи на территорию Аттики. Высадившись в местечке Марафон (на северо-востоке области, приблизительно в 42 км от Афин), он сразу же заручился поддержкой многочисленных сторонников. Ведь Марафон находился в той части Аттики, которая называлась Диакрией и где, как мы уже знаем, позиции Писистрата всегда были особенно сильны. Да и из других частей государства к нему на помощь стали стекаться люди, которым, по словам Геродота⁵, *«тирания была больше по душе, чем теперешняя свобода»* (I. 62). Очевидно, за время отсутствия Писистрата междоусобная распря в Афинах достигла такого накала, что простой народ желал только одного — стабильности и порядка, пусть даже ценой тирании.

⁵ Геродот (ок. 484–425 гг. до н. э.) — первый из плеяды великих древнегреческих историков, прозванный «отцом истории».

Без труда и практически без жертв обратив в бегство вышедшее ему навстречу афинское ополчение, Писистрат в третий раз вступил в город. Враждебный ему род Алкмеонидов во главе с Мегаклом вынужден был (уже не впервые в своей истории) покинуть родину. Теперь власть Писистрата стала уже по-настоящему крепкой и прочной; никто не пытался его свергнуть, и он правил вплоть до своей смерти. Афины окончательно «созрели» для тирании.

Законопослушный тиран

Тирания была закономерной стадией, через которую в течение архаической эпохи прошли многие древнегреческие полисы. Афины достигли этой стадии даже с некоторым запозданием. В некоторых из соседних с ними государств — в Мегарах, в Коринфе — тираны правили уже в VII в. до н. э.

Эти правители вошли в память последующих поколений как очень яркие, колоритные личности, как деятели, поднявшие благосостояние, силу и авторитет своих городов. Но в то же время запомнилась и жестокость тиранов, запятнавших себя кровавыми злодеяниями. Собственно, именно поэтому само слово «тиран» со временем приобрело выраженно негативный оттенок. Достаточно указать, например, что рассказывали о коринфском тиране Перииандре (правил в 627–585 гг. до н. э.): он и жену свою убил, и сына отправил в далекую ссылку, и над гражданами издевался, как только мог...

Не нужно, конечно, представлять греческих тиранов какими-то кровожадными монстрами. Просто они были достойными сыновьями своего времени. А это время никак нельзя назвать эпохой безмятежности и братской любви. Крайней жестокостью, нетерпимостью к противникам, тяжестью применяемых расправ отличался практически любой политический режим архаической эпохи, будь то тирания, олигархия или даже демократия (вспомним демократическое правление в Мегарах, о котором говорилось выше).

На этом довольно мрачном фоне даже вызывает удивление, что Писистрату Афинскому античные авторы дают совсем иные оценки. Приведем несколько примеров. Вот что пишет о Писистрате Геродот (I. 59): *«Он не нарушил... порядка государственных должностей и не изменил законов, но управлял городом по существующим законоустановлениям, руководя государственными делами справедливо и дельно».*

Геродоту вторит Аристотель (Афинская полития, 14. 3; 16. 2; 16. 7–8): *«Писистрат же, взяв в руки власть, управлял общественными делами скорее в духе гражданского равноправия, чем тирании... Он был вообще гуманным и кротким человеком, снисходительным к провинившимся... Вообще простой народ он старался ничем не раздражать во время своего правления, но всегда обеспечивал мир и поддерживал спокойствие... Он по своему характеру был демократичным и обходительным человеком. Во всех вообще случаях он хотел руководить всеми делами по законам, не допуская для себя никакого преимущества».*

Подчеркнем: все это писалось на одно-два столетия позже, тогда, когда сами слова «тиран» и «тирания» давно уже стали ругательными. И ни Геродот, ни Аристотель отнюдь не были сторонниками этой формы государственного устройства. Напротив, первый из них в молодости сам участвовал в заговоре против тирана в своем родном городе Галикарнассе, а второй неизменно относил тиранию к наихудшим способам правления.

Почему же для Писистрата древнегреческие ученые делали исключения, давая ему столь лестную характеристику, называя его мудрым, умеренным и даже «кротким» властителем? Кроткий тиран — это звучит парадоксом! Но, очевидно, Писистрат и на самом деле того заслуживал. Не случайно впоследствии жители Аттики с ностальгией вспоминали о его правлении, говоря, что это был настоящий «золотой век».

Во-первых, афинскому тирану удалось, придя к власти, установить стабильность и порядок в полисе. На смену многолетним, непрекращающимся смутам пришли внутренний мир и процветание. Во-вторых, судя по всему, Писистрат действительно всячески стремился продемонстрировать законный и благотворный характер своей власти. Он хотел оставаться популярным, быть предметом народной любви, а не ненависти.

Характерно, что тиран не предпринял ни малейшей попытки отменить законы Солона. В Афинах, на первый взгляд, все органы полисного управления продолжали функционировать так же, как и раньше. По-прежнему ежегодно избирались архонты, заседали Совет Ареопага и Совет Четырехсот, собиралось народное собрание. Но теперь над всем этим властно стоял один человек. Он всегда старался обеспечить, чтобы архонтами становились его ставленники, держал под своим контролем членов обоих Советов. А граждане сходились в народное собрание не вооруженными, как прежде, а безоружными. Тиран разоружил их, заявив, что отныне он сам при

помощи воинов-наемников из других городов будет заботиться о безопасности государства.

Писистрат, однако, постоянно подчеркивал, что он — такой же гражданин, как и остальные, что он точно так же подчиняется существующим законам. Рассказывают об одном случае из его жизни. Однажды кто-то из афинян обвинил его в убийстве и вызвал на суд Ареопага. Этот человек, наверное, просто хотел побравировать своей смелостью: он никак не рассчитывал, что всемогущий тиран действительно придет на суд. Но в назначенный день Писистрат, как рядовой гражданин, скромно предстал перед Ареопагом. Однако процесс не состоялся, потому что обвинитель в последний момент трусился и не явился.

В целом правлению Писистрата были чужды насилие, террор и репрессии, характерные для большинства других древнегреческих тиранов. Правда, после его прихода к власти многие аристократы покинули Аттику и ушли в изгнание. Но это был их сознательный выбор. Похоже, что Писистрат никого насильно из полиса не изгонял, но большинство представителей знати не желало сотрудничать с новоявленным владыкой. Ведь каждый из них считал себя ничуть не хуже.

Именно поэтому бежали из Афин уже известные нам Алкмеониды. Их судьбу разделили некоторые члены еще одного влиятельного рода — Филаидов. Выходцем из этого рода был Кимон, прославленный атлет, неоднократно побеждавший в Олимпийских играх, в состязаниях колесниц. Кимон больше десяти лет провел на чужбине, но потом его потянуло на родину, и он примирился с Писистратом. В качестве платы за свое возвращение ему пришлось уступить афинскому тирану одну из своих олимпийских побед⁶.

Еще более своеобразно сложилась судьба старшего брата Кимона — Мильтиада, который тоже, по словам Геродота (VI. 35), *«тяготился владычеством Писистрата»*. Мильтиад отправился на полуостров Херсонес Фракийский, что лежал к западу от пролива Геллеспонт, и сам стал там тираном. Писистрат отнюдь не возражал: его вполне устраивало, что важный опорный пункт на «хлебном пути» в Черное море находится под контролем афинянина. А на противоположном берегу Геллеспонта правитель Афин создал свою собственную базу. Это был Сигей, который ему удалось-таки отнять у лесбосцев.

⁶ Когда Кимон одержал эту победу (в 532 г. до н. э.), победителем по его просьбе был торжественно объявлен не он, а Писистрат. На античных Олимпийских играх это допускалось.

Писистрат и в целом проводил активную внешнюю политику, чтобы превратить Афины в один из самых сильных и влиятельных полисов Эллады. В его владении находились территории на северном побережье Эгейды с серебряными рудниками, которые приносили тирану большой доход. Особое внимание Писистрат уделил острову Делосу. Этот остров, а точнее, даже островок (площадь его составляла всего 5 км²), лежавший в центре Эгейского моря, был, несмотря на свои малые размеры, известен каждому греку. Ведь именно на нем, согласно мифам, родился почитаемый всеми светлый бог Аполлон. Храм Аполлона на Делосе считался главной святыней всей племенной группы ионийцев. Афинский тиран взял остров под свое покровительство; тем самым он претендовал на лидерство в ионийском мире.

Внешнеполитическая линия Писистрата была настолько тонкой и продуманной, что за время его правления Афины из рядового полиса превратились в очень важный центр силы. С ними теперь приходилось считаться всем греческим государствам, даже самым могущественным, таким как Спарта.

Возвращаясь к внутренней политике Писистрата, подчеркнем: он, как и любой другой тиран, хотя и был выходцем из среды знати, видел во всех остальных аристократах своих конкурентов. Такие конкуренты были ему, естественно, не нужны, а потому он предпринимал меры, направленные на ослабление старинной аристократии, на подрыв ее значения.

Эти меры объективно шли на пользу прежде всего демоса. Простой народ освобождался от произвола вождей-евпатридов; возрастала его сознательность и сплоченность. Разумеется, Писистрат вовсе не ставил перед собой такой цели — усилить рядовых граждан. Тиранов вообще нельзя считать «борцами за народное дело»; они, по справедливому замечанию великого древнегреческого историка Фукидида⁷, *«обращали свои заботы исключительно на свои интересы, на безопасность своей личности и на возвеличение своего дома»* (I. 17. 1). И тем не менее закономерность «чем слабее аристократия, тем сильнее демос» срабатывала вполне четко. Почти каждый полис, прошедший через горнило тирании, после нее оказывался ближе к демократии, чем был раньше.

Писистрат особенно благоволил аттическим крестьянам. Вероятно, он понимал, что именно этот социальный слой является глав-

⁷ Фукидид (ок. 460–396 гг. до н. э.), уроженец Афин, был самым крупным представителем античной исторической науки.

ной опорой государства, обеспечивает его мощь и благосостояние. Правда, тиран взимал с земледельцев в свою пользу налог — одну десятую часть всех доходов. Но налог этот не был столь уж тяжелым: достаточно вспомнить, что в досолоновское время крестьяне платили аристократам значительно больше — одну шестую. К тому же подать шла теперь не в карманы состоятельных граждан, а в казну государства, что делало его богаче.

А в то же время крестьяне видели от Писистрата и немало хорошего. Как пишет Аристотель (Афинская полития, 16. 2; 16. 5), *«бедных он даже снабжал вперед деньгами на сельские работы, чтобы они могли прокормиться, занимаясь земледелием... Он часто ездил по стране, наблюдая за ходом дел и примиряя тяжущихся, чтобы они не запускали своих дел, отправляясь в город»*. С этой же целью тиран учредил разъездные судебные коллегии, так называемых судей по демам. Эти судьи отправлялись в сельскую местность и там разбирали споры между крестьянами. Раньше такие споры поступали на рассмотрение местных аристократов, а теперь они решались представителями центральной полисной власти.

Централизация Афинского государства при Писистрате вообще значительно окрепла. Это проявилось в целом ряде новшеств. Так, именно в период тирании Афины начали чеканить собственную монету. На ней изображались символы государства — на одной стороне голова богини Афины, на другой — сова, ее священная птица. Сова со временем стала, можно сказать, афинским гербом.

Делали полис более крепким и сплоченным также пышные общественные празднества, на которые Писистрат не жалел средств. Поскольку в античных полисах религия не была отделена от государства, любой праздник носил одновременно гражданский и религиозный характер, при этом обязательно был посвящен какому-нибудь божеству.

Главный афинский праздник назывался Панафинеи и справлялся ежегодно, летом, в честь богини Афины. Но при Писистрате раз в четыре года этот праздник стал отмечаться с особенным блеском и пышностью; в таких случаях он назывался Великими Панафинеями. Поощрялся Писистратом пришедший в Аттику с севера культ Диониса — бога умирающей и воскресающей природы, весеннего веселья, вина. Важнейший праздник в честь Диониса — проводившиеся весной Великие Дионисии — тоже был введен афинским тираном. Именно из ритуалов этого праздника со временем вырос прославленный древнегреческий театр, самый первый во всем мире.

Главным мероприятием каждого праздника была торжественная процессия (**помпа**). Все жители города, нарядно одетые, шли по улицам и площадям к святилищу того бога (или богини), которому был посвящен праздник. Там совершалось жертвоприношение: во славу божества закалывались быки, овцы или козы. Часть мяса жертвенных животных тут же сжигалась (считалось, что дым, восходя от костра к небесам, питает богов), а другую часть готовили и устраивали общее пиршество. Все эти совместные действия, несомненно, позволяли всем афинским гражданам почувствовать себя единым коллективом.

При Писистрате в Афинах появились первые каменные храмы. На Акрополе был возведен храм в честь богини Афины, покровительницы полиса. А в конце своей жизни Писистрат приступил к сооружению на окраине города грандиозного храма Зевса Олимпийского, который должен был стать крупнейшей постройкой во всей Греции. Но довести этот проект до конца он не успел. В результате храм Зевса стал одним из величайших «долгостроев» в мировой истории. Долгие века он стоял, возведенный лишь частично, и строительство было завершено лишь во II в. н. э., когда Греция уже находилась под римским владычеством.

Во времена тирании в афинском полисе процветало искусство, особенно роспись глиняных ваз. При дворе тирана жили выдающиеся поэты, приехавшие из разных частей греческого мира. Ежегодно на празднике Панафиней **рапсоды** (эпические певцы) исполняли «Илиаду» и «Одиссею» Гомера. Одним словом, Афины заблестели одной из самых ярких звезд на культурном небосводе Эллады.

Писистрат, безусловно, был далеко не худшим из греческих тиранов архаической эпохи. И тем не менее при всех его заслугах в целом тирания и полис были понятиями, несовместимыми друг с другом. В конце концов интересы единоличного правителя и интересы коллектива граждан должны были вступить в жестокий конфликт. Правда, произошло это позже, уже после смерти самого Писистрата.

Фиаско наследников

Основатель афинской тирании скончался в 527 г. до н. э., мирно дожив до старости. Настолько прочным было его положение и настолько значительной — его популярность, что власть без каких-

либо проблем или кризисов автоматически перешла к его сыновьям, которых обычно называют Писистратидами. Старший из них, Гиппий, стал верховным правителем-тираном; ему помогал младший брат Гиппарх, отвечавший в основном за мероприятия в области культуры.

На первых порах сыновья Писистрата стремились продолжать мягкую и гибкую политику отца — ту самую, которая снискала ему народную любовь. Они даже улучшали положение рядовых граждан. Так, если первый тиран взимал с крестьян подать в размере одной десятой части доходов, то при его детях этот налог был снижен до одной двадцатой.

Фукидид пишет (VI. 54. 6): *«Вообще Писистратиды стремились в своем правлении проявить больше всего доблести и благоразумия... В городе продолжали существовать прежние законы, и тираны заботились лишь о том, чтобы кто-нибудь из их сторонников всегда занимал должность архонта».*

До нашего времени случайно дошел фрагмент списка первых архонтов Афин в 526–522 гг. до н. э. (Meiggs–Lewis, 9). Этот обломок мраморной плиты сильно поврежден, однако стоящие на нем имена все же можно прочесть. Вот эти имена (в квадратных скобках — утраченные буквы):

[Г]ИППИЙ
[К]ЛИСФЕН
[М]ИЛЬТИАД
[КА]ЛЛИАД
[ПИСИ]СТРАТ

В исторической науке иногда бывает, что маленькая, в несколько строк, надпись содержит больше ценной и даже неожиданной информации, чем целые трактаты. Сейчас перед нами именно такой случай. Практически каждое имя в этом списке о многом говорит ученому.

Первым в надписи стоит сам Гиппий, ставший архонтом в 526 г. до н. э. Это означает, что новый тиран, придя к власти, сразу же назначил себя самого на следующий год на высшую должность в государстве. Этим он хотел подчеркнуть законный, официальный характер своего правления.

Еще более интересно второе имя — Клисфен. С этим человеком мы встречаемся впервые, но в дальнейшем о нем предстоит говорить очень много. Ведь речь идет о будущем «отце афинской демократии».

В 525 г. до н. э., когда Клизфен стал архонтом, он находился в начале своей политической карьеры. Он принадлежал к прекрасно известному нам роду Алкмеонидов и был сыном Мегакла — того самого, который несколькими десятилетиями раньше то враждовал с Писистратом, то мирился с ним. А мать Клизфена — Агариста — происходила из семьи тиранов города Сикион. В годы правления Гиппия Клизфен возглавлял Алкмеонидов: его отца к этому времени уже не было в живых.

В 524 г. до н. э., как мы видим из списка, на пост архонта заступил Мильтиад из рода Филаидов. Но это, конечно, не тот Мильтиад, который при Писистрате отправился на Херсонес Фракийский, а его племянник, сын олимпийского победителя Кимона. Самого Кимона убили по тайному приказанию Гиппия: тирану был не нужен в полисе столь прославленный человек, который мог оказаться его конкурентом. Но Мильтиада-младшего подобная участь не коснулась. По словам Геродота (VI. 39), *«Писистратиды в Афинах дружески обращались с Мильтиадом, делая вид, будто совершенно не причастны к убиению его отца»*. Они сделали его архонтом, а несколько лет спустя отправили властвовать над Херсонесом Фракийским вместо умершего дяди. С Мильтиадом, который впоследствии стал выдающимся полководцем, славным победителем персов, нам тоже еще предстоит встретиться.

Архонт следующего года — Каллиад — принадлежал, судя по всему, к еще одному знатному роду — Керикам. В руках Кериков издревле находилась одна из важнейших в Афинах жреческих должностей: представители этого рода из поколения в поколение были жрецами богини Деметры.

Наконец, в 522 г. до н. э. архонтом был избран старший сын тирана Гиппия, который, как было принято у греков, получил при рождении имя в честь деда — Писистрата. На этом Писистрате Младшем круг замкнулся: на высшей полисной должности побывали представители трех самых влиятельных родов — Алкмеонидов, Филаидов и Кериков, а затем она вновь вернулась в семью Писистратидов.

Не может не броситься в глаза странное обстоятельство: каким образом Клизфен из рода Алкмеонидов мог быть архонтом в Афинах, если весь этот род, как мы видели выше, бежал из полиса, как только Писистрат окончательно пришел к власти? Ответ может быть только один: получается, что Гиппий примирился с Алкмеонидами и позволил им не только возвратиться на родину, но и занимать высокие посты в государстве. Восстанавливая дружественные отноше-

ния с ранее враждебными ему представителями знати, новый тиран хотел показать себя еще более гуманным правителем, чем его отец. Могла даже создаться иллюзия возрождения традиционного аристократического режима, но только без присущих ему смут и при всеобщем согласии.

Подобная идиллия, однако, не могла продолжаться слишком долго. В 514 г. до н. э. ситуация в Афинах была взорвана дерзким заговором, во главе которого стояли два аристократа из рода Гефиреев — Гармодий и Аристокритон. Они претерпели незаслуженную обиду от Гиппарха — младшего из Писистратидов — и теперь страстно желали отомстить за бесчестье. На празднике Панафиней заговорщики неожиданно бросились на своего обидчика и закололи его мечами. Их тут же окружили телохранители Гиппарха; Гармодий был убит на месте, а Аристокритон схвачен и после жестоких пыток казнен.

Позже, когда в Афинах была свергнута тирания и установилось народовластие, память Гармодия и Аристокритона — «тираноубийц», как их стали называть, — была окружена ореолом славы и почета. Они превратились в настоящих национальных героев, покровителей демократии. В центре города, на Агоре, им были воздвигнуты статуи. В их честь слагали песни, одна из которых начиналась словами:

Под листьями мирта мечи понесем,
Подобно Гармодью с Аристокритоном,
Когда поразили тирана мечом
И равными сделали всех пред законом.

(Афиней, Пир мудрецов, XV. 50)

Однако в действительности убит был не тиран, а его брат. Гиппий остался у власти и, более того, стал теперь подозрительным и жестоким. Боясь новых заговоров и покушений, он перешел к политике репрессий. В результате тиранический режим начал постепенно утрачивать популярность.

Судя по всему, сыграл в этом роль и еще один фактор. Все более опасной силой на востоке становилась великая Персидская держава, владения которой простирались уже вплоть до Эгейского моря. Как раз в 514–513 гг. до н. э. персы сделали шаг из Азии в Европу, продвинувшись на северное побережье Эгеиды. Афинскому тирану пришлось лишиться расположенных в этом регионе серебряных рудников, которые приносили ему большие доходы. Вероятно, Гиппий, испытывая после этого финансовые трудности, увеличил взи-

маемые с граждан налоги, что, конечно, не могло не вызвать озлобления.

Особенно несладко пришлось аристократам — ведь именно их тиран подозревал в первую очередь. Алкмеониды во главе с Клисфеном в очередной раз были изгнаны из полиса. Вскоре после этого они попытались силой добиться своего возвращения и вторглись в Аттику с вооруженным отрядом своих сторонников. Однако Гиппий сумел дать им отпор; очевидно, его положение было еще достаточно прочным.

Тогда Алкмеониды приняли другую, более тонкую линию поведения. Они обосновались в Дельфах и стали плести там интриги против афинского тирана. Семена этих интриг падали на благоприятную почву: жречество Дельфийского оракула⁸ и без того издавна испытывало неприязнь к Писистрату и его сыновьям. Жрецам не нравилось, что правители Афин хотели сделать свой город крупнейшим религиозным центром греческого мира и тем самым как бы бросали вызов Дельфам.

Алкмеониды, обладая большими богатствами, взяли подряд на строительство нового дельфийского храма Аполлона взамен старого, незадолго перед тем сгоревшего. По словам Геродота (V. 62), они *«воздвигли храм, еще более великолепный, чем предполагалось по замыслу. Хотя по договору они должны были построить храм из известкового туфа, но соорудили фасад его из паросского мрамора»*.

Этим Клисфен и его сородичи заслужили благоволение жрецов, и те решили помочь им в борьбе с Гиппием. Орудием исполнения тайных планов была избрана Спарта — самый сильный в военном отношении из греческих полисов. Ни для кого не было секретом, что спартанцы чрезвычайно набожны и свято верят любым прорицаниям Дельфийского оракула. Этим-то и воспользовались жрецы. Всякий раз, когда спартанские послы прибывали в Дельфы, чтобы спросить Аполлона по тому или иному делу, им давался от имени бога один и тот же ответ: «Освободите Афины от тирании».

Это был совершенно безошибочный ход: Спарта отличалась отрицательным отношением к любым тиранам, и теперь ей представлялся новый случай доказать это на деле. Соответственно, она не заставила себя долго упрашивать. В 510 г. до н. э. в Аттику вступило

⁸ При Дельфийском храме Аполлона существовал **оракул** — священное место, где, по представлениям древних греков, можно было получить от бога предсказание будущего или совет. Дельфийский оракул пользовался огромным авторитетом во всей Элладе.

сильное спартанское войско, которое вел царь Клеомен I. В рядах этого войска находились Алкмеониды и другие изгнанные афинские аристократы.

Гиппий был в замешательстве. Собственным согражданам он не доверял и, чтобы попытаться отбить нападение, вызвал отряд конницы из союзной Фессалии. Однако прославленная спартанская фаланга легко опрокинула строй фессалийских кавалеристов. После этого Клеомен осадил Гиппия и членов его семьи на Акрополе, в городской цитадели. Для рассказа о дальнейших событиях лучше всего предоставить слово Геродоту (V. 65):

«Однако лакедемоняне⁹, конечно, никогда бы не захватили крепости и Писистратидов (они ведь не намеревались вести осады, а Писистратиды сумели хорошо обеспечить себя продовольствием и питьевой водой). После немногих дней безуспешной осады спартапцы возвратились бы в Спарту, если бы тут не произошло события, рокового для осажденных и счастливого для осаждающих: сыновья Писистратидов попались в плен при попытке тайно увезти их из Аттики в безопасное место. Это обстоятельство смешало все расчеты Писистратидов, и им пришлось взамен выдачи детей сдаться на поставленных афинянами условиях: покинуть Аттику в течение пяти дней».

Таков был конец афинской тирании. Свергнутый Гиппий со своими родственниками и сторонниками отправился в Сигей в Малой Азии, а вскоре он оказался при дворе персидского царя Дария I. Бывший тиран пока еще не оставлял надежд на реванш: ведь он помнил, что его отца два раза изгоняли из Афин, а тот снова и снова возвращался.

А как вел себя афинский демос в пору изгнания Гиппия? С одной стороны, он, по сути дела, не принял в нем участия, оставаясь пассивным зрителем происходящего. Факт остается фактом: тирания в Афинах была ликвидирована в результате не народного восстания, а внешнего вмешательства. Если бы не Спарта, взрыва возмущения рядовых граждан против Писистратидов, похоже, пришлось бы ждать очень и очень долго. Но с другой стороны, демос и не поддержал тирана. И в этом смысле можно сказать, что тирания в Афинах пришла к своему естественному концу.

Возвратившиеся на родину с армией Клеомена афинские евпатриды-«политэмигранты», как говорится, ничего не забыли и ничему

⁹ У Спарты было и другое название — Лакедемон. Поэтому античные авторы часто называют спартапцев лакедемонянами.

не научились. Они тут же вновь развязали междоусобную борьбу, да и в целом вели себя так, как будто опять наступили дописистратовские времена или как будто с этих времен ничего не изменилось. Однако на самом деле общество, в котором они жили, стало иным, как бы они ни старались этого не замечать. За годы тиранического режима демос настолько освободился от влияния знати, от ее традиционного авторитета, что был готов к установлению демократии. Может быть, в этом и заключается главный итог правления Писистрата и Гиппия, которое в общей сложности продолжалось (с перерывами) около полувека.

Экскурс 1

Аристократическая демократия

Афины в 510 г. до н. э. стояли на самом пороге демократического государственного устройства. В дальнейшем нам предстоит говорить о его рождении, становлении, развитии. Однако внимательный читатель, наверное, уже теперь заметил, что те государственные деятели, с которыми связано создание первых предпосылок демократии, сами были выходцами из аристократических кругов.

Солон, проводивший реформы, без которых дальнейший путь к народовластию был бы невозможен, происходил из рода древних афинских царей. Ничуть не менее «благородным» было происхождение Писистрата и Гиппия — а ведь они, что бы ни говорить, тоже внесли определенный вклад в пробуждение политической сознательности граждан, в их высвобождение от влияния евпатридов. Совсем недавно мы впервые встретили Клизфена, главу знатного рода Алкмеонидов, и скоро мы узнаем о том, что именно ему суждено было стать «отцом афинской демократии». Потом речь пойдет о крупнейших лидерах афинского демоса в V в. до н. э. — Фемистокле, Аристиде, Кимоне, Перикле. И все они тоже окажутся аристократами! Правда, одни были членами богатых и могущественных родов и семей, а другие — обедневших и пришедших в упадок. Но ни одного из них нельзя назвать представителем простого народа.

Как же разгадать эту загадку? Почему демос позволял аристократам становиться его политическими вождями? И — не менее интересно — почему сами аристократы (не все, конечно, но многие из них) выбирали этот путь и, вместо того, чтобы защищать интересы

и привилегии собственного сословия, переходили на сторону рядовых граждан?

На первый из двух поставленных вопросов ответить значительно легче. Демос вынужден был вплоть до конца V в. до н. э. прибегать к услугам аристократов, потому что иного выхода у него просто не было. Выдвинуть из своей среды лидеров — образованных, опытных, умеющих управлять государством — народная масса в ту пору еще не могла. Таких лидеров можно было взять только из среды знати. И поэтому, хоть демос и не вполне доверял знатым вождям, но тем не менее избирал их на высшие полисные должности, ставил во главе армий в военное время, слушал их советы. Должно было пройти время, прежде чем простые аттические крестьяне, ремесленники, торговцы смогли реально взять всю полноту власти в свои собственные руки и аристократы оказались больше не нужны.

Но почему сами афинские евпатриды шли на службу к демосу, проводили политику, направленную на его усиление? Это придется объяснить подробнее, заодно развеяв некоторые устоявшиеся в массовом сознании мифы. Очень часто считается, что аристократия в Древней Греции была слоем консервативным, державшимся за старое, противившимся любому прогрессу, реформам, переменам. Но так ли это на самом деле?

Подобные суждения порождены в основном параллелями с европейской аристократией Нового времени. Чаще всего говорят в данной связи о французских аристократах конца XVIII в. Справедливо указывают на то, что во время Великой Французской революции 1789–1793 гг. знать в массе своей выступала решительной защитницей монархии, «старого режима». Ее представители либо поднимали контрреволюционные мятежи, либо уходили в эмиграцию. Если отдельные аристократы и оказывались участниками революционного движения, то лишь в рамках наиболее умеренного его крыла. А лидеры самых радикальных течений были все как один выходцами из «третьего сословия», из незнатных слоев общества.

Все это, безусловно, верно. Однако часто забывают вот о чем. Аристократия, игравшая консервативную и реакционную роль в различных ситуациях Нового времени, была аристократией уже разлагающейся. Она заботилась только о сохранении собственных привилегий и не желала ни с кем их делить. Совсем иначе обстояло дело в античном греческом мире, особенно в течение архаической и следующей за ней классической эпох. Здесь перед нами — не дряхлеющая, а молодая, полная сил аристократия, смотрящая, так сказать, не назад, а вперед.

В то время во главе любых реформ, любых прогрессивных перемен и сдвигов всегда стояли представители аристократической верхушки общества. Иными словами, евпатридская знать не только не являлась самым консервативным, реакционным слоем; напротив, она была, пожалуй, меньше всего склонна к консерватизму.

Причины этого вполне ясны. Аристократам не приходилось заниматься повседневным трудом, и они располагали большим количеством досуга. А ведь досуг очень важен для духовного и интеллектуального развития личности, да и не только личности. Древнегреческая цивилизация произвела на свет такое колоссальное количество шедевров в области культуры во многом именно потому, что она была, по удачному выражению некоторых ученых, «цивилизацией досуга».

Досуг делал раннюю греческую аристократию, бесспорно, самой образованной частью общества. Следовательно, она имела самый широкий кругозор, привыкала смотреть на вещи широко, без комплексов. Потому-то аристократы были более чем кто-либо восприимчивы ко всем новым веяниям. Достаточно вспомнить хотя бы о Солоне: этот потомок царей был, без преувеличения, передовым мыслителем и деятелем своей эпохи.

Оплотом же консервативных настроений было в Греции (как, наверное, всегда и везде) прежде всего крестьянство. Сам образ жизни крестьянина — размеренный, циклический, традиционный, от года к году, от урожая к урожаю, — влек за собой неприятие любых новшеств, если они не маскировались под восстановление старинного порядка вещей.

Итак, афинские аристократы VI и особенно V веков до н. э. отнюдь не были «врагами народа», выразителями антидемократической идеологии. Напротив, само формирование классической демократии стало во многом результатом волевых действий аристократических по своему происхождению, положению и мировоззрению лидеров — от Солона до Перикла. Все чаще эти знатные вожди начинали обращаться напрямую к демосу, поскольку каждый из них хотел одержать верх над соперниками, опереться на нового и сильного союзника. А именно таким союзником и была масса рядовых граждан!

Этот метод политической борьбы доставлял отдельным евпатридам сиюминутные выгоды, но в конечной перспективе приводил к перетеканию властных полномочий из рук знати в руки всего гражданского коллектива. Складывалась парадоксальная ситуация: аристократы создавали демократический строй — строй, в котором для них самих рано или поздно должно было не остаться места.

Но все это лишь предстояло в будущем. А пока выходцы из древних родов искренне и честно шли на службу демократическому полису, не отрывали своих интересов от его нужд. Приведем только один пример. Одним из самых ярких и блистательных афинских государственных деятелей и полководцев первой половины V в. до н. э. был Кимон, о котором мы подробнее узнаем из следующей главы. Кимон принадлежал к знатнейшим аристократам, являлся главой рода Филаидов, богатым человеком и крупным землевладельцем. Но можно ли назвать его противником демоса и демократии? Ни в коей мере. Пр процитируем несколько строк из Плутарха, которые дают представление о стиле политического поведения Кимона:

«Он велел снять ограды, окружавшие его владения, дабы чужеземцы и неимущие сограждане могли, не опасаясь, пользоваться плодами, а дома у себя приказывал ежедневно готовить обед, хотя и скромный, но достаточный для пропитания многих. Каждый бедняк, если хотел, приходил на обед и получал пищу и, не будучи вынужден зарабатывать себе на пропитание, мог заниматься только общественными делами... Его (Кимона) постоянно сопровождали двое или трое юношей в богатой одежде, и если им случалось встретить какого-нибудь убого одетого старика из горожан, один из них менялся с ним платьем — зрелище, казавшееся величественным. Те же юноши, щедро снабженные мелкими деньгами, замечая на площади людей бедных, но порядочных, останавливались подле них и молча вкладывали им в руку несколько монет» (Плутарх, Кимон, 10).

Таков был образ жизни самого, если можно так выразиться, «аристократичного» из афинских аристократов и его окружения. Можно конечно, назвать это все политической демагогией, популизмом и пропагандой, «пиаром», как сейчас модно говорить. Хотя, с другой стороны, если друзья Кимона занимались пропагандой, зачем же они вкладывали беднякам в руку деньги молча, то есть тайно? Вроде бы при этом нужно произносить какие-то агитационные лозунги (как это и делается в наше время). Нет, поведение Кимона больше похоже на искреннюю благотворительность, чем на популизм.

Но даже если вести речь о популизме, все равно — не этого могли бы мы ожидать от антидемократически настроенного лидера. Разве враг демоса и олигарх стал бы заботиться о том, чтобы беднейшие из его сограждан не тратили времени на добывание «хлеба насущного», а посвящали себя общественным, полисным делам?

Ни в коем случае не следует бездумно ставить знак равенства между понятиями «аристократы» и «олигархи». В одной из следую-

ших глав мы увидим, что в конце V в. до н. э. достигло пика олигархическое движение. Так вот, оказывается, в это время среди лидеров антидемократических группировок — **гетерий** — почти не было, за редкими исключениями, членов старинных евпатридских родов. Основной социальной базой потрясших Афины олигархических переворотов был слой зажиточных крестьян, служивших в войске в качестве гоплитов. Именно эти люди в кризисных условиях отвернулись от радикальной демократии, которая, кстати сказать, во многом и сама скомпрометировала себя. Аристократы же, повторим, внесли наибольший вклад как раз в демократизацию афинского полиса.

Подведем некоторые предварительные итоги. Демократия в Афинах, которой посвящена эта книга, росла и зрела постепенно, формируясь первоначально в недрах аристократического строя. На протяжении веков господства знати выработанные ею ценности и традиции пропитали собой все стороны жизни полиса. И впоследствии они оказались неискоренимыми. Это придало античной демократии неповторимый колорит: государство, демократическое по своему политическому устройству, оказывалось одновременно аристократическим по своему внутреннему духу. Можно назвать этот феномен «аристократической демократией».

«Аристократическая демократия» — читателям, возможно, покажется странным это сочетание двух, казалось бы, несовместимых вещей. И тем не менее такой острый и пытливый ум, как Аристотель, вполне допускал такую постановку вопроса. В одном месте своего фундаментального труда «Политика» он описывает государственное устройство, при котором, с одной стороны, все допущены к власти, что является демократической чертой, а с другой — высшие должности находятся в руках людей знатных, что представляет собой черту аристократическую. *«Единственно таким образом, — утверждает философ, — мыслимо объединение аристократии и демократии: стало бы возможным и для знати и для народной массы иметь то, чего и та и другая для себя желает»* (Аристотель, Политика, V. 1308b39 слл.).

Объединение аристократии и демократии... А ведь это в известном смысле можно назвать политическим идеалом. О чем-то подобном писал в начале XX века выдающийся русский мыслитель Н. А. Бердяев, убежденный, что с демократизмом в политической жизни должен сочетаться аристократизм в духовной сфере: «Демократия может ставить своей целью подбор лучших и установление царства истинной аристократии... Торжеству начала аристократического может

способствовать начало демократическое, когда оно не имеет самодовлеющих притязаний»¹⁰.

Можно сказать, что Аристотель в цитированном месте описывал вымышленное, гипотетическое, а не реальное государственное устройство. Однако в демократических Афинах времен их высшего расцвета дело обстояло именно так: аристократы, как правило, занимали высшие должности в полисе, а демос контролировал их деятельность через народное собрание и суд присяжных.

Даже при демократии в афинской социокультурной среде господствовали некоторые ключевые концепции аристократической идеологии. Среди них — вера в то, что человеческие качества и способности передаются по наследству, что возможны преимущества «от рождения». Отсюда — отношение к аристократии как к особой сословной группе. Юридически эта группа не имела и не могла иметь никаких привилегий в демократическом государстве, где все были равны. Но на практике каждый афинянин V века до н. э., безусловно, прекрасно отличал аристократа от неаристократа. Представители знати гордо называли себя «прекрасными и доблестными» (по-гречески «калой кагатай»). Самое главное, что и демос признавал за ними право на такое самоназвание.

Древнегреческой аристократии было свойственно тяготение к республиканской форме правления. Это нетрудно объяснить: каждый евпатрид считал себя ничуть не хуже остальных и не желал допустить, чтобы над ним первенствовал, тем более властвовал кто-то другой. Общество аристократов было «обществом равных». Собственно, именно поэтому знать уже в начале архаической эпохи отстранила от власти царей; именно поэтому она с неприязнью относилась к тиранам.

Рядовые же граждане, как мы видели, зачастую в принципе ничего не имели против тирании, если единоличный правитель проводил устраивавшую их политику. Вспомним, с каким уважением и любовью относились аттические крестьяне к Писистрату. Но в конечном счете республиканский принцип восторжествовал и достиг в эпоху демократии своего наивысшего развития. Во многом это — заслуга аристократов.

В демократических Афинах прочно утвердилась определенная шкала норм «джентльменского» поведения. Эти нормы включали в себя, например, культ доблести и славы, особенно военной, а также отрицательное отношение к любому физическому труду, кроме зем-

¹⁰ Бердяев Н. А. *Философия неравенства*. М., 1990. С. 125, 140.

ледельческого. Нетрудно заметить, что подобного рода «моральный кодекс» мог быть позаимствован демосом только у аристократии.

Одним из главных критериев оценки гражданина в Афинах даже при демократии оставалось его происхождение. Считалось, что если предки человека были достойными людьми, то и сам он заслуживает авторитета. И наоборот, у низких и порочных предков могут быть только такие же потомки. Кстати, это вызывало у греков интерес к прошлому, обостренное внимание к собственным родословным. Тот, кто был способен перечислить длинный ряд своих дедов и прадедов, уже тем самым мог претендовать на уважение со стороны сограждан.

Итак, аристократические духовные ценности сохранялись. Но в ходе демократизации полиса они распространились на весь гражданский коллектив, на весь демос. Этот момент чрезвычайно важен, поэтому попробуем разъяснить его чуть поподробнее.

Мировая история знала два «рождения демократии». В первый раз это произошло в античности, в мире греческих полисов, а во второй — в Новое время, в ходе буржуазных революций в странах Европы и Северной Америки. Но пути установления демократии в том и в другом случае принципиально отличаются друг от друга. Чтобы увидеть это, достаточно сравнить, скажем, Великую Французскую революцию с «афинской революцией», как иногда называют череду событий, приведших к формированию народовластия в Афинах.

Великая Французская революция, как известно, лишила аристократию всех ее привилегий. В афинском же полисе произошло совсем наоборот: эти привилегии остались в силе, но были перенесены с узкой прослойки знати на всю массу граждан. В первом случае высшие слои общества были опущены до уровня низших, а во втором — низшие подняты до уровня высших. Иными словами, демос Афин не ликвидировал аристократию, а сам во всей совокупности как бы стал аристократией. Во всяком случае, именно так воспринимал ситуацию он сам. Потому-то афинскую демократию и можно назвать «аристократической».

Уже в силу этого нельзя считать, что демос был принципиально враждебен аристократии. Ведь ценности-то у них были общими! Конечно, если мы скажем, что отношения рядовых граждан и их знатных лидеров были идиллическими, бесконфликтными, это тоже будет крайностью. Напротив, мало в каком другом обществе представители политической элиты испытывали столь подозрительное отношение со стороны гражданского коллектива, подвергались столь

частым опалам и преследованиям. Нам еще предстоит не раз убедиться, какой горькой и трагичной была судьба большинства видных афинских политиков.

Но это — совсем другой вопрос, не имеющий никакого отношения к противостоянию сторонников и противников демократии. Гонения в равной степени обрушивались на политических деятелей всех направлений, в том числе и на тех, чей демократизм абсолютно бесспорен (как у Фемистокла или Перикла). Афинская демократия ниспровергала любого видного политика, как только он, во-первых, начинал восприниматься как слишком влиятельный и угрожающий полновластиям народа, а во-вторых — и это еще важнее, — как только он переставал быть нужным.

Конечно, «аристократическая демократия» — это лишь одна страница богатой событиями афинской истории. Она была переходным этапом на пути от правления знати к правлению демоса и представляла собой своеобразное двоевластие: ни знать, ни демос не могли поодиночке осуществлять всю полноту власти (первая была для этого уже недостаточно сильна, а второй — *еще* недостаточно силен), и им приходилось ее делить. Как конкретно это происходило — нам еще предстоит увидеть. На последних стадиях эволюции афинской демократии, в IV в. до н. э., народ полностью взял бразды правления в свои руки и вытеснил аристократию из политической жизни.

Видимо, таков был неизбежный ход истории. И все-таки мы должны воздать должное афинским евпатридам. Такие ценности, как политическая свобода, высокая ценность личности, равенство граждан перед законом, коллективный и выборный характер властных органов, прочно вошли в арсенал демократии. Но не следует забывать о том, что зародились эти ценности в аристократической среде и в аристократическую эпоху.

Глава II

СОЛНЦЕ ВОСХОДИТ

Выбор Клисфена

Как только была ликвидирована тирания Писистратидов, в Афинах вновь началась острая внутривнутриполитическая борьба между представителями знатных родов. Два аристократических лидера вступили в непримиримое соперничество друг с другом. Одного из них звали Исагор, и происходил он из рода Филаидов. Другим был уже знакомый нам Клисфен — глава рода Алкмеонидов. Оба вождя приняли деятельное участие в свержении Гиппия, а теперь каждый из них стремился занять первенствующее положение в полисе.

На фоне активности аристократов афинский демос на первых порах по-прежнему оставался молчаливым и пассивным большинством. Он подчинялся традиционному авторитету знати, следовал в русле ее влияния. Однако ситуация стремительно менялась, и довольно скоро наступил тот момент, когда масса рядовых граждан стала решающим участником событий, главным действующим лицом. Это произошло в 508 г. до н. э.

В этом году на выборах высшего должностного лица государства — архонта-эпонима — победу одержал Исагор. Его противник Клисфен не мог выставлять свою кандидатуру. Ведь, как мы видели, он уже был архонтом, а эту должность по афинским законам дозволялось занимать только один раз в жизни. Очевидно, Клисфен поддерживал на выборах 508 г. до н. э. кого-то из своих сторонников, но его кандидат потерпел поражение.

И вот тут глава Алкмеонидов — человек очень умный и дальновидный — решился на беспрецедентный шаг. Он понимал: чтобы одолеть Исагору, ему необходим новый и сильный союзник. Но где взять такого союзника в условиях, когда все члены межаристокра-

тической борьбы давно уже определили свои позиции? А между тем такая новая сила имелась, более того — она была буквально на виду. Вот только никому из евпатридов до Клисфена не пришло в голову опереться на эту силу. Ею был афинский демос.

Его-то и привлек Клисфен на свою сторону. Он напрямую обратился к массе рядовых граждан и пообещал ей в обмен на поддержку провести широкие демократические реформы. Это решение стало поистине судьбоносным. Впервые афинская политическая борьба вышла за узкие рамки знатных родов и приобрела тем самым совершенно новый характер.

Демос охотно поддержал Клисфена. В среде простонародья уже зрело недовольство порядками, установившимися после свержения тирании. Ведь никакого облегчения рядовые граждане не получили. Скорее напротив — их положение, пожалуй, только ухудшилось после возвращения от режима единоличной власти к правлению знати. Ведь в глазах евпатридов их единственным уделом было вечное подчинение.

Интересно, что сразу после изгнания Гиппия правящая аристократия произвела пересмотр списка граждан. По его результатам было объявлено, что многие афиняне незаконно получили гражданские права при тиранах, и они лишились этих прав. Не удивительно, что многие крестьяне и ремесленники стали с ностальгией вспоминать о временах Писистратидов.

На это-то народное недовольство и сделал ставку Клисфен. Ставка оказалась беспроигрышной: возглавив движение демоса, став его неформальным лидером (**простатом**), глава Алкмеонидов обеспечил себе полную победу над всеми соперниками. В начале 507 г. до н. э., еще в архонтство Исагора, прошли выборы высшего должностного лица на следующий срок. Их итоги были в высшей степени благоприятными для Клисфена: первым архонтом был избран его родственник и сторонник Алкмеон. Сам Клисфен, хотя и не занимал никакой официальной должности, фактически выдвинулся на роль самой влиятельной фигуры в полисе.

Происходящее вызывало сильную тревогу у Исагора. Он ясно видел, что его положение пошатнулось, что власть и авторитет уходят из его рук, но не знал, что предпринять. В конце концов он не придумал ничего лучшего, как обратиться за помощью к своему другу — спартанскому царю Клеомену I, иными словами, спровоцировать внешнее вмешательство в дела Афин. Этим поступком Исагор проявил себя как предатель интересов собственного государства и тем самым окончательно подорвал свою репутацию.

Клеомен, отличавшийся непомерными амбициями, был разгневан, получив весть, что ситуация в Афинах уходит из-под его контроля. Ведь он полагал, что афинский полис, освобожденный спартанским войском от тирании, будет за это верным и преданным союзником Спарты. Царь решил вступить за Исагору. Он немедленно с гонимско-сорохом послал Клисфену приказ покинуть Афины. Клисфен дипломатично удался. А вскоре после этого в Аттику прибыл сам Клеомен с небольшим отрядом, чтобы навести там «порядок» по своему усмотрению.

Но дальше события стали развиваться совсем не так, как ему хотелось. Об этом рассказывает Аристотель (Афинская политика, 20. 3): *«Клеомен, придя с небольшим отрядом, начал гнать из города... семьсот афинских семейств (очевидно, это были Алкмеониды и другие сторонники Клисфена). Приведя это в исполнение, он пытался низложить Совет и отдать город под власть Исагора и трехсот его приверженцев. Однако Совет оказал сопротивление¹ и собрался народ. Тогда сторонники Клеомена и Исагора убежали на Акрополь, а народ, обложив их там, осаждал в течение двух дней; на третий день отпустили Клеомена и всех бывших с ним, обеспечив им свободный выход».*

Просто-таки бросается в глаза, насколько по-разному афинский демос повел себя в 510 и в 507 гг. до н. э. Когда Клеомен изгонял из города тирана Гиппия, подавляющее большинство афинян, как мы видели, отнеслось к этому совершенно безучастно, и не подумав поддержать своего правителя. А вот теперь, когда тот же самый Клеомен попытался изгнать Клисфена, весь город поднялся на его защиту. После того как спартанский царь удался «несолоно хлебавши», Клисфен — в который уже раз — с триумфом возвратился на родину.

Однако все в Афинах понимали: разъяренный Клеомен будет мстить. С месяца на месяц следовало ожидать вторжения в Аттику нового спартанского войска, на этот раз гораздо более многочисленного. Чтобы найти хоть какой-то выход из положения, Клисфен пошел даже на довольно сомнительное предприятие. По его инициативе в Сарды — центр персидских владений в Малой Азии — было отправлено афинское посольство с просьбой о помощи против Спарты и военном союзе. Послов принял сатрап (наместник) Артаферн. Этот надменный перс, как передает Геродот (V. 73), заявил: *«Если*

¹ Не вполне ясно, какой Совет здесь имеется в виду — Совет Арелопага или Совет Четырехсот.

афиняне дадут царю землю и воду, то он заключит союз, если же нет, то пусть уходят».

На дипломатическом языке персов «дать царю землю и воду» означало — подчиниться, признать свою зависимость от великой Персидской державы. И афинские послы совершили этот символический акт! Впоследствии дорого обошлась афинянам эта ошибка. Ведь отныне владыки Персии стали считать их своими подданными.

По возвращении в Афины (а это было уже в 506 г. до н. э.) послы, по словам Геродота (V. 73), *«подверглись суровому осуждению за эти самостоятельные действия».* Дело в том, что за время их отсутствия ситуация коренным образом изменилась. Клеомен, получивший достойный отпор, действительно пылал жадой мести. Он понимал, что предыдущая неудача была обусловлена малым размером отряда, с которым он явился, и намеревался на этот раз не повторить подобного упущения.

В 506 г. до н. э., когда послы были еще в Персии, на Афины двинулось сильное войско, в которое входили отряды не только из Спарты, но и из других полисов Пелопоннеса, признававших первенство спартанцев и объединенных в так называемый Пелопоннесский союз под спартанским главенством. Клеомен взял с собой Исагора, которого хотел-таки видеть у власти в Афинском государстве. Не следует, впрочем, думать, что он стремился сделать Исагора тираном Афин. Спарта, как мы уже знаем, отличалась отрицательным отношением к режимам единоличной власти. Ей гораздо милее были олигархические порядки, при которых правление находилось в руках «лучших», самых знатных граждан. Такую олигархию и хотели спартанцы восстановить в Афинах: им явно не по душе была рождавшаяся в этом городе демократия.

Пелопоннеское войско уже вступило в Аттику и заняло важный религиозный центр Элевсин. Одновременно — видимо, по предварительномуговору, — на территорию афинского полиса вторглись с севера беотийцы, а с востока — олигархи из города Халкида на Эвбее. Угроза независимости Афин и только что установившемуся в них народовластию была серьезнее, чем когда-либо.

Но внезапно в наступавшей с Пелопоннеса армии возникли внутренние раздоры. Вторым (после Спарты) по силе и влиянию в Пелопоннеском союзе полисом был богатый Коринф. Когда цель похода была уже, казалось, совсем близка, коринфяне вдруг отказались от участия в военных действиях и возвратили свой контингент на родину. По мнению Геродота (V. 75), они *«сообразили, что посту-*

пают несправедливо, и одумались». Поведение Коринфа не могло не повлиять на настроения в рядах остальных союзников Спарты, и они тоже стали один за другим отправляться по домам. Так развалилось все задуманное Клеоменом предприятие. Царь и на этот раз ничего не добился.

Афиняне же, воспользовавшись столь неожиданным спасением от самого опасного врага, немедленно ударили по беотийцам и халкидянам, которые остались без поддержки со стороны спартанцев, и нанесли им поражение. У Халкиды даже была отнята часть территории, и там было основано поселение афинских граждан (**клерухия**). Юная демократия одержала свою первую победу.

О причинах этой победы очень хорошо написал Геродот (V. 78): *«Итак, могущество Афин возрастало. Ясно, что равноправие для народа... — драгоценное достояние. Ведь, пока афиняне были под властью тиранов, они не могли одолеть на войне ни одного из своих соседей. А теперь, освободившись от тирании, они заняли безусловно первенствующее положение. Поэтому, очевидно, под гнетом тиранов афиняне не желали сражаться как рабы, работающие на своего господина; теперь же после освобождения каждый стал стремиться к собственному благополучию».*

Эти слова, ясные и сами по себе, можно еще яснее понять, если учесть, что при тирании вооруженные силы Афин состояли в основном из наемников. А теперь воинами были сами граждане, сражавшиеся не за страх, а за совесть, не за плату, а за свободу и процветание родного полиса.

Тем временем неугомонный Клеомен по-прежнему питал надежду увидеть своего ставленника во главе афинского полиса. Правда, от поддержки совершенно скомпрометировавшего себя Исагора он теперь отказался. Вскоре в Спарту по его приглашению прибыл не кто иной, как... изгнанный афинский тиран Гиппий. Несколько лет назад спартанский царь сыграл главную роль в его свержении, а теперь сам же хотел восстановить его у власти. Однако конгресс полисов — союзников Спарты не одобрил подобную идею. Особенно протестовали те же коринфяне, недовольные тем, что спартанцы так часто меняют позицию. Гиппий уехал обратно в Персию. А афиняне смогли вздохнуть спокойно, освободившись на некоторое время от внешней угрозы.

«Афинская революция» — так иногда называют в науке череду событий 508–506 гг. до н. э., о которой мы только что рассказали. Значение этих событий трудно переоценить. Движение, направленное одновременно «сверху», от Клизфена, и «снизу», от массы ря-

довых граждан, привело к тому, что победивший демос взял власть в свои руки, стал господином государства. Может быть, Клисфен уже и сам был не рад такому развитию ситуации. Но теперь ему оставалось одно: проводить те реформы, которые он обещал народу и которых от него ожидали.

Рождение демократии

Какие же реформы провел Клисфен, став простатом демоса и одержав верх над всеми противниками во главе с Исагором? Реформы эти растянулись на несколько лет. Первые из них начались, насколько можно судить, даже еще до того, как Исагор был изгнан из Афин. А последние завершились уже в самом конце VI в. до н. э. Следует помнить, что Клисфен проводил эти реформы, не будучи ни тираном, ни архонтом и вообще не занимая никакой государственной должности. Очевидно, он был облечен особыми полномочиями — составлять проекты новых конституционных законов и вносить их на рассмотрение народного собрания.

Лучше всего известной из клисфеновских реформ стало введение нового — и очень сложного — административного деления афинского полиса. Вместо прежних четырех ионийских фил, происхождение которых уходило в незапамятную древность, все государство отныне было поделено на десять новых, искусственно созданных фил. Эти новые филы, примерно равные по размеру, являлись одновременно группами граждан и территориальными единицами, однако (и вот тут начинается самое трудное для изложения и понимания) не едиными внутри себя. Каждая фила состояла из трех частей — **триттий**, причем триттии, входящие в филу, располагались в разных частях Аттики: одна — на территории самого города Афин или его ближайших окрестностей, вторая — на побережье, третья — во внутренней части страны. Триттии одной филы, как правило, даже не граничили друг с другом.

Триттии делились далее на демы — самые мелкие административно-территориальные единицы. Демов было более ста. Каждый из них представлял собой либо деревню или поселок, либо один из районов города Афин. Напомним, что слово «дем» нам уже знакомо. В Аттике демами издревле назывались сельские поселения. Но основными, первичными ячейками государства сделал их именно Клисфен. По своему устройству дем был как бы полисом в миниатюре.

В нем собиралось народное собрание, голосованием принимались постановления, ежегодно избиралось высшее должностное лицо — демарх, велись списки граждан. Кстати, интересно, что по-гречески слова «дем» и «народ» пишутся и звучат одинаково (демос).

Каждый афинский гражданин был приписан к тому дему, в котором он жил. В дальнейшем он сам и его потомки сохраняли эту «прописку», даже если они меняли место жительства и перебирались в другую часть Аттики. Название дема было включено составной частью в официальное имя гражданина. Например, полное имя самого Клизфена после реформы стало звучать так: «Клизфен, сын Мегакла, из Алопеки»².

Каков главный смысл клизфеновской административной реформы? Зачем потребовались все эти хитросплетения фил, триттий и демов? Этот вопрос не так уж и прост. Аристотель — прекрасный знаток истории государственного устройства Афин — выражается не очень ясно. В трактате «Афинская полития» (21. 2) он пишет: *«Клизфен... начал с того, что распределил всех граждан между десятью филами вместо четырех. Он хотел смешать их, чтобы большее число людей получило возможность участия в делах государства»*. В другом произведении — «Политика» (VI. 1319b20 слл.) — тот же автор дает совет политикам, которые хотят поступать так же, как Клизфен: *«Следует вводить новые филы и фратрии, притом увеличить их число; ...и вообще придумать так хитро, чтобы все граждане как можно больше перемешались между собой, а прежние соединения распались»*.

Итак, ключевой идеей оказывается некое «смешение» граждан. Но как это понимать? И почему от такого «смешения» большее число людей получило возможность участия в полисных делах? Дело в том, что в условиях старинных, традиционных фил и фратрий рядовой гражданин, бедняк не чувствовал себя свободным. Он был привязан сетью наследственных обязательств к аристократу, «первому человеку» той местности, в которой он жил, той фратрии, к которой он принадлежал. И пусть теперь — после реформ Солона — он не мог уже попасть в долговую кабалу к евпатриду. Все равно: что бы он ни делал, он делал это с оглядкой на знатного соседа: как тот отреагирует, не разгневается ли? Так поступали его отец, его дед и прадед, и наш крестьянин по старинке придерживался той же линии поведения.

² Дем Алопека находился поблизости от Афин. Именно в нем располагалась главная резиденция рода Алкмеонидов.

Теперь все стало по-иному. С введением новых фил взамен старых никто ни с кем не был ничем связан, никто никому не был обязан. История полиса в некотором отношении как бы начиналась с нуля. Именно это имеет в виду Аристотель, говоря, что «прежние соединения распались». Граждане были освобождены от древних родовых традиций, от политического влияния знати. Важной становилась только одна связь: между гражданином и государством.

Разумеется, пока так было скорее в теории, чем на практике. На первых порах в реальной жизни крестьяне и ремесленники еще продолжали соотносить свои действия с волей аристократических «патронов». Перелом в сознании — дело непростое, он свершается гораздо медленнее, чем любые политические преобразования. Однако со времен Клисфена рядовой гражданин чем дальше, тем больше сознавал: он свободен и независим, никто — даже аристократ — не может силой навязать ему свою волю. Но у свободы была и своя обратная сторона: ответственность. Теперь демос должен был сам брать на себя бремя трудных решений; теперь на его плечах лежала судьба государства.

Преобразование системы фил дало Клисфену и еще одну возможность: при «перекройке» подразделений гражданского коллектива расширить рамки этого коллектива, включить в него новых граждан. О такой мере сообщает Аристотель (Политика, III. 1275b36 сл.): *«Клисфен после изгнания тиранов... вписал в филы многих иноземцев и рабов»*. Скорее всего, среди этих «вновь вписанных» граждан немалую часть занимали те, кто получил гражданские права при тирании, а сразу после свержения Гиппия лишился их. Теперь эти люди, конечно, смотрели на Клисфена как на своего благодетеля и пополнили ряды его сторонников.

Да и в целом глава Алкмеонидов не был бы афинским аристократом, если бы он, проводя демократические реформы, при этом не постарался бы угодить и своему собственному роду, улучшить его политические позиции. Ученые давно уже заметили, что новое деление полиса на филы, триттии и демы учитывало интересы Алкмеонидов. Члены этого рода в конце VI в. до н. э. жили в трех демах неподалеку от Афин (Алопека, Агрила и Ксипета). Клисфен включил эти демы в состав разных фил. Тем самым Алкмеониды получили очень влиятельную позицию сразу в трех из десяти аттических фил.

Но, каковы бы ни были субъективные намерения реформатора, объективно его преобразования шли на пользу демосу. При Клисфене все граждане, независимо от своего социального положения, получили практически равные политические права. Правда, некото-

рое время существовали еще доставшиеся по наследству от аристократического строя ограничения для беднейших граждан при занятии высших должностей. Например, чтобы стать архонтом, афинянин должен был принадлежать к первому или второму из четырех имущественных классов. Но теперь эти требования строго не соблюдались. Зевгит или даже фет мог, выставляя свою кандидатуру, просто заявить, что он принадлежит к классу всадников, и на это смотрели «сквозь пальцы».

Да и сами должности архонтов стали постепенно утрачивать прежнее значение. В ходе реформ Клисфена была учреждена новая коллегия из десяти должностных лиц, именовавшихся **стратегами** (военачальниками). Стратегом мог быть избран сроком на год путем открытого голосования в народном собрании (голосовали поднятием рук) любой афинский гражданин, независимо от своего происхождения и имущественного положения. При этом если архонтом можно было стать только один раз в жизни, на должность стратега дозволялось избираться неограниченное количество раз. Таким образом, эта должность, безусловно, по самой своей природе была демократичнее, чем должность архонта.

Вначале стратеги имели только военные полномочия — командовали афинской армией на полях сражений. Но ведь мы уже знаем: полисная армия — это не что иное, как ополчение граждан. А значит, в условиях полиса военные вопросы были совершенно неотделимы от гражданских. В результате со временем стратеги стали перенимать новые и новые функции государственного управления. В конце концов коллегия стратегов стала напоминать кабинет министров в современных государствах. Стратеги вносили проекты законов на рассмотрение народного собрания, ведали многими финансовыми делами, могли выступать в качестве дипломатов. А архонты все больше оттеснялись на задний план. Уже через несколько десятилетий они превратились в «декоративные», представительские фигуры и считались высшими должностными лицами лишь формально.

В связи с реформами Клисфена, особенно в связи с реформой фил, встал вопрос о преобразовании Совета — постоянно действующего органа управления. При Клисфене взамен солоновского Совета Четырехсот был учрежден **Совет Пятисот**. В сущности, этот орган отличался от прежнего в основном лишь по количеству членов, приведенному в соответствие с новым числом фил (десять вместо четырех). В его состав ежегодно избирались с помощью жребия по 50 представителей от каждой филы. Совет Пятисот готовил проекты постановлений для вынесения на рассмотрение народного собрания.

Кроме того, он, ежедневно собираясь на заседания, занимался делами, связанными с текущим управлением. Наряду с Советом Пятисот продолжал существовать и второй Совет — древний Ареопаг.

Клисфен был озабочен тем, чтобы в афинском полисе никогда больше не возродилась тирания. Как предотвратить возможность незаконного захвата власти каким-нибудь влиятельным политиком? Как обезопасить город от нового Писистрата? С этой целью была введена специальная процедура — **остракизм**. С ее помощью политический деятель, который казался демосу «чрезмерно возвысившимся» и поэтому опасным, мог быть безо всякой вины изгнан из государства сроком на 10 лет решением народного собрания.

Остракизм проводился следующим образом. Один раз в год, в день одного из народных собраний, проходившего на Агоре, каждый гражданин писал на глиняном черепке³ имя того политика, который, по его мнению, заслуживал изгнания. Черепки собирались, подсчитывались, и по итогам голосования лицо, получившее наибольшее количество голосов, должно было покинуть полис. При этом изгнанник не лишался своих гражданских прав, его имущество не подлежало конфискации. А по прошествии десяти лет он мог спокойно возвратиться в Афины и по-прежнему заниматься политической деятельностью (конечно, если он не был уже слишком стар для этого).

Процедура остракизма уже в античности вызывала к себе неоднозначное отношение. Вот как, например, оценивает ее Аристотель (Политика, III. 1284b22 слл.): *«Ясно, что при тех видах государственного устройства, которые представляют собой отклонения⁴, остракизм, как средство выгодное для них, полезен и справедлив; но ясно и то, что, пожалуй, с общей точки зрения остракизм не является справедливым»*. И действительно, с одной стороны, перед нами — «наказание без преступления», то есть что-то, явно идущее вразрез с нормами права и морали. Но, с другой стороны, закон об остракизме оказался эффективным средством предотвращения тирании. Пока этот закон применялся, в Афинах ни разу не была принята попытка установления единоличной власти или свержения демократического правления.

³ Черепок по-гречески — «остракон». Отсюда и название всей процедуры — остракизм. Археологи открыли в Афинах тысячи таких надписанных черепков, игравших роль «бюллетеней» при остракизме.

⁴ Аристотель делил все формы государственного устройства на «правильные» и «отклоняющиеся», причем демократию относил к последним.

Настало время подвести итоги реформ Клисфена. Что принципиально нового появилось после них в политической жизни Афин? Можно говорить о трех важнейших результатах преобразований. Во-первых, народное собрание, а не какой-либо иной орган стало отныне не только формально, но и фактически высшим органом власти, реальным носителем верховного государственного суверенитета. Оно стало собираться часто и регулярно; оно являлось последней инстанцией при решении всех встающих перед полисом вопросов. Во-вторых, резко возросла степень участия рядовых граждан в управлении полисом; демос стал гораздо более активным, заинтересованным в судьбе родины. Вспомним еще раз, с каким безразличием отреагировали афиняне на свержение Гиппия. А уже несколько лет спустя они равнодушно и даже пристрастно решали судьбы своих политических лидеров. В-третьих, принцип равенства граждан перед законом, зародившийся уже раньше в аристократической среде, с клисфеновских времен распространился на весь гражданский коллектив: представители знати не имели теперь ровно никаких юридических привилегий по сравнению с массой демоса.

Эти три главных компонента нового политического порядка были, естественно, не изолированными, а находились в теснейшей взаимной связи друг с другом. Действуя в этой взаимной связи, они и привели к торжеству народовластия. Ни одна из реформ сама по себе — ни преобразование системы фил, ни учреждение Совета Пятисот, ни закон об остракизме — не дала бы таких результатов. А вот их совокупность привела, можно сказать, к «переходу количества в качество». Впрочем, самым важным следует считать не ту или иную конкретную реформу, а сам тот факт, что в 507 г. до н. э. демос — не по воле Клисфена, а по собственному почину — стал сам распоряжаться судьбами полиса.

Итак, в ходе клисфеновских преобразований в Афинах сложилась демократия — политическая система, при которой власть в государстве реально и в полной мере принадлежала народу, то есть коллективу граждан. Не случайно несколько лет назад, в 1993 г., во многих странах мира был отмечен знаменательный юбилей — 2500 лет со времени рождения демократического государственного устройства.

Правда, говоря об афинской демократии в том виде, какой она приобрела при Клисфене, не избежать ряда оговорок. Прежде всего самого слова «демократия» в конце VI в. до н. э. в древнегреческом языке еще не было. Оно появилось ближе к середине следующего столетия. А в клисфеновские времена это политическое устройство носило название «*исономия*» (в буквальном переводе — «равноза-

коние», то есть равенство всех граждан перед законом). Видимо, именно эта черта в новых порядках выступала особенно выпукло и выглядела самой привлекательной.

Далее, нельзя не отметить, что ранняя клисфеновская демократия была еще довольно умеренной, чуждой радикальных черт. Ее главной опорой являлся слой зажиточных земледельцев — зевгитов, которые принадлежали к третьему солоновскому имущественному классу и служили в армии в качестве гоплитов. Именно этот слой выступал тогда как основа полиса и в экономическом, и в военном отношении. Зевгиты были людьми солидными, основательными, в чем-то консервативными, привыкшими к традиционному, размеренному образу жизни, стойкими и надежными на полях сражений. Вот какой анекдот приводит Геродот (IX. 75) об одном воине-зевгите по имени Софан: *«Он носил на панцирном поясе прикрепленный медной цепью железный якорь. Якорь этот он всегда выбрасывал, подходя к неприятелю, чтобы нападающие враги не могли его сдвинуть с места в строю. Если же враги бежали, то он брал якорь и так преследовал их».*

Беднейшие афиняне — феты — пока не пользовались большим влиянием, хоть они и составляли большинство. Эти мелкие ремесленники, поденные рабочие, лица без определенных занятий пользовались репутацией шумливой, вечно недовольной своим положением, склонной к смутам толпы. Важной роли в войске они не играли, потому что никому из них было не под силу приобрести доспехи гоплита. А значит, и на ведущую роль в политической жизни они тоже не могли претендовать. Ведь в античном полисе, напомним, место человека в армии и его положение в государстве были тесно связаны.

Наконец, с превращением демоса в самую могущественную силу в Афинах тем не менее не исчезла с политической сцены и аристократия. Да и сам Клисфен — выходец из древнего и знаменитого рода — конечно, не допустил бы этого. На высшие должности еще долго по традиции избирали почти исключительно знатных лидеров, к их мнению старались прислушиваться. Хотя, безусловно, теперь уже коллектив рядовых граждан прочно держал аристократов под своим контролем.

Значение преобразований, которые провел Клисфен в конце VI в. до н. э., колоссально. Реформатор следовал пути, намеченному еще Солоном, но пошел по этому пути гораздо дальше. Афинская демократия сделала свои первые шаги. В дальнейшем, на протяжении следующих двух столетий, она приобрела свои окончательные, клас-

сические черты. Демократию ожидала еще долгая, порой нелегкая история, об основных этапах которой речь впереди. Но начало было положено, кардинальные перемены во всем бытии афинского полиса произошли. Дальше оставалось развивать уже намеченные тенденции.

Тьма с Востока

После реформ Клисфена Афины (как и Греция в целом) вступили из архаической в следующую, **классическую эпоху** своей истории. Эта эпоха (V–IV вв. до н. э.) стала для греков временем апогея, высшего расцвета цивилизации, полисного строя. Буквально во всех сферах жизни — политической, культурной, экономической — Эллада уверенно выдвинулась на первое место в тогдашнем мире. Однако перед тем, как достигнуть пика процветания, страна и народ должны были пройти, пожалуй, через самое серьезное испытание. Уже самое начало нового исторического периода ознаменовалось появлением страшной опасности, которая поставила под вопрос само существование греческих полисов. Эта опасность исходила от великой Персидской державы.

Во второй половине VI в. до н. э. Персия под властью династии Ахеменидов превратилась после ряда успешных завоеваний в колоссальное государство, простиравшееся от Северо-Западной Индии до Египта. Такой империи еще не знала до того история человечества. Она обладала необъятной территорией, многомиллионным и многонациональным населением, неисчерпаемыми природными ресурсами, огромным экономическим и военным потенциалом. При этом новая мировая держава постоянно разрасталась, стремясь подчинить себе все окрестные земли.

Уже в 546 г. до н. э. (как раз тогда, когда в Афинах в третий раз пришел к власти Писистрат) полчища царя Кира — основателя персидского могущества — обрушились на Малую Азию. Покорив Лидию и захватив ее столицу Сарды, Кир вышел к побережью Эгейского моря, где лежали богатые греческие города области Иония. Все эти малоазийские полисы, конечно, не могли противостоять могучему натиску нового врага. Свою роль сыграла и обычная для полисного мира раздробленность: ионийцы не смогли организовать объединенные силы сопротивления, скоординировать свои действия и были вынуждены поодиночке подчиниться персам.

На несколько десятилетий позже, в 513 г. до н. э., в царствование одного из величайших правителей Ахеменидской державы, Дария I — завоеватели сделали первый шаг из Азии в Европу. Дарий, переправившись с сильным войском через Черноморские проливы, двинулся в поход на скифов, которые обитали за Дунаем, в степях Северного Причерноморья. Скифская кампания оказалась неудачной: персидский царь возвратился, не достигнув ровно никаких результатов. Однако побочным итогом похода было то, что персы теперь обосновались и во Фракии, на северном побережье Эгейского моря. А ведь там тоже было немало греческих полисов.

Так персидское владычество распространилось вплоть до областей, которые лежали прямо по соседству с самой Элладой. И именно она должна была стать следующей жертвой экспансии Ахеменидов. Военное столкновение греков и персов представлялось совершенно неизбежным. В конечном счете оно действительно произошло и вылилось в длительную, растянувшуюся на полвека серию Греко-персидских войн (500–449 гг. до н. э.).

И по сей день все, кто пытается дать предварительную сравнительную оценку сил двух сторон, вступивших в конфликт, не могут не поразиться их чудовищной несоизмеримости. Громадной мощи империи Ахеменидов должны были противостоять мелкие, разрозненные, не создавшие единого государства, находившиеся в постоянной борьбе друг с другом полисы Эллады, которые к тому же зачастую ослаблялись внутренними распрями. Но даже между этими полисами не было единомыслия по отношению к персидской угрозе. Некоторые, в том числе весьма крупные и значительные греческие государства (Фивы, Аргос), были склонны либо подчиниться «великому царю» (так греки называли царя персов), либо сохранять нейтралитет — а это было равносильно той же уверенности в грядущем поражении. Такой авторитетный религиозный центр, как Дельфийский оракул, тоже выступал против сопротивления, считая его бесполезным и заведомо обреченным на неудачу.

Таким образом, исход военных действий казался восточным владыкам predetermined заранее. Греция представлялась им легкой добычей, а война наверняка виделась непродолжительной и победоносной. В действительности, однако, события приняли совершенно иной оборот. Вооруженный конфликт оказался в высшей степени затяжным. Не случайно в современной науке, как и в древности, его называют «войнами», а не «войной». Это и на самом деле была целая цепь отдельных военных столкновений, отделенных друг от друга мирными передышками.

Говоря об общем характере Греко-персидских войн, нельзя не отметить, что для воюющих сторон этот характер был полярно противоположным. Для империи Ахеменидов речь шла об очередной захватнической, агрессивной акции, каких немало было в ее истории. А для греческих полисов вопрос стоял иначе: под угрозой оказалась не только их независимость, но более того — само их существование как самобытного типа социально-политической организации. Над греками нависла опасность быть растворенными в громадном механизме мировой державы, стать такими же рядовыми подданными персидских царей, как и десятки других народов. Это могло бы повести к гибели полисной цивилизации, к постепенной утрате достижений древнегреческой культуры, которая развивалась оригинальными, непохожими на древневосточные путями. И уж во всяком случае это повело бы к ликвидации демократического правления.

Началом Греко-персидских войн принято считать восстание, которое в 500 г. до н. э. подняли против персидского владычества греческие полисы Ионии. Центром движения стал самый большой, сильный и богатый из ионийских городов — Милет. Повстанцы создали союз для борьбы с персами и организовали общие вооруженные силы. Однако они прекрасно понимали, что без помощи соплеменников с Балканского полуострова никаких шансов на победу у них нет. Поэтому ионийцы тут же направили послов с просьбой о военном содействии в важнейшие государства Греции — Спарту и Афины.

Спарта в помощи отказала. Когда же ионийское посольство прибыло в Афины, где незадолго до того установилась демократия, в народном собрании развернулись ожесточенные споры. В конце концов афиняне приняли решение направить в Ионию эскадру из 20 кораблей. Это не так уж и мало, если учесть, что весь военный флот Афин насчитывал в начале V в. до н. э. не больше полусотни судов. Однако афинский контингент, прибыв к месту боевых действий, вел себя осторожно, непоследовательно, а при первых же неудачах отбыл на родину.

Впрочем, первоначально Ионийское восстание развивалось довольно успешно. Грекам даже удалось захватить и сжечь Сарды — резиденцию персидского сатрапа. Однако эти первые успехи были обусловлены не превосходством греческих сил, а скорее неповоротливостью персидской административной машины. Лишь через несколько лет после начала восстания царь Дарий I вполне осознал масштаб опасности. Но зато уж после этого он направил в Ионию и Эгейское море огромный флот и мощную армию. Пользуясь огром-

ным перевесом в численности, персы без особого труда подавили сопротивление греков и привели восставшие полисы к покорности. С теми, кто не желал сдаваться, жестоко расправлялись. В 494 г. до н. э. был осажден и взят центр повстанцев — Милет. Процветающий город со славной историей подвергся разрушению, а жители его частью истреблены, частью уведены в Персию в рабство. После этого опустошенный Милет на протяжении нескольких столетий не мог достигнуть былого блеска.

Когда Ионийское восстание было подавлено и власть Ахеменидов над восточным побережьем Эгейского моря восстановлена, у персов были развязаны руки для похода в Балканскую Грецию. Нашелся и подобающий повод: Дарий объявил о своем намерении «покарать» Афины, которые оказали военную помощь его «взбунтовавшимся рабам». Здесь самое время вспомнить о том, что и самих афинян персидские власти считали своими подданными — с той злополучной поры, когда афинские послы опрометчиво дали сатрапу Артаферну «землю и воду».

Было ясно, что нападение персов на Афины неизбежно. Нужно было готовиться к его отражению. А внутри демократического афинского полиса, как обычно, не было единства. Граждане поделились на несколько политических группировок; во главе каждой из них стоял какой-нибудь знатный род.

Самой сильной со времен Клизфена оставалась группировка, которую возглавляли прекрасно известные нам Алкмеониды. Правда, самого «отца афинской демократии» в начале V в. до н. э., судя по всему, уже не было в живых. Во всяком случае, в произведениях античных авторов нет никаких упоминаний о судьбе Клизфена после того, как он провел свои реформы. Некоторые ученые считают даже: реформатор оказался в немилости у демоса и был подвергнут какому-то наказанию, например ostracismu, за то, что он в свое время отправил посольство в Персию, которое привело к таким негативным результатам. Но вероятнее, что Клизфен просто умер около 500 г. до н. э.: ведь к этому времени он был уже очень немолод.

Во главе группировки, лидером которой раньше был Клизфен, находились теперь два человека: его родственник Мегакл и породнившийся с Алкмеонидами Ксантипп — политик и полководец из рода Бузигов⁵. Позиция Алкмеонидов определялась тем, что они издавна, еще с архаической эпохи, имели экономические интересы на Востоке. Поэтому они не хотели вступать в конфликт с великой

⁵ Ксантипп известен в афинской истории тем, что его сыном был великий Перикл.

державой Алкмеонидов, стремились до последней возможности сохранить с ней мирные отношения.

В другую политическую группировку входили так называемые друзья тиранов, то есть те граждане, которые по-прежнему симпатизировали изгнанному Гиппию. Да, оставались в Афинах еще и такие! Как пишет Аристотель (Афинская полития, 22. 4), *«афиняне со свойственной народу снисходительностью позволили тем из сторонников тиранов, которые не принимали участия в их преступлениях во время смут, проживать в городе»*. Вождя этой группировки звали Гиппарх; он принадлежал к роду Писистратидов и был родственником Гиппия.

Группировка «друзей тиранов», естественно, тоже выступала против отпора персам. Ведь сам Гиппий — к тому времени глубокий старец, — напомним, жил при дворе Дария и ждал своего часа. В начале V в. до н. э. влияние оставшихся в Афинах Писистратидов значительно возросло. В 496 г. до н. э. их лидер Гиппарх был даже избран первым архонтом. Очевидно, немалое количество афинских граждан по-прежнему с ностальгией вспоминало о временах тирании...

Однако постепенно настроения в афинском полисе начали меняться. Приходило осознание того, что ничего хорошего от Персии ожидать не приходится. Когда в город пришла весть о том, как жестоко персы расправились над жителями Милета, это произвело очень сильное впечатление. Вскоре после этого афинский драматург Фриних написал трагедию «Взятие Милета». *«Когда он поставил ее на сцене, — пишет Геродот (VI. 21), — то все зрители залились слезами. Фриних же был присужден к уплате штрафа в 1000 драхм за то, что напомнил о несчастьях близких людей. Кроме того, афиняне постановили, чтобы никто не смел возобновлять постановку этой драмы»*.

Очевидно, афинским гражданам было просто стыдно. Ведь во многом из-за того, что их помощь ионийцам была недостаточной и неискренней, Милет пал и восстание малоазийских греков было подавлено. Теперь в полисе сложилась наконец сильная группировка противников Персии, людей, которые были решительно настроены сопротивляться врагам с Востока до последней капли крови.

Появился у этой группировки и лидер — опытный, талантливый, авторитетный. Это был Мильтиад из рода Филаидов. Мы уже встречались с ним. Вспомним: в 524 г. до н. э., еще молодым человеком, он был в Афинах архонтом, а вскоре после этого уехал править на Херсонес Фракийский. Несколько десятилетий Мильтиад был тираном на этом полуострове, оставаясь одновременно афинским гражд-

данином. Когда персы завладели Фракией, Мильтиад вынужден был тоже признать их власть и даже участвовать в их походах. Поэтому он прекрасно знал все сильные и слабые стороны персидской военной организации и тактики.

В Ионийском восстании Мильтиад участия не принял. Однако персы все-таки сочли его ненадежным подданным и хотели схватить его. Мильтиаду удалось спастись и морем бежать с Херсонеса Фракийского на родину. В Афинах он сразу занял очень видное положение и несколько лет подряд избирался стратегом. Он объединил вокруг себя антиперсидские силы в полисе и настаивал на необходимости дать отпор готовящейся агрессии. Ведь у него были с захватчиками свои личные счеты. Когда в Афины прибыли персидские послы с требованием подчиниться, Мильтиад в народном собрании настоял на их казни. Убив послов, афиняне выбирали войну.

В 490 г. до н. э. Дарий отправил карательную экспедицию на Афины. Войско было не очень большим (около 20 тысяч человек) и двигалось морем, на кораблях. Возглавляли поход персидские вельможи Датис и Артаферн⁶. При них состоял в качестве советника не кто иной, как престарелый Гиппий, который надеялся теперь при ахеменидской помощи вновь стать афинским тираном.

Флот персов, подойдя к Аттике, встал у местечка Марафон, на северо-востоке области, приблизительно в 42 километрах от Афин. Там Датис и Артаферн разбили лагерь. Наверняка именно Гиппий указал им это место для высадки: Марафонская равнина была одним из немногих мест на территории афинского полиса, где могла развернуться прославленная персидская конница.

Афиняне срочно призвали в ополчение всех, кто мог служить в качестве гоплитов. Удалось собрать менее 10 тысяч воинов, то есть в два раза меньше, чем было у персов. Тем не менее необходимо было переходить к немедленным действиям: никак нельзя было пассивно ожидать в городе прихода персов из Марафона. Во-первых, оборонительные стены Афин были в то время еще очень слабыми и не выдержали бы натиска мощного вражеского войска. Во-вторых, существовали подозрения, что афинские сторонники Гиппия воспользуются ситуацией и попытаются сдать город персам.

По настоянию Мильтиада афинское ополчение выступило к Марафону. И там произошло одно из самых славных событий древнегреческой истории — знаменитая Марафонская битва, в которой эллины одержали полную и безоговорочную победу над превосхо-

⁶ Сын того Артаферна, которому афиняне в свое время дали «землю и воду».

дящим по силе противником. Мильтиад, разработавший план сражения и блестяще осуществивший его, проявил себя одним из лучших представителей военного искусства античности.

Да и греческая фаланга с честью выдержала проверку на прочность: теперь уже ни у кого не возникало сомнений, что это — самый эффективный для своего времени способ построения войск. Не могут не поразить такие цифры: со стороны афинян в битве погибли лишь 192 бойца (имена их всех были сохранены в памяти благодарных потомков), с персидской же стороны — более 6 тысяч.

Персы были опрокинуты, понесли большой урон, однако большая часть их войска сохранилась и была еще боеспособна. Датис и Артаферн с этими уцелевшими воинами отступили к кораблям. Впрочем, они пока не намеревались отступить от задуманного и, выйдя в море, двинулись в обход Аттики, чтобы захватить Афины. Ведь город оставался практически беззащитным: полисное ополчение находилось на поле боя в Марафоне. Однако и этот план врагов был разгадан Мильтиадом. Он тут же, не дав гоплитам даже передышки после битвы, совершил со всем войском форсированный марш к Афинам (это и есть знаменитый «марафонский бег») и был в них раньше, чем персидский флот. Увидев, что город надежно охраняется, деморализованные персы отправились на родину. Карательной экспедиции был дан уверенный отпор.

Сражение при Марафоне, развеявшее миф о непобедимости персов, в огромной степени подняло боевой дух греков и навсегда осталось в их памяти как символ величия Афин. Однако судьба творца марафонской победы — Мильтиада — сложилась трагично. Афинским гражданам показалось, что он слишком уж кичится своим военным успехом. Мильтиад оказался в опале, даже попал под суд и был приговорен к крупному штрафу, а вскоре после этого умер от раны, полученной в одном из походов.

Его судьба наглядно показала: для демоса, взявшего в свои руки судьбу государства, нет больше непререкаемых авторитетов. Мильтиад открыл собой длинную череду видных афинских политических лидеров, ставших жертвами демократии. Впрочем, этот выходец из рода Филаидов в какой-то степени был обречен на подобную участь. Не только по происхождению, но и по взглядам, по всей своей системе ценностей он оставался аристократом «старого типа». Он не понял и не принял новых демократических порядков, не смог ужиться с ними и был вынужден сойти с политической сцены. Наступало время политиков иного толка, которые действовали уже более гибко, приспособлялись к народовластию.

«Выскачка из Фреарр»

Для греков Марафон стал, бесспорно, великой победой. Но для Ахеменидов он отнюдь не был великим поражением, которое заставило бы их отказаться от захватнических планов в отношении Эллады. Напротив, было совершенно ясно, что персы теперь еще сильнее возжаждут реванша и что необходимо готовиться к гораздо более серьезной борьбе.

И действительно, Дарий воспринял разгром персидского отряда как личную обиду и начал готовить новый поход на греков. На этот раз речь шла не о сравнительно небольшой карательной экспедиции, а о полномасштабной армии вторжения, которая должна была подавить противника уже самой своей численностью, пройти по непокорной стране огнем и мечом.

К счастью для Греции, такой поход невозможно было начать немедленно. Для его подготовки требовалось несколько лет, чтобы собрать войска из различных частей огромной Персидской державы. К тому же в 486 г. до н. э. Дарий умер. А вступивший на престол его сын Ксеркс потратил довольно много времени на упрочение своей власти и подавление мятежей. Такие мятежи почти всегда вспыхивали в окраинных областях Персии при переходе власти от одного царя к другому.

Греки получили в общей сложности десятилетие мирной передышки. И было чрезвычайно важно правильно использовать эти годы, предугадать основные направления и характер грядущего удара, чтобы достойно подготовиться к нему.

В Афинах, в условиях молодой демократии, по-прежнему кипела ожесточенная политическая борьба. Правда, после Марафона открытых сторонников подчинения персам в городе уже не могло быть. Каждого, кто стал бы защищать политику Персии, естественно, тут же сочли бы предателем. Кстати, именно по этой причине серьезно пошатнулись позиции рода Алкмеонидов. Ведь его представители были известны своим нежеланием портить отношения с великой восточной державой.

Главным предметом разногласий стал теперь наилучший способ отражения врага. Многие афиняне под влиянием марафонской победы возлагали все свои упования на сухопутные вооруженные силы, прежде всего на гоплитскую фалангу. Именно этой точки зрения вплоть до своей смерти придерживался Мильтиад. Его политическим преемником стал Аристид — государственный деятель, славившийся своей безупречной справедливостью и неподкупностью.

Существовало, однако, и иное мнение: сколько бы ни укреплять сухопутное войско, оно все равно окажется бессильным перед лицом той колоссальной армады, которая должна была вторгнуться в Элладу с году на год. Спасение, если вообще его следовало ожидать, могло прийти только на море. А значит, нужно создать в Афинах по-настоящему мощный, многочисленный и боеспособный флот. До того афинские военно-морские силы были невелики и комплектовались так. Территория Аттики делилась на 48 округов — **навкратрий**, и на каждой навкратрии лежала обязанность построить, оснастить, укомплектовать экипажем и содержать одну триеру⁷. Всего получалось не более полусотни судов. Флот Афин отставал по размеру от флотов Коринфа, острова Эгины и ряда других полисов; понятно, что его действительно нужно было увеличивать.

Между приверженцами «сухопутного» и «морского» способов обороны развернулась острая дискуссия. В конечном счете верх одержали вторые. И это произошло во многом потому, что их лидером был самый выдающийся из афинских политиков начала V в. до н. э. Его полное гражданское имя звучало так: Фемистокл, сын Неокла, из Фреарр (524–459 гг. до н. э.).

Это имя в десятилетие после Марафонской битвы было в Афинах буквально у всех на устах. Да и во всей Греции, пожалуй, мало было в то время людей более известных, чем Фемистокл. Его популярность и влияние постоянно возрастали. И это несмотря на то, что Фемистокл был очень непохож на политических вождей привычного типа. Он не отличался знатностью происхождения. Конечно, он тоже являлся аристократом (рядовой демос еще не начал выдвигать из своей среды видных лидеров), происходил из древнего рода Ликомидов, но принадлежал к его боковой, захудалой ветви. А самое главное — родом он был не из Афин, а из сельского дема Фреарры. Таких людей заносчивая городская знать откровенно презирала.

Однако Фемистокл уже в молодости показал, что он обладает огромным талантом политика. Ему были свойственны дальновидность, целеустремленность, умение находить нестандартные выходы из сложных положений. Отличался Фемистокл и огромными амбициями. Он стремился во что бы то ни стало подняться на самый верх властной элиты Афин, а при возможности — и стать лидером государства. Для этого он не жалел сил, прибегая порой даже к нечистоплотным, циничным методам.

⁷ **Триера** — самый распространенный тип древнегреческого военного корабля, парусно-весельное судно, приводившееся в движение усилиями 150–170 гребцов.

Афинские евпатриды были шокированы, наблюдая за тем, как этот «выскочка» рвется к власти. Однако противопоставить его уму и способностям они ничего не могли. Фемистокл начал свою политическую карьеру в рядах группировки Алкмеонидов, но вскоре порвал с ними и стал одним из главных представителей антиперсидского движения. Ему удалось заручиться поддержкой демоса и стать его простатом.

Уже в 493 г. до н. э. Фемистокл был избран первым архонтом. За год своего пребывания в этой должности он начал укреплять морскую мощь Афин. На побережье Аттики, в месте, где было несколько очень удобных гаваней, по его распоряжению начал строиться новый военный порт афинского полиса — Пирей, которому предстояла большая будущность. Но вскоре после этого вернувшийся в Афины Мильтиад отеснил Фемистокла на второй план, и тот на несколько лет ушел в тень. Молодого политика снедала зависть. По словам Плутарха (Фемистокл, 3), *«он был часто погружен в думы, не спал по ночам, отказывался от обычных попок; когда его спрашивали об этом и удивлялись перемене в его образе жизни, он отвечал, что спать ему не дает трофей»*⁸ Мильтиада».

А после смерти марафонского победителя час Фемистокла пробил. 480-е годы до н. э. стали пиком его политической деятельности. Постепенно, но верно он выдвигался на первое место в Афинах, одерживая верх над своими соперниками. В 487 г. до н. э. по его инициативе была проведена важная реформа государственного устройства. Отныне архонты избирались не голосованием граждан, как раньше, а по жребию. В результате на эту должность стали попадать случайные люди, и ее значение снизилось. Большее значение, чем архонты, получили стратеги. Самому же Фемистоклу эта перемена ничем не вредила: ведь он уже был архонтом и второй раз занять этот пост все равно не мог.

«Выскочка из Фреарр» постоянно обращался к тонким, хитроумным методам в политической борьбе. С его подачи афинское народное собрание стало почти ежегодно проводить ostracism и изгонять из полиса на десять лет одного за другим ведущих лидеров. В 487 г. до н. э. был удален Гиппарх — вождь группировки «друзей тиранов». Затем наступил черед политиков, возглавлявших группировку Алкмеонидов: в 486 г. до н. э. Афины был вынужден покинуть Мегакл, а в 484 г. до н. э. — Ксантипп. В 482 г. до н. э. ostracism был

⁸ Трофеем называли приношение богам из доспехов убитых врагов, которое греческие полководцы воздвигали на месте победы.

изгнан самый опасный противник Фемистокла — Аристид, человек, которого сограждане называли не иначе как «Справедливым». Ему не помогла даже его безупречная репутация.

Плутарх (Аристид, 7) передает в связи с этим один интересный эпизод: *«Рассказывают, что, когда надписывали черепки, какой-то неграмотный, неотесанный крестьянин протянул Аристиду — первому, кто попался ему навстречу, — черепок и попросил написать имя Аристида. Тот удивился и спросил, не обидел ли его каким-нибудь образом Аристид. "Нет, — ответил крестьянин, — я даже не знаю этого человека, но мне надоело слышать на каждом шагу "Справедливый" да "Справедливый"!.. " Аристид ничего не ответил, написал свое имя и вернул черепок».*

Даже если перед нами не реальный факт, а анекдот, он очень хорошо иллюстрирует некоторые черты политической жизни Афин в начале классической эпохи. Если до установления народовластия рядовые граждане послушно следовали за знатными вождями, то теперь демос осознал: он сам властен над ними. После победы при Марафоне, пишет Аристотель (Афинская полития, 22. 3), *«народ стал уже чувствовать уверенность в себе; тогда впервые применили закон об ostracismе».*

И действительно, процедура ostracismа, как мы знаем, была введена еще при Клизфене, но двадцать лет после этого она как бы «лежала под спудом» и не использовалась. А теперь гражданский коллектив Афин стал очень часто обращаться к голосованию черепками. Контраст сразу бросается в глаза. Это говорит, бесспорно, о развитии демократии. И еще — об усилении Фемистокла. Ведь это он добился изгнания из полиса всех своих конкурентов. Ему удалось скомпрометировать их, объявив предателями и тайными агентами персов.

Этот «раунд» политической борьбы окончился решительной победой Фемистокла. К концу 480-х гг. до н. э. он стал самым влиятельным лицом в государстве, по сути — единоличным лидером демоса. Теперь он мог беспрепятственно приступить к воплощению в жизнь своей морской программы.

Обстоятельства в тот момент складывались в его пользу. В Лаврийских серебряных рудниках на юге Аттики была открыта новая мощная жила, и у полиса появился важный дополнительный источник дохода. По предложению Фемистокла полученные средства были не поделены между гражданами, как обычно делалось в таких случаях, а целиком направлены на строительство военных кораблей. Это позволило Афинам в кратчайший срок создать самый

сильный в тогдашнем греческом мире флот, который насчитывал до 200 триер.

Характерная деталь: убеждая сограждан построить корабли, Фемистокл ссылался не на персидскую опасность (она многим казалась далекой и нереальной), а на то, что необходимо вести войну с Эгиной. Этот остров в Сароническом заливе издавна был одним из главных соперников Афин: между двумя полисами существовала постоянная торговая конкуренция. А Эгина обладала мощным флотом, и одержать над ней верх можно было, только создав еще больший. Этот довод нашел отклик в сердцах афинян. Парадокс заключается в том, что пригодились новые триеры в войне не против Эгины, а против Персии.

Продолжились строительные работы в Пирее, который становился «морскими воротами» Афин. По распоряжению Фемистокла там возводились портовые сооружения и оборонительные стены вокруг них. Правда, к моменту нового персидского нашествия строительство было еще не закончено. Однако впоследствии Пирей получил небывалое в Греции значение, стал большим городом. По величине он лишь ненамного уступал самим Афинам, а по уровню городского благоустройства даже превосходил их.

Морская программа Фемистокла стала чрезвычайно важным этапом не только в военной, но и в политической истории афинского полиса, в развитии демократии. И вот почему. Коль скоро появилось много новых кораблей, для них было необходимо и много гребцов — тысячи людей. Кто мог стать гребцами? Конечно, беднейшие граждане, которые принадлежали к классу фетов и не имели средств, чтобы приобрести гопплитские доспехи и оружие. Теперь для этих бедняков появилось достойное применение: ведь для того, чтобы грести на триере, не нужно ничего, кроме сильных рук.

Главной, самой мощной и значимой частью афинских вооруженных сил стал со времени Фемистокла именно флот, а не сухопутное войско, как раньше. Афинские эскадры бороздили просторы Эгейды и со временем стали распоряжаться в этом море как полновластные хозяева. А значит, резко возросла роль бедняков на полях сражений. Отныне они, гребцы-феты, были творцами большинства побед, которые одерживали Афины. Теперь вспомним то, о чем уже неоднократно говорилось выше: в античности от места гражданина в армии зависело его место в политической жизни. Вносишь большой вклад в военные успехи родного полиса — имеешь моральное право определять его судьбу в мирное время.

Если демократия времен Клисфена и Мильтиада была умеренной, опиравшейся на зевгитов — зажиточных крестьян гопплитского ста-

туса, то после Фемистокла она стала более радикальной, отражающей интересы бедноты. Это была новая стадия в ее эволюции. Поэтому Фемистокла с полным основанием можно считать, наряду с Клизфеном и Периклом (с которым нам еще предстоит познакомиться), одним из творцов демократического строя в Афинах. И важнейшей опорой этого строя, всегда готовой защитить его от любых внешних или внутренних врагов, стал теперь афинский флот.

Тем временем вести с востока становились все тревожнее. Ксеркс, упрочив свое положение на троне, приступил наконец к выполнению завета отца и начал готовить грандиозный поход на Элладу. Весной 480 г. до н. э. персидское войско, возглавленное самим царем, переправилось через пролив Геллеспонт из Азии в Европу. Новому владельцу империи Ахеменидов удалось собрать громадную армию, одну из самых больших в мировой истории. Геродот пишет даже, что сухопутные силы персов насчитывали несколько миллионов человек. Несомненно, древнегреческий историк преувеличил: как говорится, у страха глаза велики. В действительности в персидском войске вряд ли было больше 200–300 тысяч воинов. Но даже и эта цифра огромна: все греческие полисы вместе взятые не могли бы собрать такого числа вооруженных людей. Армию Ксеркса сопровождал столь же грандиозный флот. Он включал в себя около 1200 кораблей разных размеров.

К этому времени многие (хотя по-прежнему далеко не все) государства Греции уже осознали необходимость совместных, а не разрозненных действий. Ведь иначе над всей страной нависала угроза гибели. С афинянами ради борьбы против общего врага примирились спартанцы, к ним присоединился еще ряд городов. Незадолго до начала персидской агрессии на конгрессе в Коринфе был создан Эллинский союз для ее отражения. В союз вошел 31 полис; во главе его стала Спарта, считавшаяся самым сильным греческим государством, а второе по значимости место занимали Афины. Были созданы союзные вооруженные силы — и сухопутные, и морские; утверждено единое командование.

Все высшие командиры были спартанцами — не только на суше, но и на море, несмотря на то, что спартанский флот был очень немногочисленным, а афинский — сильнейшим в Греции. Достаточно упомянуть, что из 380 военных кораблей Эллинского союза в 480 г. до н. э. 180 триер предоставили Афины — а это почти половина. И тем не менее командовал этими силами спартанец Еврибиад, а афинский стратег Фемистокл подчинялся ему.

Полчища Ксеркса наводнили Фракию, Македонию, а затем вторглись в Северную Грецию, в область Фессалию. Почти все фессалий-

ские города добровольно сдались персам. Греческий отряд во главе со спартанским царем Леонидом несколько дней героически сдерживал дальнейший персидский натиск в узком Фермопильском проходе. Но силы были слишком уж неравны. К тому же один из местных жителей указал Ксерксу потайную тропинку, ведущую по скалам в обход Фермопил. Часть персов прошла этим путем и смогла ударить оборонявшимся грекам в тыл. Леонид и бывшие с ним спартанцы остались лежать на поле боя.

Теперь захватчикам была открыта дорога в самое сердце Эллады. Беотия перешла на сторону победителя, и Ксеркс двинулся на Аттику. Ведь официальной целью всего похода была месть Афинам. Теперь они должны были стать следующей жертвой, и никакие естественные преграды уже не могли остановить надменного владыку Востока.

Грозная вражеская сила приближалась; передовые персидские отряды могли появиться со дня на день. Большинство афинян впало в панику. В народном собрании раздавались самые разные предложения: кто-то призывал бросить все и бежать как можно дальше, кто-то требовал защищаться до последнего на Акрополе и честно погибнуть в борьбе, кто-то просто не знал, что делать.

К счастью, Фемистоклу в эти тяжелые дни не изменили его мужество, выдержка и организационный талант. Паника была пресечена и принято решение: эвакуироваться из обреченного города. Не бежать, а именно эвакуироваться, сохраняя полный порядок и боеготовность. Большую поддержку в деле эвакуации оказал рядовым гражданам Совет Ареопага, состоявший из опытных, умудренных политических деятелей. В результате авторитет этого древнего органа, казалось, уже уходивший в прошлое, вновь возрос.

Женщин и детей перевезли в Пелопоннес, в безопасное место. А все боеспособные мужчины, сев на корабли, переправились на остров Саламин. Там была устроена временная база союзного греческого флота. Афиняне отнюдь не поддались пораженческому настроением, они готовились продолжать борьбу.

Еще одним проявлением государственной мудрости Фемистокла стало принятое по его совету решение — досрочно возвратить из изгнания всех граждан, подвергнутых остракизму. На родину вернулись Аристид, Ксантипп и другие влиятельнейшие политики. Отложив на время свои конфликты и разногласия с «высочкой из Фреарр», они деятельно включились в организацию отпора врагам.

Персы взяли беззащитные Афины, сожгли и разрушили город, перебили несколько сот стариков, не пожелавших покидать родные стены и не ушедших в эвакуацию. Вскоре к побережью Аттики при-

был огромный персидский флот. Но здесь-то Ксеркса и ждала ловушка: Фемистокл сумел навязать ему морской бой в проливе, отделявшем Саламин от материка. Знаменитое Саламинское сражение стало кульминационным пунктом всех Греко-персидских войн. Оно закончилось полной и безоговорочной победой греков, и главный вклад в эту победу, бесспорно, внесли афинские корабли. Вот тут-то и сказалось замечательное предвидение Фемистокла.

После поражения при Саламине Ксеркс с остатками своего флота был вынужден возвратиться в Азию, а афиняне смогли вернуться на пепелище родного города. Правда, опасность еще не вполне миновала. Уходя из Греции, царь персов оставил в ней сильную — в несколько десятков тысяч человек — сухопутную армию. Ей командовал талантливый военачальник, зять Ксеркса Мардоний. Персидское войско передвигалось по Элладе, повсюду сея опустошения. Ему даже удалось на время вновь взять Афины и разрушить в них то, что еще уцелело при первом захвате.

Однако в 479 г. до н. э. греческим полисам — членам Эллинского союза — удалось собрать многочисленные сухопутные силы, примерно равные по размеру персидским. У городка Платеи в Беотии состоялась битва, в которой греческая фаланга в очередной раз продемонстрировала свое превосходство и нанесла персам окончательное поражение. Мардоний был убит, остатки его армии бежали из Греции.

В то же самое время объединенный флот греков, которым командовали спартанский царь Леотихид и афинский стратег Ксантипп, переправился к берегам Малой Азии. Там персы готовили резервные силы, чтобы в случае необходимости совершить новое вторжение в Элладу. В сражении при мысе Микале эти силы были уничтожены. Теперь можно было не опасаться новой угрозы с востока.

Кампания 480–479 гг. до н. э. стала самым важным этапом Греко-персидских войн. Победы Эллинского союза, одержанные на этом этапе, привели к коренному перелому в ходе военных действий. С притязаниями Ахеменидов на власть над Грецией было покончено. Полисный тип государственности, молодую демократию удалось отстоять. И пусть война еще не завершилась, но стратегическая инициатива перешла к грекам; теперь они, а не персы, были наступающей стороной.

А как же сложилась дальнейшая судьба Фемистокла? Неожиданно и даже трагично, как и у многих афинских государственных деятелей. На первых порах после победы при Саламине, по словам Геродота (VIII. 124), *«слава Фемистокла как мужа, безусловно ум-*

нейшего из эллинов, прогремела по всей Элладе». Вскоре он побывал в Спарте, и суровые спартанцы осыпали его такими почестями, какие никогда еще в своей истории не предоставляли ни одному чужеземцу. О другом эпизоде рассказывает Плутарх (Фемистокл, 17): *«Во время следующих Олимпийских игр, когда Фемистокл пришел на ристалище, все присутствовавшие, говорят, не обращая внимания на участников состязаний, целый день смотрели на него».*

Но прошло буквально несколько лет — и положение «мудрейшего из эллинов» пошатнулось. Он нажил себе слишком много врагов, как внутренних, так и внешних. Те самые спартанцы, которые совсем недавно чествовали Фемистокла, стали интриговать против него. Это случилось по следующей причине.

Сразу после изгнания персов из Греции афиняне по инициативе Фемистокла окружили свой город мощными оборонительными стенами. Это вызвало острое недовольство Спарты. «Против кого вы строите стены? — спрашивали прибывшие в Афины спартанские послы. — Персидской угрозы больше нет. Что же, значит, вы отгораживаетесь от нас, не доверяете своим испытанным союзникам?» Внешнеполитический инцидент был не без труда сглажен, но спартанцы затаили обиду.

Во внутривполитической борьбе позиции Фемистокла тоже ослабли. Три могущественнейших аристократических рода — Филаиды, Алкмеониды и Керики — заключили против него союз, намереваясь покончить наконец с «выскачкой из Фреарр». Да и популярность Фемистокла в массе демоса начала падать. Долго оставаясь лидером полиса, он попросту наскучил рядовым гражданам.

В 470 г. до н. э. Фемистокла изгнали из Афин остракизмом. Оружие, которое он неоднократно применял против своих политических противников, было теперь обращено против него самого. Изгнанник отправился в Аргос, намереваясь провести там десять лет, в течение которых он должен был оставаться за пределами родины. Но на этом его злоключения отнюдь не закончились.

В 467 г. до н. э. в Афинах состоялся суд над Фемистоклом. Сам обвиняемый не мог присутствовать на собственном процессе: ведь доступ в Атику был ему запрещен. По спартанским проискам Фемистокл был клеветнически обвинен не в чем ином, как... в персидской измене! Вот парадоксы политической жизни в античных греческих полисах. Саламинского героя заочно приговорили к смертной казни и объявили в розыск.

Спасаясь от преследователей, Фемистокл скрывался то в одной, то в другой части Греции. Но уже очень скоро он понял: рано или

поздно его все равно схватят. Оставался только один выход — бежать в Персию. По иронии судьбы лишь там он мог чувствовать себя в безопасности. Так Фемистокл и сделал. Когда он предстал перед трон «великого царя», тот, конечно, торжествовал: человек, который когда-то заставил его пережить страшный позор, сам теперь был у его ног, моля о защите.

В Персии Фемистокла ждал радушный прием. Он был осыпан благодеяниями и получил в управление несколько греческих городов Малой Азии. Там, на чужбине, и окончилась жизнь одного из самых выдающихся деятелей греческой истории классической эпохи. Завершая рассказ о Фемистокле, приведем очень точную и меткую характеристику, которую дал ему историк Фукидид (I. 138. 3):

«Фемистокл был чрезвычайно одарен от природы и заслуживает в этом отношении, как никто другой, величайшего удивления. Даже полученное им образование ничего существенного не прибавило к его природным дарованиям. Отличаясь выдающейся остротой ума, он был величайшим мастером быстро разбираться и принимать решения в непредвиденных обстоятельствах текущего момента и, кроме того, обладал исключительной способностью предвидеть события даже отдаленного будущего. За что бы он ни брался, всегда у него находились подходящие слова и выражения, чтобы объяснить другим свои действия, и даже в той области, с которой он непосредственно не соприкасался, умел тотчас найти здравое суждение. По ничтожным признакам Фемистокл прозревал, предвещают ли они что-либо хорошее или плохое. Короче говоря, это был человек, которому его гений и быстрота соображения сразу же подсказывали наилучший образ действий».

Эфиальт против Ареопага

Тем временем Греко-персидские войны продолжались. После 479 г. до н. э. военные действия развертывались почти исключительно на море, в акватории Эгейды. Новой целью войны со стороны эллинов стало теперь освобождение от ахеменидского владычества греческих полисов Малой Азии. Флот Эллинского союза отвоевывал у персов город за городом, и эти города немедленно включались в борьбу с общим врагом, пополняя ряды антиперсидских сил.

Однако по отношению к новым военным задачам возникли серьезные разногласия между Афинами и Спартой — сильнейшими го-

сударствами Эллады, бесспорными лидерами сопротивления персидской экспансии. Афиняне призывали к продолжению военных действий, к переносу их на территорию противника и в конечном счете к полному вытеснению персов из бассейна Эгейского моря. А Спарта, возглавлявшая Эллинский союз, не имела ни сильного флота для таких действий, ни насущной заинтересованности в дальнейшем ведении войны. Спартанцы были вполне удовлетворены уже тем, что непосредственная персидская опасность миновала.

Наконец Спарта самоустранилась, фактически вышла из Эллинского союза. А это привело к тому, что и сам союз, созданный и существовавший под спартанским главенством, развалился. Теперь основная тяжесть войны легла на афинян. Но демократический афинский полис уже ощущал себя достаточно сильным, чтобы вынести эту тяжесть. Конечно, не в одиночку: для борьбы все-таки были необходимы союзники.

В 478 г. до н. э. Афины совместно с рядом других полисов (в основном это были только что освобожденные ионийские города Малой Азии и близлежащих островов) создали новый военно-политический союз (**симмахию**) для продолжения войны против Персидской державы. Союз создавался «на вечные времена», как говорилось в договоре. Формально центром объединения стал уже знакомый нам островок Делос в центре Эгейского моря. Тамошний храм Аполлона был местом хранения союзной казны. Поэтому симмахия носила официальное название «Делосский союз». Однако все прекрасно понимали, что главную роль среди государств-союзников играют Афины. Именно они являлись не только сильнейшим членом симмахии, но и намного превосходили по своему значению всех остальных участников. По сути, Афины были **гегемоном** (вождем) союза. И по сей день в науке об античности Делосский союз чаще называют Первым Афинским морским союзом.

Основу объединенных вооруженных сил составлял прославленный афинский флот. Остальные союзные полисы делились на две группы. Одни из них тоже высылали во флот союза эскадры своих кораблей. Такое положение считалось привилегированным, и государств, которые им пользовались, было явное меньшинство. Это — несколько крупных островов Эгейского моря: Самос, Хиос, Лесбос... Да и число триер, которые они предоставляли, было несопоставимо с афинским.

А большинство городов, вошедших в Делосский союз, обязывались вносить причитающуюся с них долю деньгами. Они ежегодно платили особую подать — **форос**. Форос шел в союзную казну на

Делосе (там им распоряжались казначей, назначаемые афинским народным собранием) и использовался на содержание мощного флота из 200 судов. Сами Афины, естественно, были освобождены от любых выплат: считалось, что их миссия — воевать с Персией и оборонять свободу союзников.

Многим полисам, особенно мелким, вносить подать казалось более легким делом, чем отправлять на поля сражений своих людей и корабли. Эти союзники были вполне довольны установленной системой. Немаловажно и то, что основателем союза выступил афинянин Аристид, а этот политик, как мы уже имели случай убедиться, не зря носил прозвище «Справедливого». Аристид установил весьма умеренные ставки фороса. Общая сумма ежегодных взносов со всех союзных городов составляла 460 талантов серебра⁹. И все же для Афин введение фороса имело важные последствия: в их практически бесконтрольном распоряжении стали скапливаться крупные денежные средства.

По мере освобождения от персидского владычества все новых греческих городов количество членов Делосского союза постоянно увеличивалось. Ведь все освобождаемые полисы сразу вступали в симмахию. К середине V в. до н. э. в союзе состояли более 200 государств разной величины и значения. В основном они лежали на восточном и северном берегах Эгейского моря, на его многочисленных островах, в зоне Черноморских проливов. Делосский союз постепенно вырастал в самое крупное объединение полисов в древнегреческой истории, становился исключительно важным фактором последних десятилетий Греко-персидских войн.

Начиная с 470-х гг. до н. э. в Афинах не было более влиятельного политического деятеля и военачальника, чем Кимон — знатный аристократ, выходец из рода Филаидов и сын хорошо знакомого нам Мильтиада. Уже с молодости Кимон продемонстрировал выдающиеся полководческие способности. *«И груб, и прост, но в подвигах велик»*, — говорили про него сограждане (Плутарх, Кимон, 4). Много лет подряд он избирался стратегом и действовал как фактический командующий военно-морских сил Делосского союза. Под его руководством афиняне неуклонно теснили персов из бассейна Эгейского моря, нанося им поражение за поражением, как на море, так и на суше.

⁹Талант — древнегреческая мера веса и стоимости. Талант равнялся примерно 26 кг. 460 талантов для союза полисов — сумма действительно небольшая, если учесть, что в Афинах V в. до н. э. были частные лица, чье состояние оценивалось в 150–200 талантов.

Самая эффектная из побед Кимона была одержана в 466 г. до н. э. в битве у реки Евримедонт, на юго-западном побережье Малой Азии. Афинянам стало известно, что в этом районе концентрируются крупные персидские сухопутные и морские силы, явно предназначенные для вторжения в Эгеиду. Кимон во главе союзного флота внезапно прибыл к месту дислокации персов, застав противника врасплох. Вначале в морском бою он полностью разгромил персидский флот, состоявший из 350 кораблей. Затем высадился на берег и нанес поражение сухопутному войску. Сразу же после этого снова вышел в море и разбил еще одну персидскую флотилию из 80 судов, подходившую на помощь своим. В один и тот же день была одержана «тройная» победа! Битва при Евримедонте стала одним из славных событий Греко-персидских войн.

Кимон блистал не только на полях сражений. Огромной популярностью пользовался он и в политической жизни Афин, в мирное время. Плутарх (Кимон, 5) описывает его так: *«Всё... в характере Кимона свидетельствует о благородстве, достойном удивления. Ибо, не уступая отвагою своей Мильтиаду, а разумом Фемистоклу, он, по общему признанию, был справедливее их обоих... Был он, по свидетельству поэта Иона, безупречен и внешностью — высок, с прекрасными густыми вьющимися волосами».*

В результате побед Кимона, каждая из которых приносила большую добычу, в результате взносов фороса, собираемых с союзников, Афинское государство очень разбогатело. Кимон воспользовался улучшением финансового положения, чтобы сделать родной город еще прекраснее, еще благоустроеннее. Он, по словам того же Плутарха (Кимон, 13), *«первый отвел и благоустроил места, где можно было проводить время в утонченных и достойных свободных граждан занятиях и беседах; городскую площадь он обсадил платанами, Академию¹⁰ же, до того лишенную воды и запущенную, превратил в обильно орошаемую рощу с искусно проведенными дорожками для бега и тенистыми аллеями. Эти места составили украшение города и в скором времени чрезвычайно полюбились афинянам».* Вокруг Кимона сформировался кружок видных деятелей культуры, которым он покровительствовал. Считали для себя за честь быть его друзьями знаменитый художник Полигнот, один из лучших греческих драматургов Софокл, философ Архелай (учитель Сократа),

¹⁰ Академией называлась одна из рощ в окрестностях Афин. Позже, в IV в. до н. э., она была прославлена Платоном, открывшим в ней свою философскую школу. С тех пор само слово «Академия» стало нарицательным.

историк Ферекид, молодой еще в то время, но впоследствии столь прославившийся скульптор Фидий.

Из только что процитированного отрывка Плутарха обратим особое внимание на слова о городской площади. Имеется в виду, конечно, афинская Агора. Эта площадь на протяжении всего V в. до н. э. постоянно и резко изменялась. Еще бы, ведь со времени установления демократии она стала главным центром общественной жизни полиса! Именно на ней собиралось народное собрание. А поскольку оно теперь являлось верховным органом управления, к Агоре начинали тяготеть и остальные центры власти.

Уже в период реформ Клисфена на площади был возведен ряд построек публичного назначения. Среди них — **булевертий** (помещение для заседаний Совета Пятисот, члены которого назывались **булевтами**¹¹), здание государственного архива, а также **стоя** (портик), в которой занимался исполнением своих обязанностей архонт-басилей. После побед над персами, когда доходы Афин возросли, обустройство Агоры продолжилось. Кимон не только обсадил ее платанами, как пишет Плутарх. По данным археологических раскопок известно, что как раз в годы его лидерства, в 460-е гг. до н. э., на главной площади появилась оригинальной формы, круглая в плане постройка — **Толос**. В ней постоянно, круглосуточно находились те из членов Совета Пятисот, которым было поручено нести дежурство и заниматься текущим управлением.

А на северной стороне Агоры при Кимоне была воздвигнута **Расписная стоя** — портик, украшенный замечательными картинами лучшего греческого живописца того времени Полигнота. Сюжеты этих картин, изображавших различные сражения, были взяты из мифов. Лишь только одну реальную, а не легендарную битву изобразил в портике Полигнот. И, конечно же, это была Марафонская битва — та самая, в которой отличился отец Кимона Мильтиад.

Кимон отнюдь не был тираном и не стремился к незаконному единовластию. Его правление было, бесспорно, просвещенным, по своему даже блистательным. Однако для развития афинской демократии оно сыграло скорее отрицательную роль. Не то чтобы Кимон был противником демоса, убежденным олигархом: мы уже знаем, что это не так. Но, принадлежа к старинной знати, получив соответствующее воспитание от аристократа-отца, он, безусловно, не мог смотреть на демос, на бедноту иначе как несколько свысока. Тенден-

¹¹ От греческого слова «буле» (Совет).

ции радикальной демократизации, наметившиеся во времена Фемистокла, вряд ли были Кимону по душе. Гораздо больше, чем шумное многоголосье «корабельной черни» (бедняки, напомним, служили в основном во флоте), нравилось ему государственное устройство Спарты, которое основывалось на жесткой дисциплине и безоговорочном подчинении рядовых граждан властям. Симпатия Кимона к спартамцам вошла в поговорку. Не случайно, когда он находился во главе Афин, афино-спартанские отношения были особенно хорошими. Дружить с лакедемонянами и направлять все силы на борьбу с общими врагами, персами — таков был главный внешнеполитический принцип Кимона.

Кимона всячески поддерживал Совет Ареопага. Этот древний аристократический орган, чей «золотой век», казалось бы, остался в далеком прошлом, сумел возродить и укрепить свое положение, достойно проявив себя в тяжелую годину персидской опасности. Мы уже знаем, что именно ареопагиты пресекли панику и организовали эвакуацию жителей из Афин, когда Ксеркс в 480 г. до н. э. приближался к городу.

После этого Ареопаг воспользовался возрастанием собственного авторитета и присвоил себе ряд важных политических функций. Так, он стал проводить проверки граждан, избранных на государственные должности, принимать отчеты у магистратов по истечении срока их полномочий, судить тех должностных лиц, отчеты которых оказывались неудовлетворительными. Все эти функции раньше ареопагитам не принадлежали. Во всяком случае, так утверждали их противники. А сторонники власти Ареопага могли в свою защиту сослаться только на то, что издревле по неписаной афинской конституции этому Совету принадлежал «надзор за государственным порядком». Но такая формулировка была слишком расплывчатой: ее можно было понимать как угодно...

Во время правления Кимона и Ареопага никаких демократических реформ в Афинах не проводилось. Демократизация полиса примерно на два десятилетия приостановилась. Более того, можно говорить даже о том, что процесс временно приобрел обратное направление, что имели место «шаг назад» в эволюции афинской демократии, ослабление ее радикальных элементов и укрепление аристократической составляющей в государственном устройстве.

Однако долго так продолжаться не могло. Как ни велик был авторитет Кимона, но и ему неизбежно должен был прийти конец. К тому же в полисе постепенно выросла и набрала силу демократическая оппозиция, выступавшая за увеличение роли демоса в управ-

лении государством. Возглавлял ее Эфиальт — политик, происшедший из знатной, но обедневшей семьи. А за его спиной уже вырисовывалась фигура молодого Перикла.

С Периклом (494–429 гг. до н. э.) мы здесь встречаемся впервые, а в дальнейшем он станет одним из главных героев этой книги. Поэтому не лишним будет сказать о нем несколько слов.

Перикл, сын Ксантиппа, из Холарга (так звучало его полное гражданское имя) принадлежал к самой верхушке аристократической элиты Афин. По мужской линии он происходил из рода Бузигов (кстати, отцом его был известный политик и полководец Ксантипп, с которым мы уже знакомы), а по женской — из рода Алкмеонидов: мать его Агариста была племянницей законодателя Клисфена. Иными словами, в числе предков Перикла — сплошные евпатриды. Однако обратим внимание на то, какие это евпатриды.

Речь идет о той части афинской аристократии, которая давно и прочно связала свои интересы с интересами демоса. В отличие, скажем, от чопорных Филаидов, которые так и не смогли по-настоящему приспособиться к демократическим порядкам, Алкмеониды и породнившиеся с ними Бузиги чувствовали себя в условиях народной власти вполне комфортно.

Отнюдь не случайно, что между двумя аристократическими группировками существовало почти постоянное противостояние. В 507 г. до н. э. Алкмеонид Клисфен одержал верх над Филаидом Исагором. В 489 г. до н. э. отец Перикла Ксантипп выступал обвинителем на суде над отцом Кимона Мильтиадом. А теперь то же противостояние вступало в свою очередную фазу: на место отцов выдвинулись сыновья.

Правда, пока Перикл благоразумно оставался несколько в тени. Во-первых, он только начинал свою политическую карьеру, а в Афинах не любили «молодых, да ранних». Во-вторых, существовало еще одно обстоятельство. Плутарх пишет о Перикле: *«Собой он казался похожим на тирана Писистрата¹²; его приятный голос, легкость и быстрота языка в разговоре этим сходством наводили страх на очень старых людей. А так как он владел богатством, происходил из знатного рода, имел влиятельных друзей, то он боялся ostracism и потому не занимался общественными делами, но в походах был храбр и искал опасностей»* (Плутарх, Перикл, 7).

¹² Это сходство было не случайным: родственные связи различных афинских аристократических родов за несколько веков так переплелись в результате межродовых браков, что Перикл по одной из линий действительно был праправнуком Писистрата!

Итак, Перикл из опаски держался, так сказать, на вторых ролях в демократической группировке, уступая первое место Эфиальту. Однако начинающего политика уже заметили. Особенно способствовало популярности Перикла его выдающееся ораторское дарование.

К концу 460-х гг. до н. э. положение Кимона стало гораздо более шатким, чем прежде. Его политические конкуренты постоянно атаковали его в народном собрании, критиковали любые его инициативы и действия. Каплей, переполнившей чашу, стал внешнеполитический инцидент, происшедший в 462 г. до н. э.

В этом году в Спарте случилось сильное землетрясение, погибло много граждан. Воспользовавшись замешательством в среде спартанцев, восстали илоты — бесправные и порабощенные жители спартанского полиса¹³. Власти Спарты, почувствовав серьезную опасность, обратились за военной помощью в Афины. В афинском народном собрании опять закипели споры. Предоставим слово тому же Плутарху (Кимон, 16):

«В то время как Эфиальт старался этому воспрепятствовать и заклинал народ не помогать спартанцам, чтобы не дать подняться городу, во всем противодействующему Афинам, а оставить его поверженным, с растоптанной в прах его гордыней, Кимон... ради лакедемонян поступившись возможностью возвеличить собственное отечество, склонил народ на свою сторону и выступил на помощь Спарте во главе большого отряда гоплитов... Он предостерегал, как бы Эллада не стала хромой и афинское государство не осталось в упряжке одно, без своего напарника».

Позиция Кимона понятна: мы уже знаем, что он был искренним сторонником Спарты — **лаконофилом**. Но это решение стоило ему политической карьеры. Дело в том, что спартанцы повели себя довольно-таки странно. К тому времени как афинский отряд во главе с Кимоном прибыл им на поддержку, они уже поняли, что справятся с илотами и сами, без посторонней помощи. В результате афинянам в унижительной форме предложили возвратиться на родину.

В Афинах разразился грандиозный скандал, который привел к падению Кимона. В 461 г. до н. э. политик, который совсем недавно

¹³ Сословие илотов образовалось так. Дорийцы, вторгнувшись в конце II тысячелетия до н. э. на юг Пелопоннеса, подчинили себе местных жителей. Потомки завоевателей составили сословие **спартиатов** — полноправных граждан Спарты, а потомки покоренных стали илотами — государственными рабами. Илотов было в несколько раз больше, чем спартиатов, и они стремились воспользоваться любой возможностью, чтобы восстать и вновь обрести свободу.

не имел себе равных по влиятельности в полисе, был изгнан остракизмом и пополнил собой печальный список лидеров, ставших жертвами немилости демоса. Мильтиад, Аристид, Фемистокл, Кимон... Кто дальше? Судя по всему, афинские граждане были просто органически не в состоянии переносить, чтобы какой-нибудь государственный деятель в течение длительного времени находился у власти.

Демократическая группировка Эфиальта и Перикла одержала победу. Вскоре после изгнания Кимона, а по другому мнению — несколько ранее, то есть в 462 или 461 г. до н. э., по предложению Эфиальта была проведена чрезвычайно важная реформа Ареопага. Древний Совет лишился недавно присвоенных им полномочий по контролю деятельности должностных лиц. Эти полномочия были теперь распределены между более демократичными органами управления — народным собранием, гелиеей, Советом Пятисот.

Таков был закат Ареопага. Он не был распущен, более того, по-прежнему сохранял большой моральный авторитет, но ему уже не принадлежало никаких политических функций. Он остался только судебным органом, разбиравшим дела об убийствах и некоторых религиозных преступлениях.

Справедливости ради следует сказать, что Эфиальт имел дело с уже ослабленным противником. Здесь придется кое-что напомнить. Мы знаем, что Ареопаг комплектовался из бывших архонтов. Пока архонты в Афинах избирались голосованием граждан, пока эту должность занимали виднейшие политики — силен был и Ареопаг. Но ведь лет за двадцать пять до Эфиальта, в 487 г. до н. э., афиняне по инициативе Фемистокла перешли к назначению архонтов с помощью жребия. Теперь кто угодно мог занять архонтскую должность, а значит, и стать ареопагитом. В результате в составе древнего Совета оказывалось все больше и больше случайных, никому не известных людей. К 462 г. до н. э. таких стало большинство. Похоже, они не так уж и сильно сопротивлялись, когда их лишали полномочий.

И все-таки реформу Эфиальта следует назвать очень значительной вехой в истории афинской демократии. Теперь уже никакой традиционный авторитет не препятствовал народу распоряжаться властью во всей ее полноте. Великий афинский драматург, друг Перикла Эсхил в трагедии «Евмениды», написанной и поставленной в 458 г. до н. э., вскоре после реформы, сделал одним из главных героев Ареопаг. И при этом Ареопаг, выступающий в качестве суда. Суда авторитетного, беспристрастного, можно сказать, идеального, но все же только суда, а не властного органа, распоряжающегося судьбами полиса. Иными словами, поэт поддержал реформу.

Вперед и вперед по пути народовластия

Вскоре после того как Ареопаг подвергся преобразованию, Эфиальт был убит при загадочных обстоятельствах. Обычно считают, что его гибель — дело рук врагов демократии, олигархов, озлобленных на него за реформу, которая упрочила власть простого народа. Интересно, однако, что некоторые античные авторы высказывали иную точку зрения. По их мнению, убийство Эфиальта «заказал» не кто иной, как Перикл, решивший избавиться от своего соратника, потому что тот стал слишком влиятельным и популярным. Перикл якобы теперь сам хотел быть первым в рядах демократической группировки и больше не нуждался в Эфиальте. Плутарх, передающий эту версию, гневно опровергает ее: *«Как же верить обвинению Идоменея (историка III в. до н. э.) против Перикла, будто бы он своего друга Эфиальта, принадлежавшего к одной с ним группировке, коварно убил из ревности и зависти к его славе? Не знаю, откуда он взял это и, словно желчь, излил на человека, может быть, не во всем безупречного, но во всяком случае человека с благородным образом мыслей, с честью в душе, к которым не привьется ни одна такая жестокая, зверская страсть»* (Плутарх, Перикл, 10). Как бы то ни было, факт остается фактом: теперь, когда Эфиальта не было в живых, а Кимон находился в изгнании, Перикл и действительно оказался в Афинах, несмотря на свою молодость, едва ли не самой значительной фигурой.

Теперь он возглавлял дело демократических реформ, которые отнюдь не прекратились после преобразования Ареопага, — напротив, продолжались на всем протяжении 450-х гг. до н. э. Они составили собой целостную серию новшеств в политической жизни государства, каждая из них сочеталась с другими и дополняла их. Расскажем о главнейших из этих реформ.

Большое значение имела введенная по предложению Перикла **мистофория** — оплата деятельности должностных лиц полиса. Первыми плату за исполнение своих обязанностей стали получать судьи-присяжные, члены гелиеи. Постепенно мистофория была распространена на членов Совета Пятисот, а затем и на многие другие должности. Это позволило небогатым гражданам гораздо активнее, чем раньше, участвовать в управлении государством. Причину нетрудно понять. Пока должности были неоплачиваемыми (а это типично для тех античных полисов, в которых сохранялась олигархия), только богатые граждане могли позволить себе их занимать. Ведь

если ты стал, допустим, архонтом или стратегом, ты должен год своей жизни полностью посвятить делам государства, и при этом безвозмездно. А на что же тогда жить, если ты беден, если ты простой крестьянин, ремесленник или поденный рабочий? На свой обычный труд, доставляющий средства к существованию, уже не будет оставаться времени.

И получался парадокс. Юридически бедняк имел полное право стать магистратом почти любого уровня. А фактически у него такой возможности не было. Пока сохранялась подобная ситуация, путь к полному народовластию никак нельзя еще было считать завершенным. А теперь на этом пути был сделан очень существенный шаг.

Нельзя, конечно, сказать, что сразу же после введения мистофории бедняки в массовом количестве стали становиться магистратами. Все менялось постепенно. И, однако, аристократия понемногу лишалась монополии на большинство государственных постов. В 457 г. до н. э. на должности архонтов, которые раньше были доступны только гражданам из двух первых имущественных классов (то есть пентакосиомедимнам и всадникам), было позволено избирать также зевгитов. Нет сомнения, что это тоже была идея Перикла.

Феты — самые бедные из афинян — такого права формально не получили. Однако фактически и они могли становиться архонтами. Для этого нужно было только прибегнуть к небольшой хитрости: выставляя свою кандидатуру на жеребьевку, фет просто умалчивал о своей принадлежности к низшему классу граждан, и власти смотрели на это сквозь пальцы.

Кстати, все это свидетельствует, что архонтские должности в глазах многих жителей Афин еще не утратили своего значения. Раз небогатые люди добивались (и в конце концов добились) права их занимать, — стало быть, для них это было важно и престижно.

Происходили изменения демократического характера также и в судебной системе. Раньше судьи-присяжные в гелиее голосовали открыто. А значит, такого судью можно было подкупить или — еще проще — запугать. Да и удивительно было бы, если бы присяжный из бедняков принимал решение без оглядки на соседа-аристократа, прекрасно зная, что это решение тотчас будет ему известно. Кому же хочется испортить отношения с могущественным согражданином, даже если юридически ты с ним и равен?

Отныне голосование в суде из открытого стало тайным. И тем самым снизились возможности знати реально влиять на вынесение приговоров, воздействуя разными способами на рядовых граждан.

Афинская гелиея по размерам своим была огромна: ведь она воплощала собой весь гражданский коллектив, была, по сути дела, разновидностью народного собрания. Заседать одновременно такая масса людей, конечно, почти никогда не могла. Поэтому для проведения судебных процессов гелиея разделялась на коллегии — **дикастерии**. Подробнее обо всем этом — какова была структура гелиеи, как она работала — будет говориться в следующей главе. А пока отметим только: в 450-х гг. до н. э. члены дикастериев стали избираться по жребию. А жребий, напомним уже не в первый раз, в античности признавался самым демократическим способом избрания. Считалось, что он особенно объективен, поскольку не позволяет проявиться никаким личным пристрастиям избирателей¹⁴. Поэтому не случайно, чем демократичнее становилась политическая система Афин, тем активнее применяли самые различные виды жеребьевок.

С того же самого периода, с рубежа 460-х — 450-х гг. до н. э., очень сильно активизировалась деятельность народного собрания. Оно стало собираться еще чаще, чем прежде, — теперь уже несколько раз в месяц. Встал даже вопрос о переносе места его работы. Традиционно народное собрание заседало на Агоре — центральной городской площади. Однако Агора ведь имела и немало других функций. Там находился основной рынок и кипела торговля: там стояли храмы и святилища, в которых необходимо было проводить положенные обряды. Пока народное собрание собиралось не слишком часто, это ничему не мешало. Но теперь высший орган власти в Афинах нуждался в специальной постройке.

Местом для такой постройки был выбран холм, носивший название Пникс. На нем была сооружена трибуна для ораторов. Вокруг, под открытым небом, полукругом располагались ряды скамей для граждан — участников народного собрания. Разместиться на этих скамьях могли 5–6 тысяч человек. Если на заседание собиралось больше граждан, пришедшим позже, видимо, приходилось стоять в проходах и позади.

Народное собрание по-древнегречески обозначалось словом «**эκκlesia**». Поэтому здание для его заседаний называлось «**эκκlesiастерий**». На Агоре отныне проходили только те заседания народного собрания, на которых проводился остракизм.

¹⁴ Кроме того — и это тоже немаловажно, — жребий считался проявлением воли богов. Неверующих в Греции в описываемое время практически не было. Религия занимала очень важное место в жизни любого полиса, в том числе и демократического. Об этом нам тоже придется еще говорить подробнее.

В 453 г. до н. э. Перикл возродил введенные еще Писистратом, а впоследствии отмененные разъездные судебные коллегии, которые отправлялись в аттические деревни и там разбирали тяжбы между крестьянами. Напомним, что называлось это учреждение «судьи по демам», а главной задачей его был подрыв власти аристократии на местах. Земледелец должен обращаться со своими проблемами не к соседу-евпатриду, а к государственному органу — так можно понять замысел Перикла.

В 451 г. до н. э. по его же инициативе был принят закон о гражданстве, завершивший собой новую серию демократических реформ. Нужно сказать, что этот закон производит своеобразное и неоднозначное впечатление. Согласно его предписаниям, полноправными гражданами Афин стали считаться лишь те лица, которые могли подтвердить свою принадлежность к гражданскому коллективу как по отцовской, так и по материнской линии.

При оценке закона о гражданстве нужно иметь в виду, что многие афинские аристократы издревле имели обычай вступать в брак с женщинами из других государств, порой даже негреческих. Это считалось престижным и выгодным. Например, женой Мильтиада и матерью Кимона была фракийская царица Гегесипила. Теперь дети от таких «смешанных» браков теряли гражданские права, что опять же наносило серьезный удар по знати. А самому Периклу закон о гражданстве не наносил никакого вреда: хоть он и принадлежал к аристократии, и отец его и мать были чистокровными афинянами¹⁵.

В результате закона 451 г. до н. э. гражданский коллектив Афин как бы замкнулся, превратился в привилегированное сословие, пользующееся всеми достижениями демократии. В этом отношении Перикла нельзя назвать наследником традиций Солона и Клисфена. Эти два великих реформатора, как мы уже знаем, активно способствовали принятию новых граждан в афинский полис. Наверняка они считали, что периодический приток «свежей крови» не повредит никакому государственному организму. Перикл был иного мнения. Но самое интересное, что народное собрание приняло закон, и, судя по всему, с энтузиазмом. Перед нами новый парадокс афинской демократии: демос, гордый свободой и равенством, которых он добился, отнюдь не желал делиться этими благами с любыми «чужаками».

¹⁵ Правда, родословная матери Перикла по одной из женских линий восходила в город Сикион (на Пелопоннесе), к династии тамошних тиранов. Но к середине V в. до н. э. это уже были «дела давно минувших дней».

Реформы, начатые Эфиальтом и продолженные Периклом, привели к тому, что демократическое устройство афинского полиса приобрело к середине V в. до н. э. свой «классический», законченный облик. Демос не только номинально, но уже и реально взял власть в свои руки, постепенно, но неуклонно избавляясь от «опеки» аристократов.

Разумеется, рядовые граждане были благодарны Периклу за улучшение их положения. Популярность этого политика все росла. Особенно положительно воспринималась, конечно, мистификация. Впрочем, были в Афинах и противники оплаты должностей, причем противники принципиальные. Занятие государственных постов, говорили они, это гражданский долг каждого афинянина. А платить за исполнение гражданского долга — есть в этом что-то ненормальное. Так дело дойдет и до того, что за участие в работе народного собрания будут требовать плату...

Демократические Афины крепили, росли и хорошали. Средства на их благоустройство имелись: приток флота от городов-союзников не прекращался. Продолжалось строительство на Агоре. На одном из ее углов появилось здание, служившее «офисом» для стратегов, что отразило возрастание роли этих должностных лиц. А на западной стороне Агоры, в очень зрелищном месте, на невысоком холме был возведен окруженный колоннами храм-периптер¹⁶ в честь Афины и Гефеста, кстати, прекрасно сохранившийся вплоть до наших дней. Таким образом, главная площадь Афин, хоть и перестала быть местом заседаний экклесии, по-прежнему оставалась центром общественной жизни, символом народовластия.

И еще одна монументальная постройка появилась на территории афинского полиса в 450-х гг. до н. э. Это были так называемые **Длинные стены**. Две параллельные стены, действительно длинные (около 5 километров), тянулись от Афин до Пирея, создавая укрепленный «коридор» между городом и его морским портом. Стратегическое значение этого оборонительного сооружения было воистину колоссально. С Длинными стенами афиняне могли не бояться никакого врага. И действительно, теперь их город невозможно было взять блокадой, измором. Сколько бы противник ни осаждал Афины с суши, он не мог отрезать их от моря. А значит, поступление продовольствия было обеспечено. Имелся только один способ победить

¹⁶ **Периптер** — самый распространенный тип древнегреческого храма, прямоугольное здание с колоннадой по периметру. Когда мы говорим об архитектуре классической Эллады, перед нашим мысленным взором, как правило, встает именно периптер.

Афинское государство: для этого нужно было овладеть Пиреем, причем овладеть с моря. А это в середине V в. до н. э. было не под силу никому: флот афинян, самый большой и могучий в Греции, безраздельно господствовал в Эгейде¹⁷.

Длинные стены пришлось строить не случайно: в 450-х гг. до н. э. резко обострились отношения Афин со Спартой. Как говорится в пословице, два медведя в одной берлоге не уживутся. Рано или поздно между двумя сильнейшими древнегреческими полисами должно было начаться соперничество. Не мог не встать вопрос: а кто из них будет гегемоном всей Эллады?

Середина V в. до н. э. характеризовалась примерным равновесием сил между афинянами и спартамцами. Противостояние становилось все более напряженным. По традиции репутацию самого могущественного в военном отношении, непобедимого полиса имела Спарта. Долгое время, еще с архаической эпохи, никто не осмеливался составить ей конкуренцию. Теперь Спарте был впервые брошен вызов, и сделали это Афины. Опираясь на свою необычайно возросшую морскую мощь, на свое главенство в Делосском союзе, на большие богатства, на авторитет, который создали им славные победы над персами, афиняне уже со времен Фемистокла все активнее претендовали на первенство в греческом мире. А лакедемонян это, естественно, никак не устраивало.

Правда, афино-спартанские взаимоотношения развивались неоднозначно. Чередовались периоды относительного сближения и жесткого конфликта. Пока самым влиятельным лидером в Афинах был Кимон, симпатизировавший спартамцам и не желавший вражды с ними, кроме того, понимавший, что такая вражда отвлекла бы от главной цели — войны против Персии, — между двумя полисами сохранялись дружественные и доброжелательные контакты. А теперь, после остракизма Кимона, ситуация резко изменилась.

Афинские планы становились все более экспансионистскими. Город уже несколько десятилетий стоял во главе мощного морского союза. А теперь афиняне замыслили создание еще и сильного союза на суше под своей гегемонией. Спарта реагировала ответными недружественными шагами, и в результате между враждующими сторонами была развязана война, которую в науке обычно называют Первой, или Малой Пелопоннесской войной (459–446 гг. до н. э.).

¹⁷ Строго говоря, можно было еще попытаться взять Афины штурмом. Но шансы на успех у такой операции были минимальны. В классическую эпоху истории Эллады еще не было разработано никаких приемов, позволявших штурмовать укрепленные города. Гоплитские армии были для этого просто не приспособлены.

Война относилась к разряду вялотекущих: периоды острых стычек чередовались с длительными мирными передышками. Ни одна сторона не могла добиться решающего перевеса: в сухопутных сражениях, как правило, одолевали спартанцы, а на море, естественно, были сильнее афиняне.

В эти годы демократическая группировка, управлявшая Афинами, проводила довольно невзвешенную внешнюю политику. Полис чувствовал себя настолько сильным, что появились даже, так сказать, «шапкозакидательские» настроения. Демос считал, что он может вести агрессивные действия сразу на нескольких направлениях. Несмотря на то, что шла война со Спартой, отвлекавшая изрядное количество афинских вооруженных сил, было решено возобновить наступление еще и на персидском фронте.

Здесь афиняне ввязались в откровенную авантюру, послав в 459 г. до н. э. мощный флот из 200 кораблей на помощь восставшему против власти Ахеменидов Египту. Египетская экспедиция продолжалась до 454 г. до н. э. и закончилась сокрушительным поражением Афин, гибелью почти всего их флота. Ход Греко-персидских войн в результате крайне неудачных действий Афин приобрел совершенно новый оборот. Персы воспрянули духом: казалось, чаша весов вновь склонилась на их сторону.

Только после возвращения Кимона из остракизма положение удалось стабилизировать. Кимон немедленно заключил перемирие со Спартой и вновь бросил все силы на борьбу с Персией. В 450 г. до н. э. он возглавил морской поход на остров Кипр, сложившийся для греков чрезвычайно успешно¹⁸. Правда, нанеся персидским силам ряд новых поражений, этот выдающийся полководец скончался, не успев возвратиться на родину.

Вскоре после его смерти, в 449 г. до н. э., между Афинами и державой Ахеменидов был заключен мир, завершивший Греко-персидские войны. С афинской стороны для его подписания в столицу Персии — город Сузы — прибыл видный дипломат Каллий; поэтому и сам мирный договор получил в исторической традиции наименование «Каллиев мир». Договор закреплял победу эллинов над персами. «Великий царь» (им в то время был Артаксеркс I) обязывался больше не вводить свой флот в Эгейское море. Кроме того, он признавал независимость греческих городов Малой Азии.

¹⁸ Кипр, населенный в основном греками, с VI в. до н. э. находился под властью Ахеменидов.

Итак, продолжавшиеся около полувека Греко-персидские войны наконец закончились. Их итог кажется совершенно неожиданным: маленькие и раздробленные полисы смогли одержать победу над колоссальной державой. Каковы же причины столь блистательных успехов греков?

В первую очередь следует назвать превосходство свойственной им полисной организации над громоздкой бюрократической системой Персидского государства. Полис как община граждан одержал верх над древневосточной деспотией, опиравшейся на рыхлую массу подданных.

Кроме того, для персов войны, особенно на их первом этапе, имели ярко выраженный агрессивный, захватнический характер, а для греков они были справедливой освободительной борьбой. Поэтому в трудный момент, когда приходилось отстаивать независимость родины, эллины и проявили сплоченность, энтузиазм, мужество. Таких высоких целей, конечно, не было у их противников, и это отрицательно сказывалось на боевом духе персидской армии. Нередко воинов приходилось гнать в бой ударами бичей!

Наконец, исключительно важную роль сыграло большое преимущество военной организации греков. В сухопутных боевых действиях блистала на полях сражений греческая фаланга. На море греческие триеры оказались более быстроходными и маневренными, чем персидские корабли¹⁹, а греческая тактика — значительно более изощренной. В общем, повсюду эллины проявили себя как первенствующий в военном отношении народ тогдашнего мира.

В результате Греко-персидских войн античный, полисный тип цивилизации, характерный для греческого мира, отстоял свое право на существование от внешних посягательств и полностью восторжествовал в Элладе и Эгеиде. А для Афин победа в войнах означала, во-первых, возможность беспрепятственного дальнейшего развития демократии. А во-вторых, как мы видели, афинский полис становился год от года все богаче. Этому способствовали и приток в город военной добычи, и ежегодные поступления фороса. Все это опять же было на пользу народовластия. Ведь, как учит нас история, только богатые и процветающие общества могут позволить себе демократическое правление. Демократия — вещь недешевая. Например, Перикл смог ввести такое демократичное новшество, как мистофо-

¹⁹ Строго говоря, персидский флот был укомплектован в основном финикийскими кораблями.

рия, только потому, что казна была полна и средств на выплату жалования должностным лицам хватало.

Немного позже, в 446 г. до н. э., был заключен мир и со Спартой. Интересно, что и этот мирный договор с афинской стороны подписывал уже известный нам Каллий. Договор должен был сохранять силу в течение 30 лет и поэтому обычно называется «Тридцатилетним миром». Он закреплял равновесие сил между двумя ведущими греческими полисами и разграничивал их сферы влияния. В афинскую сферу отошел почти весь бассейн Эгейского моря, Черноморские проливы — в общем все, что находилось к востоку от Греции. Но зато к западу от нее простиралась зона влияния Пелопоннесского союза. Она включала в себя прежде всего **Великую Грецию**. Это не очень обычное название носили колонизованные греками побережья Южной Италии и прилегающего к ней большого острова Сицилии. В Великой Греции находился целый ряд крупных и сильных полисов, в числе которых особенно выделялись сицилийские Сиракузы.

Тридцатилетний мир стал своего рода компромиссом. Однако он не мог стать прочным. Ведь причины противоречий, существовавших между враждующими сторонами, так и не были ликвидированы. Осталось не выясненным, кто же сильнее — Афины или Спарта. А значит, рано или поздно должна была начаться новая, решающая схватка за лидерство в греческом мире.

Экскурс 2

Консервативная демократия

Для нас привычно, что демократическое государственное устройство — явление чрезвычайно прогрессивное. Демократия в наши дни прочно ассоциируется с такими понятиями, как «реформы», «перемены», «новшества». И поэтому, когда мы начинаем пристальнее смотреть на античные демократические полисы, и прежде всего на Афины, история которых известна лучше всего, нас не могут не поразить некоторые ее специфические черты.

Античная демократия — и это очень важно — родилась и прошла полный цикл своего развития в полисных условиях. Полис, напомним, представлял собой прежде всего общину граждан. Демократический полис — это такая община граждан, все члены которой равны. А значит, большинство всегда право, всегда торжествует его мнение. Никаких конституционных механизмов, позво-

лявших учитывать мнение и права меньшинства, не существовало. Такие механизмы — вообще недавнее по историческим меркам явление.

Большинством в демократическом афинском государстве периода его наивысшего расцвета были, бесспорно, крестьяне. Те из них, кто был побогаче, служили гоплитами в сухопутном войске, а в мирное время обрабатывали свои земельные наделы при помощи нескольких рабов. Беднейшие земледельцы были гребцами на триерах, а рабов в своем хозяйстве могли совсем не иметь. Но не в этом дело. Голос афинского демоса на протяжении значительной части V в. до н. э. — это прежде всего голос крестьянства.

Те из наших читателей, кому уже приходилось знакомиться с книгами по античной греческой истории, могут возразить: а как же ремесленники и торговцы? Ведь Афины традиционно принято считать не аграрным, а торгово-ремесленным полисом, в отличие, например, от Спарты, в которой сельское хозяйство было почти единственной отраслью экономики.

Такое суждение будет одновременно и верным, и неверным. Верным — потому, что действительно роль ремесленного производства и торгового обмена в Афинах классической эпохи была значительно выше по сравнению не только со Спартой, но и с большинством греческих городов. Справедливости ради, впрочем, нужно отметить: с большинством, но не со всеми. Богатый Коринф опережал в этом отношении даже Афины.

Но в то же время в любом — это нужно специально подчеркнуть, — в любом античном полисе, и в тех, которые считаются «аграрными», и в тех, которые причисляются в современной науке к «торгово-ремесленным», основой экономики было все-таки сельское хозяйство. Древнегреческие города не были, в отличие, скажем, от городов Европы средних веков и Нового времени, городами ремесленников и торговцев. Они были городами крестьян. Крестьяне по утрам уходили на хору, на свои участки, а вечером возвращались домой, под надежную защиту городских стен. В этом смысле можно сказать, что в античности еще не возникла противоположность между городом и деревней, столь знакомая всем цивилизациям наших дней.

Крестьянский, земледельческий труд считался в античности самым почетным и, собственно, единственно достойным свободного человека и гражданина. Иными родами деятельности занимались, как правило, те лица, для которых по какой-нибудь причине не был доступен статус крестьянина. Чаще всего это были те жители поли-

са, которые не имели гражданских прав. Известно, что только граждане имели право на земельный надел. Все остальные вынуждены были искать для себя иной профессии.

В Афинах люди, которые пользовались личной свободой, но не пользовались гражданскими правами, иными словами, находились по своему положению между рабом и гражданином, назывались «метэки» («рядом живущие»). Это были либо отпущенные на свободу рабы, либо — чаще — переселенцы из других городов и их потомки. Для всех них не было иной возможности, кроме как заниматься торговлей или ремеслом. И в управлении государством они права голоса не имели.

Бесспорно, если мы скажем, что в Афинах первой половины V века до н. э. Все граждане были крестьянами, это будет сильным преувеличением. Разумеется, в составе гражданского коллектива имелось определенное количество и ремесленников, и торговцев, и, например, поденных рабочих. Но не они определяли собой основную политическую линию. Демократия, как ее создал Клизфен, была крестьянской демократией.

А теперь вспомним о том, что говорилось выше, в экскурсе I. Крестьянство повсеместно выступает оплотом отнюдь не радикальных, не прогрессивных, а консервативных настроений. Так было и в Афинах. И крестьянская демократия могла быть только консервативной демократией. Демократией, которая очень настороженно относится к любым новшествам.

В условиях консервативной политики, консервативного менталитета почти любое нововведение, чтобы быть успешным, должно маскироваться под «возвращение к прошлому», восстановление старинного, «исконного» порядка вещей. Не была исключением и ранняя афинская демократия.

Достаточно вспомнить, как обосновывалась реформа Ареопага, которую проводил Эфийльт. Ее сторонники упирали прежде всего на то, что Ареопаг возвысился незаконно, присвоив себе чрезмерные полномочия. Нужно лишить его этих полномочий, чтобы все было как в «доброе старое время». И реформа была проведена при шумном одобрении демоса.

Когда Перикл учредил коллегию «судей по демам», конечно, вспоминали о том, что такая же коллегия существовала еще в VI в. до н. э., при Писистрате. Можно предположить, что и тогда, когда принимался закон о гражданстве, ущемлявший права лиц, у которых матери не были афинянками, — тоже апеллировали к каким-то древним и забытым прецедентам.

Полис, видимо, по самой своей сути является в определенном отношении консервативной социально-политической организацией. Где-то (как, например, в Спарте) это выражалось с особенной силой, где-то (как в Афинах) было не столь заметно. Но в принципе полис, если позволить себе метафору, был как бы обращен лицом не вперед, а назад. Жить нужно так, как жили отцы и деды; не следует считать себя умнее их; благонамеренный человек не будет стремиться к переменам и реформам, это удел смутьянов... Таковы важные элементы полисного мироощущения. И они точно так же наличествовали даже и в демократическом полисе.

Описанному мироощущению сопутствовали, кстати говоря, и соответствующие представления о ходе истории. Вплоть до второй половины V в. до н. э. (а мы сейчас как раз на пороге этого периода) грекам была чужда концепция исторического прогресса. А как же мыслилось развитие человечества? Двойко.

Во-первых, очень рано сформировалась в греческом мире пессимистическая идея регресса, развития «от высшего к низшему», постоянного ухудшения. Именно эту идею встречаем мы у одного из первых античных поэтов-мыслителей — Гесиода. В истории людской, писал он, сменили друг друга несколько поколений или «веков»: золотой век, серебряный, медный... И, как видно уже из этих названий, каждое новое поколение было все хуже и хуже. Наконец, наступил железный век: так определял Гесиод то время, в которое жил он сам. И это время — предел падения, средоточие всех возможных зол.

Многие греки думали так же, как Гесиод. Была, однако, и другая концепция, которую принято в науке называть «циклизмом». Она заключалась в том, что история движется не «вперед» и не «назад», а «по кругу». Когда этот «круг» завершится — все повторится вновь. И потом — опять и опять... Понятно, что такой взгляд на вещи тоже предполагает консерватизм. Ведь если все возвращается, — значит, ничего нового, ранее не происходившего в людском мире нет и быть не может.

Итак, полис консервативен. Консервативным был и афинский полис. А в первой половине V в. до н. э., как раз тогда, когда крепла и формировалась классическая демократия, эти элементы консерватизма в нем даже увеличили свою роль. Тому способствовали два обстоятельства — внешнее и внутреннее.

С одной стороны, славные победы над персами сразу же стали предметом почти религиозного преклонения. Нет сомнения, что афиняне сами удивлялись: как это им удалось одержать верх над колоссальной Ахеменидской державой? Это представлялось неким

чудом, а в поколении победителей, «марафонских бойцов», стали видеть полубожественных героев, представителей недостижимого идеала. И понятно, что их дети и внуки, что бы они ни делали, всегда старались ориентироваться на их пример, на их образец. Идеал оказывался в прошлом!

С другой стороны, чем прочнее становилось народовластие, чем значительнее была роль демоса, чем более властно именно его взгляды и пристрастия определяли собой все бытие государства, тем меньше оставалось в этом новом мире места для аристократии — социального слоя, который по самой своей природе, как мы видели выше, тяготел к новшествам и переменам. Правда, в политическом смысле до «заката евпатридов» было еще далеко. Но в сфере культуры, мировоззрения, общественного сознания «демократизация», как ни парадоксально, совершилась раньше. И проявлялось это опять же в нарастании консервативных элементов.

Поскольку только что высказанный тезис отнюдь не очевиден, проиллюстрируем его несколькими примерами из разных сфер искусства. В литературе архаической, аристократической эпохи, безусловно, ведущим был жанр лирической поэзии. Имена ее ведущих представителей — Архилоха и Феогнида, Алкея и знакомого уже нам законодателя Солона — прочно вошли в культурную сокровищницу человечества. Для античной греческой лирики (как, наверное, для лирики всех времен и народов) характерно прежде всего ярко выраженное индивидуальное начало. В творениях каждого из архаических поэтов чрезвычайно рельефно выступает его, и именно его, личность, с присущими ему, и только ему, страстями, эмоциями, чаяниями.

Наступает классическая эпоха — и ситуация резко меняется. Особенно контрастен этот переход в Афинах: ни один крупный лирик на протяжении V–IV веков до н. э. в них не творил. Зато изобиловал афинский полис в это время авторами, работавшими в жанре драматической поэзии.

Именно драма, особенно трагедия — род в эллинской литературе не новый, но в период классики получивший совершенно экстраординарное распространение, — стала культурным знаменем и символом нового времени. И причины этого вполне ясны. Лирика — жанр элитарный по преимуществу. Не столько важно даже то, что она создавалась образованными поэтами-аристократами. Важнее другое: она предназначалась для таких же образованных читателей-аристократов. Круг ее потенциальной аудитории был заведомо узок. Исполнялись лирические стихотворения (нараспев, под аккомпане-

мент лиры или флейты), как правило, на аристократических пирушках-симпосиях, куда демосу хода не было.

Совсем другое дело — поэзия театральная, драматическая. Трудно представить себе для античной Греции зрелище более массовое, более общественное, чем театр. Весь коллектив граждан с женами и детьми собирался в дни праздника Диониса насладиться сценическими постановками.

Лирика элитарна — драма демократична по самой своей сути. Одна отходила в прошлое — другая властно выдвигалась на ее место. И очень характерно, что в драме, в отличие от лирики, индивидуальное, личностное начало как раз отодвинуто на задний план. В ней торжествовали принципы коллективистские, выразителем которых выступал обязательный в любом драматическом произведении хор.

Поэт Эсхил описывает в трагедии «Персы» великую победу эллинов при Саламине. Но он не называет ни одного имени выдающегося греческого военачальника или героя, отличившегося в сражении! Триумф над Ксерксом для него — дело рук не Фемистокла или Аристиды, а всех свободных граждан. Можно ли найти более ясное воплощение демократической идеологии?

Не может не броситься в глаза, что по сравнению с лирической поэзией, достигшей к концу эпохи архаики огромной технической изощренности, ранние образцы трагедии (из них до нас дошли пьесы Эсхила) могут показаться даже несколько грубоватыми. Действие в них статично, замедлено, герои одномерны, язык нарочито старомоден. Шаг назад? В какой-то степени да. Но это ни в коем случае не деградация, а сознательная архаизация. Перед нами — проявление демократического консерватизма. Впоследствии и драма станет изощренной и утонченной, но это будет уже в другую эпоху и, более того, именно это станет, как ни парадоксально, симптомом ее упадка.

Поэзия стала строже, суровее. То же относится и к изобразительному искусству, прежде всего к скульптуре, в которой на протяжении первой половины V в. до н. э. происходили изменения грандиозного значения: на смену архаическому стилю приходил классический. Раннюю стадию развития классического ваяния ученые-искусствоведы обозначают особым термином — *строгий стиль*. И уже в самом этом названии слышна основная особенность этапа, о котором идет речь: та же самая строгость. Силы, мужества, гражданственности исполнены знаменитейшие афинские статуи времени Греко-персидских войн, например парное изображение тираноубийц Гармония и Аристогитона, созданное скульпторами Критием и Несиотом в

470-х гг. до н. э. и установленное на Агоре. При всем этом в статуях «строгости» мало индивидуальности: перед нами — идеальные образы героев, воинов, борцов за свободу, лишенные или почти лишенные конкретно-личностных черт. Подчеркнем: речь идет не о какой-то «неумелости», не о техническом несовершенстве. Художники ранней классики уже прекрасно владели всем арсеналом профессиональных приемов. Но они — создается такое впечатление — сознательно сдерживали полет собственного мастерства, создавали произведения, величавые в своей статичности и консерватизме. Опять демократический консерватизм! Ведь «строгий стиль» формировался тогда же, когда делала первые шаги демократия.

Еще один наш пример относится к такой специфической отрасли искусства, как чеканка монет. Монеты в античном греческом мире всегда были не только мерой стоимости и средством платежа, не только символами полисов, но и первоклассными художественными памятниками. На монете, как правило, отчеканивалось изображение, имевшее прямое отношение к выпускавшему эту монету государству, к его природе или истории, священным преданиям или просто названию. Так, на монетах Коринфа можно было увидеть крылатого коня Пегаса — персонажа коринфских мифов, на монетах сицилийских Сиракуз — нимфу Аретузу, считавшуюся покровительницей этого города, на монетах Эгины — черепахе, а, скажем, на монетах маленького городка Мирмекий (в буквальном переводе — «муравьиный») изображался, естественно, муравей. Мастера, гравировавшие штемпели для монет, не жалели сил, чтобы превзойти друг друга, и некоторые произведения их рук — настоящие маленькие шедевры, поражающие филигранной тонкостью и одухотворенностью работы.

Демократические Афины и в этом отношении были непохожи на большинство остальных полисов. В эпоху архаики, когда у власти находились аристократы и тираны, афинское монетное дело отличалось большим разнообразием. Чеканилось более десятка типов монет с необычными, порой неожиданными изображениями: колесо, амфора, бычья голова, три человеческих ноги, расходящиеся из центра в разные стороны, или, например, половина лошади, причем почему-то задняя. Загадка этих древнейших афинских монет и по сей день не до конца разгадана. Некоторые ученые считают, что на них выбито не что иное, как гербы знатнейших родов: Алкмеонидов, Филаидов, Писистратидов и др. Отсюда — прилагаемое к ним название «гербовые монеты». Но далеко не все с этим согласны. Никем еще не доказано, что знатные роды в Греции имели гербы, подобно аристократическим семьям средневековой Европы. Кроме того, до-

вольно трудно представить, чтобы какой-нибудь род взял себе такой, мягко говоря, странный герб, как задняя половина лошади.

Как бы то ни было, к концу VI в. до н. э. на смену всему этому разнобою пришла в Афинах единая монетная система. Произошло это либо при тиране Гиппии, либо, может быть, после его свержения, при Клизфене. Тогда перемена тем более символична: значит, только что основанная демократия сразу же заявила о себе не только в политической области, но и на поле денежного обращения.

Отныне на афинских драхмах и оболах²⁰ отчеканивалось строго единообразное изображение: на одной стороне — голова богини Афины, на другой — сова, ее священная птица. Эти монеты легко узнаваемы, их сразу можно отличить от любых других. А дальше случилось вот что: время шло, искусство развивалось, в скульптуре и живописи портреты людей и богов становились все более жизненными и реалистичными, но на монетном типе это ни в малейшей степени не отражалось. Мастера штемпелей по-прежнему вырезали на них древний, в техническом отношении давно устаревший, стилизованный облик чисто архаической Афины. Голова богини повернута в профиль, а глаз на ней смотрит анфас. Волосы передаются какими-то примитивными линиями. Ухо расположено не там, где ему быть надлежит...

В художественном отношении классические афинские монеты не идут ни в какое сравнение с монетами даже маленьких и бедных полисов, безнадежно отстают от них. Так что, в Афинах не было умелых резчиков штемпелей? Конечно, были. Но и здесь, видимо, имело место сознательное самоограничение (а может быть, и вполне официальное ограничение со стороны властей). Никаких новшеств! все должно оставаться так, как было при отцах и дедах.

Парадокс «демократического консерватизма» первой половины V в. до н. э. еще нуждается в дальнейшем изучении. Ясно одно: этот консерватизм считался признаком конституционной стабильности и порядка. Сторонниками перемен были, как правило, противники демократии. Ведь это их не устраивали сложившиеся в полисе политические порядки, именно они стремились к реформам.

Впрочем, как раз принципиальных противников демократии в эпоху, о которой идет речь в этой главе, было пока еще очень немного. Даже аристократы — мы уже имели случай об этом говорить — ставили свои силы и способности на службу демосу. Демократическое правление в Афинах год от года демонстрировало свои

²⁰ **Обол** — мелкая серебряная монета, шестая часть драхмы.

успехи — и на внешней, и на внутренней арене. Оно устраивало всех или почти всех.

Конечно, времена менялись. Афинской демократии не всегда суждено было оставаться консервативной. Как раз в середине V в. до н. э. она вплотную подходила к тому рубежу, когда началось последовательное и интенсивное нарастание радикальных элементов в ней. Кстати, это вело и к увеличению количества недовольных. Нам еще предстоит увидеть рост напряженности, возникновение конфликтных ситуаций, те «трещины», которые побегут по монолиту гражданского коллектива, расширяясь и углубляясь, превращаясь в непреодолимые пропасти. В те годы, когда приходил к власти Перикл, этого, конечно, еще никто не мог бы предсказать.

Демократический афинский полис ждали самые разнообразные перипетии и даже потрясения. Однако характерно, что и много позже, даже в последние десятилетия реального народовластия, афиняне всегда со вздохом ностальгии вспоминали о поколении «марафонских бойцов», о временах клисфеновской «консервативной демократии». Эти времена так и остались в общественном сознании лучшей, самой славной, самой блистательной эпохой.

Глава III СИЯЮЩИЙ ПОЛДЕНЬ

«Афинский олимпиец»

V век до н. э. перевалил за свою середину. Политическая жизнь в Афинах все более развивалась «под знаком Перикла». Теперь он был уже не молодым способным политиком, а опытным государственным мужем, поднаторевшим в борьбе с самыми различными противниками и оказавшимся в конечном счете сильнее их всех.

По сути дела, теперь у него оставался только один сопоставимый по силе конкурент на арене общественной жизни. Группировку Кимона после смерти этого выдающегося военачальника возглавил его родственник, тоже выходец из рода Филаидов — Фукидид, сын Мелесия (этого политика и в античных источниках, и в современных исторических работах обычно называют именно так — «по имени-отчеству», чтобы не путать его с его младшим современником и тезкой, великим историком Фукидидом¹).

Фукидид, сын Мелесия, перенявший наследственное соперничество с Периклом, в молодости был известным атлетом-борцом. Занявшись политической деятельностью, он не блистал полководческим искусством, но зато проявил себя как неплохой оратор, а главное — как деятельный организатор, поставивший задачу сплотить разрозненных недоброжелателей Перикла. Плутарх (Перикл, 11) рассказывает об этом так: *«Оставаясь в городе и ведя борьбу с Периклом, он (Фукидид) скоро восстановил равновесие между приверженцами различных взглядов. Он не позволил так называемым прекрасным и*

¹ Фукидид-историк (сын Олора) и Фукидид-политик (сын Мелесия), скорее всего не просто были тезками, но и находились в родстве: историк тоже принадлежал к Филаидам.

доблестным (то есть аристократам) *рассеиваться и смешиваться с народом, как прежде, когда блеск их значения затмевался толпою; он отделил их, собрал в одно место; их общая сила приобрела значительный вес и склонила чашу весов».*

Переведя процитированные слова с языка древнего писателя на современный язык строгих политических категорий, получим, что Фукидид сплотил вокруг себя аристократическую группировку — гетерию. Гетерии были довольно прочными образованиями: их члены, принося взаимные клятвы в верности, помогали друг другу в общественной деятельности: поддерживали «своих» при выборах должностных лиц, выступали в их защиту на судебных процессах.

Гетерия Фукидида, сына Мелесия, судя по всему, была сильной и в какой-то период представляла даже опасность для Перикла. Однако, с другой стороны, был в ее создании и свой минус: Фукидид дал Периклу повод обвинять его в том, что мы теперь называем партийным политиканством. Отныне Перикл построил все свое политическое поведение именно на основах, контрастных с тем стилем, в котором действовал Фукидид. Лидер демократии неустанно подчеркивал, что он-то как раз, в отличие от Фукидида, выражает интересы не какой-нибудь одной группы афинян, а всего гражданского коллектива, всего демоса. Тем самым большинство в любой дискуссии ему почти всегда было обеспечено: ведь рядовых граждан в Афинах было заведомо больше, чем аристократов.

В 444 г. до н. э. в афинском полисе прошел очередной ostracism. Главными кандидатами на десятилетнее изгнание, как и следовало ожидать, были Перикл и Фукидид, сын Мелесия. Когда черепки после голосования подсчитали, был объявлен результат, который наверняка для многих не стал неожиданным: покинуть государство пришлось Фукидиду.

Перикл же не просто остался в полисе, но смог наконец фактически взять в свои руки все бразды правления. Во всей Аттике больше просто не было политика, которому было бы под силу бросить ему вызов. *«После падения Фукидида и изгнания его ostracismом, — пишет Плутарх (Перикл, 16), — он не менее пятнадцати лет обладал непрерывной, единоличной властью, хотя должность стратега дается на один год».*

Пятнадцать лет, о которых идет речь (444–429 гг. до н. э.), часто с полным основанием называют «Перикловым веком»². И действи-

² Иногда «Перикловым веком» называют весь V в. до н. э. Но это все-таки преувеличение.

тельно, Перикл был в это время, по сути дела, единоличным правителем Афин, а также и распоряжался судьбами сотен союзных с ними полисов, членов Делосской симмахии. Историк Фукидид, лично знакомый с Периклом, определяет характер его правления знаменательными словами (II. 65. 9): *«По названию это было правление народа, а на деле власть первого гражданина»*.

Перед нами — очередной парадокс классической афинской демократии. Именно тогда, когда народовластие достигло апогея своего развития, оно, если верить Фукидиду и Плутарху, вдруг как-то незаметно превратилось чуть ли не в монархию. Как же это совместить? И какие конкретные конституционные механизмы позволяли Периклу управлять полисом? Ведь он же не был тираном, не властвовал «через голову» народа.

Год за годом народное собрание без каких-либо проблем избирало Перикла стратегом. Иными словами, он постоянно занимал одну из высших государственных должностей. Но, подчеркнем, всего лишь одну из высших, отнюдь не сопоставимую с современными должностями президента или премьер-министра. Стратегов было десять, и все были равны между собой: никакого «первого стратега», главы коллегии просто не существовало. Иными словами, с чисто формальной стороны Перикла можно назвать лишь равным среди равных. Вместе с ним избирались другие стратеги, многие из них тоже неоднократно.

Видимо, секрет власти и влияния Перикла следует искать в другом. Они были основаны на его огромном личном авторитете и на доверии, которое испытывал к нему демос. Тонкий политик, прекрасный оратор, широко образованный человек, Перикл смог в полной мере расположить к себе массу граждан. Механизм, с помощью которого он управлял государством, был предельно прост и демократичен, без каких-либо интриг, закулисных сговоров и т. п. Перикл вносил и проекты законов, и предложения по конкретным вопросам на рассмотрение народного собрания. Они ставились на голосование, автор проектов выступал в их защиту, и экклесия, как правило, принимала все перикловские инициативы, считая их наилучшими.

«Афинским олимпийцем» (то есть одним из богов, которые, как известно, по древнегреческим представлениям обитали на Олимпе), «афинским Зевсом» полушутливо, полусерьезно называли Перикла. Ведь Зевс тоже был лишь одним из божеств, но зато самым могущественным и авторитетным. А может быть, говоря так, имели в виду еще и мудрую справедливость, которую мифы приписывали Зевсу, а общественное мнение демократических Афин — Периклу.

Великолепную, очень точную и тонкую характеристику политического искусства «афинского олимпийца» дал в своем труде Фукидид (естественно, историк). Этот выходец из старинной, консервативной знати был вообще-то самым своим происхождением обречен стать противником Перикла, но подпал под очарование его личности. Кроме того, будучи умным человеком, Фукидид вполне осознал громадные перикловские заслуги, понял, что лучшего государственного деятеля у Афин не было, нет и не будет. Вот слова этого античного автора (II. 65. 5–10):

«Пока Перикл в мирное время стоял во главе города, он всегда управлял мудро и справедливо, прочно укреплял его безопасность, и при нем город достиг вершины могущества. Когда же началась война (об этой войне со Спартой речь пойдет в следующей главе), то оказалось, что он также правильно оценил ее важность и значение... Перикл, как человек, пользовавшийся величайшим уважением сограждан за свой проницательный ум и несомненную неподкупность, управлял гражданами, не ограничивая их свободы, и не столько поддавался настроениям народной массы, сколько сам руководил народом. Не стремясь к власти неподобающими средствами, он не потворствовал гражданам, а мог, опираясь на свой авторитет, и резко возразить им... Из преемников Перикла ни один не выдавался как государственный деятель среди других, но каждый стремился к первенству и поэтому был готов, потакая народу, пожертвовать даже государственными интересами», — грустно завершает Фукидид свой экскурс о Перikle.

Можно, конечно, сказать, что усилиями «первого гражданина» в Афинах установилась «управляемая демократия». Но ведь произошло это вполне добровольным и органичным путем, а отнюдь не в результате диктаторского нажима со стороны Перикла. В демократическом полисе, в условиях, когда власть демоса была конституционно ничем не ограничена, такой нажим был бы и бесполезен. Просто афинские граждане, отнюдь не отказываясь от благ народовластия, как бы делегировали Периклу высшие полномочия (но вместе с тем и высшую ответственность!). Демос сделал его своим простатом — неформальным лидером, выразителем народных интересов. И никакого противоречия между демократией и единовластием не ощущалось.

Во многом это заслуга самого Перикла. По складу своего характера он отнюдь не являлся владыкой-самодуром. Напротив, не найти было гражданина, более преданного интересам государства, более законопослушного. По установившимся в Афинах порядкам каждый

стратег по истечении годовичного срока пребывания в должности должен был отчитаться в народном собрании. Перикл всегда чрезвычайно ответственно относился к этой обязанности, подолгу и тщательно готовил отчеты, хотя, казалось бы, он не имел никаких оснований для тревоги: избрание на следующий год было обеспечено.

Однажды в гости к Периклу пришел его двоюродный племянник — юный, но уже очень амбициозный и властолюбивый Алкивиад. *«Ему ответили, — пишет Плутарх (Алкивиад, 7), — что хозяину недосуг, что он размышляет над отчетом, который должен будет дать афинянам, и, уходя, Алкивиад заметил: “А не лучше ли было бы ему подумать о том, как вообще не давать отчетов?”»*. Но вот этот тип политической культуры был Периклу совершенно чужд.

Итак, если при «афинском олимпийце» в городе и была управляемая демократия, то, во всяком случае, она не стала ограниченной демократией. Все демократические учреждения не только полноценно функционировали, но и развивались. В предыдущей главе мы уже видели, что не кто иной, как именно Перикл провел целый ряд реформ, направленных на совершенствование и укрепление народо-властия.

Именно этому была посвящена вся внутренняя политика Перикла. «Первый гражданин» стремился дать средства для существования и активной политической жизни свободной афинской бедноте. О миссофории — плате за исполнение многих должностей — речь уже шла выше.

Другой задачей было обеспечить безземельных и малоземельных граждан достойными участками земли. Но давать такие участки приходилось за пределами Аттики: на самой территории афинского полиса лишних, неосвоенных земель уже не было, а передел существующих угодий означал бы революцию. Революций же в полисном мире старались по возможности избегать.

Впрочем, у Перикла был выход. Афины стояли во главе огромного Делосского союза, под их властью находились сотни зависимых полисов. На их-то земли «первый гражданин» и стал отправлять бедняков, заставляя союзные города и острова предоставлять им наделы. Так на просторах Эгеиды начали одна за другой появляться клерухии, афинские военно-земледельческие поселения (ведь земледельцы в античности были одновременно и воинами). Такие поселения при Перикле были основаны на островах Наксос, Андрос, Самос, на полуострове Херсонес Фракийский, на северном Эгейском побережье и др.

Клерухии по своему облику и структуре были похожи на колонии, но имели от них одно очень важное отличие. Колония в античном греческом мире немедленно после своего создания становилась совершенно самостоятельным полисом, независимым от основавшего ее города (**метрополии**), — полисом со своим гражданским коллективом и собственными органами власти. Клерухии же считались частями Афинского государства, жители их продолжали оставаться гражданами Афин. Соответственно из Афин обычно присылались, а не избирались на месте и управлявшие клерухией должностные лица.

Основывая клерухии, Перикл достигал сразу нескольких целей. Многие бедняки с готовностью ехали в чужие края, где их ждал достойный надел и возможность разбогатеть, при этом не лишаясь гражданских прав в Афинах и всех связанных с ними благ. Понятно, что такие люди пополняли число верных сторонников «афинского олимпийца». А, с другой стороны, таким образом из Аттики удалялись (причем добровольно, без конфликтов) недовольные своей участью и, стало быть, склонные к смутам и переворотам граждане. Это укрепляло стабильность и внутреннее спокойствие в полисе. Имелся и еще один нюанс: жители клерухий становились надежной опорой афинского владычества над союзниками. Попробовал бы теперь какой-нибудь город, на хоре которого находилось поселение афинян, повести себя нелояльно, скажем, попытаться выйти из Делосского союза! Такое восстание было бы моментально подавлено клерухами.

Для того, чтобы проводить социальную политику, направленную на укрепление демократии, Перикл нуждался в больших финансовых средствах. Но, подчеркнем уже не в первый раз, такие средства в его распоряжении были. Форос поступал неукоснительно. Скапливавшиеся в Афинах огромные суммы тратились не только на мистифорию, клерухии и т. п. Еще одной важной расходной статьей являлось монументальное строительство. Организуя его, реализуя широкую программу украшения родного города, «первый гражданин» желал, помимо прочего, еще и дать бедноте высокооплачиваемую работу.

Перед нами — одна из самых славных страниц истории демократических Афин. «Город Паллады» за короткий срок украсился замечательными зданиями, шедеврами архитектурного искусства, которые снискали ему славу прекраснейшего места во всей Элладе. Плутарх (Перикл, 13), описывая их, находит яркие и точные слова: *«Тем более удивления поэтому заслуживают творения Перикла, что они созданы в короткое время, но для долговременного существования. По*

красоте своей они с самого начала были старинными, а по блестящей сохранности они доныне свежи, как будто недавно окончены: до такой степени они всегда блещут каким-то цветом новизны и сохраняют свой вид не тронутым рукою времени, как будто эти произведения проникнуты дыханием вечной юности, имеют нестареющую душу!»

Если на первых этапах развития афинской демократии — при Клисфене, Кимоне — особенно интенсивное строительство велось, как мы видели, на Агоре, то Перикл в период пика своей карьеры уделил наибольшее внимание Акрополю. Древняя цитадель Афин со времен нашествия Ксеркса в 480 г. до н. э. лежала в обугленных развалинах, оставшихся от стоявших там некогда старинных храмов. Несколько десятилетий на Акрополе ничего не меняли. Была даже идея увековечить руины как своеобразный памятник тяжелой борьбы с персами. Но Перикл решил иначе: растущему, богатеющему и хорошеющему городу был необходим достойный городской центр.

Став в середине 440-х гг. до н. э. единоличным лидером государства, он немедленно дал своему другу и соратнику, великому скульптору Фидию ответственное задание: разработать план перестройки Акрополя, возведения на нем целостного ансамбля различных сооружений. Когда план был составлен и началось его воплощение в жизнь, работами руководил тот же Фидий. Уже через несколько лет Акрополь совершенно преобразился.

На главном, западном подъеме на центральный городской холм были воздвигнуты **Пропилеи** — монументальный, художественно оформленный вход с широкими лестницами и колоннадами. В одном из помещений Пропилей находилась картинная галерея (**пинакотека**), а всю постройку венчал небольшой храмик Ники, богини победы.

Путника, поднявшегося по Пропилеям, встречала вертикальная ось всего ансамбля — стоящая в центре Акрополя высокая статуя, созданная Фидием и изображавшая Афину-Воительницу в полном вооружении. Кончик ее копья, на котором играли солнечные блики, был издали виден мореходам, плывущим вдоль берегов Аттики.

Позади и чуть правее статуи открывался вид на **Парфенон**, главный храм всего полиса, посвященный тоже Афине, но в иной ее ипостаси — Афины-Девы (богиня, согласно мифам, была девственницей). Отсюда и название: дева по-гречески — «парфенос». Парфенон стоит на вершине Акрополя и по сей день, хотя, конечно, в полуразрушенном состоянии: неумолимое время и людское варварство оставили на нем свои следы. Но даже и теперь видно, что

это величайший, никем и никогда не превзойденный шедевр мирового зодчества, удивительное, неповторимое по своей пропорциональности, соразмерности, гармоничности здание. О Парфеноне невозможно рассказать словами: его нужно видеть.

По всему периметру стен Парфенона, в их верхней части, проходил **фриз** (полоса рельефных изображений), мастерски вырезанный Фидием и группой его учеников. Фриз изображал торжественное шествие афинян на празднике Великих Панафиней. Сотни фигур людей, жертвенных животных, присутствующих на празднестве богов (и ни одна из этих фигур ни в чем не повторяет другую!) в некоем синтезе реальности и мифа символизировали бытие процветающих демократических Афин. Фидий являлся автором и главной храмовой статуи, находившейся во внутреннем помещении Парфенона: громада Афины-Девы была изваяна из драгоценнейших материалов — золота и слоновой кости.

Неподалеку, на южном склоне Акрополя, был расположен **Одеон** (помещение для выступлений музыкантов и певцов, нечто вроде современного концертного зала). Одеон сразу бросался в глаза необычной формой крыши, напоминавшей шлем воина. Построили его из дерева, как говорят, из частей захваченных в сражениях персидских кораблей.

Программа строительства на Акрополе выполнялась несколько десятилетий и была полностью завершена лишь к концу V в. до н. э. На холме появились и другие великолепные постройки, кроме описанных выше, но это произошло тогда, когда ни Перикла, ни Фидия уже не было в живых.

«Афинский олимпиец» украшал архитектурными памятниками не только Акрополь, но и другие места родного города. Нельзя не обратить внимание на то, что по его распоряжению возводились в основном храмы, храмы, храмы... В отличие, скажем, от Клизфена или Кимона, Перикл как будто пренебрегал гражданским зодчеством, общественными зданиями утилитарного назначения. Этот факт даже трудно оценить или объяснить. Может быть, ставилась цель сделать Афины особенно привлекательным, репрезентативным, зрелищным городом? Ведь храм, конечно, зрелищнее, чем бульварный или экклесиастерий.

Если это действительно так, то своей цели Перикл достиг. В обновленный «город Паллады» сразу устремились толпы паломников или, выражаясь современным языком, туристов. Силу впечатления, которое оставляли Афины в сердцах посетителей, в грубоватых, но метких словах выразил один из поэтов-комедиографов:

Да ты — чурбан, коли Афин не видывал;
Осел — коли, увидев, не пришел в восторг;
Верблюды — коли покинул их, не жалуясь.

(Лисипп, фр. 7 Кокк)

Но не только досужие любители достопримечательностей прибывали в Афины. Привлеченные демократией, свободой выражать свои мнения, а также и высокими гонорарами в блистательный и богатый город стали съезжаться видные деятели культуры — художники, ученые, поэты. Не в последнюю очередь притягивала их сама личность Перикла. Им было с ним интересно: он поражал умом, образованностью, умением излагать свои мысли, сочетал практическую мудрость с увлеченностью теоретическими проблемами мироздания. Вокруг Перикла, как в свое время вокруг Кимона, но только в еще больших масштабах, сложился кружок интеллектуалов, в который входили «отец истории» Геродот, философы Анаксагор и Протагор, известный уже нам скульптор Фидий, архитектор Гипподам, музыкант Дамон, жрец и прорицатель Лампон и другие. Появлялся в «кружке Перикла» и молодой Сократ. Всех этих очень разных людей объединяла любовь к Афинам, к афинской культуре и искреннее уважение к «первому гражданину» полиса.

Интересно, что многие представители перикловского кружка интеллектуалов не были урожденными афинянами. Геродот, Анаксагор и Гипподам происходили из Малой Азии, Протагор — с северного побережья Эгейского моря. Но «город Паллады» стал воистину их второй родиной. Не была родом из Аттики и вторая супруга Перикла — Аспасия, одна из самых выдающихся женщин своего времени. В ранней молодости, еще почти девочкой она переселилась в Афины из Милета. Вскоре Перикл познакомился с ней и... безнадежно влюбился. Опытный, уже умудренный годами политик повел себя как пылкий юноша: развелся со своей первой женой³ и вступил в брак с Аспасией. Он не мог не понимать, что по афинским обычаям такой брак никогда не будет признан законным, что родившийся у них сын (он был назван тоже Периклом) не сможет стать гражданином Афин: ведь сам же Перикл несколько лет назад провел через народное собрание известный уже нам закон, согласно которому

³ Первая жена Перикла (имя ее неизвестно) была его двоюродной сестрой, исходя из рода Алкмеонидов. В среде афинской аристократии были довольно часты случаи близкородственных браков (между двоюродными братом и сестрой, даже между дядей и племянницей), которые воспринимались как вполне нормальные и допустимые.

гражданские права имели только те лица, у которых оба родителя были коренными афинянами!

Но видимо, уж очень велика была власть Аспасии над «первым гражданином». И дело даже не в ее внешней красоте, не в знатном происхождении (в родном Милете она принадлежала к кругу аристократии). Больше всего восхищал Перикла тонкий и острый ум его возлюбленной. Аспасия стала полноправным членом перикловского кружка интеллектуалов; более того, не раз она подавала мужу мудрые советы, относящиеся к государственным делам, помогала ему писать речи, составлять отчеты. Большинство афинских граждан были этим удивлены и недовольны: они привыкли к приниженному положению женщины в семье (об этом нам еще придется поговорить в дальнейшем), и отношения Перикла и Аспасии претили их консервативным воззрениям.

Культурная политика Перикла привела к тому, что Афины стали, по выражению самого «первого гражданина», настоящей «школой Эллады». Все это, конечно, способствовало возвеличению афинского полиса, переживавшего свой наивысший расцвет.

Демократия в «Периклов век»

В Афинах еще со времен Солона существовал обычай: каждую зиму совершалось символическое погребение граждан, которые пали в сражениях за прошедший год (войны, большие или малые, шли практически ежегодно, так что «дефицита» в погибших не было). На этих торжественных похоронах самому влиятельному и авторитетному государственному деятелю поручалось произнести надгробную речь.

В 431 г. до н. э. эта почетная обязанность была возложена на Перикла — уже далеко не впервые. Но на сей раз речь ему особенно удалась (сплетники поговаривали, будто бы на самом деле ее сочинила Аспасия). Она запомнилась; самые яркие места из нее передавали из уст в уста.

На церемонии присутствовал, в числе других афинян, молодой Фукидид — будущий великий историк. Юноша постарался прочно удержать в своей памяти слова Перикла (может быть, даже что-то и записал). Много лет спустя, работая над своим бессмертным трудом, он включил в него речь «афинского олимпийца». Разумеется, нельзя считать, что он передал ее дословно: наверняка добавил что-то и от

себя. Но в целом можно считать, что главные мысли, высказанные оратором, Фукидид изложил вполне верно.

Перикл говорил не столько о воинах, отдавших жизнь за родину, сколько о самой этой родине. Его надгробная речь — вдохновенный гимн Афинам и афинскому народовластию, лучший памятник античной демократической мысли. Не случайно без обширных цитат из речи Перикла не обходится ни одна книга о древнегреческой демократии. Последуем этой традиции и мы.

«Для нашего государственного устройства, — говорил “первый гражданин”, — мы не взяли за образец никаких чужеземных установлений. Напротив, мы скорее сами являем пример другим, нежели в чем-нибудь подражаем кому-либо. И так как у нас городом управляет не горсть людей, а большинство народа, то наш государственный строй называется народоправством. В частных делах все пользуются одинаковыми правами по законам. Что же до дел государственных, то на почетные государственные должности выдвигают каждого по достоинству, поскольку он чем-нибудь отличился не в силу принадлежности к определенному сословию, но из-за личной доблести. Бедность и темное происхождение или низкое общественное положение не мешают человеку занять почетную должность, если он способен оказать услуги государству. В нашем государстве мы живем свободно и в повседневной жизни избегаем взаимных подозрений: мы не питаем неприязни к соседу, если он в своем поведении следует личным склонностям, и не выказываем ему хотя и безвредной, но тягостно воспринимаемой досады. Терпимые в своих частных взаимоотношениях, в общественной жизни не нарушаем законов, главным образом из уважения к ним, и повинемся властям и законам, в особенности установленным в защиту обижаемых, а также законам неписаным, нарушение которых все считают постыдным.

Мы ввели много разнообразных развлечений для отдохновения души от трудов и забот, из года в год у нас повторяются игры и празднества. Благопристойность домашней обстановки доставляет наслаждение и помогает рассеять заботы повседневной жизни. И со всего света в наш город благодаря его величию и значению стекается на рынок все необходимое, и мы пользуемся иноземными благами не менее свободно, чем произведениями нашей страны.

В военных попечениях мы руководствуемся иными правилами, нежели наши противники. Так, например, мы всем разрешаем посещать наш город и никогда не препятствуем знакомиться и осматривать его и не высылаем чужестранцев из страха, что противник

может проникнуть в наши тайны и извлечь для себя пользу⁴. Ведь мы полагаемся главным образом не столько на военные приготовления и хитрости, как на наше личное мужество. Между тем как наши противники при их способе воспитания стремятся с раннего детства жестокой дисциплиной закалить отвагу юношей⁵, мы живем свободно, без такой суровости, и тем не менее ведем отважную борьбу с равным нам противником... Если мы готовы встречать опасности скорее по свойственной нам живости, нежели в силу привычки к тягостным упражнениям и полагаемся при этом не на предписание закона, а на врожденную отвагу, — то в этом наше преимущество. Нас не тревожит заранее мысль о грядущих опасностях, а испытывая их, мы проявляем не меньше мужества, чем те, кто постоянно подвергается изнурительным трудам. Этим, как и многим другим, наш город и вызывает удивление.

Мы развиваем нашу склонность к прекрасному без расточительности и предаемся наукам не в ущерб силе духа. Богатство мы ценим лишь потому, что употребляем его с пользой, а не ради пустой похвалы. Признание в бедности у нас ни для кого не является позором, но больший позор мы видим в том, что человек сам не стремится избавиться от нее трудом. Одни и те же люди у нас одновременно бывают заняты делами и частными, и общественными. Однако и остальные граждане, несмотря на то, что каждый занят своим ремеслом, также хорошо разбираются в политике. Ведь только мы одни признаем человека, не занимающегося общественной деятельностью, не благонамеренным гражданином, а бесполезным обывателем. Мы не думаем, что открытое обсуждение может повредить ходу государственных дел. Напротив, мы считаем неправильным принимать нужное решение без предварительной подготовки при помощи выступлений с речами за и против. В отличие от других, мы, обладая отвагой, предпочитаем вместе с тем сначала основательно обдумывать наши планы, а потом уже рисковать, тогда как у других невежественная ограниченность порождает дерзкую отвагу, а трезвый расчет — нерешительность... Добросердечность мы понимаем иначе, чем большинство других людей: друзей мы приобретаем не тем, что получаем от них, а тем, что оказываем им проявления дружбы... Мы — единственные, кто не по расчету на собственную выгоду, а доверяясь свободному влечению, оказываем помощь другим.

⁴ Намек на спартанцев, которые изгоняли чужеземцев из своего полиса.

⁵ Речь опять идет о той же Спарте с ее системой военизированного воспитания.

Одним словом, я утверждаю, что город наш — школа всей Эллады, и полагаю, что каждый из нас сам по себе может с легкостью и изяществом проявить свою личность в самых различных жизненных условиях. И то, что мое утверждение — не пустая похвальба в сегодняшней обстановке, а подлинная правда, доказывается самим могуществом нашего города, достигнутым благодаря нашему жизненному укладу... Столь великими деяниями мы засвидетельствовали могущество нашего города на удивление современникам и потомкам. Чтобы прославить нас, не нужно ни Гомера, ни какого-либо другого певца, который доставит своей поэзией преходящее наслаждение, но не найдет подтверждения в самой истине. Все моря и земли открыла перед нами наша отвага и повсюду воздвигла вечные памятники наших бедствий и побед» (Фукидид, II. 37–41).

Конечно, «афинский олимпиец», говоря о своем полисе и о демократии, во многом приукрасил истинное положение вещей. Да это и понятно: ведь перед нами патетическая речь оратора, а не скрупулезный труд историка. Кроме того, Перикла (да и Фукидиду, который передал нам его слова) трудно в данной ситуации считать беспристрастным, незаинтересованным наблюдателем. Выдающийся политик говорил о близких его сердцу вещах, во многом — о результатах своего собственного труда. Ясно, что он не мог сдерживать восхищения тем, чем стали при нем Афины.

Из надгробной речи Перикла можно увидеть не столько то, какой была афинская демократия «на самом деле», сколько то, какой она себя видела. Речь показывает не действительность, а идеал (а это вещи, во все эпохи довольно далекие друг от друга), не реальность, а принципы. Но ведь это-то для нас сейчас и важно: каковы были основные принципы античного демократического устройства, особенно ярко проявившиеся в Афинах в период их высшего расцвета?

Афинская демократия, как мы уже знаем, не была самой первой в греческом мире. Еще до реформ Клисфена, в VI в. до н. э., демократические устройства иногда возникали в некоторых других полисах (в Мегарах, на острове Хиос). Однако именно демократия, которая сложилась в Афинах классической эпохи, резко выделяется из числа остальных. Во-первых, она стала самой развитой и сильной во всей античной истории. Во-вторых, ее следует назвать наиболее стабильной и долговечной, а не эфемерной, как ранние демократии: она просуществовала почти два столетия. В-третьих, она оказала, бесспорно, наибольшее влияние на всю последующую историю человечества. Иными словами, классическая афинская демократия была, вне сомнения, одним из самых крупных достижений полити-

ческой практики античности. Поэтому именно на примере Афин удобнее всего рассмотреть те основополагающие черты, которые были свойственны античным демократиям вообще.

Один из важнейших принципов любой античной демократии — суверенитет демоса, то есть его верховная власть, что предполагало реальное, полномасштабное и непосредственное участие всего коллектива граждан в управлении государством. Органом, воплощавшим в себе этот коллектив, было, естественно, народное собрание (экклесия). А значит — властные полномочия народного собрания были ничем не ограничены: оно распоряжалось всем, а остальные полисные структуры оказывались ему подчиненными и подотчетными.

Демократические государства, существующие в наше время, относятся к типу так называемых представительных демократий. Это означает, что граждане страны выбирают путем голосования своих представителей (депутатов) в орган, который может называться по-разному (парламент, конгресс, дума, бундестаг и т. д.), но сущность которого везде примерно одинакова. Именно этот выборный орган в промежутках между голосованиями (а проходят они, как известно, раз в несколько лет) сосредоточивает в своих руках полноту законодательной власти. Формально эта власть находится в руках всех граждан, но на деле граждане как бы передают, делегируют ее своим представителям. Парламент представляет собой народ. Во многих странах (но не во всех) граждане избирают еще и своего верховного представителя — президента, главу государства.

Античная же демократия, возникшая в полисных условиях, была, в отличие от демократий современности, не представительной, а прямой. Иными словами, коллектив граждан в лице народного собрания осуществлял высшую власть реально и постоянно. Не существовало ни парламента, ни президента — подобно тому, как в современных государствах не существует никакого народного собрания. В сущности, античная демократия была даже не столько формой государственного устройства и организации государственного аппарата, сколько формой полного и всестороннего вовлечения граждан в систему власти и управления государством.

Чрезвычайно значимым принципом античной демократии было равенство всех граждан перед законом (исономия). Никакая группа гражданского населения не имела привилегий по принципу знатности и богатства. Правда, из этого принципа имелись некоторые исключения. Так, на высшие финансовые должности дозволялось избирать только богатых людей. Считалось, что бедняк, став казначеем и получив в свое распоряжение крупные денежные суммы, может не

удержаться от соблазна незаконно присвоить часть этих денег. Но эти исключения были незначительными и не играли сколько-нибудь заметной роли. Высший в полисе пост стратега мог занять любой гражданин — аристократ и представитель простонародья, состоятельный и почти нищий: учитывались только личные достоинства и способности.

В целом каждый член гражданского коллектива имел равное право на активное участие в политической жизни. Это обеспечивалось рядом эффективных механизмов. Одним из таких механизмов было свободное обсуждение всех вопросов — от важнейших до мелких, рутинных — в народном собрании: каждый афинянин имел право взять слово и выступить в дискуссии. Очень многие этим правом активно пользовались.

Власть в условиях полисной демократии обязательно должна была быть коллективной, коллегиальной. Мы уже знаем: архонтов было девять, стратегов — десять. Нам еще предстоит говорить о других должностных лицах Афин; мы увидим, что и они тоже составляли коллегии. Никакую должность нельзя было занимать единолично: это вело бы к концентрации полномочий в одних руках, к подрыву верховенства народного собрания, в конечном счете, как считала масса граждан, могло бы породить монархические порядки. А этого опасались больше всего. Вот почему в Афинах не существовало поста президента — единоличного главы государства.

Тому же «распылению» власти по всему гражданскому коллективу, невозможности ее концентрации способствовала постоянная ротация кадров во властных органах. На любой пост в афинском полисе (будь то пост стратега, архонта, казначея, члена Совета Пятисот) избирали не на четыре, пять или более лет, как в современных демократических государствах, а на год и только на год. Покомандовал — дай покомандовать другому: так в несколько упрощенной форме можно объяснить стоящую за этим порядком социальную психологию. Демос не желал, чтобы магистраты «привыкали» быть у власти: ведь это опять же могло бы привести к зарождению монархических тенденций.

А самое главное — подавляющее большинство должностей нельзя было занимать повторно. Исключения, конечно, имелись и здесь. На военные должности, например, можно было избирать одних и тех же людей раз за разом, без ограничения количества сроков. Это вполне рационально: если человек имеет полководческие способности, то пусть он как можно чаще применяет их на благо города! Мы уже знаем, что Перикл становился стратегом не менее пятнадцати

лет подряд. В IV в. до н. э. военачальник Фокион оставался на том же посту почти 50 лет — от молодости до глубокой старости.

И все же это исключения. В норме же старались, чтобы как можно больше афинян (в идеале — практически каждый афинянин) хотя бы раз в своей жизни, а если возможно — то и чаще, побывали в роли какого-нибудь из должностных лиц. Иными словами, стремились обеспечить наиболее полное, широкое и реальное вовлечение граждан в управление государством. Тому же служило и очень широкое применение жеребьевки при любых выборах, о котором мы уже знаем. Жребий, как известно, слеп и может указать в полном смысле слова на любого.

Неизбежен вопрос: получается, граждане чуть ли не принуждались к власти, даже если кто-то из них ее вовсе не хотел? В какой-то мере это действительно так. В полисных условиях политическая активность представлялась не только правом, но и обязанностью — если не юридической, то, во всяком случае, моральной. Уклонение от государственных мероприятий, демонстративный уход в частную жизнь служили предметом порицания.

При этом демос не боялся, что непрофессионалы у власти, лица, не имеющие никакой специальной подготовки и берущиеся управлять, приведут полис к кризису. Считалось, что любой афинянин достаточно образован, развит и компетентен, чтобы решать самые сложные политические вопросы. Поневоле вспоминаются слова Ленина о том, что каждая кухарка сможет управлять государством...

Говоря о принципах античной демократии, нельзя не упомянуть слова «свобода». Свобода и демократия всегда были и, наверное, всегда останутся понятиями неразрывными. Но, говоря о классических Афинах, необходимо все-таки сделать ряд важных оговорок. Во-первых, свобода мыслилась только в рамках закона. Это общеполисный принцип, о чем мы уже знаем.

Во-вторых — это очень важно, — в отличие от современных демократий, которые ставят во главу угла права и свободы отдельной личности, демократия в античных греческих полисах, в том числе и в афинском, была коллективистской. Это означает, что она в первую очередь принимала во внимание интересы целого — всего государства, коллектива граждан. А отдельные индивиды всегда должны были быть готовы на жертвы во имя этих общественных интересов.

Характерно, что свобода ограничивалась в основном рамками частной жизни. При переходе же в сферу общественной, политической деятельности принцип свободы отодвигался на второй план перед принципом ответственности. Даже самые высокие должност-

ные лица не могли творить что-либо по собственному произволу. Они были полностью подконтрольны афинскому народному собранию. Мы видели, что и всесильный Перикл каждый год давал демосу полнейший отчет в своей деятельности. Точно так же, разумеется, должны были поступать и все остальные магистраты. Если отчет по какой-то причине признавался неудовлетворительным (например, если выяснялось, что магистрат без необходимости израсходовал денежные суммы или превысил свои полномочия), «проштрафившийся» политик отдавался под суд. Впрочем, любое должностное лицо могло быть смещено и привлечено к судебной ответственности даже и до истечения срока своего пребывания у власти.

Откровенно говоря, здесь и нам есть чему поучиться у античных демократий, особенно вот этому сочетанию принципов свободы и ответственности. Афиняне, например, ни за что не допустили бы, чтобы политический лидер, нанесящий своей деятельностью государству огромный ущерб, после этого избежал наказания и спокойно доживал свой век «на пенсии», огражденный неким юридическим иммунитетом. Кара за проступки была неизбежна.

Демократия во многих древнегреческих полисах классической эпохи, и особенно в Афинах, оказалась чрезвычайно эффективной формой государственного устройства. Она лучше всего соответствовала структуре гражданской общины и поэтому позволяла в полной мере учитывать интересы различных слоев граждан, динамично реагировать на различные вызовы — как внешнего, так и внутреннего характера.

Эту эффективность афинской демократии признавали даже ее противники. В 420-х гг. до н. э. по рукам читающей публики в Афинах ходил небольшой анонимный памфлет «Афинская полития»⁶. Автор, пожелавший остаться неизвестным, принадлежал, видимо, к кругу аристократии, причем придерживался олигархических политических воззрений. Ему была отнюдь не по душе власть «корабельной черни». Он прямо писал об этом: *«Что касается государственного устройства афинян, то, если они выбрали свой теперешний строй, я не одобряю этого по той причине, что, избрав себе его, они тем самым избрали такой порядок, чтобы простому народу жилось лучше, чем благородным»* (Псевдо-Ксенофонт, Афинская полития, 1. 1).

⁶ Его не следует путать с «Афинской политией» Аристотеля. Произведение, о котором идет речь, в науке условно называют «Афинской политией» Псевдо-Ксенофонта, потому что позже оно по ошибке попало в сборник трудов писателя и историка Ксенофонта.

Однако чуть дальше олигарх, — можно сказать, вопреки самому себе — продолжал: *«Но, раз уж они решили иметь демократическое правление, мне кажется, что они удачно сохраняют демократию»* (Псевдо-Ксенофонт, Афинская полития, 3. 1). Иными словами, автор памфлета поневоле вынужден был согласиться: как бы ни было нелюбезно ему народовластие, лучшей альтернативы для Афин не существовало — демократия периода расцвета справлялась со всеми своими задачами прекрасно.

...Автор этих строк, признаться, не без облегчения подходит к концу подглавки о принципах античной демократии, трудной и для изложения, и для понимания, по необходимости сухой и, может быть, в чем-то даже скучноватой. Без рассказа о столь основополагающих вещах было не обойтись. Читатель, героически преодолевший предыдущие несколько страниц, должен быть вознагражден. В дальнейшем речь пойдет о том, как принципы афинской демократии реально воплощались в жизнь, как они «работали» на практике. Как конкретно функционировала эта сложная политическая машина — афинский демократический полис V в. до н. э., эпохи Перикла?

И здесь мы уйдем от абстракций, постараемся проиллюстрировать демократию в действии серией зарисовок из жизни классических Афин, города, в котором в это время все буквально кипело. Жители Коринфа, испытывавшие к более удачливым соседям чувства зависти, соперничества, но в то же время и своеобразного уважения, говорили: *«Сама природа предназначила афинян к тому, чтобы и самим не иметь покоя, и другим людям не давать его»* (Фукидид, I. 70. 8).

День на Пниксе

Холм Пникс — в Афинах место особое. На нем в классическую эпоху, приблизительно с 460-х гг. до н. э., заседала экклесия, народное собрание — верховный и ничем не ограниченный орган власти. Экклесия охватывала весь круг совершеннолетних афинских граждан мужского пола⁷. Созывалась она весьма часто и регулярно, как правило, 40 раз в году, то есть в среднем раз в девять дней.

⁷ Совершеннолетие по афинским законам наступало в 18 лет, однако принимать участие в политической жизни, в том числе выступать в народном собрании, гражданин мог лишь с 20 лет.

В день собрания, о котором все оповещались заранее, уже с самого утра на Пникс начинали стягиваться афиняне, стремясь занять места поудобнее (ведь если опоздаешь, не исключено, что придется стоять). Раньше других приходили крестьяне из отдаленных деревень Аттики. Некоторым из них, чтобы успеть к началу заседания экклесии, приходилось отправляться в путь еще до рассвета, а то и с вечера. Перед нами один из таких земледельцев, по имени Дикеополь, описанный в комедии драматурга Аристофана⁸. Устроившись на одной из скамей Пникса, Дикеополь говорит (Аристофан, Ахарняне, 28 слл.):

Всегда являюсь первым на собрание,
Сию и принимаюсь в одиночестве
Вздыхать, считать... скучать... позевывать.

В жаркий летний день долго тянется время на открытом солнцу Пниксе. Но вот по рядам сидящих прокатывается шум: входят председательствующие на собрании — члены Совета Пятисот.

Этот созданный Клисфеном Совет был совершенно необходимым звеном управления в демократических Афинах. Дело в том, что экклесия собиралась хотя и часто, но все-таки не ежедневно. Да это было бы и невозможно. Поэтому возникала необходимость в существовании постоянного, непрерывно функционирующего органа власти. Таким и являлся Совет Пятисот, заседавший каждый день, кроме праздников, в булевтерии на Агоре.

Булевты — члены Совета — избирались по жребию сроком на один год из числа граждан не моложе 30 лет. Повторное избрание было разрешено, но не более одного раза (иными словами, афинянин мог стать булевтом дважды в жизни). За исполнение обязанностей булевты получали небольшое жалование.

Полномочия Совета Пятисот были весьма широки (справедливости ради следует сказать, что в условиях демократии этот орган был полностью подконтролен экклесии, которая имела право подтвердить или отменить любое принятое булевтами решение). Совет принимал отчеты у многих должностных лиц. Он играл важную роль во внешней политике государства, в частности, представлял народному со-

⁸ Аристофан (445–386 гг. до н. э.) — выдающийся афинский поэт, автор лучших в античности комедий. Произведения Аристофана, в которых в комическом виде изображается общественная и повседневная жизнь классических Афин, находятся в числе самых замечательных источников по их истории.

бранию иностранных послов. В ведении Совета находились многие текущие вопросы. Так, этот орган принимал участие в контроле над военной организацией полиса (вел списки граждан, служивших в коннице, следил за состоянием флота), организовывал военное обучение афинских юношей, только что достигших совершеннолетия (**эфебов**), надзирал за финансовой администрацией, отдавал на откуп государственные доходы, следил за поддержанием повседневного порядка в городе.

Но важнейшей функцией Совета была законодательная инициатива. Любой закон или постановление принимало народное собрание, но поступали туда проекты этих законов и постановлений только из Совета Пятисот. Иными словами, булевты готовили заседания экклесии, обсуждали повестку дня, вырабатывали предложения, которые надлежало поставить на обсуждение и голосование. Ни одна мера не могла быть рассмотрена экклесией, если предварительно она не прошла через Совет.

Совет Пятисот для большей эффективности своей работы был разбит на десять отделений — по количеству афинских фил. В каждое отделение входило 50 человек, избранных от одной филы. Отделения поочередно являлись дежурными — для этого и афинский гражданский год был разбит на десять частей. Члены дежурного отделения Совета назывались **пританами**, а период их дежурства — **пританией**. Пританы, сменяя друг друга, несли круглосуточную вахту в круглом Толосе на Агоре — чтобы ни одно мгновение полис не оставался без управления. По жребию из числа пританов избирался их глава — **эпистат**. Он находился в этой должности лишь одни сутки, а затем сменялся следующим. На этот краткий срок эпистат становился как бы временным главой государства, хотя, конечно, его никак нельзя уподобить президентам в современных демократиях: слишком малы были его полномочия, он, по сути дела, являлся чисто техническим сотрудником. Именно пританы во главе с эпистатом председательствовали в народном собрании.

Итак, пританы заняли свои места; совершены положенные религиозные ритуалы, и работа экклесии началась. На рассмотрение демоса ставится проект (**пробулевма**) первого постановления. Секретарь зачитывает его, и открывается дискуссия. «Кто желает выступить?» — спрашивает председательствующий.

Именно в этих дискуссиях участников народного собрания свободный, демократический характер Афинского государства проявлялся ярче, чем в чем-либо другом. Ни по одному из обсуждаемых вопросов решение не было predetermined заранее. Постоянно

вспыхивали бурные споры. Политически активные граждане один за другим выходили на трибуну, произносили речи, приводили аргументы, воздействовали на разум и эмоции слушателей, призывали голосовать «за» или «против». Масса афинян, сидевших на скамьях, встречала их слова шумным выражением одобрения или, напротив, неодобрения. Подчас страсти накалялись: громкие крики с мест заглушали выступление оратора, а то даже особенно экспансивные сограждане пытались силой стащить его с трибуны. В таких случаях пританам при помощи стражи приходилось наводить порядок. Одним словом, дебаты никого не оставляли равнодушным. Все болело за благо полиса, но каждый, конечно, понимал это благо по-своему.

После окончания дискуссии решение принималось путем общего голосования. Обычно голосовали открыто, хорошо знакомым нам способом: граждане поднимали руки, а пританы подсчитывали поданные таким образом голоса. Этот способ голосования назывался **хиротония**.

Если оказывалось, что проект постановления в целом одобрен большинством, переходили к следующему этапу обсуждения: начинали предлагать поправки по его отдельным пунктам. Каждая поправка опять же могла вызывать споры, а потом ее тоже ставили на голосование.

И вот наконец работа над декретом полностью завершена, сформулирован его окончательный текст. Постановления экклесии назывались **псефисмами**. Принятая псефисма немедленно обретала силу закона. Отдавалось распоряжение написать ее на мраморной плите и выставить в каком-нибудь из общественных мест города, чаще на Агоре. Многие афинские псефисмы, пережив десятки веков, дошли до нашего времени и были найдены археологами при раскопках. Внешний вид этих надписей буквально радует глаз: на красивой, тщательно отшлифованной поверхности мрамора хорошо видны ровные, четкие буквы. Долго и старательно трудились резчики по камню, чтобы каждый декрет народного собрания был доступен для граждан, чтобы любой желающий мог его прочесть.

Кстати, все это демонстрирует, насколько высок был уровень грамотности в классических Афинах. Даже удивительно для столь ранней эпохи человеческой истории, но получается, что все граждане умели читать и писать: ведь без этого было невозможно полноценное участие в управлении государством. О том же говорит знакомая уже нам практика остракизма, когда имена изгоняемых политиков нужно было наносить на черепки. Конечно, не все были

грамотны в одинаковой степени: кто-то без всякого труда мог понять и воспроизвести сложный текст, а другой афинянин, скажем, писал с грубыми ошибками, а прочитать важную псефисму мог лишь при помощи более ученого приятеля. Но ведь и в наши дни разные люди лучше или хуже владеют искусством чтения и письма.

Иногда (довольно редко) по вопросам, считавшимся особенно важными, применялось вместо хиротонии тайное голосование с помощью бюллетеней, которые опускались в урны. Это позволяло, во-первых, лучше обеспечить свободу волеизъявления (ведь многие проявляли свое мнение более искренне, понимая, что о нем никто не узнает), а во-вторых, получить гораздо более точные результаты: ведь при подсчете поднятых рук пританы всегда могли допустить ошибку. Бюллетень для голосования носил в Афинах название **псеф**, но при этом слове не нужно представлять себе листок бумаги, как в наши дни⁹. Вначале в роли псефов употреблялись обычные камешки (собственно, само слово «псеф» и означает «камешек»), а затем для этой цели стали специально изготавливать из металла небольшие, умещавшиеся в ладони диски с трубочкой посередине.

Тайное голосование объявлялось, например, когда решался вопрос о даровании гражданских прав лицу, которое ранее не являлось афинским гражданином. Тайно голосовали также на остракизме, но при этом, как мы знаем, использовались не псефы, а надписанные глиняные черепки.

Кстати, народное собрание, созданное для проведения остракизма, проходило не на Пниксе, а на Агоре. Очевидно, экклесиастерий с его рядами скамей был неудобен для такой процедуры. В некоторых других случаях экклесия могла собираться и в каком-нибудь другом месте, например в театре или даже в Пирейском порту (если рассматривались вопросы, имевшие отношение к флоту).

Но сейчас перед нами — обычное заседание экклесии, и поэтому место действия — Пникс. Демос, дискутируя и голосуя, принимает псефисму за псефисмой. Практически ни одно дело, имеющее хоть какое-то значение для полиса, не минует народного собрания. Именно этот орган рассматривает и решает все сколько-нибудь важные вопросы государственной жизни, как принципиального характера, так и относящиеся к сфере повседневной рутины. Экклесия определяет в деталях внешнюю и внутреннюю политику Афин, принимает и заслушивает иностранных послов, объявляет войну и ратифици-

⁹ Кстати, бумага в то время, о котором идет речь, вообще еще не была изобретена. Ее роль выполнял папирус, ввозившийся из Египта.

рует мирные (и иные международные) договоры, контролирует финансы полиса, избирает должностных лиц и рассматривает их отчеты, принимает законы, надзирает за религиозной жизнью... В сущности, вопросов, исключенных из компетенции народного собрания, не было вообще.

В античном государстве еще не сложилось в полной мере представление о разделении властей на законодательную, исполнительную и судебную ветви. Поскольку экклесия пользовалась в Афинах абсолютной и неограниченной властью, она сосредоточивала в своих руках самые различные стороны управления. Так, ей принадлежала вся полнота законодательной власти; она же осуществляла и верховный контроль над исполнительной властью. Более того — и это для нас совсем уж непривычно, — для народного собрания был характерен и ряд элементов судебной власти. Оно рассматривало на своих заседаниях некоторые типы судебных процессов (обычно по важным делам политического характера) и выносило приговоры. А в принципе экклесия могла взять на себя принятие решения по абсолютно любому судебному делу. Ведь она — повторим еще раз — была абсолютно суверенным органом, источником любых властных полномочий. Никто и ни в чем не мог ей помешать (за одним-единственным исключением, о котором речь пойдет ниже).

Несмотря на обилие рассматриваемых вопросов, несмотря на жаркие дебаты, демос в народном собрании работал быстро. Не было ненужных проволочек, бессмысленных «протокольных мероприятий». Все было направлено на интересы дела: никому не хотелось зря терять время. До вечера еще далеко, а заседание экклесии, исчерпав свою повестку, завершилось. Граждане расходятся — кто домой, кто на поле, кто в мастерскую: есть еще время заняться повседневным трудом, сидением в экклесии сыт не будешь. Селяне отправляются в свои отдаленные демы. На Агору, в свой Толос, спускаются пританы. Последуем за ними и мы.

День на Агоре

Агора — место священное. Каждого входившего на главную городскую площадь с какой-нибудь из вливавшихся в нее улочек встречали пограничные камни, показывавшие: отсюда начинается пространство, куда запрещен доступ всем «оскверненным». А «оскверненными» считались прежде всего преступники. Если человека обвиняли или

хотя бы подозревали в каком-нибудь преступлении, если он находился под следствием, то вплоть до суда он не имел права посещать Агору.

И вот мы на самом бойком и шумном месте во всем афинском полисе. Не прекращается движение. Снуют туда-сюда граждане: кто идет по своим делам, кто просто праздну гуляет, кто встретил знакомых и остановился побеседовать с ними. В соседних переулках, выходящих на площадь, — множество лавок мелких торговцев, ремесленных мастерских, цирюлен. Они тоже всегда полны народом; здесь рождаются и распространяются все городские слухи. Расставив свои столы, сидят **трапезиты** — менялы, у которых иноземец всегда может получить за имеющуюся у него «валюту» афинские драхмы. Немало на Агоре и храмов, небольших святилищ, гробниц и статуй легендарных героев. Все это — места религиозного поклонения.

Особенное внимание каждого входящего привлекает к себе длинный, торжественный ряд из десяти очень похожих друг на друга статуй на общем подножии. Он расположен на левой стороне Агоры, если смотреть от Пникса. Около этих статуй всегда особенно много людей. Они внимательно читают какие-то надписи, развешенные на постаменте.

Если гость Афин спросит у кого-нибудь из местных жителей, что за достопримечательность перед ним, он обязательно получит исчерпывающий ответ: «Это герои-эпонимы. Когда законодатель Клисфен разделил всех граждан на десять фил, каждая фила получила название в честь кого-нибудь из древних героев. Тот герой, в честь которого фила была названа, стал считаться ее покровителем. Десять фил — десять эпонимов. Они-то здесь и увековечены. А афиняне, толпящиеся у статуй, читают объявления. Если нужно оповестить членов какой-нибудь филы о чем-то важном, оповещение помещают под изображением эпонима этой филы».

Чаще всего «под эпонимами» висели списки призванных на военную службу. Тут нужно вспомнить, что в Афинах V в. до н. э., как и в любом полисе этого времени, армия была ополчением граждан. Военнообязанным считался каждый совершеннолетний афинянин мужского пола. Юноши, достигшие 18 лет (эфебы), два года проходили обучение под руководством специальных наставников и несли сторожевую службу на границах Аттики, но в дальние походы их не отправляли.

А после этого они — от двадцатилетнего и вплоть до шестидесятилетнего возраста — становились полноценными воинами. Теперь их можно было в случае необходимости мобилизовать и отправить

на настоящую войну за пределы государства. Разумеется, не следует думать, что все афинские граждане только и делали, что служили в войске. Быть военнообязанным и быть солдатом — не одно и то же. Только в дни самой грозной опасности, например, когда на город двигалось сильное вражеское войско и нужно было собрать максимум сил для отпора, в ополчение призывались все — и молодые, и пожилые. А в обычных условиях в походы шла лишь малая часть афинян. Причем полисные власти заботились о том, чтобы в боевых действиях участвовали разные люди, чтобы не получалось так, что одни несут постоянные тяготы службы, а другие отвыкают владеть оружием.

Для этого-то и предназначались призывные списки: в них значилось, кому конкретно из членов гражданского коллектива надлежит, экипировавшись, явиться для участия в кампаниях этого года. Призванные — в зависимости от размеров имущества каждого из них — делились на разные разряды: самых бедных записывали гребцами во флот, тех, кто посостоятельнее, — в гоплиты, самых богатых — в конницу.

Военная организация демократических Афин была тесно связана с их политическим устройством. Все войско делилось на десять крупных отрядов — **таксисов**: по одному от каждой филы. Точную численность таксиса указать невозможно, поскольку она зависела от того, сколько граждан было призвано в армию, а это количество год от года сильно колебалось. Таксисы состояли из отрядов меньшего размера — **лохов**.

Общее руководство всеми военными действиями, как на суше, так и на море, принадлежало десяти стратегам. Они возглавляли армию коллегиально, все были равны: верховный главнокомандующий не назначался. Но ведь на поле боя часто бывает необходимо единоначалие: демократия тут неуместна. Проблему решали различными способами. Например, разбивали вооруженные силы на несколько частей и бросали их на разные направления. Каждую часть возглавлял один стратег, и ему никто не мешал. Если же все-таки получалось, что войско или флот вели все стратеги вместе, то они чередовались у власти: день командовал один стратег, день — следующий, и так до тех пор, пока не пройдет десять дней и командование вновь не перейдет к первому, а дальше все снова шло по кругу. Откровенно говоря, это далеко не самый удобный порядок. Допустим, первый стратег задумал какую-нибудь операцию, выполнять же ее придется второму, третьему и так далее. А если у каждого из них иные взгляды на ведение военных действий? Неизбежна

несогласованность. Не всегда желание скрупулезно соблюсти все правила демократии и коллегиальности шло на пользу интересам государства.

Стратегам подчинялись командиры более низкого уровня, которые также избирались народным собранием: десять **таксиархов** (командиров таксисов), два **гиппарха** (командиры кавалерийских отрядов). На флоте важное значение имели **триерархи** — капитаны отдельных триер.

Но вернемся на Агору. За статуями эпонимов можно увидеть череду общественных построек различного назначения. Здесь и Толос, где дежурят пританы, и булевтерий, где собирается на свои регулярные заседания Совет Пятисот. Многие здания на городской площади служат «штаб-квартирами» для афинских должностных лиц. О них необходимо теперь сказать чуть подробнее.

Должностные лица (магистраты), осуществлявшие административную власть, были одним из важных элементов политической системы классической демократии. Количество должностных лиц в Афинах V в. до н. э. было очень велико, особенно если учитывать, что перед нами — полис, то есть небольшое государство. По оценке Аристотеля в «Афинской политике», их насчитывалось до 700 человек, и это число если и завышено, то ненамного. Соответственно обязанности магистратов были весьма дробными. Мы уже знаем: такое рассредоточение полномочий предпринималось для предотвращения концентрации власти в руках одного человека, которая могла повести к установлению тирании.

В демократических Афинах, как и в любом другом полисе, должностные лица не были чиновниками, бюрократами. Они не назначались каким-либо вышестоящим лицом, а избирались сроком на год. Для выборов большинства из них применялся жребий; лишь только военные и финансовые должности замещались открытым голосованием в экклесии путем поднятия рук. Это и понятно: и организация армии, и государственная казна пострадали бы от действий случайных лиц, эти области управления требовали все-таки специальной компетенции.

В любом случае гражданин, избранный на какой-нибудь пост, перед тем как занять его, должен был пройти особую проверку — **докимасию**. Докимасия проводилась в разных случаях экклесией, гелиеей или Советом Пятисот, и на ней будущему магистрату задавались различные вопросы. Причем — и это нам ныне кажется более чем странным — вопросы, как правило, были не о том, разбирается ли экзаменуемый в тех государственных делах, которыми ему при-

дется заниматься. Считалось, что это само собой разумеется, что никакой великой сложности в управлении полисом нет, и что с ним справится любой взрослый и нормальный человек. Проверяющих больше интересовало другое: является ли гражданин, проходящий проверку, чистокровным афинянином, достойными ли людьми были его предки (считалось, что у порочных людей и потомки тоже порочные, и наоборот), ведет ли он и сам безупречную жизнь, например, хорошо ли относится к своим родителям, не обижает ли их... Если человек, готовящийся стать должностным лицом, проходил докимасию успешно, он вступал в должность и начинал получать небольшую, но достаточную для жизни заработную плату. А по прошествии года — обязательный отчет!

Высшими магистратами в Афинах архаической эпохи были, как нам известно, девять архонтов. Но в течение V в. до н. э. они постепенно утратили значительную часть своих полномочий и в основном лишь формально сохраняли авторитет. Теперь архонты выполняли главным образом церемониальные функции. Так, их полномочия включали надзор над религиозной жизнью полиса, организацию государственных праздников, председательство в судебных процессах, которые проходили в гелиее (впрочем, председательство без права вынесения приговора).

Фактически самыми влиятельными должностными лицами в условиях афинской демократии стали тоже уже хорошо знакомые нам стратеги. Хотя главной их обязанностью было командование войском и обеспечение обороны государства, но постольку поскольку война играла огромную роль в жизни любого полиса и военная организация была неразрывно связана с гражданской, стратеги и в мирное время имели огромное, ключевое значение в политической системе. Можно сказать, что не кто иной, как они на деле отвечали за решение большинства важнейших проблем, встававших перед Афинами. Именно стратеги очень часто готовили и вносили в Совет Пятисот и народное собрание проекты постановлений, затем обретавших силу закона. Не забудем о том, что Перикл, «первый гражданин», занимал должность стратега, а не какую-нибудь иную. И до него Мильтиад, Фемистокл, Кимон, Эфиальт — все ведущие государственные деятели, все лидеры полиса — избирались стратегами. Не пресеклась эта традиция и после Перикла, как нам еще предстоит увидеть в дальнейшем.

Вряд ли имеет смысл перечислять все многочисленные коллегии магистратов, действовавшие в демократических Афинах. Все равно их невозможно будет упомянуть, да и не привнесет это ничего ново-

го в наше понимание античного народовластия. Достаточно для примера назвать и охарактеризовать лишь некоторые должности.

Финансами государства управляли различные коллегии казначеев, каждая из которых имела свои обязанности. Так, в ведении десяти «казначеев богини» находилась казна афинского полиса, хранившаяся в храме богини Афины на Акрополе. Казну Афинского морского союза, которая ежегодно разрасталась из-за непрекращающихся поступлений форо́са, имели под своим надзором другие казначеи — десять **эллинотамиев** («эллинских казначеев»), избиравшихся только из числа афинян, хотя союз включал в себя сотни городов. Десять **полетов** («продавцов») занимались продажей и сдачей в аренду государственного имущества с целью пополнения бюджета.

Ряд коллегий должностных лиц нес службу по поддержанию общественного порядка. Десять **астиномов** («смотрителей города») наблюдали за чистотой на городских улицах. Десять **агораномов** («смотрителей площади») — за тем, чтобы торговля на городском рынке, на Агоре, велась без нарушений, чтобы покупателей не обвешивали и не обсчитывали. Поскольку одним из главных предметов импорта в Афины было зерно (своего хлеба в Аттике постоянно не хватало для нужд разросшегося населения, и его приходилось закупать), важную роль играла коллегия из десяти **ситофилаков** («хлебных стражей»). Ситофилаки следили за тем, чтобы хлебные торговцы не превышали установленные государством цены на этот продукт. «Спекулянта», продававшего зерно дороже, чем положено, могла ожидать даже смертная казнь.

Особое место занимала так называемая коллегия Одиннадцати (обратим внимание на редкий случай — в нее входило не десять, а одиннадцать членов, может быть, именно для того, чтобы отличать от других коллегий). Об этих должностных лицах афиняне поговаривали не без некоторой боязни, их недолгоблюдали. Они арестовывали преступников и отводили их в тюрьму в ожидании суда. В их же обязанности входило также приведение в исполнение судебных приговоров, в том числе и высшей меры наказания. Вот они идут по Агоре, внимательно всматриваясь в лица граждан: нет ли среди них нарушителей законов?

В помощь Одиннадцати существовала городская стража, которую можно сравнить с современной полицией. Да, в античных Афинах уже существовала самая настоящая полицейская служба! Вот только заниматься ей свободные граждане решительно не хотели, считая это унижительным. В результате на должности полицейских — на-

верное, самые низкие в полисной иерархии — приходилось ставить государственных рабов. На далеких северных берегах Черного моря был специально для этой цели закуплен отряд скифов. В своей национальной одежде — в высоких шапках, в штанах¹⁰ — расхаживали они по городу, готовые в любой момент выполнить приказ магистрата и схватить того, на кого им укажут. А вооружена эта полиция была, естественно, не пистолетами и даже не дубинками, а привычными для них луками и колчанами стрел. Колоритные фигуры скифов-стражников сразу бросались в глаза и на людной Агоре, и в любом другом месте.

Афиняне направляли своих должностных лиц — **епископов** («надзирателей») — также и во многие полисы Делосского союза. Аристотель пишет, что таких должностных лиц, работавших за пределами полиса, было тоже до семисот. Они следили за тем, чтобы афинские союзники в полном объеме и неукоснительно выполняли свои обязанности: платили форос, немедленно выполняли любое пришедшее из города-гегемона распоряжение, не вынашивали ни малейших намерений восстать против владычества Афин и выйти из состава симмахии.

Итак, магистратов было очень много. Но в условиях афинской демократии их полномочия были не слишком-то широкими. Не считая повседневной рутины, любое сколько-нибудь ответственное решение могло быть принято ими только с разрешения народного собрания — этого высшего источника всей и всяческой власти. Зато они получали за свою работу жалованье, а это было характерной приметой именно демократического полиса: в олигархических государствах Эллады должностным лицам за исполнение их обязанностей не платили, что позволяло быть магистратами только людям состоятельным.

И у Афин хватало денег на то, чтобы оплачивать целую армию всех этих стратегов и архонтов, полетов и агораномов... Город все богател и богател благодаря непрерывному потоку податей от союзников.

К вечеру, к закату солнца и на Агоре смолкает деловой гул. Закрывают свои заведения торговцы и трапезиты. Граждане стремятся до наступления темноты разойтись по домам. Ведь уличного освеще-

¹⁰ Сами древние греки штанов не носили. Это считалось обычаем, свойственным «варварам», а **варварами** («невнятно говорящими») эллины, как известно, называли представителей всех остальных народов, будь то перс или египтянин, финикиец или скиф.

щения в Афинах нет. Немного подзадержишься — и придется долго отыскивать свое жилище, блуждая во мраке по узким и кривым улочкам, к тому же еще и немощеным, так что всегда можно угодить в какую-нибудь грязь. Да и небезопасно: ночами на городских улицах можно встретить грабителей. Как ни борются с ними коллегия Одиннадцати и скифы-стражники, окончательно искоренить преступность не удастся.

День в Гелиее

Проходя по Агоре, нельзя не заметить на ее южной стороне обширной, квадратной в плане постройки. В центре ее — очень большой зал без крыши, а в нем, как на Пниксе, ряды скамей и ораторская трибуна. Это — не что иное, как Гелиея, главное здание афинского суда присяжных. Есть помещения для работы судей и в других частях города. Коль скоро мы в наших прогулках по «городу Паллады» натолкнулись на Гелиею, самое время поговорить о судебной системе Афин.

С древнейших времен верховным судом полиса считался Совет Ареопага. Продолжал этот орган существовать и в эпоху демократии. Но после того как реформой Эфиальта его полномочия были значительно урезаны, на рассмотрение Ареопага стали поступать лишь некоторые судебные дела, и прежде всего связанные с обвинениями в умышленном убийстве. Зато уж ареопагиты, стараясь сохранить свой высокий авторитет, обставляли проходящие в своем судилище процессы как можно более торжественно и даже таинственно. Человеку, попавшему на суд Ареопага, казалось, что он предстал перед святыней. Еще бы: ведь, по преданию, сама богиня Афина Паллада, покровительница и благотельница города, основала древний совет на холме Ареса.

Для разбора дел ареопагиты собирались ночью, и это еще увеличивало мистический характер обстановки. В полной темноте (как считалось, это было нужно для того, чтобы судьи не видели лиц тяжущихся и могли выносить свое решение более объективно) выступали с речами обвинитель — кто-нибудь из ближайших родственников убитого — и обвиняемый в убийстве. Выслушав доводы того и другого, Ареопаг приступал к голосованию. Если в пользу обвиняемого было подано больше голосов — он освобождался, если меньше — он подвергался смертной казни. Если вдруг оказывалось,

что и за ту и за другую сторону проголосовало равное число ареопагитов, это трактовалось в пользу обвиняемого: считалось, что в таких случаях сама Афина, незримо присутствующая на заседании, подает свой голос за оправдание.

Ареопаг разбирал также дела о некоторых преступлениях против религии. Однако не он теперь являлся главным судебным органом полиса. В исторический период, о котором идет речь, эту роль всецело взяла на себя созданная еще Солоном гелиея — суд присяжных. Она постепенно превратилась в один из важнейших элементов демократической политической системы и сконцентрировала в своем ведении подавляющее большинство судебных дел.

По своему размеру гелиея была огромна. Ведь судьей-присяжным имел право быть любой афинский гражданин не моложе 30 лет. Для этого он должен был только раз в год принести с другими судьями присягу, получить именную табличку и в назначенные дни являться к зданию суда для участия в процессах. За свою работу судьи (**дикасты**), подобно магистратам и членам Совета Пятисот, получали жалование.

Разумеется, далеко не все афиняне пользовались возможностью стать присяжными. Не все — но многие. Судя по сообщениям античных авторов, большинство дикастов были небогатыми гражданами пожилого возраста. Для них разбирательство судебных дел подчас становилось едва ли не основным видом деятельности. Психологию такого старика-судьи прекрасно изобразил драматург Аристофан в комедии «Осы», высмеивающей склонность афинского демоса к сутяжничеству:

Есть ли большее счастье, надежней судьба в наши дни, чем
судейская доля?

Кто роскошней живет, кто гроза для людей, несмотря на
преклонные годы?

С ложа только я сполз, а меня уж давно у ограды суда поджидают
Люди роста большого, преважный народ... Подойти я к суду не
успею,

Принимаю пожатия холеных рук, много денег покравших
народных,

И с мольбой предо мной они гнутся в дугу, разливаются
в жалобных воплях...

Наконец, размягченный мольбами, вхожу, отряхнувши всю ярости
пену,

Но в суде никаких обещаний моих исполнять не имею привычки,

Только слушаю я, как на все голоса у меня оправдания просят.
И каких же, каких обольстительных слов в заседание судья
не услышит?..
Или это не власть, не великая власть? Не глумимся ли мы
над богатством?
И отчета мы в том никому не даем, не в пример остальным
учреждениям...
Но приятнее всех мне судейских утех, — я сказать позабыл, —
вот какая:
Только я ворочусь с триболом¹¹ домой, домочадцы гурьбою
обступят
И начнут лебезить, знают: деньги принес...
Наша власть неужели ничтожна?
Только Зевсу такая доступна,
Только с ним наравне ставят нас.
В самом деле, когда зашумим мы в суде,
То прохожий народ, услышав, говорит:
«Слышишь, гром-то какой раздается в суде!
Царь наш Зевс!»

(Аристофан, *Осы*, 550 слл.)

В целом гелиея в классических Афинах насчитывала около 6000 членов. Даже в современных крупных государствах такого большого органа власти, пожалуй, не найти. А в небольшом по нашим меркам афинском полисе столь колоссальная численность по контрасту особенно бросается в глаза. Чем же она была обусловлена? Во-первых, считалось, что чем больше дикастов, тем лучше обеспечивается демократический характер судопроизводства. Во-вторых, с помощью той же меры надеялись избежать подкупа со стороны тяжущихся сторон. И действительно, подкупить одного судью довольно просто. Десять судей — труднее, но тоже можно. Сто судей? Ну что ж, очень богатый человек, поднатужившись, может подкупить и их. Но подкупить 6000 судей, конечно, считалось немыслимым.

Однако такому огромному органу крайне затруднительно было работать в полном составе. Лишь очень редко, в исключительных обстоятельствах, для рассмотрения самых важных дел (за всю историю античных Афин известно всего несколько таких случаев) все 6000 присяжных заседали вместе. А обычно гелиея для своей работы разбивалась на дикастерии — отделения или коллегии судей,

¹¹ Монетка в три обола (половина драхмы), жалованье дикаста за день работы.

которые расходились по разным местам и там разбирали тяжбы. Чаще всего в состав одной коллегии входили 500 человек. Впоследствии это число было изменено до 501 — во избежание «ничейного» результата при голосовании. Впрочем, была возможна и меньшая (по 200 или 300 членов), и большая (по 1000 или 1500 членов) численность дикастриев, но это случалось реже.

Судопроизводство в демократических Афинах было публичным, гласным и состязательным. Опишем вкратце процедуру, по которой проходил судебный процесс. Истец или обвинитель подавал в суд иск и оповещал об этом ответчика или обвиняемого. Назначался день рассмотрения дела, и объявление об этом помещалось на Агоре, на постаменте под статуями эпонимов, чтобы каждый желающий мог посетить процесс.

И вот назначенный срок наступил. Утром к зданию, избранному для проведения судебного заседания (таких зданий в Афинах было несколько, потому что в один день могло проходить несколько процессов), собираются присяжные, которым выпал жребий судить именно это дело (опять жребий!). Стягивается публика, которая будет наблюдать за происходящим снаружи, из-за загородок. Являются истец и ответчик. Приходит магистрат, председательствующий на суде: на каждом процессе председательствовало какое-либо должностное лицо, но оно только руководило ходом рассмотрения тяжбы, а права голоса при вынесении приговора не имело. Магистрату помогал секретарь, который зачитывал текст обвинения, необходимые документы, свидетельские показания.

Суд начинается. Дикасты дают клятву судить справедливо и беспристрастно. Слово для речи предоставляется обвинителю, затем обвиняемому. Строго следят за тем, чтобы оба говорили равное количество времени. Для контроля над этим используются водяные часы (**клепсидра**): из одного сосуда в другой бежит струйка воды, и когда она иссякнет, выступающий должен заканчивать речь. Потом сосуды меняют местами, и процесс продолжается.

Задачей истца было убедить судей в том, что его противник виновен. Этого оратор старался добиться всеми допустимыми и недопустимыми средствами: сгущал краски, воздействовал на эмоции слушателей, подчас не гнушался грязными ругательствами, прибегал к откровенной подтасовке фактов, как только мог, доказывал, что ответчик — дурной человек и гражданин, что он заслуживает наказания. Даже если он говорил явную ложь, уличить его было непросто: никакого предварительного следствия суд не проводил, улики не собирал, приходилось принимать на веру слова обвинителя. Реакция

дикастов была очень живой: они шумели, прерывали оратора вопросами и замечаниями.

Наступал черед выступить обвиняемому — и его цель, естественно, была полярно противоположной: доказать, что он ни в чем не виноват, а следовательно, заслуживает оправдания. Ему тоже приходилось прибегать к средствам эмоционального воздействия. Присяжных нужно разжалобить, и добивались этого разными способами. Ответчик подробно рассказывал о своих заслугах перед полисом, порой рвал на груди одежду и показывал всем раны, полученные в боях за отечество. Многие обвиняемые пытались развлечь судей, вызвать к себе симпатию, другие — жалобно плакали, умоляли пощадить их, приводили с собой в дикастерий детей, и те тоже начинали рыдать и просить, чтобы их отца не наказывали. Ярко описал все это Аристофан (Осы, 566 сл.):

Тот нам сказку расскажет, исполнит другой из Эзопа изыщную
басню,
А иные острят, чтобы нас рассмешить и смирить раздражение
наше.
Но, увидев, что мы не поддались ему, он ребят поскорее притащит,
Приведет сыновей, приведет дочерей... Я сию и внимаю защите,
А они, сбившись в кучу, все вместе ревут, и опять их отец,
точно бога,
Умолять нас начнет, заклиная детьми, и пощады, трепещущий,
просит...

После первой пары речей истец и ответчик говорили еще по одной, стараясь опровергнуть доводы друг друга. Обратим внимание на характерное обстоятельство: в афинской гелиее не было прокуроров. Даже по государственным преступлениям обвинителями выступали не назначенные полисом официальные лица, а частные граждане по собственной инициативе. Не было также и адвокатов: каждая из тяжущихся сторон должна была самостоятельно отстаивать свою правоту. Самое большее — позволялось пригласить с собой в суд одного-двух друзей или родственников, чтобы они выступали в роли дополнительных ораторов (**синегоров**) и помогали основному выступающему, приводя те доводы, которые он упустит.

Но что, если гражданин абсолютно не одарен даром ярко и убедительно говорить, да и среди его близких нет мастеров красноречия? Ведь таких людей, наверное, во все эпохи было большинство. А выступить перед дикастами плохо — значит, вовлечь себя в опасность

проиграть процесс. Чтобы этого избежать, прибегали к услугам специальных писателей, поднаторевших в ораторском искусстве и знании законов, — **логографов** («составителей речей»). Афинянин, готовящийся к суду, заказывал логографу речь. Когда она была готова, клиент заучивал ее наизусть и произносил на заседании дикастерия.

Итак, выступления сторон закончились. Присяжные сразу, не совещаясь друг с другом, не обосновывая мотивы своего решения, приступают к голосованию. В помещение суда вносят и ставят рядом друг с другом два сосуда: один символизирует собой защиту, а другой — обвинение. Дикасты по очереди подходят к этим урнам; в руке у каждого обычный камешек, который судья должен бросить по желанию в ту или другую из них. Чтобы волеизъявление носило действительно тайный характер, чтобы нельзя было подсмотреть, как голосует каждый член гелиеи, горлышки обоих сосудов накрыты сверху большой воронкой, расширяющейся частью вниз. Присяжный просовывает руку в узкий проем воронки, и куда он после этого опустит камешек, никто, кроме него, не знает.

Затем камешки высыпают и подсчитывают. Большинство голосов определяет приговор. Если обвиняемый оправдан, его отпускают и процесс завершается. Но если признана его виновность — суд будет продолжаться. Теперь, на его второй стадии, предстоит определить меру наказания. Ведь по большинству преступлений эта мера не предписана в законах, а оставлена на усмотрение гелиеи.

И все начинается заново. Говорит речь истец, призывая дикастов наказать преступника как можно суровее. Чаще всего он предлагает смертную казнь. Выступает с речью ответчик. Теперь ему тоже приходится выбирать для себя наказание, но он просит что-нибудь помягче, например денежный штраф. И опять голосуют судьи. На этот раз у них в руках — не камешки, а покрытые воском деревянные дощечки. Каждый из присяжных должен провести по воску ногтем длинную черту, если он поддерживает кару, предложенную обвинителем, или короткую — если он на стороне обвиняемого. Справедливости ради следует сказать, что чаще члены гелиеи поступали гуманно, выбирая более мягкое наказание.

Только теперь заседание подошло к концу. Судьи получают свою заработную плату и расходятся. А коллегия Одиннадцати тут же приводит приговор в исполнение. Здесь уместно сказать несколько слов о том, какие виды наказаний существовали в классических Афинах. Самым тяжелым из них была, конечно, смертная казнь. Казнили либо ударом дубины по голове, либо сбрасывая осужден-

ного в пропасть. Ближе к концу V в. до н. э. ввели менее мучительный способ: приговоренному стали давать чашу с ядом (цикутой), который приносил быструю и почти безболезненную смерть.

Вторым по тяжести наказанием было изгнание из полиса. Ведь за пределами родного государства, гражданином которого он был, грек, как правило, становился изгоем, лишенным всякой защиты закона. Тяжела была судьба такого изгнанника. Далее следовало лишение гражданских прав (**атимия**): афинянин оставался в полисе, но не мог больше принимать участия в общественной и политической жизни. Атимия — в зависимости от преступления — могла быть пожизненной или временной, полной или частичной (например, осужденному запрещалось занимать государственные должности, но не разрешалось голосовать в народном собрании).

Наконец, широко применялись различные денежные штрафы — от огромных до совсем маленьких. Интересно, что совершенно не применялась такая мера наказания, как тюремное заключение. Афиняне резонно рассуждали, что невыгодно держать граждан в тюрьме, кормя их за государственный счет. Тюрьма в Афинах существовала, но в нее заключали только преступников, ожидающих суда, или еще тех лиц, в отношении которых приговор был уже вынесен, но по какой-нибудь причине не сразу приведен в исполнение (в частности, из-за религиозных праздников, во время которых нельзя было никого казнить).

Приговор гелии был окончательным и не подлежал никакому пересмотру. В Афинах не существовало высшей апелляционной инстанции, в которой гражданин мог бы опротестовать несправедливое, по его мнению, решение присяжных. Даже всесильное народное собрание не контролировало дикастерии и никогда не отменяло их приговоры.

Иными словами, гелиея занимала совершенно особое место в системе органов государственной власти демократических Афин. Она и только она была неподотчетна экклесии (цитированные выше строки Аристофана показывают, что и сами судьи это прекрасно понимали).

А с другой стороны, гелиея, напротив, контролировала деятельность экклесии, ограничивала ее полномочия и могла даже отменять принятые народом законы и постановления! Осуществлялось это так. Если народное собрание принимало псефисму, противоречащую существующему законодательству, любой гражданин мог подать в суд присяжных жалобу-протест на эту псефисму и на того политика, который составил и внес ее проект. В одном из дикастериев возбу-

ждался судебный процесс особого типа, называвшегося «обвинение в противозаконии». Коль скоро присяжные признавали претензии обвинителя правомерными, псефисма аннулировалась, а ее автор подвергался суровому наказанию, вплоть до смертной казни.

Таким образом, можно сказать, что гелиея в Афинах играла, если пользоваться современными терминами, еще и роль «конституционного суда». Как же демократия позволяла, чтобы выше экклесии (пусть даже лишь в отдельных случаях) оказывался другой орган власти? Дело, думается нам, в следующем. Гелиея со времен Солона, по сути, воспринималась не как отдельное учреждение, а как иная «ипостась» или разновидность той же экклесии, которая просто собирается с другой целью — не для принятия законов, постановлений или выборов должностных лиц, а для разбора судебных дел. А значит, не один орган контролировал другой, а демос контролировал сам себя.

Нужно сказать, что дикасты в массе своей не отличались хорошим знанием правовых норм. Это и не удивительно: ведь присяжные были самыми обычными гражданами и не имели никакого специального юридического образования. Вынося приговоры, они руководствовались не столько тщательным рассмотрением всех деталей тяжбы и применением к ней существующих законов, сколько своей «гражданской совестью». В основном они обращали внимание на то, доводы какой из сторон — обвинения или защиты — покажутся более убедительными. И еще очень большое значение играла общая репутация человека, находящегося под судом. Если он ранее зарекомендовал себя как достойный член гражданского коллектива, отличился в хорошую сторону на полях сражений или в государственной деятельности, — велик был шанс, что его оправдают, даже если доказательства его виновности будут убедительными и неопровержимыми. И наоборот — если афинянин был по какой-нибудь причине несимпатичен своим согражданам, его могли осудить на наказание даже без всякой вины.

Главным бичом афинского суда присяжных был, конечно, именно этот непрофессионализм, доходящий до некомпетентности. Неизбежным в таких условиях было обилие несправедливых приговоров (а обжаловать такой приговор, как мы помним, было нельзя!). Отсюда же — и клеветнические доносы, которые буквально рекой текли в гелиею со стороны недобросовестных граждан.

Распространенными фигурами в демократических Афинах стали **сикофанты** — профессиональные доносчики, сделавшие шантаж своим ремеслом. Сикофант действовал так: приходил к какому-нибудь

богачу и вымогал у него взятку, угрожая в случае отказа возбудить против него судебное дело по ложному обвинению. Богач начинал размышлять: «Если я ему не заплачу, он действительно подаст на меня в суд. Процесс я, скорее всего, проиграю. Во-первых, доносчик поднаторел в судебном крючкотворстве. Во-вторых, я состоятелен, а большинство присяжных — бедняки; понятно, что они будут не на моей стороне, хоть я и не совершал никакого преступления. Так не лучше ли откупиться?» Сикофант торжествовал.

День в театре

На южном склоне Акрополя расположен театр Диониса. Именно этот бог веселья и вина считался в Афинах, да и во всей Элладе, покровителем сценического искусства. Древнегреческая постройка для драматических постановок не вполне похожа на театры наших дней. Она не имеет крыши, зрители размещаются под открытым небом. Ряды вырубленных в скале сидений полукругом спускаются к круглой площадке, которая называется «**орхестра**». Именно на орхестре играют актеры; на ней же находится хор — неотъемлемая часть любой драмы. За орхестрой — **скена**, невысокая постройка, в которую актеры уходят, чтобы переодеваться. А переодеваться по ходу действия необходимо: согласно канонам античного театра, в одной пьесе могли играть не более двух, позже — не более трех артистов. А действующих лиц, как правило, было больше, так что каждому артисту приходилось играть одновременно несколько ролей¹².

Театральные представления в классических Афинах давались отнюдь не ежедневно, как это привычно для нас, а лишь несколько раз в году — во время праздников Диониса. Но зато уж в такие дни драмы — трагедии и комедии — шли в театре с утра до вечера. Афинские граждане, прихватив с собой подушки (чтобы удобнее было сидеть на жесткой каменной скамье), запас еды и питья, с женами и детьми отправлялись насладиться игрой актеров, пением хора, мастерством авторов. Для этого они оставляли все свои повседневные дела. Жизнь на городских площадях и улицах замирала; истинным сердцем полиса становился в такое время театр.

¹² Как известно, и мужские и женские роли в древнегреческих драмах исполнялись актерами-мужчинами.

Драма выполняла огромную воспитательную роль, поднимала важнейшие религиозно-философские, этические, политические вопросы, призывала зрителей задуматься над ними. Кроме того, как мы уже имели случай подчеркнуть, драма была воистину массовым, всенародным жанром искусства и литературы, и тем самым она полностью соответствовала духу афинской демократии. И высший расцвет демократических Афин, и высший расцвет античного театра пришелся на одно и то же время — на V в. до н. э. Конечно, это не случайное совпадение, а закономерность.

На каком-то этапе истории афинской демократии (скорее всего, это произошло при Перикле) в полисе был учрежден так называемый театральный фонд. Он служил для того, чтобы ежегодно выдавать небогатым гражданам определенную сумму денег. На эти деньги бедняки могли посещать драматические представления без ущерба для своих финансов. Ведь крестьянину или ремесленнику не так-то просто было высвободить несколько дней в году, чтобы полностью посвятить их театру: приходилось зарабатывать на жизнь. Субсидии из театрального фонда позволяли избежать этого. Вот еще один парадокс афинской истории: мы привыкли, что зритель в театре платит за удовольствие, покупая билет, а многие афиняне, наоборот, за то же самое сами получали плату.

Почему же театр считался делом государственной важности, делом политическим и необходимым для граждан? Это легче будет объяснить, показав на нескольких примерах, чему, собственно, учили афинские драматурги, какие идеи они проводили.

Древние греки, как мы уже знаем, были страстными любителями всяческих состязаний. Что бы они ни делали, они соревновались друг с другом. Не было исключением и театральное искусство: драматические представления тоже принимали форму соревнований. Ежегодно в дни праздника Диониса три самых выдающихся автора трагедий выставляли свои произведения на суд публики. Выбранное из числа зрителей жюри оценивало пьесы и распределяло места — первое, второе и третье. Такой же конкурс устраивался и между комедиографами.

После смерти великого Эсхила, который задавал тон на афинской сцене в первой половине V в. до н. э., два выдающихся поэта год за годом вступали в борьбу за первенство — Софокл и Еврипид. Софокл был всеобщим любимцем. Веселый, общительный, добродушный человек, он не только писал и ставил трагедии, но и активно занимался общественной деятельностью, неоднократно оказывался на различных государственных должностях. Это афиняне ценили. Не

случайно на театральных состязаниях Софокл чаще всего получал первую награду. А его драма «Антигона», созданная в 442 г. до н. э., удостоилась настоящего триумфа: после нее автора избрали стратегом! Видимо, сограждане сочли, что человек, способный на такие талантливые произведения, и полководцем будет хорошим.

Чем же привлекла «Антигона» зрителей? Сюжет этой трагедии (как и сюжеты почти всех других афинских трагедий V в. до н. э.) был взят из древних мифов; действие происходит в глубокую старину в Фивах. Но афиняне умели на любую, сколь угодно отдаленную тему посмотреть, так сказать, под углом современности, увидеть в давно прошедшем вечное и всегда актуальное.

В Фивах властвует царь Этеокл. А его родной брат Полиник, тоже возжаждав власти и из-за этого предав родину, ведет на город чужеземное войско. Натиск врагов удастся отбить, но в сражении гибнут оба брата — и законный правитель, и изменник. Новый царь Креонт отдает приказ: Этеокла похоронить с подобающими почестями, а тело Полиника — в наказание за его дела — бросить непогребенным на поле боя, чтобы его растерзали дикие звери и птицы.

У Этеокла и Полиника есть сестра — Антигона. Можно представить себе чувства этой юной девушки: самые близкие ей люди стали смертными врагами друг другу. А что ей делать теперь? Священный обычай гласит: ни в коем случае нельзя оставить труп убитого без погребения, это страшный грех перед богами. И совершить похороны должны ближайшие родственники, то есть она, Антигона. Требуется, собственно, немного: символически бросить на мертвого несколько горстей земли, прочесть положенные молитвы — и обряд будет соблюден, душа Полиника обретет покой. Но Креонт настроено запретил кому бы то ни было даже приближаться к телу.

Чью же волю исполнить? Приказ царя, который воплощает собой государство, или неписанные нормы религии и родства? Антигона, не колеблясь, выбирает второе. Ночью она пытается прокрасться к покойному брату, но ее хватает стража и приводит к Креонту. Тот гневно спрашивает: *«Как же могла закон ты преступить?»* Девушка отвечает:

Затем могла, что не Зевес с Олимпа
Его издал, и не святая Правда,
Подземных сопредстольница богов.
А твой приказ — уж не такую силу
За ним я признавала, чтобы он,
Создание человека, мог низвергнуть

Неписанный, незыблемый закон
Богов бессмертных. Этот не сегодня
Был ими к жизни призван, не вчера:
Живет он вечно, и никто не знает,
С каких он пор явился меж людей.
Вот за него ответить я боялась
Когда-нибудь пред божиим судом,
А смертного не страшен мне приказ.

(Софокл, *Антигона*, 449 сл.)

Антигона приговорена к страшной казни: ее без еды и питья замуровывают в подземной темнице. Но моральная правота на ее стороне, и в этом, несомненно, были убеждены все афиняне, смотревшие трагедию. Государство не всесильно: оно не может беспрепятственно вмешиваться в любые, даже самые личные сферы жизни граждан. Можно даже сказать, что перед нами в какой-то степени протест против тоталитаризма. Кроме того, подчеркивает Софокл, над земными властями есть еще и власть божественная, и только она единственно истинна. Этот призыв чтить «незыблемый закон богов» не мог не импонировать консервативным афинянам.

Еврипида любили меньше. На соревнованиях драматургов он чаще всего уступал Софоклу, занимая второе место, а то и третье, что равнялось полному провалу. Еврипида считали — и не без оснований — человеком угрюмым, замкнутым, чуждающимся государственных дел. Ему не по душе были шумные сборища. Он предпочитал, уединившись в пещере на берегу моря, сочинять там стихи. Много читал, был в курсе всех книжных новинок и необычных идей, собрал у себя дома великолепную библиотеку. Под конец жизни даже покинул родные Афины, эмигрировав на север, в Македонию, где и умер.

Однако, живя в демократическом полисе, и Еврипид не мог оставаться в стороне от вопросов, которые волновали демос. Например, в его трагедии «Просительницы» мы встречаем похвалы народовластью. Действие драмы происходит опять же в легендарные времена. Но вот что говорит один из ее персонажей — знаменитый афинский герой Тесей:

...Город наш
Монарха не имеет — он свободен,
И граждане посменно каждый год
Его делами правят. А богатство

Для нас не власть верховная — бедняк
Такой же гражданин...
Власть одного есть худшее из зол
Для города. Бессильны и законы
В такой стране, где властвует тиран
И где закон есть воля. Это — раз.
А равенство? Совсем другое дело,
Коли закон написан, если он
Для всех — один; коль слабый в правом деле
И богача осилит. Вот девиз
Свободного народа: «Кто советом
Готов служить отчизне, говори!»

(Еврипид, Просительницы, 405 слл.)

Перед зрителями вставала яркая картина современных им Афин классической эпохи. Нетрудно заметить, что во многом слова поэта созвучны надгробной речи Перикла, которая цитировалась выше. Еврипид как бы спроецировал афинскую демократию на II тысячелетие до н. э., на времена Тесея. И есть в этом некая несообразность. Ведь, согласно мифам, Тесей был царем — как же мог он восклицать, что его город «монарха не имеет»? Но афиняне, смотревшие трагедию, вряд ли обращали внимание на такого рода анахронизмы.

Софокл и Еврипид были очень разными людьми. Непохожи они друг на друга и как художники слова. Но можно заметить и точку соприкосновения между ними. У обоих уже ощутима вера в прогресс человеческого общества, в то, что история идет восходящими путями. И это явно было уже чем-то новым на фоне господствовавших ранее идей регресса и циклизма. Такое уж было время: после славных побед над неизмеримо сильнейшей Персидской державой, в годы высшего подъема и расцвета демократических Афин в сознании людей очень силен был исторический оптимизм. Казалось, что нет уже ничего невозможного для свободного гражданина, что он все-силен, что впереди ждет только счастье и процветание, что тот самый «золотой век», который Гесиод помещал в прошлое, на самом деле в будущем, причем в очень недалеком будущем.

Будущее показало, что те, кто так считал, жестоко ошибались. И Афины, и Элладу в целом ждали очень тяжелые времена. Но в «Периклов век» об этом никто еще не догадывался.

Пылкий Еврипид относился к идее прогресса с энтузиазмом, умудренный опытом Софокл — скорее настороженно. Он понимал,

что, двигаясь вперед, люди неизбежно что-то теряют. Но и Софокл сказал в «Антигоне» (333 сл.) знаменитые слова:

Много в природе дивных сил, но сильнее человека — нет.

...После авторов трагедий приходит черед состязаться комедиографам. Для их пьес отведен отдельный день. Комедия не ставит глубоких философских и политических вопросов. Ее задача — дать зрителям отдохнуть после напряженных размышлений, погрузить их в атмосферу безудержного, ничем не омрачаемого веселья. Этой цели служит всё: шутовские одеяния и уродливые маски актеров, их перепалки и потасовки между собой и с хором, непринужденный, порой грубоватый язык, а в первую очередь, конечно, сюжеты драм. Сюжеты эти чаще всего сказочно-фантастические. Например: крестьянин откармливает до огромных размеров навозного жука, садится на него верхом и летит на небо пообщаться с богами. Или: другой крестьянин исцеляет от слепоты бога богатства Плутона¹³ — и на земле воцаряется всеобщее благоденствие. Или: два друга-афинянина становятся царями птиц и строят на облаках город...

Но во всю эту фантастику то тут, то там вплетаются злободневные намеки на самые что ни на есть реальные события. Комедия V в. до н. э. изобилует политической сатирой. Комедиографы весело, дурашливо издеваются над своими согражданами, в том числе и над самыми влиятельными людьми. На сцену в смешном виде выводятся известные государственные деятели, полководцы, писатели, мыслители, причем зачастую под своими собственными именами. Не избежали комедийных насмешек ни драматург Еврипид, ни философ Сократ, ни даже сам великий Перикл.

Но осмеиваемые в комедиях чаще всего не обижались. Они понимали: такой уж это жанр, и от века повелось, что для комедиографов нет ничего святого. Ведь они смеются даже над самими богами! Наряду с серьезным миром заседаний эkkлeсии и судебных процессов, военных сборов и ужасов трагедии — комедия представляла собой некий «параллельный мир», оборотную, карнавальную сторону бытия демократических Афин, где все как бы переворачивалось с ног на голову или отражалось в кривом зеркале.

¹³ Плутос, бог богатства, традиционно изображался слепым. Считалось, что именно из-за этого богатства в мире распределены неравномерно и несправедливо: кто-то состоятелен, а кто-то беден.

День в Пирее

Путь из Афин в порт Пирей недолог — около часа пешком, — а главное, совершенно безопасен. Дорога все время идет в коридоре Длинных стен, сооруженных для защиты от вражеской осады. И вот впереди блеснула гладь Саронического залива, показались верфи и доки, слышен говор портового люда.

За полвека, прошедшие с тех пор, когда Фемистокл обнаружил удобное место на побережье и распорядился начать там строительство, Пирей сильно разросся. Он стал настоящим городом, по величине лишь немного уступающим самим Афинам, а по уровню городского благоустройства даже превосходящим их. Афины — сплетение узких и кривых улочек. Пирейские улицы, напротив, широкие и прямые — так их наметил архитектор Гипподам, которому было поручено создать план «морских ворот» Аттики.

Нельзя не удивляться прозорливости Фемистокла. Место для порта он выбрал действительно практически идеальное. Три глубоких бухты с узкими входами — Зея, Мунихия и Канфар — врезаются в сушу. Для стоянки судов эти бухты во всех отношениях неоценимы. Вода в них тихая даже в сильный шторм, кораблям ничего не грозит. Да и врагу в такие гавани почти невозможно прорваться.

В гавани Зея базируется огромный афинский военно-морской флот. Там покачиваются у берега триеры. Под надзором триерархов-капитанов опытные гребцы обучают молодых. Кормчие (**кибернеты**)¹⁴ проверяют, хорошо ли ходит руль, не подведет ли судно в бою.

В других двух бухтах размещен торговый порт — **эмпорий**. Пирейский эмпорий — самый большой во всем греческом мире. Ежедневно прибывают туда десятки купеческих кораблей из разных концов Средиземноморья и Причерноморья. Купцы (**эмпоры**) выгружают привезенное на склады, перепродают оптовые партии мелким торговцам, которые потом выставят товары в своих лавках.

Больше всего везут в Аттику зерно, которое здесь в таком дефиците. Богатый Египет, Сицилия, степи Скифии — вот главные места, откуда поставляется хлеб. Афины же, в свою очередь, экспортируют

¹⁴ На каждой триере наряду с капитаном (триерархом) имелся также кормчий, сидевший в задней части корабля, у руля. По-гречески кормчий назывался «кибернет». Кстати, отсюда происходит современное слово «кибернетика», изначально обозначавшее искусство управления кораблем.

оливковое масло. Это их гордость, продукт, который, помимо всего прочего, еще и считается священным. Ведь, согласно преданию, сама Афина Паллада посадила первую оливу на Акрополе — в центре покровительствуемого ею города.

Чтобы перевозить масло, нужна тара. Для этой цели в античной Греции всегда использовали глиняные сосуды. В них же транспортировали и все прочие жидкие и сыпучие продукты, будь то вино или то же зерно. В изготовлении посуды из глины афиняне поднаторели, как никто другой в Элладе. Квартал гончаров — Керамик, находящийся поблизости от Агоры, — одно из самых известных мест в Афинах. Изящные амфоры и гидрии, широкогорлые кратеры и килики на высоких ножках, огромные пифосы и крохотные лекифы¹⁵ — все многообразие керамических изделий можно увидеть и приобрести там.

Часто сосуды покрывались росписями. Еще на протяжении архаической эпохи искусство вазописи в Афинах и в Греции в целом прошло большой путь развития. На смену геометрическому стилю пришел так называемый восточный: на сосудах изображались львы, грифоны¹⁶, пальмы, лотосы, красочная причудливость декора напоминала восточные ковры.

К VI в. до н. э. возник чернофигурный стиль: на красноватом фоне глины художники черным лаком наносили изображения. Росписи на чернофигурных вазах по большей части представляли собой композиции на мифологические темы. Однако встречались и сюжеты, связанные с повседневной жизнью: битва гоплитов, спортивное состязание, сцены пира, хоровод девушек... Находящиеся во многих музеях мира античные расписные сосуды являются для нас настоящей иллюстрированной энциклопедией быта древних греков.

В правление тирана Писистрата в Афинах произошло важнейшее событие истории вазописи: чернофигурный стиль сменился краснофигурным, представлявшим собой как бы его негативный отпечаток. Теперь фон стали покрывать черным лаком, а у изображений сохраняли цвет глины. Такая техника давала художнику намного больше возможностей, чем прежде. Она позволяла тщательнее разрабатывать

¹⁵ В **амфорах** перевозили вино, зерно или масло; **гидрии**, как ясно уже из их названия, служили для воды. **Кратеры** предназначались для смешивания вина с водой во время пирушек (чистое, неразбавленное вино греки обычно не употребляли), а из **киликов** пили. **Пифосы** — большие глиняные бочки — вкапывали в землю по горло и хранили в них продукты, а **лекифы** были флакончиками для ароматов и умашений (косметики, выражаясь современным языком).

¹⁶ Грифоны — в древнегреческой мифологии существа с телом льва и головой орла.

строение тела, мускулатуру, драпировки. Можно было добиваться большей индивидуальности и реалистичности персонажей, лучше передавать их движения. Краснофигурный стиль считается в искусствоведении высшим этапом развития древнегреческого искусства росписи керамики.

Расписные вазы, при всех их высочайших художественных достоинствах, ценились чрезвычайно дешево. Подсчитано, что расписанный глиняный сосуд стоил примерно в 10 тысяч раз меньше, чем сосуд такого же размера, сделанный из золота, или в тысячу раз меньше, чем серебряный! Понятно, что экспортировать керамические изделия было не слишком-то выгодно. Тем не менее они все-таки совершали далекие путешествия на кораблях; их осколки (в редких случаях — целые вазы) и поныне находят археологи в самых различных местах, далеких от Балканского полуострова. Но везли их не столько ради их собственной ценности, сколько потому, что они были наполнены вином, маслом или каким-нибудь другим товаром. Ведь не грузить же на судно пустую тару.

Прогулявшись по Пирею, в течение дня можно встретить самых разных жителей афинского полиса. Конечно, больше всего на нашем пути попадется граждан. Гражданский коллектив государства, включавшего в себя всю Аттику, составлял в эпоху Перикла, по различным подсчетам, от 35 до 45 тысяч взрослых полноправных мужчин¹⁷. Вместе с членами семей (женами и детьми) их было 110–172 тысячи.

Естественно, афинское гражданство не было однородной массой. В V в. до н. э. еще сохранялось древнее деление граждан на четыре имущественных класса, хотя теперь оно уже не имело большого значения для политической жизни.

Первые два класса — пентакосиомедимны и всадники — включали в себя самых состоятельных афинян: как представителей аристократии, так и богачей незнатного происхождения, нажившихся на торговле и ремесленном производстве (крупных оптовых купцов, владельцев мастерских). Впрочем, говоря о богачах, нужно учитывать, что слой сказочно богатых магнатов в Греции, в отличие от Востока, так и не сложился. Даже самые крупные состояния были, по нашим меркам, довольно скромными. Так, богатейшим человеком в Афинах (а по некоторым сведениям — и во всей Греции) считался в V в. до н. э. известный дипломат Каллий. Его имущество оценивалось в 200 талантов (около 5200 кг серебра); у какого-нибудь пер-

¹⁷ Цифры указаны приблизительно, поскольку данные афинских переписей населения до нас не дошли.

сидского вельможи это вызвало бы только снисходительную улыбку. В такой скудной стране, как Греция, богатство могло быть только понятием относительным.

Да и демократический строй не благоприятствовал накоплению огромных состояний. Дело в том, что в целом отношение к владельцам богатств со стороны массы рядового демоса было скорее подозрительным. Считалось, что они самим своим существованием как бы нарушают принцип всеобщего равенства.

Для восстановления справедливости полис налагал на самых состоятельных граждан общественные повинности — **литургии**. Литургии могли быть различными. Одной из них, например, являлась **триерархия**. Афинянин, которому выпала эта обязанность, должен был за свой счет оснастить и укомплектовать экипажем военный корабль, а потом в течение года служить на нем капитаном. Вот так и комплектовался прославленный афинский флот — почти без всяких расходов со стороны государства.

Были и другие литургии. Среди них **гимнасиархия** — организация спортивных состязаний, устройство **гимнасиев** (помещений для занятий спортом); **хорегия** — набор, оплата и подготовка хора и актеров для праздничных представлений, в том числе театральных. Иными словами, государство перекладывало значительную часть своих трат на частных лиц. Наверное, это было и неизбежно. Ведь в полисных условиях граждане не платили регулярных прямых налогов типа подоходного. Лишь в экстренных ситуациях взимался единовременный чрезвычайный налог — **эйсфора**. Так что литургии в известной степени должны были заменять собой налогообложение.

Нужно сказать, что в V в. до н. э., в период расцвета афинской демократии, сами богачи относились к литургиям ревностно, отнюдь не пытаясь уклониться от них, а, напротив, стремясь перещеголять друг друга блеском и щедростью трат. Они заботились об общем благе полиса, а заодно и о собственном престиже: активное исполнение литургий приносило почет, рост политического влияния. Чем больше отличался гражданин на этой ниве, тем славнее было его имя в городе. А это считалось более весомым, чем накопление материальных ценностей.

Третий класс — зевгиты, зажиточные крестьяне — долгое время был в Афинах наиболее значителен и составлял вначале, как мы знаем, главную социальную опору демократии. Но со временем, а особенно после реформ середины V в. до н. э., о которых речь шла в предыдущей главе, все большую роль начинал играть четвертый

класс (феты), объединявший самых бедных граждан. В отношении этих людей демократический полис проводил вполне определенную социальную политику, направленную на их поддержку. Бедняков охраняли от полного разорения, старались обеспечить земельными наделами (хотя бы за пределами Аттики, на землях союзных полисов, отправляя их в клерухии), организовывали для них хорошо оплачиваемые общественные работы, чаще всего строительные, как реконструкция Акрополя. Прежде всего в интересах фетов была введена в Афинах и мистофория.

Помимо граждан жила на территории афинского полиса еще одна довольно многочисленная категория населения — метэки (их было, по примерным подсчетам, 25–35 тысяч вместе с членами семей). О метэках нам уже приходилось упоминать. Напомним, что это были лица свободные, но не имевшие гражданских прав. Они не могли участвовать в управлении государством и, в отличие от граждан, платили налоги. Такой статус имели либо переселенцы из других городов и их потомки, либо отпущенные на волю рабы.

Важнейшим ограничением, которое накладывалось на метэков, было запрещение владеть землей. Поэтому источником их существования не могло быть сельское хозяйство и они, как правило, занимались ремеслом и торговлей. Впрочем, в условиях экономически развитого, процветающего афинского полиса эти виды деятельности приносили значительные доходы. Многие из метэков принадлежали к очень состоятельным людям. Они были, несмотря на низкий правовой статус, вполне удовлетворены своим положением в Афинах и отнюдь не желали покидать этот город.

Наконец, на самом низу общества находилась одна из самых многочисленных групп — рабы. Количество рабов в Афинах V в. до н. э. является предметом споров. Некоторые античные авторы (впрочем, не слишком достоверные) называют колоссальную цифру — 400 тысяч человек. Но эта цифра — не более чем риторическое преувеличение. Согласно более взвешенным и осторожным оценкам, рабов в афинском полисе классической эпохи было примерно 80–115 тысяч. Впрочем, точно установить их численность вряд ли когда-нибудь удастся: естественно, рабы, в отличие от граждан и метэков, не включались ни в какие переписи.

Во всяком случае, около трети всех жителей афинского государства были рабами. Никто не будет спорить, что это много, очень много. Но все-таки не большинство населения! Давно устарел взгляд, согласно которому древнегреческое общество состояло из двух «классов»: огромной массы беспощадно угнетаемых рабов и жалкой гор-

стки рабовладельцев. Нельзя забывать об исключительно важной роли социального слоя свободных крестьян. Именно этот слой, а не рабы, был самым многочисленным и вносил наибольший вклад в развитие экономики, да и в целом общества и цивилизации.

Бесспорно, в классических Афинах рабский труд был весьма распространен. Рабы использовались в самых разных сферах производства. В ремесленных мастерских, строительных артелях они зачастую работали бок о бок со свободными. А вот на рудниках, где условия были особенно тяжелыми, свободных работников было практически не встретить: античные шахтеры — это почти исключительно рабы.

Меньше было рабов в сельском хозяйстве, но и там даже не самому богатому крестьянину в работе зачастую помогали один-два раба. А в поместьях аристократов их могло трудиться до нескольких десятков. В городских домах знати рабы играли роль домашних слуг, поваров, привратников и т. п. Существовали кроме частных также и государственные рабы. Нам уже знаком отряд рабов-скифов, который нес в Афинах V в. до н. э. полицейскую службу.

Всегда следует помнить: древнегреческое рабство (в отличие, скажем, от американского плантационного рабства XIX века) не основывалось на жесточайшей эксплуатации рабов с целью выжать из них все, что можно. Раб в Греции, бесспорно, воспринимался как вещь, а не как личность. Но ведь это была вещь дорогая и нужная в хозяйстве! Поэтому к рабу, как ко всякой вещи, хозяин старался относиться бережно: не изнурять непосильным трудом, не подвергать беспричинным побоям. Ведь если раб умрет, пропадут заплаченные за него деньги.

Наверное, не случайно, что греческая история классической эпохи почти не знала случаев восстаний рабов против своих господ. Ведь условия существования рабов в основном были довольно сносными и порой мало отличались от условий жизни бедных свободных крестьян.

Вот как пишет об этом враг демократии Псевдо-Ксенофонт (Афинская полиция, 1. 10): *«Очень велика в Афинах распущенность рабов... и нельзя тут побить раба, и он перед тобой не постыдится. А почему существует этот местный обычай, я объясню. Если бы позволялось обычаем свободному бить раба... часто били бы афинянина, приняв его за раба, потому что и по одежде тут народ нисколько не лучше, чем рабы... да не лучше нисколько и по всему внешнему виду... Тут позволяют рабам быть избалованными и некоторым вести роскошную жизнь».*

Подчеркнем очень важную вещь: не в жестокости угнетения заключалась тяжесть положения античного раба, а в его полном бесправии. В классическую эпоху в Греции наблюдалось максимальное противопоставление статусов раба и свободного человека. Рабов называли «говорящими орудиями», и уже из такого выражения вполне четко видно отношение к ним. В чисто материальном отношении раб мог жить не такой уж и плохой жизнью, мог даже скопить себе некоторое состояние. Но зато он не только не имел никаких прав, но и вообще не мог располагать своей личностью, всецело принадлежал другому человеку.

Одним из важнейших факторов развития рабовладельческих отношений, пополнения контингента рабов стали Греко-персидские войны. В ходе многочисленных сражений с персами и другими восточными народами, жившими в державе Ахеменидов, тысячи этих «варваров» попадали в плен и порабощались. Собственно, именно «варвары», иноплеменники в классическую эпоху составляли подавляющее большинство рабов. Кстати, это сыграло свою роль в складывании у греков представления о «варварах» как о людях второго сорта, чуждых свободе и культуре. *«Варвар и раб по природе своей понятия тождественные»*, — писал философ Аристотель (Политика, I. 1252b9).

Город-тиран

Все более разрасталась и укреплялась в «Периклов век» могучая симмахия, созданная Афинами еще в 478 г. до н. э., — Делосский союз. Впрочем, теперь называть ее так было бы уже и совсем неверно. Делос и изначально-то считался центром союза чисто формально только потому, что на нем хранилась союзная казна; реально же все нити управления огромным объединением полисов находились в руках Афин. А в 454 г. до н. э. эта абсолютно господствующая роль «города Паллады» была закреплена и официально. В этом году по инициативе Перикла казна была перенесена с Делоса на афинский Акрополь. Теперь туда, а не на маленький островок в центре Эгейского моря, ежегодно отправляли союзники свой форо́с.

Повод для переноса был вполне благовидный: как раз перед этим афинский флот потерпел тяжелое поражение от персов в Египте. В Эгееде было неспокойно: туда могли вторгнуться персидские военные корабли, а сил, чтобы отразить их, не хватило бы. Ничем

не защищенный Делос казался ненадежным местом хранения крупных денежных сумм. А в Афинах, под защитой мощных стен, казне ничего не угрожало.

Но отныне афиняне стали распоряжаться поступавшими от союзников выплатами уже совершенно бесконтрольно и самовластно, не давая никому никакого отчета. Зачастую деньги тратились ими в собственных, а не союзных интересах.

Именно 454 г. до н. э. считается в науке временем превращения Делосского союза в объединение совершенно нового, неизвестного ранее в древнегреческой истории типа — Афинскую морскую державу, или **Афинскую архэ**. Конечно, на самом деле дата эта условна. Перерождение союза в державу было процессом, происшедшим не в одно мгновение, а имевшим длительный характер. Власть Афин над союзниками постепенно превращалась в полное, неограниченное господство; союзники стали подданными, утратили полисную независимость.

Официальной целью симмахии по-прежнему, как и в момент ее создания, была борьба с Персией. Но ведь в 449 г. до н. э. Греко-персидские войны закончились! Казалось бы, союз выполнил свою задачу и его пора распускать. Некоторые его члены прямо говорили об этом. Однако полис-гегемон отнюдь не планировал ничего подобного. Афинская морская держава не только не прекратила существования, но и продолжала увеличиваться.

В период ее наибольшего развития (а это как раз время Перикла) в нее входили до 300 полисов разной величины и значения — в основном на восточном и северном берегах Эгейского моря, на его многочисленных островах, в зоне Черноморских проливов. В 437 г. до н. э. сильная афинская эскадра, которой командовал сам «первый гражданин», вышла в Понт Эвксинский. В ходе этой экспедиции Перикл, по словам Плутарха (Перикл, 20), *«показал великую мощь, неустрашимость, смелость афинян, которые плывут, куда хотят, и все море держат в своей власти»*. Многие города, лежавшие на черноморских побережьях (среди них — Синопа, Ольвия, Нимфей и др.), теперь тоже стали членами Афинской архэ — какие-то из них добровольно, а какие-то по принуждению.

Столь колоссального военно-политического объединения полисов Эллада никогда не знала — ни до, ни после того. При Перикле главной задачей симмахии фактически стало противостояние Спарте и возглавляемому ею Пелопоннесскому союзу. В конечном счете Афины стремились достичь своей гегемонии, владычества не только над союзниками, но и над всем греческим миром.

Входившие в Афинскую архэ города-государства были, по сути, полностью лишены политической самостоятельности (**автономии**). В частности, был настрого запрещен выход из состава державы. Стоило какому-нибудь из полисов попытаться отпасть от нее — Афины карали подобную самодеятельность. Карали жестоко, с применением военной силы.

Приведем один лишь пример. В 440 г. до н. э. против афинского владычества восстал остров Самос. По своему значению и силе он был вторым членом Архэ после самих Афин, занимавшим привилегированное положение: самосцы не платили форос, а высылали в союзные военно-морские силы эскадру своих кораблей. Но Самос хотел полной независимости.

Узнав о непокорности острова, Перикл срочно отправил туда флот Афин в полном составе, под командованием всех десяти стратегов. Возглавлял операцию лично «афинский олимпиец». Почти год длилась осада острова; затем он сдался и был насильственно возвращен в состав Архэ. Своих привилегий Самос после этого лишился и стал платить форос наравне с остальными союзными полисами. Такая же судьба ждала все остальные города и острова, восстававшие против гегемонии афинян.

Для удобства взыскания подати вся территория Афинской морской державы была разбита на пять округов. В один округ входила область Иония, в другой — прибрежная полоса расположенной к югу от нее Кари, в третий — острова Эгейского моря, в четвертый — его северное (фракийское) побережье, в пятый — зона Черноморских проливов. В каждый из округов ежегодно отправлялись из Афин магистраты для контроля за тем, чтобы выплаты были полными и своевременными.

Ставки фороса фиксировались афинским народным собранием. Со времен Аристиды Справедливой — основателя Делосского союза — они на протяжении примерно полувека оставались относительно стабильными, в сумме достигая 460 талантов серебра¹⁸. Сами Афины, естественно, были свободны от любых податей: их обязанностью считалась военная защита союзников. Кроме Афин лишь еще несколько членов Архэ занимали привилегированное положение, не платя фороса, а высылая в распоряжение союзного командования

¹⁸ До нашего времени сохранились — полностью или частично — списки фороса Афинской архэ за целый ряд лет, с данными для каждого союзного полиса. Эти списки вырезались на каменных плитах и выставлялись на всеобщее обозрение, обычно на Агоре.

эскадры военных кораблей. После подавления восстания на Самосе к этой категории относились только острова Хиос и Лесбос.

Пожалуй, не внесение фороса было самым тяжелым в положении союзных городов. С этим еще можно было бы примириться, тем более что взамен подати они получали оборону от внешних врагов: с этой задачей Афины справлялись хорошо. Гораздо болезненнее воспринималось другое: утрата независимости. Подчинение гегемону порождало противоречие с принципом полиса как совершенно самостоятельного, живущего по своим законам государственного организма. Именно это казалось унижением, невыносимым для свободолюбивых эллинов.

А полисная самостоятельность союзников была ущемлена практически во всем. Члены Архэ не имели права вести собственную внешнюю политику, должны были в любых сношениях с иностранными державами неукоснительно следовать указаниям Афин. Более того, афиняне властно вмешивались и во внутривполитические дела союзных городов. Одним из ярких свидетельств такого отношения стал так называемый Монетный декрет, принятый афинской экклесией около 446 г. до н. э. Это постановление запрещало союзникам выпускать собственную монету; отныне полисы, входившие в симмахию, были обязаны пользоваться во всех расчетах только драхмами, отчеканенными на афинских монетных дворах. А ведь монета в греческом мире всегда была одним из главных символов независимости полисов.

Даже в сфере суда и права афиняне при всякой возможности демонстрировали свое господствующее положение в созданной ими державе. Парадоксальный факт: судебные процессы между гражданами союзных городов по сколько-нибудь серьезным делам должны были рассматриваться не на местах, не в учреждениях этих городов, а... в афинской гелиее! Жителям Милета или Хиоса приходилось отправляться на другой конец Эгейского моря, в далекую Аттику, а там еще порой месяцами ждать, пока до их тяжбы дойдут руки у дикастов, заваленных подобными делами.

На территории ряда полисов, входивших в Архэ, были, как уже упоминалось, основаны афинские клерухии, одну из задач которых составляло удерживать союзников в повиновении. В тех городах, которые считались особенно ненадежными, ставились гарнизоны воинов-афинян. Даже самостоятельно выбирать форму своего государственного устройства союзники были теперь не полномочны. В самих Афинах процветала демократия, и они, естественно, были заинтересованы в том, чтобы и в городах — членах державы устано-

вилась такая же политическая система. В результате во многих из этих городов афиняне силой ликвидировали сохранявшиеся там аристократические режимы и ввели демократическое правление. Именно так они сделали на Самосе, подавив там восстание. Несколько раньше подобный же переворот был инспирирован ими в Милете.

Какую общую оценку можно дать Афинской архэ? Несомненно, идея создания крупного централизованного союза полисов сама по себе была прогрессивной. Она представляла собой шаг к общегреческому единству, как политическому, так и экономическому. Огромные финансовые средства, скопившиеся в Афинах за счет фороса, позволили превратить столицу державы в самый богатый и процветающий город Греции, украсить его великолепными постройками, способствовали стабильному функционированию афинской демократии. Мощный союзный флот не только покончил с персидской опасностью, но и освободил Эгеиду от пиратов, а это благоприятствовало развитию морской торговли.

Однако ни в коем случае не следует забывать и о «другой стороне медали». Методы, которыми осуществлялись объединение и централизация, были откровенно насильственными. Если создавался Делосский союз на добровольных началах, то впоследствии афинское господство не оставило места ни для какой добровольности. Бросающееся в глаза неравноправие (власть полиса-гегемона и приниженное положение остальных членов симмахии) порождало законное недовольство союзных полисов. Отсюда — сепаратистские настроения. Как ни подавляли афиняне восстания союзников — такие же восстания вспыхивали снова и снова. В этом внутреннем и, видимо, неискоренимом пороке Архэ скрывалась причина ее непрочности. Ведь надежным и стабильным любой союз полисов мог быть только в том случае, если он не был навязан силой, а явился итогом общего соглашения. Как раз этого-то и не доставало Афинской морской державе. «Червоточина» в ней дала о себе знать при первой же по-настоящему серьезной опасности (об этом речь пойдет в следующей главе).

По Греции пошла молва об Афинах как о «городе-тиране». Вот как говорили о них их давние недоброжелатели — коринфяне (чьи слова передает Фукидид, I. 124. 3): *«Нет сомнения, что этот город, ставший тираном Эллады, одинаково угрожает всем: одни города уже в его власти, а над другими он замышляет установить свое господство»*. Но и в самих Афинах те государственные деятели, которые мыслили трезво и смотрели на мир без розовых очков, прекрасно это понимали. Политик Клеон обращался к афинянам: *«Не забывайте, что ваше владычество над союзниками — это тирания,*

осуществляемая против воли ваших подданных, которые злоумышляют против вас» (Фукидид, III. 37. 2).

Да и Перикл, мудрый и прозорливый «первый гражданин», придерживался отнюдь не иного мнения. Приведем отрывок одной из его речей в афинском народном собрании: *«Ваше владычество подобно тирании, добиваться которой несправедливо, отказаться же от нее — весьма опасно»* (Фукидид, II. 63. 2). И из другой речи: *«Союзники не останутся спокойными и восстанут, как только мы окажемся не в состоянии сдерживать их силой оружия»* (Фукидид, I. 143. 6).

Итак, перед нами еще одна ипостась афинской демократии, причем на первый взгляд довольно неожиданная. Афины — не только «школа Эллады», но и «город-тиран». Это не может не удивлять: каким образом полис, во внутренней политике руководствовавшийся высокими принципами свободы, равноправия, гражданского достоинства, мог проводить столь жесткую, порой бесчеловечную линию во внешних делах? Однако сами афиняне, похоже, никакого противоречия здесь не видели. Ведь полис — тип государственного организма, направленный исключительно на благо собственных граждан; весь мир за пределами его границ воспринимался как мир чуждый, враждебный, против которого нужно быть во всеоружии.

И Перикл, так много сделавший для развития и укрепления народовластия в Афинах, в межгосударственных отношениях придерживался совсем других начал. Вся его внешнеполитическая деятельность была посвящена одной, но великой цели — умножению славы, величия и могущества родного города. Афинский полис, по замыслам его лидера, должен был стать гегемоном всей Эллады. Опираясь на колоссальную военно-морскую мощь Афинской морской державы, на ее, как казалось, неисчерпаемые финансовые ресурсы, Перикл шаг за шагом воплощал в жизнь разработанную им программу.

В 448 г. до н. э., то есть сразу после завершения Греко-персидских войн, он предложил создать в Афинах панэллинский (общегреческий) конгресс по вопросам послевоенного мироустройства. Как пишет Плутарх (Перикл, 17), на конгрессе должны были рассматриваться следующие дела: *«об эллинских храмах, сожженных варварами, о жертвах, которые следует принести за спасение Эллады по обету, данному богам, когда они (греки) сражались с варварами, о безопасном для всех плавании по морю и о мире»*.

Если бы конгресс состоялся, он неизбежно выдвинул бы Афины на ведущие позиции в Греции. Однако запланированное Периклом

мероприятие было сорвано по причине противодействия спартанцев, которые находились в это время в войне с афинянами. Спарта и сама не прислала своих представителей, и запретила делать это своим союзникам. А через два года, как мы знаем из предыдущей главы, между двумя сильнейшими греческими полисами был заключен Тридцатилетний мир, разграничивший их сферы влияния: территории к востоку от Балканского полуострова контролировались Афинами, к западу от него — Пелопоннесским союзом.

После неудачи конгресса и закрепления системы афино-спартанского дуализма Перикл обратился к другим методам достижения господства в греческом мире — методам более неспешным, но зато более тонким и верным. Мы уже знаем, что он стремился интенсивно расширять Афинскую архэ, включая в нее новые города (например, те, которые лежали на побережьях Черного моря), что уже находящиеся в составе державы полисы он крепко, порой даже жестоко удерживал в ней, пресекая любые попытки отпадения союзников. Достаточно вспомнить расправу над Самосом.

А какую линию следовало проводить по отношению к главному геополитическому противнику Афин — Пелопоннесскому союзу под руководством Спарты? Эта симмахия, по планам Перикла, должна была быть постепенно изолирована, а ее влияние уменьшено. Лучше всего это можно было сделать, незаметно для пелопоннессцев проникнув в их сферу влияния, подорвав позиции, которые они там имели. Взять Спарту «в клещи», окружить ее и с востока и с запада — это сулило большие успехи.

И афиняне начали вести все более энергичную политику в Великой Греции (то есть в населенной греками Южной Италии и Сицилии). Этот регион изобилует полисами разной величины и силы, постоянно враждовавшими друг с другом. Тем легче было внедряться в их среду, действуя по принципу «разделяй и властвуй». Афины заключали договоры о дружбе и союзе то с одним, то с другим из сицилийских и итальянских городов: с Эгестой, Регием, Леонтинами... И вот уже эскадры кораблей Архэ, как у себя дома, курсируют в западных водах...

В 443 г. до н. э. Перикл приступил к реализации новаторского, почти невиданного до того в античной истории внешнеполитического проекта. В Южной Италии был основан город Фурии — колония панэллинского типа: в ее создании приняли участие выходцы из Афин, городов Пелопоннеса, ряда других греческих полисов. По просьбе «афинского олимпийца» в Фурии переехали даже некоторые из его друзей — деятелей культуры, известных всей Элладе людей: «отец

истории» Геродот, архитектор Гипподам, разработавший план застройки города, философ Протагор, написавший для фурийцев законы.

Перикл надеялся, что афиняне займут лидирующее положение в новой колонии, и это сделает ее форпостом влияния «города Паллады» на западном направлении. А дальше можно было делать дальнейшие шаги, все прочнее осваиваться в Великой Греции, оттеснять Пелопоннесский союз. Однако его ожиданиям не суждено было сбыться.

Дело в том, что в 430-е годы до н. э. межгосударственные отношения в Элладе начали резко обостряться. И едва ли не главную лепту в это обострение внесла как раз активная политика афинян на западе. Она вызывала все большее недовольство Коринфа. Коринфяне давно привыкли рассматривать греческие полисы Южной Италии и особенно Сицилии как своих торговых партнеров и экономических союзников. Самый крупный город региона — Сиракузы — был коринфской колонией и поддерживал со своей метрополией тесные связи. А теперь между Коринфом и Великой Грецией вставали Афины, становясь неожиданным и крайне нежелательным конкурентом.

Между афинским и коринфским полисами нарастала враждебность. А ведь Коринф, не забудем, был вторым по значению после Спарты членом Пелопоннесского союза. Вполне естественно, что коринфяне стали оказывать все большее давление на спартанцев, убеждая их пресечь «наглость» Афин. Спартанские власти вначале были не склонны излишне драматизировать ситуации и не видели серьезных причин для разрыва Тридцатилетнего мира. Но со временем и в самой Спарте возникло недовольство возрастанием афинского могущества. Могущество это увеличивалось и увеличивалось, и становилось ясно: еще немного — и никто уже не сможет на равных соперничать с «городом Паллады».

Таким образом, чем дальше, тем больше назревал крупномасштабный вооруженный конфликт между двумя сильнейшими военно-политическими блоками греческого мира V в. до н. э. — Пелопоннесским союзом и Афинской архэ. Большая война надвигалась медленно, но неотвратимо.

Экскурс 3

Агрессивная демократия

Афинская демократия была многоликой. В этой главе нам довелось познакомиться еще с несколькими ее «лицами», и одно из них оказалось особенно неожиданным — малосимпатичный образ «го-

рода-тирана». Да, факт остается фактом: демократические Афины классической эпохи в то же самое время были одной из самых агрессивных и экспансионистских сил своей эпохи. На межполисной арене они проводили однозначно империалистическую политику, любыми средствами стремились к собственной гегемонии.

Передадим слово опять же Периклу (в пересказе Фукидида, II. 62–64). В одной из своих речей перед афинянами «первый гражданин» говорил: *«Мне хочется указать еще на одно преимущество... а именно: мощь нашей державы... Ведь вы полагаете, что властвуете лишь над вашими союзниками; я же утверждаю, что из обеих частей земной поверхности, доступных людям, — суши и моря, — над одной вы господствуете всецело, и не только там, где теперь плавают ваши корабли; вы можете, если только пожелаете, владычествовать где угодно. И никто, ни один царь, ни один народ не могут ныне воспрепятствовать вам выйти в море с вашим мощным флотом... Нам не подобает в чем-либо отстать от наших предков, которые трудом рук своих приобрели эту державу, а не получили в наследство от других, и сохранили ее, чтобы передать нам. Ведь не быть в состоянии удержать свое могущество гораздо позорнее, чем потерпеть неудачу в попытке достичь его... Отказаться от этого владычества вы уже не можете (далее следуют уже известное нам сравнение власти афинян с тиранией)... Ведь миролюбивая политика, не связанная с решительными действиями, пагубна: она не приносит пользы великой державе, но годится лишь подвластному городу, чтобы жить в безопасном рабстве... Если нас теперь ненавидят, то это — общая участь всех, стремящихся господствовать над другими. Но тот, кто вызывает к себе неприязнь ради высшей цели, поступает правильно. Ведь неприязнь длится недолго, а блеск в настоящем и слава в будущем оставляют по себе вечную память».*

В словах одного из самых блистательных деятелей античной и мировой истории, политика во всех отношениях почти безупречного, видна четкая и продуманная система взглядов, можно сказать, целая идеологическая программа. Могущество афинян досталось им нелегкой ценой: оно — плод долгих лет военных и мирных трудов. Поэтому от него ни в коем случае не следует отказываться, напротив, нужно стремиться ко все большему усилению, к владычеству, к гегемонии. И ни к чему какая-то моральная шепетильность, незачем беспокоиться о том, что политика насилия и господства приведет к ненависти к Афинам во всей Элладе. Как сказал много позже один римский император, «пусть ненавидят, лишь бы боялись».

Итак, демократия сама по себе, а великодержавие и агрессия — сами по себе. Первая применяется во внутренних делах, вторые — во внешних. Точек соприкосновения между ними нет, но они дополняют друг друга. Что это — цинизм? Вероятно, но разве сильные демократические государства наших дней свободны от того же цинизма? Разве они избегают соблазна навязать свою волю, свои ценности и интересы более слабым членам мирового сообщества? Перикл в этом далеко не уникален. Конечно, ныне никто не подпишется под заявлением, что миролюбивая политика не приносит пользы великой державе. Однако, как говорится, есть вещи, которые не принято говорить, но вполне можно делать.

Правда, далеко не все из сограждан «афинского олимпийца» считали так же, как он. Были среди них люди, для которых мораль, репутация полиса были не пустыми словами, которые осуждали чрезмерно жесткую внешнеполитическую линию Перикла. Интересно, что в основном они принадлежали одновременно и к противникам радикальной демократии, засилья «корабельной черни». Последний серьезный соперник Перикла — Фукидид, сын Мелесия, — неоднократно обвинял того в народном собрании, и чаще всего в том, что Перикл, собирая флорос с союзников, тратит эти средства не для их общей пользы, а на благо одних лишь Афин. Плутарх (Перикл, 12) так передает аргументы Фукидида и его сторонников: *«Народ позорит себя, о нем идет дурная слава за то, что Перикл перенес общую эллинскую казну к себе с Делоса... Эллины понимают, что они терпят страшное насилие и подвергаются открытой тирании, видя, что на вносимые ими по принуждению деньги, предназначенные для войны, мы золотим и наряжаем город, точно женичину-щеголиху, обвешивая его дорогим мрамором, статуями богов и храмами, стоящими тысячи талантов (имеется в виду строительная программа Перикла)».*

Однако оппоненты «первого гражданина», протестуя против чрезмерного угнетения полисов, входивших в Архэ, были менее последовательны и дальновидны, чем он. Перикл лучше всех понимал, что без державы, без флороса союзников гораздо труднее будет существовать афинской демократии. Дела внешние и внутренние оказывались снова неразрывно связаны. Заметим уже не в первый раз: подлинная, реальная демократия — удовольствие для богатых, бедному государству и обществу она просто не под силу.

Обратим еще внимание вот на какое интересное обстоятельство. Агрессивные, экспансионистские устремления были характерны преимущественно для сторонников радикальной демократии. Чем

умереннее, консервативнее был политик во внутривнутриполитических вопросах, тем более миролюбиво выступал он в делах внешнеполитических. Перикл был, бесспорно, большим демократом, чем тот же Фукидид, сын Мелесия; но он был и большим «империалистом». Нам предстоит увидеть, как афинская демократия после Перикла становилась еще более радикальной, и убедиться, что отмеченная здесь закономерность продолжала сохраняться. Главными «ястребами» по-прежнему были наиболее демократичные деятели.

Это можно сказать не только об отдельных людях, но и о целых государствах. Спарта — главный стратегический противник Афин — отнюдь не была демократическим полисом. Это было жесткое, военное общество. Но вот что на первый взгляд кажется странным: спартанцы были великолепными, лучшими в Греции воинами, но воевали они в V в. до н. э. очень нечасто, только тогда, когда другого выбора не было. Спарта была в это время в основном озабочена сохранением существующего порядка вещей, и к дальнейшей экспансии не стремилась. Она действовала осторожно, порой даже медлительно. Очень непросто было «раскачать» спартанские власти, чтобы они объявили кому-нибудь войну. И находящийся под спартанской гегемонией Пелопоннесский союз был, в общем-то, организацией оборонительной, а не наступательной, в отличие от Афинской морской державы.

Историк Фукидид приводит речь, которую произнесли коринфские послы, убеждая спартанцев дать отпор усилению Афин. В этой речи бросается в глаза очень яркое сравнение двух ведущих полисов Эллады и их граждан. *«Вероятно, вам еще никогда не приходилось задумываться, — говорят коринфяне в Спарте, — о том, что за люди афиняне, с которыми вам предстоит борьба, и до какой степени они во всем несхожи с вами. Ведь они сторонники новшеств, скоры на выдумки и умеют быстро осуществить свои планы. Вы же, напротив, держитесь за старое, не признаете перемен, и даже необходимых. Они отважны свыше сил, способны рисковать свыше меры благоразумия, не теряют надежды в опасностях. А вы всегда отстае от ваших возможностей, не доверяете надежным доводам рассудка и, попав в трудное положение, не усматриваете выхода. Они подвижны, вы — медлительны. Они странники, вы — домоседы. Они рассчитывают в отъезде что-то приобрести, вы же опасаетесь потерять и то, что у вас есть. Победив врага, они идут далеко вперед, а в случае поражения не падают духом. Жизни своей для родного города афиняне не щадят, а свои духовные силы отдают всецело на его защиту»* (Фукидид, I. 70. 1–6).

Опять — уже не в первый раз — мы видим, что Фукидид смог найти меткие и точные слова, нарисовать запоминающийся образ афинян, а главное — глубоко проникнуть в корни и причины явлений. Связь демократии и агрессии — не случайное совпадение, а закономерность. Жители свободного, демократического государства более предприимчивы, они всегда готовы к новшествам и переменам, не удовлетворены существующим положением вещей, а стремятся ко все большему и большему. Они не знают покоя. Кроме того, убежденность в том, что их политический строй — самый лучший, заставляет их и другим нести тот же строй, пусть даже понадобится навязать его силой.

Такой способ поведения спартанцы презрительно называли «суетливостью». Афиняне, чтобы не остаться в долгу, именовали спартанцев праздными бездельниками. Одним словом, назревавшая в Элладе война была не только столкновением двух военно-политических сил, не только схваткой за гегемонию, за первенство. В той же мере можно говорить о конфликте двух систем ценностей, двух мировоззрений.

Глава IV ВНЕЗАПНАЯ ГРОЗА

Лицо врага

На пороге решающего столкновения Афин и Спарты — столкновения, которое имело самые непредвиденные последствия и для развития греческого мира в целом, и для внутренней истории афинской демократии, — самое время поподробнее рассказать о том, что представляло собой государство, выступавшее главным противником «города Паллады». О Спарте (Лакедемоне) уже очень часто заходила речь в предыдущем изложении, но читатель, возможно, почувствует, что пока ему еще, мягко говоря, мало известно об этом полисе.

Такая ситуация не случайна, она, в сущности, отражает реальное положение вещей в Греции V в. до н. э. Все, что связано со Спартой, было для остальных греков окутано покровом тайны, совершенно сознательно создававшейся спартанскими властями. Неким странным и загадочным миром лежала Спарта на южной окраине Пелопоннеса, как бы несколько «на задворках», в стороне от кипучей жизни прочих эллинов. Иностранцы туда почти не допускались; когда же сами лакедемоняне оказывались в других местах, от этих немногословных, умеющих держать язык за зубами людей мало что удавалось узнать. Спарта была предметом всеобщего любопытства. Не находя пищи в достоверных фактах, любопытство это питалось непроверенными слухами и домыслами.

Однако нам пришла пора отодвинуть завесу таинственности и пристальнее всмотреться в крупнейший в Греции полис, охватывавший собой к началу классической эпохи целых две области — Лаконику и Мессению, а, кроме того, издавна считавшийся первым по силе и потому самым авторитетным. Поговорить о Спарте будет интересно еще и потому, что в ней развитие общества и государства

пошло по уникальному пути, не похожему на тот, которым шло большинство других регионов Эллады. Разумеется, рассказ наш будет кратким: ведь главная тема, которая нас здесь интересует, — все-таки Афины. А о Спарте точно так же можно было бы написать целую книгу.

Если в Афинах государственность сложилась постепенно, эволюционно, органически, то в Лакедемонее ее формирование имело своим началом завоевание. Вторгшиеся на рубеже II—I тысячелетий до н. э. на юг Балканского полуострова дорийцы захватили пелопоннесскую область Лаконику и сделали своим оплотом главный ее центр — Спарту. Местное ахейское население было ими подчинено, лишено всех прав и превращено в подневольных работников рабского типа — илотов. На этом экспансия спартанских дорийцев не прекратилась: в VIII—VII вв. до н. э. они завладели соседней Мессенией, не менее обширной и плодородной. Жители Мессении тоже стали илотами.

Необычайно (по греческим меркам) расширив свою территорию, Спарта обезопасила себя от проблемы «земельного голода», терзавшего большинство греческих государств. Спартянцы, напротив, обычно жаловались на «малолюдые». И действительно, полноправных граждан — спартиатов, потомков завоевателей — насчитывалось лишь около 9 тысяч. Спартиаты были освобождены от необходимости физического труда и составляли военную силу полиса. Из их же числа комплектовались и все органы власти.

Ниже спартиатов стояли **перизки** («вокруг живущие») — обитатели других, кроме Спарты, городов и городков Лаконики. Перизки сохраняли личную свободу, но при этом не имели гражданских прав. Наконец, в самом низу общества находилась огромная масса илотов, которым приходилось содержать своих победителей тяжелым трудом. За каждым спартиатом было закреплено несколько таких зависимых земледельцев; они обеспечивали пропитание его самого и его семейства, отдавая господину около половины урожая.

Впрочем, илоты не принадлежали спартиатам, а считались собственностью полиса. Спартиат не мог по собственному почину продать или убить илота. В то же время сами спартанские власти принимали меры к тому, чтобы илоты жили в постоянном страхе, не пытаясь поднять восстание и освободиться. Ежегодно высшие должностные лица Спарты официально объявляли войну илотам! Этим давалась санкция на любое, самое жестокое обращение с ними. Периодически на илотов устраивались настоящие облавы (**криптии**): в них участвовали молодые спартиаты, убивавшие илотских вожаков из засады и упражнявшиеся таким образом в военном искусстве.

С помощью репрессивных мер большинство илотов, конечно, удалось запугать, сделать послушными. Иногда илотские отряды даже принимали участие в войнах Спарты в качестве вспомогательных сил. Очевидно, государство в какой-то мере доверяло им, коль скоро решалось дать им в руки хоть какое-то оружие.

И все же илоты, угнетенные, но мечтавшие о свободе, в первую очередь представляли для полноправных граждан опасность. Ведь их было, даже если считать только взрослых мужчин, примерно в семь раз больше, чем спартиатов. Для этих последних жизнь среди илотского моря была подобна жизни на жерле вулкана: Под постоянной угрозой была и их власть, да, пожалуй, и само их существование. Древнегреческий писатель Ксенофонт, хорошо знавший Спарту, пишет об илотах и даже о перизках: *«Когда среди них заходит разговор о спартиатах, то никто не может скрыть, что с удовольствием съел бы их живьем»* (Ксенофонт, Греческая история, III. 3. 6).

Ситуация взывала к солидарности правящего слоя, к предотвращению любых внутренних конфликтов в его среде. Для типичного греческого полиса очень частым, можно сказать, нормальным состоянием была междоусобная политическая борьба, стасис. Но для Спарты такая борьба была бы губительной: первой же вспышкой стасиса немедленно воспользовались бы илоты, подняв мятеж. Чтобы не выпустить их из-под контроля, гражданский коллектив Спартанского государства должен был превратиться в настоящий единый, постоянно действующий военный лагерь. С этой целью в Спарте — уже на ранних ступенях ее истории — была проведена целая серия радикальных реформ, совокупность которых античные авторы приписывают великому законодателю Ликургу.

Ликург — фигура полулегендарная. Неизвестно точное время его жизни и деятельности (датировки варьируют от IX до VI в. до н. э.). Более того, само реальное существование этого деятеля часто ставится под сомнение, и не без оснований. На самом деле спартанские преобразования были результатом работы не одной выдающейся личности, а ряда реформаторов, и продолжались они в течение нескольких столетий.

Как бы то ни было, «реформы Ликурга» в корне изменили весь облик Спарты. Они были направлены прежде всего на строгую регламентацию всех сторон жизни граждан Спарты с целью их сплочения и ликвидации самой возможности смут. Ставилась задача полного и безусловного подчинения личности государству, которое приняло ярко выраженный военизированный характер.

Коллектив спартиатов был превращен в «общину равных» («равными» — **гомейями** — они отныне гордо называли себя). Любое имущественное неравенство преследовалось. Для этого все спартиаты обязаны были вести крайне простой и непривлекательный образ жизни. Им запрещалось заниматься ремеслом и торговлей (эта сфера деятельности была предоставлена перизкам), предписывалось обязательное участие в общественных трапезах — так называемых **сисситиях**. Каждый спартиат, достигнув совершеннолетия, должен был вступить в одну из групп граждан, собиравшихся на сисситии, предоставлял на их проведение долю продуктов из своего хозяйства и отныне уже не имел права обедать у себя дома. Эта обязанность распространялась на всех, в том числе и на аристократов, даже на царей. Плутарх (Ликург, 12) пишет: *«Когда царь Агид, разбив афинян, возвратился из похода и, желая пообедать с женой, послал за своей частью, полемархи (командиры спартанских военных отрядов, распорядившиеся также и на сисситиях) отказались ее выдать. На завтра царь в гневе не принес установленной жертвы, и полемархи наложили на него штраф»*.

Спарта, в отличие от подавляющего большинства других полисов, не перешла на чеканную монету: в ней было (судя по всему, сознательно) законсервировано использование громоздких и неудобных денег в виде железных стержней. Это затрудняло денежное обращение и в конечном счете свело его на нет.

Была установлена жесткая система общественного воспитания детей, призванная вырабатывать в подрастающем поколении мужество и стойкость, непритязательность в быту, неукоснительное подчинение вышестоящим. Мальчика в семилетнем возрасте забирали у родителей; с этого времени и вплоть до совершеннолетия он находился со своими сверстниками в постоянных лагерях, в крайне суровых условиях.

Спартиатам запрещалось покидать пределы родного полиса, кроме как по приказу властей (на войну или с посольской миссией). Как мы уже знаем, и из самой Спарты во избежание «дурного примера» были изгнаны иноземцы. В дальнейшем такие изгнания (**ксенеласии**) регулярно повторялись. Во всех жизненных ситуациях делался упор на строгий порядок и дисциплину, на абсолютный пиетет по отношению к властям и даже просто к старшим по возрасту. Регламентировалось буквально всё — покрой и цвет одежды, форма прически, усов и бороды, внешний вид домов. Ни в чем спартиат не был свободен.

«Реформы Ликурга», кем бы и когда бы они ни были проведены, достигли своей цели. Они надолго остановили социально-экономи-

ческое, политическое и культурное развитие Спарты, что и обусловило уникальное положение этого полиса в греческой истории. Новые порядки привели к огромной степени сплоченности и единства гражданского коллектива. О внутренних смутах больше не могло быть и речи. Не случайно Спарта не знала тирании; более того, спартанские отряды участвовали в свержении тиранов в ряде других полисов. Мы уже видели, как царь лакедемонян Клеомен I изгнал из Афин тирана Гиппия; этот пример — далеко не единственный.

Кроме того, спартиаты стали отныне в полном смысле слова профессиональными воинами. Трудиться им не приходилось (всё за них делали илоты), и свой досуг они посвящали исключительно военным тренировкам. Спартанская фаланга долгое время была совершенно непобедимой и внушала настоящий ужас буквально всем противникам. Когда эти стройные шеренги длинноволосых воинов (спартиаты единственные в Греции носили длинные волосы) в ярко-красных одеждах — чтобы на них не была заметна кровь, если кого-нибудь ранят, — молча, под размеренную музыку флейт надвигалась на врагов, у этих врагов зачастую не выдерживали нервы, и они обращались в бегство еще до начала сражения. Тем более что все знали: сами спартанцы ни за что не отступят, не побегут, не сдадутся в плен — это им запрещает закон. Победить или умереть, «со щитом или на щите» — другого выбора для них не существовало. Не случайно на земли спартанского полиса в течение многих веков ни разу не ступала нога вражеского солдата. Спартиаты, очень гордясь этим и показывая, что они никого не боятся, намеренно не возводили вокруг своего города никаких оборонительных укреплений. Этим Спарта тоже отличалась от всех остальных государств Эллады. «Наши стены — это наши мужи, других нам не нужно», — говорили ее граждане.

Однако за военно-политические преимущества пришлось заплатить большим экономическим и культурным отставанием. Спартанская экономика приобрела почти исключительно аграрный характер, со слабым развитием ремесел (не считая ориентированных на войну) и застывшей почти на нулевом уровне торговли. Только за счет очень обильных по греческим меркам природных ресурсов Лаконики и Мессении Спарта оставалась довольно богатым полисом. Плодородие почв позволяло Лакедемону, в отличие от подавляющего большинства других греческих государств, не нуждаться в привозном хлебе.

Что же касается культуры, то в начале архаической эпохи спартанцы занимали в этой сфере заметное место в Греции. В художест-

венной обработке металлов, изготовлении изделий из керамики они достигали значительных успехов. Славились творившие в Спарте поэты. После «реформ Ликурга» и превращения в военизированное государство от всего этого пришлось отказаться, и некогда достаточно богатая духовная жизнь лакедемонян приняла однообразные, застывшие формы.

Разумеется, вряд ли стоит считать спартиатов совсем уж грубыми и некультурными людьми, такими солдафонами. Античные авторы подчеркивают, что им было свойственно, в частности, умение кратко и остроумно выражать свои мысли (отсюда термин «лаконизм»). Граждане Спарты были по-своему воспитанными и образованными людьми, но их воспитание и образование имели очень большую специфику. По строю своих представлений они, как ни удивительно, больше напоминали средневековых рыцарей или японских самураев, чем своих сородичей афинян или коринфян.

Спартиаты жили в обстановке своеобразного «духовного космоса», для которого был характерен ряд черт, свойственных архаичным, традиционным культурам: твердая и прочная религиозность, ориентация на авторитет предков, своеобразный кодекс чести, ориентированный только на победу. Впрочем, Спарту точнее будет назвать обществом не архаичным в полном смысле слова, а искусственно «архаизованным» в ходе реформ.

Эти реформы, приписанные Ликургу, превратили Спарту, отгородившуюся от остальной Эллады неким подобием «железного занавеса», в инородное тело внутри греческого мира. Но, с другой стороны, несомненно и то, что «спартанский порядок» был отражением, пусть в крайней форме, определенных тенденций, характерных для греческого полиса в целом, — тенденций, приводивших к господству коллективистского начала. Элементы коллективизма были и в демократических Афинах. Но Спарта пошла по этому пути дальше, чем кто-либо в Греции. В ней государство почти совершенно подавило индивида, так что это можно назвать даже тоталитаризмом.

Особое положение Спарты проявилось и в ее полисном устройстве, которое также не имело близких аналогий. Государственные структуры сложились в Спарте очень рано, раньше, чем в других областях Эллады. Но какой характер имела ее политическая система? В трудах многих ученых можно встретить утверждение, что она была олигархической. Но это если и верно, то лишь с существенными оговорками: если Спарту и можно считать олигархией, то, во всяком случае, придется согласиться с тем, что это была какая-то странная,

нехарактерная олигархия, очень уж отличавшаяся от типичных олигархических режимов наподобие тех, которые установились, скажем, в Коринфе или Мегарах. По ряду принципиальных параметров своего устройства олигархические Коринф и Мегары оказываются, как ни парадоксально, ближе к демократическим Афинам, чем к «олигархической» Спарте. А в то же самое время в некоторых других отношениях спартанский полис выглядит более демократичным, чем типичная олигархия.

Нужно сказать, что уже античные политические теоретики испытывали затруднения при определении государственного устройства Спарты. Его называли то аристократическим, то «тимократическим» (основанным на власти наиболее отличившихся и почтенных граждан), то «смешанным», то есть соединяющим элементы различных политических систем. Это последнее определение, пожалуй, ближе всего к истине. Действительно, в спартанском полисе, сознательно созданном усилиями поколений реформаторов, причудливо переплетались установления, характерные для монархии, олигархии и даже демократии.

Легендарному Ликургу спартанцы приписывали авторство своего главного «конституционного» закона — так называемой Великой ретры. Текст этого документа дошел до нас; большая древность языка, которым он написан, позволяет судить о том, что ретра была составлена не позднее VIII–VII вв. до н. э. В законе закреплены основные органы спартанского государственного устройства: цари, совет старейшин и народное собрание.

Спарта оставалась едва ли не единственным греческим полисом, в котором в течение архаической эпохи не была ликвидирована царская власть. Высшими должностными лицами государства по-прежнему являлись цари (в Лакедемонe, в отличие от других городов, их называли не **басилеями**, а **архагетами** — «верховными вождями»). При этом — тоже уникальная спартанская черта — царей одновременно было два. Соответственно имелись две царские династии — Агиады и Еврипontiды.

Спартанские цари считались прямыми потомками величайшего греческого мифологического героя Геракла и, следовательно, самыми знатными аристократами во всей Элладе. Власть их была наследственной и пожизненной. Сограждане окружали царей экстраординарными почестями (даже за обедом царю полагалась двойная порция). Однако спартанские архагеты отнюдь не были полновластными правителями, поскольку их полномочия были сильно ограничены. Фактически они сводились к функции верховных главноко-

мандующих и верховных жрецов. Иными словами, Спарта, несмотря на наличие царской власти, была, как и другие греческие полисы, республикой, хотя и с некоторым монархическим оттенком.

Реально верховным органом управления в Спарте был совет старейшин. Он назывался **герусией**, а его члены — **геронтами**. Герусия состояла из тридцати человек: в нее по своей должности входили цари а кроме них — 28 пожилых граждан (не моложе 60 лет), избравшихся в совет пожизненно. Геронтами становились, как правило, самые влиятельные и авторитетные спартиаты. Именно они, а не цари, на деле руководили всеми государственными делами: герусия вырабатывала проекты законов и постановлений, распоряжалась финансами полиса, играла роль верховного суда.

Формально высшая власть в Спартанском государстве, как и в любом греческом полисе, воплощалась народным собранием, которое лакедемоняне называли **апелла**. Этот орган объявлял войну и заключал мир, принимал законы, избирал должностных лиц (естественно, кроме царей). Но фактически значение апеллы было сильно урезанным. Она созывалась редко и нерегулярно (обычно по решению геронтов). В ней не допускались какие-либо дебаты или дискуссии; власти вносили на рассмотрение собрания те или иные меры, а спартиаты должны были только голосовать «за» или «против». Сразу бросается в глаза контраст с афинской экклесией, где любой вопрос бурно обсуждался гражданами.

Голосовала апелла довольно примитивным способом, который Аристотель называет «детским»: спартиаты выражали свое мнение громким криком, и принималось то решение, за которое кричали больше всего. Малая реальная власть апеллы проявлялась еще и в том, что, если итоги голосования оказывались неуютны геронтам, они могли отменить эти результаты, распустить собрание и через какое-то время назначить повторное.

Тем не менее преуменьшать значение спартанской апеллы тоже не следует. Какие бы ограничения ни накладывались на ее работу, все же Великая ретра — а она исполнялась неукоснительно — гласила: *«Господство и сила да принадлежит народу»* (Плутарх, Ликург, 6). Это означало, что без согласия народного собрания ни одно сколько-нибудь важное решение не могло быть проведено в жизнь.

Несколько позже, чем остальные органы спартанского государственного устройства (возможно, в VI в. до н. э.), появилась коллегия, состоявшая из пяти **эфоров** («надзирателей»). Эфоры избирались сроком на один год, причем эту должность мог занять любой спартиат, независимо от своей знатности и богатства; случалось даже,

что эфорами становились совсем бедные люди. Таким образом, эта коллегия была, бесспорно, демократической по своему духу.

Задачи эфоров заключались в контроле над деятельностью других высших должностных лиц, с тем чтобы они не нарушали интересов гражданского коллектива. Особенно бдительно эфоры следили за царями, стремясь не допустить даже попыток перерастания их власти в настоящую монархию или тиранию. Эфоры пользовались необычайно большими полномочиями: они могли отстранить царя от власти и даже приговорить его к казни или изгнанию. Не случайно вся спартанская история полна конфликтами между царской властью и властью эфоров — конфликтами, в которых цари почти никогда не оказывались победителями.

В целом для политической системы Спарты были характерны, повторим, такие начала, как коллективизм, дисциплина и беспрекословное повиновение вышестоящим. Нужно сказать, что для политических мыслителей Древней Греции спартанское государственное устройство было предметом настоящего обожания. Такие великие умы, как Сократ, Платон, Аристотель, в той или иной мере считали Спарту образцовым или близким к образцовому полисом, достигшим наибольших успехов в государственном строительстве и сумевшим поэтому избежать междоусобных смут, которые так терзали остальные города Эллады.

Восхищение Лакедемоном имело свои причины. Как мы уже знаем, Спарта была очень «закрытым» обществом; о ней мало знали. А неизвестное всегда притягательно. Однако характерно, что, восхищаясь порядками спартанцев, другие полисы отнюдь не спешили заимствовать их на практике.

Большая война

К концу 430-х годов до н. э. внешнеполитическая обстановка в Элладе была предельно накалена. Страна, если воспользоваться популярной метафорой, напоминала пороховой погреб, который мог вспыхнуть от малейшей искры. Иными словами, непосредственным поводом к началу военных действий между Афинами и Спартой мог послужить любой, даже незначительный локальный пограничный инцидент.

Это не заставило себя долго ждать, и в течение одного-двух лет произошло сразу несколько инцидентов такого рода. Во-первых,

афиняне установили союзные отношения с Керкирой — островом у западного побережья Греции. Керкира, занимавшая важное стратегическое положение на путях в Великую Грецию и обладавшая сильным военным флотом, была колонией Коринфа; поэтому коринфяне рассматривали афино-керкирский союз как вмешательство в свои внутренние дела и были крайне возмущены. Во-вторых, афиняне приступили к подавлению восстания во входившем в Архэ городе Потидея на северном берегу Эгейского моря. Потидея тоже была коринфской колонией! В-третьих, афиняне же ввели экономические санкции против соседних Мегар, входивших в Пелопоннесский союз. Мегарским товарам и торговцам был отныне закрыт доступ на рынки Афин и всех полисов Архэ, что нанесло жестокий удар по экономике Мегар.

В этих условиях в 432 г. до н. э. в Спарте состоялся конгресс государств — членов Пелопоннесского союза. Союзники во главе с Коринфом стали дружно оказывать давление на спартанцев, убеждая их наказать наконец «распоясавшиеся» Афины, положить предел их усилению. Спартанские власти неохотно склонялись на уговоры, осторожно относясь к перспективе крупной войны. Располагая великолепным сухопутным войском, они тем не менее прекрасно понимали, какая тяжесть ляжет на их плечи в случае, если вооруженный конфликт окажется трудным и затяжным — а так и должно было неизбежно случиться. Приходилось принимать во внимание и илотскую опасность: война с Афинами означала отправку крупных воинских контингентов за пределы полиса, чем илоты вполне могли воспользоваться.

На конгрессе было решено использовать вначале все возможные мирные средства и попытаться снять напряженность путем переговоров. После этого в Афины несколько раз прибывали спартанские послы и то в относительно мягкой, то в более угрожающей форме предлагали афинянам разорвать союз с Керкирой, снять осаду с Потидеи и отменить санкции против Мегар. В принципе, на этом этапе война еще могла быть предотвращена: спартанцы ее не хотели и удовлетворились бы, если бы Афины пошли на некоторые, даже небольшие уступки.

Однако стоявший по-прежнему во главе афинского полиса Перикл был убежденным противником каких бы то ни было уступок противостоящей стороне. Он считал, что Афины уже достаточно сильны и готовы к решающей схватке за гегемонию в Греции.

Сыграл свою роль и внутрисполитический фактор. К концу 430-х гг. до н. э. положение Перикла в Афинах несколько пошатнулось. «Пер-

вый гражданин» старел — ему пошел седьмой десяток — и не мог уже так же эффективно, как прежде, держать все под своим контролем. Кроме того, возрастало недовольство единоличным характером его власти. Попросту говоря, афинянам надоело, что один и тот же человек так долго бессменно находится у руля государства.

Падением популярности Перикла не преминули воспользоваться его политические соперники, причем, так сказать, на обоих флангах. С одной стороны, активизировались аристократы-консерваторы: в 434 г. до н. э. возвратился в Афины из десятилетнего изгнания их лидер Фукидид, сын Мелесия. С другой стороны, все больше стала привлекать к себе внимание группировка сторонников крайней демократии, которым Перикл казался слишком «умеренным». Среди этих радикалов особенно выделялся молодой политик Клеон, умевший ловкими речами вызвать симпатию у демоса.

Внутренние враги «афинского олимпийца», объединившись, повели против него борьбу. Правда, сам он пока еще казался неуязвимой мишенью: его авторитет у сограждан был, несмотря ни на что, очень высок. Поэтому был избран окольный путь, чтобы со временем «свалить» Перикла. К нему стали подбираться постепенно, исподволь, для начала организуя нападки на его друзей и соратников, особенно на деятелей культуры из перикловского кружка.

В кружке этом царило полное свободомыслие; входившие в него умные и просвещенные люди не боялись высказывать самые смелые идеи. Это не нравилось многим афинянам, особенно представителям старшего поколения, воспитанным в духе традиционных ценностей. В городе стали поговаривать, что Перикл поощряет безбожие, неуважение к полисной религии.

Учитель Перикла, философ Анаксагор, много размышлявший о природных явлениях и учивший, что Солнце — огромная каменная глыба, а не бог Гелиос, как рассказывалось в старинных мифах, — был предан суду и как нечестивец приговорен к изгнанию из Афин. Еще более тяжелая судьба ждала Фидию. Гениального скульптора тоже обвинили в религиозном преступлении. Создавая статую Афины-Девы для Парфенона, он изваял на щите богини битву греков с амазонками¹. И, как говорили недоброжелатели, среди сражающихся героев Фидий поместил свой собственный портрет, а рядом изобразил своего друга Перикла.

Создавать скульптурные изображения живых людей в классической Греции строго-настрого запрещалось (исключение делали только

¹ Амазонки — в древнегреческих мифах племя женщин-воительниц.

для победителей в Олимпийских играх, которых считали героями-полубогами). С точки зрения традиционной религии такие изображения были кощунством, издевательством над святынями. За это-то теперь и должны были судить Фидия. Но великий ваятель умер в тюрьме, не дождавшись процесса. Не исключено, что он был тайно отравлен врагами Перикла.

Даже Аспасия — жена «первого гражданина» — предстала перед судом. Как рассказывает Плутарх (Перикл, 32), *«Перикл вымолил ей пощаду, очень много слез пролив за нее во время разбирательства дела... и упрощив судей»*. Лидер афинского полиса не мог не понимать: атаки на членов его кружка ведутся с одной-единственной целью — скомпрометировать и в конечном счете устранить с политической арены его самого. Цель эта казалась не столь уж и далекой...

В этих условиях Перикл и решил форсировать начало войны, чтобы побудить народ вновь сплотиться вокруг своего испытанного руководителя. Как известно, в военную годину не до внутренних распрей. Потому-то по его инициативе афинская эkkлeсия отвечала на все требования спартанских послов самым решительным отказом. В результате Спарта склонилась-таки к активным действиям. Пелопоннесский союз, собравшись на новый конгресс и заручившись поддержкой авторитетного Дельфийского оракула, официально объявил Афинам войну.

Эта так называемая Пелопоннесская война растянулась на 27 лет (431–404 гг. до н. э.) и стала не только самым продолжительным, но также самым крупномасштабным и кровопролитным межполисным вооруженным конфликтом в истории Древней Греции. В борьбу вступили два сильнейших в эллинском мире политических объединения — Пелопоннесский союз, возглавлявшийся Спартой, и Афинская морская держава. А со временем в военное столкновение оказались втянутыми не только полисы — члены этих симмахий, но и почти все греческие государства, потому что каждое из них в той или иной мере тяготело либо к Спарте, либо к Афинам. Понятно, что афинян, как правило, поддерживали демократические полисы, спартанцев — полисы с олигархическим устройством.

Если попытаться оценить и сопоставить силы враждующих сторон на момент начала военных действий, то они окажутся примерно равными, но совершенно по-разному ориентированными. В сухопутных силах большое превосходство имел Пелопоннесский союз: входившие в него города без особого напряжения могли выставить войско в 60 тысяч гоплитов, среди которых — не следует забывать — были спартиаты, а они имели справедливую репутацию непревзой-

денных мастеров военного дела. Афины же, даже мобилизовав всех своих военнообязанных граждан да в придачу часть метэков, располагали лишь примерно тридцатитысячной армией, к тому же более низкой по боевым качествам.

Зато на море безраздельно господствовали афиняне. Флот Афинской архэ в период ее расцвета мог достигать общей численности в 400 кораблей. Каковы были размеры военно-морских сил Пелопоннесского союза — в точности неизвестно, но, во всяком случае, они уступали афинским очень значительно, вдвое, если не втрое. В основном это были коринфские триеры; сама Спарта, типично сухопутный полис, флота практически не имела.

Разным было положение оборонительных укреплений. Спарта, как известно, вообще не имела городских стен. А Афины были окружены мощной системой фортификационных сооружений, включавшей в себя стены вокруг самого города, стены вокруг Пирея и соединявшие их Длинные стены. Надежно связанные с морем, по которому всегда могли поступать подкрепления и продовольствие, Афины были совершенно неуязвимы для сколь угодно длительной осады, пока их флот господствовал в Эгейде.

Несопоставимы были и финансовые возможности воюющих сторон. Спарта, жившая в условиях натурального хозяйства, вообще не имела своей казны. Не существовало и общей казны Пелопоннесского союза: это объединение было чисто добровольным, и входившие в него полисы не платили никаких взносов или податей. Что же касается Афин, то в их казнохранилищах на Акрополе за годы рачительного управления Перикла накопились колоссальные суммы денег — около 10 тысяч талантов, по оценке историка Фукидида. Эти средства поступали как от разработки серебряных рудников Лаврия, так и от союзников по Архэ в виде ежегодного форо́са. Огромное богатство давало афинянам широкое поле для маневра в случае необходимости дальнейшего пополнения армии и флота, компенсации военных потерь.

Одним словом, если отталкиваться от соотношения афинских и спартанских сил, исход войны представлялся совершенно непредсказуемым. Естественно, оба противника прекрасно знали свои сильные и слабые стороны. Соответственно каждый из них разработал собственный план ведения военных действий и старался ему неукоснительно следовать, во всяком случае, в первые годы конфликта.

Начиная с 431 г. до н. э. и на протяжении ряда лет мощное шестидесятитысячное сухопутное войско Пелопоннесского союза почти ежегодно вторгалось в Аттику и опустошало сельскохозяйствен-

ные угоды. Главной целью пелопоннесцев было вызвать афинян на генеральное сражение, разгромить их (а разгром в битве на суше был неминуем) и таким образом сразу решить исход войны в свою пользу.

Однако Перикл, руководивший обороной Афин, понимал, что ни в коем случае не следует поддаваться на подобного рода провокации. По его распоряжению при получении известия о подходе вражеской армии все сельское население Аттики заблаговременно эвакуировалось с хоры в город, под надежную защиту стен.

Фукидид (II. 14–16) пишет: *«Тяжко было афинянам покидать насиженные места, так как большинство их привыкло жить на своих полях... Было нелегко переселиться в город и бросать свое добро... С грустью покидали они свои домашние очаги и святыни, которые всегда привыкли почитать еще со времен древних порядков как наследие предков. И для всех них — деревенских жителей — предстоящая перемена в образе жизни была равносильна расставанию с родным городом».*

Хоть крестьянам и было не по душе смотреть на то, как враги разоряют их земельные наделы, все же от голода они не страдали: в Пирей на кораблях постоянно подвозилось продовольствие. А тем временем выжидательная тактика Перикла приносила свои плоды: пелопоннесское войско, не добившись своего, с наступлением осени возвращалось на родину², и крестьяне имели возможность на зиму разойтись по домам, с тем чтобы весной вновь эвакуироваться в город. Боевые же действия атакующего характера афиняне проводили там, где они были особенно сильны, — на море. Афинский флот совершал рейды вокруг Пелопоннеса и пытался наносить неожиданные удары по прибрежным поселениям противника.

Начало войны не приносило решающего успеха ни одной из сторон: надежды Спарты на «блицкриг» не оправдались, жители подвергавшихся осаде Афин вели себя спокойно и выдержанно. Однако внезапно в планы людей вмешалось совершенно непредвиденное (хотя, как мы теперь понимаем, вполне закономерное) обстоятельство.

На протяжении значительной части каждого года Афины были буквально переполнены крестьянами-беженцами, к чему город был совсем не приспособлен. Большинство эвакуантов, как пишет Фукидид (II. 17. 1–3), *«было вынуждено занять городские пустыри или поселиться во всех святилищах богов... Множество беженцев*

² Восвать зимой в античном мире было не принято.

расположилось даже в башнях обводной стены и в других местах, где кто мог. Ведь город не вмещал такого скопления беженцев, так что впоследствии пришлось приспособить под жилье, разделив между собой, даже Длинные стены и большую часть обводных стен Пирея».

А ведь это повторялось ежегодно! Можно себе представить, какие антисанитарные условия сложились в Афинах. Не удивительно, что не заставила себя долго ждать эпидемия какой-то заразной болезни. Она разразилась в 430 г. до н. э., продолжалась около четырех лет и нанесла серьезнейший удар по боеспособности и процветанию Афин. Болезнь оказалась опаснее любого врага: она свирепствовала в стенах города, косила мужчин и женщин, взрослых и детей, и никакого спасения от нее найти не удавалось. Почти никто из заразившихся не выживал; жертвами эпидемии стали не менее четверти всех афинян!

Все это стало последней каплей, подорвавшей доверие граждан к Периклу. Его винили во всех бедствиях. Лидер афинского полиса был смещен с должности стратега, отдан под суд и приговорен к крупному денежному штрафу. Его враги — как внутренние, так и внешние — могли ликовать. Правда, уже вскоре, по словам Плутарха (Перикл, 36–37), *«народ, нанеся Периклу удар, оставил свой гнев, как оставляет жало пчела... Афиняне испытывали других стратегов и ораторов, насколько они пригодны для ведения войны; но ни у кого из них не оказалось ни влияния, достаточного для такой высокой власти, ни авторитета, обеспечивающего надлежащее исполнение ее. Афиняне жалели о Перикле и звали его на ораторскую трибуну и в помещение для стратегов»*. В 429 г. до н. э. Перикл был прощен демосом и вновь избран на должность стратега. Однако дни «афинского олимпийца» были уже сочтены...

Эпидемия принесла Периклу много горестей не только в общественной, но и в личной жизни. Заболели и умерли оба его сына от первого брака — Ксантипп и Парал. На похоронах последнего Перикл, рассказывает нам Плутарх (Перикл, 36), *«старался выдержать характер и сохранить душевную твердость, но, когда возлагал на умершего венок, не мог при виде его устоять от горя, разразился рыданиями и залился слезами; ничего подобного с ним не случалось во всю жизнь»*.

Оставался, правда, еще сын от Аспасии — Перикл-младший. Но этот юноша из-за матери-неафинянки не имел гражданских прав и не мог даже стать наследником отца. Тому препятствовал закон, разработанный в 451 г. до н. э. самим же «первым гражданином».

По иронии судьбы теперь Перикл должен был ходатайствовать перед народным собранием, чтобы для его сына сделали исключение. Афиняне, сочувствуя своему испытанному вождю, удовлетворили его просьбу и включили Перикла-младшего в гражданские списки.

Несчастья, несомненно, подорвали физические силы и бодрость уже немолодого Перикла. Наконец, и его коснулось зловещее дыхание эпидемии. Послушаем опять Плутарха (Перикл, 38): *«Болезнь у него носила не острый характер, как у других, не сопровождалась сильными приступами, а была тихая, затяжная, с различными колебаниями, медленно изнурявшая тело и постепенно подтачивавшая душевные силы»*. Великий политический деятель, раньше всегда отличавшийся рационалистическим складом ума, презиравший любые суеверия, позволил женщинам, которые за ним ухаживали, надеть ему на шею магический амулет...

Волшебство, конечно, не помогло. В том же 429 г. до н. э. Перикл скончался и был с подобающими почестями похоронен неподалеку от городских стен, у дороги, ведущей из Афин в рошу Академию. Именно на этом месте было принято в афинском полисе хоронить самых славных героев.

Плутарх (Перикл, 38) сохранил для нас предсмертные слова Перикла, в которых тот, подводя итог всему прожитому и сделанному, подчеркнул свою, как он считал, самую главную заслугу. *«Ни один афинский гражданин, — сказал Перикл, — из-за меня не надел черного плаща»*, то есть не облекся в траур. Прав ли он был? Позволим себе усомниться в этом. Умирая, «афинский олимпиец» не мог не знать, что в городе горят сотни погребальных костров, что множество людей оплакивает своих родных и близких, унесенных эпидемией, и винит в этом не кого иного, как его, Перикла! Говоря о последних днях многолетнего лидера Афин, нельзя назвать их иначе чем трагедией, великой трагедией великого человека, которому выпала доля увидеть, как рушится то благосостояние, что он так долго и с такими усилиями создавал.

В плену у демагогов

Последние дни Перикла, надо думать, омрачались еще и тем, что он не видел среди афинских государственных деятелей никого, кто бы мог стать его достойным преемником. И действительно, после его смерти политическая жизнь в Афинах как бы «измельчала».

Перикл, бесспорно, был человеком отнюдь не без недостатков. И все же его выдающаяся личность накладывала на все, что совершали Афины под его руководством, некий отпечаток благородства и величия.

После кончины «афинского олимпийца» времена изменились. Мы только что читали слова Плутарха о том, что другие политики не пользовались столь же большим авторитетом. Не блистали они ни талантами, ни подлинно государственным мышлением. Самое главное — они были не в состоянии подняться до осмысления долговременных, стратегических общеполитических интересов, думая в основном о решении сиюминутных задач да еще о том, как бы не потерять свою популярность в среде демоса, и для этого потакая всем его желаниям, даже и несправедливым.

Не случайно политических деятелей Афин после перикловского времени уже античные историки окрестили словечком *демагоги*. Слово это изначально не несло в себе ничего обидного или уничижительного. «Демагог» в переводе с древнегреческого — «вождь народа». Так могли называть любых политиков демократической ориентации. Но в эпоху Пелопоннесской войны слово изменило свое значение и приобрело эмоциональную окраску.

Теперь демагогами обычно именовались деятели «низкого» происхождения (то есть не принадлежавшие к аристократии), использующие свой авторитет у демоса зачастую в личных корыстных целях. Демагоги были, как правило, ловкими и умелыми ораторами. Выступая с речами в народном собрании, в судах и других органах власти, они умели направить эмоции народа в нужное для себя русло и получить от этого политические (а порой и вполне материальные) дивиденды. Ведомая демагогами демократия нередко принимала решения, на вид перспективные и заманчивые, но в действительности авантюрные и вредные для государства.

Чем же было вызвано усиление демагогов в общественной жизни афинского полиса? Несколькими обстоятельствами. Во-первых, вплоть до Пелопоннесской войны политическими лидерами демократии в Афинах были, как мы видели, исключительно аристократы. Перикл стал последним из государственных мужей этого «старого» типа.

А теперь демос, пройдя долгий путь «политического воспитания» — в народном собрании, в дикастериях, в театре — созрел наконец для того, чтобы реально взять полноту власти в полисе в собственные руки. Разумеется, речь здесь идет не обо всем демосе, а о его верхушке. Не рядовые крестьяне становились новыми вождями государства, а граждане весьма состоятельные, как правило,

хозяева крупных ремесленных мастерских. Клеон, владелец кожевенной мастерской; Гипербол, владелец мастерской ламп; Клеофонт, владелец мастерской музыкальных инструментов... Такие люди теперь задавали тон в общественной жизни Афин. В науке их часто называют «новыми политиками».

Во-вторых, в прямой связи с только что описанным процессом находилось резкое усиление радикальных тенденций в афинской демократии. Порой начинало создаваться впечатление, что она перерождается в настоящую **охлократию** — власть толпы, эгоистичной, легковозбудимой и безответственной массы, склонной поддаваться больше эмоциям, чем голосу разума, и принимать непродуманные решения.

Этому во многом способствовал уже знакомый нам непрофессионализм, характерный для прямого народоправства. Провозглашаемые идеалы подчас существенно расходились с действительным положением дел. Считалось, что народное собрание представляет верховную власть именно потому, что оно объединяет в себе демос во всей его совокупности. Однако все без исключения граждане, несомненно, даже физически не могли собираться на частые заседания экклесии. Кто-то жил в далекой деревне, кто-то был в отъезде, кому-то мешали дела... А ведь еще и шла война, которая тоже отрывала людей от их нормальной жизни.

В этих условиях непропорционально большую роль в управлении государством могли (конечно, при неблагоприятных условиях) начать играть люди, ничем не занятые и, более того, не желающие ничем заниматься, иными словами, далеко не лучшая часть общества. Такие граждане просто от безделья становились завсегдатаями народного собрания и нередко определяли результаты голосований в нем. Они-то и попадали под влияние демагогов, становились питательной средой для этих «вождей народа».

Клеон был первым и самым знаменитым среди «новых политиков». Афиняне называли его «кожевником», хотя вряд ли он за всю жизнь выдубил своими руками хоть одну кожу. Этим занимались работники в его мастерской, а сам он всецело посвятил себя государственной карьере. Клеон выдвинулся еще при жизни Перикла, нападая на «афинского олимпийца» и обвиняя его в чрезмерной умеренности и недостаточном радикализме. А когда Перикл умер, «кожевник» всерьез вознамерился играть первую скрипку в общественной жизни полиса.

Клеон был типичнейшим демагогом. В его личности и деятельности, как в зеркале, отразились все те черты, которые и в дальней-

шем были характерны для этого типа лидеров, — необразованность, дурные манеры, наглость, распушенность, корыстолюбие, заискивание перед демосом. О взглядах Клеона дает хорошее понятие цитата из его речи, приводимой Фукидидом (III. 37. 3–4): *«Необразованность при наличии благонамеренности полезнее умственности, связанной с вольномыслием. Действительно, более простые и немудрящие люди, как правило, гораздо лучшие граждане, чем люди более образованные... Простые люди не приписывают себе исключительных способностей и поэтому не считают себя умнее законов. Они не берутся критиковать то, что правильно сказал другой»*. Так невежество возводилось в принцип...

Даже само поведение Клеона при выступлениях в народном собрании резко отличалось от того, что считали подобающим государственным мужи былых эпох. Плутарх (Никий, 8) рассказывает: *«Клеон перестал соблюдать всякие приличия на возвышении для оратора: он был первым, кто, говоря перед народом, стал вопить, скидывать с плеч плащ, бить себя по ляжкам, бегать во время речи»*. Его разглагольствования выглядели как настоящие шутовские клоунады. Посетители эклесии потешались, дружно хохотали, а затем... дружно голосовали за меры, которые предлагал Клеон.

Наверное, «кожевник» был просто ближе, понятнее демосу, чем Аристид, Кимон или Перикл. Те стояли над толпой, пытались поднять ее до своего уровня. А Клеон был, что называется, своим в доску. Он, напротив, опускался до уровня толпы, потакая ее низменным инстинктам.

Авторитет Клеона у низших слоев гражданского коллектива был вызван еще и тем, что все инициативы этого деятеля были пронизаны откровенным популизмом. В особенной степени это относилось к сфере внешнеполитических отношений. Клеон, человек чисто гражданский, не занимавший пост стратега и не имевший никакого опыта командования войском, был главным афинским «ястребом». Он настойчиво призывал к войне до победного конца. Никаких переговоров со Спартой! Ни малейших уступок! И пусть государство ослаблено эпидемией, пусть крестьяне, взирающие на разорение врагами их полей, страстно мечтают о мире, — нужно лишь еще немного поднатужиться, и противник будет сломлен!

Чтобы улучшить финансовое положение Афин, в 425 г. до н. э. по настоянию Клеона народное собрание резко — почти в три раза — увеличило ставки фороса, которые ранее на протяжении многих лет оставались неизменными. Отныне общая сумма податей, взимаемых с полисов — членов Афинской архэ, — составляла около 1200 та-

лантов. Надо полагать, граждане голосовали за это постановление с энтузиазмом (еще бы, доходы государства сразу возрастут!), совершенно не задумываясь о том, по какому гибельному пути ведет их Клеон. Стоило ли в тяжелые военные годы еще сильнее раздражать союзников, которые и без того роптали на афинское засилье? Сиюминутные выгоды заслоняли в умах людей очень опасные последствия.

А в союзных полисах, действительно, все росло и росло недовольство. Правда, большинство их опасалось открыто протестовать: Афины, несмотря на обрушившиеся на них несчастья, были еще очень сильны, их флот по-прежнему безраздельно господствовал в Эгеиде. Тем не менее бывали и случаи мятежей. Еще в 428 г. до н. э. восстала Митилена, крупнейший город на острове Лесбос. Однако через несколько месяцев афинскому флоту удалось подавить восстание.

Экклесия рассматривала вопрос о том, как поступить с митиленцами. Клеон предложил совершенно бесчеловечную меру: всех взрослых мужчин перебить, а женщин и детей продать в рабство. И это решение было принято афинянами! Правда, на следующий день они, раскаявшись в ненужной жестокости, повторно созвали народное собрание и отменили предыдущее постановление. Но все-таки отпавший полис был подвергнут суровому наказанию и лишен статуса привилегированного союзника: отныне лесбосцы не поставляли корабли в союзные морские силы, а платили форос на общих условиях.

Клеону не удавалось стать новым «первым гражданином», безусловным лидером государства только потому, что у него был сильный соперник на этом поприще. Никий — так звали этого человека — оставался, пожалуй, последним афинским политиком, старавшимся строить свою жизнь и деятельность в традициях Перикла, а не подражать дурному примеру демагогов. И дело даже не только в том, что он не позволял себе развязных выходок на трибуне, а вел себя благопристойно. Продолжая перикловскую линию, Никий являлся сторонником умеренной, а не радикальной демократии. Он и в жизни был человеком умеренным и осторожным, кроме того, еще и благочестивым до суеверия.

Знатностью происхождения Никий не отличался, зато выделялся среди сограждан огромным богатством, владел большим количеством земель и более чем тысячей рабов. Его состояние оценивалось примерно в 100 талантов и было одним из крупнейших в Афинах. Пытаясь снискать популярность в среде демоса (даже ему, человеку, бес-

спорно, достойному, такое заискивание перед народными массами отнюдь не было чуждо), он часто принимал на себя литургии, тратя из собственных средств большие суммы на государственные нужды.

В отличие от Клеона, Никий был неплохим полководцем и почти ежегодно избирался стратегом. Для его военного искусства были характерны тонкий и мудрый расчет, умение добиться наибольших результатов при наименьших потерях. Иными словами, он и на полях сражений был осторожен, избегал рискованных мероприятий, стремился действовать наперняка. И такая тактика приносила свои плоды: почти никогда этот полководец не терпел поражений.

В то же время Никий — и опять в противовес воинственному Клеону — был сторонником скорейшего прекращения войны и заключения мира, естественно, на взаимоприемлемых условиях. Он понимал, что кровопролитная бойня между эллинами не приносит пользы никому. Если Клеона поддерживали в основном ремесленники, особенно занятые производством оружия (ведь им продолжение военных действий было только выгодно), то Никий пользовался симпатиями аттического крестьянства, которое страдало от все более затягивавшегося афино-спартанского конфликта.

Тем временем Пелопоннесская война продолжалась с переменным успехом. Начав оправляться от последствий эпидемии, Афины стали переходить ко все более активным действиям. Как и в предыдущие эпохи, в сухопутных сражениях с пелопоннесцами они чаще терпели поражения, зато на море почти всегда торжествовали.

Особенно памятной была операция, осуществленная в 425 г. до н. э. Афинская эскадра внезапным ударом захватила городок Пилос на побережье Мессении. Таким образом, афиняне имели теперь свой опорный плацдарм в каких-нибудь нескольких десятках километров от самой Спарты. Кроме того, в помощь им стали стекаться из окрестных местностей мессенские илоты. Спартанцы попытались отбить Пилос, но проиграли морскую битву; при этом на маленьком островке в пилосской гавани был заблокирован их отряд из нескольких сот человек, в числе которых были 120 спартиатов из знатных родов.

Довершить победу над ними афинская экклесия поручила вначале Никию. Но тот переосторожничал и попросил освободить его от столь ответственного и опасного поручения. Ведь он прекрасно знал, что за воины — спартиаты и насколько трудно будет с ними справиться. Над Никием тут же начал издеваться Клеон. По своему обыкновению хвастаясь, «кожевник» заявил, что если бы ему доверили это дело, то он уже через двадцать дней доставил бы в Афины пленных лакедемонян.

Тут Клеона поймали на слове. Народное собрание сразу же избрало его стратегом и отправило к Пилосу. Неугомонный демагог уже и сам был не рад, что все так обернулось. Однако на этот раз ему повезло: спартанцы на острове, истощенные длительной осадой и близкие к голодной смерти, сдались почти без боя. Клеон взял вражеский отряд в плен и ко всеобщему удивлению, как и обещал, через двадцать дней привез спартиатов в Афины, где они были размещены в качестве заложников.

Дело при Пилосе стало крупной победой Афин — не только военно-стратегической, но и моральной. История Спарты до того практически не знала случаев, когда спартиаты сдавались бы в плен. Иными словами, оказался развеянным миф о непобедимости этих великолепных воинов, а это было для лакедемонян неслыханным позором. После этого пелопоннесское войско не совершало больше нашествий на Аттику: спартанские власти боялись, что заложники в таком случае будут казнены. А Пилос продолжал оставаться военной базой афинян на территории противника.

Развивая достигнутые успехи, вскоре афинская эскадра под командованием Никия овладела островом Кифера, лежавшим к югу от Лаконики, у самого ее побережья. Спарта оказывалась зажатой, как в клещи, со всех сторон, перевес в войне явным образом переходил на сторону Афин. В этих условиях спартанские власти пришли к мысли о необходимости смены общей стратегии: рутинная практика ежегодных вторжений в Аттику совершенно не оправдала себя.

В 424 г. до н. э. отборный отряд пелопоннессцев под командованием лучшего спартанского военачальника, молодого и энергичного Брасида, совершил стремительный бросок через всю Балканскую Грецию на северное побережье Эгейского моря. В этом регионе Афины издавна имели сильные позиции, оттуда они получали строевой лес для своих триер, золото и серебро, добывавшиеся в расположенных там рудниках, а также немалые суммы фороса от находившихся там союзных полисов. После прибытия Брасида многие из этих полисов стали добровольно переходить на сторону Спарты, другие он брал силой.

Афиняне, не ожидавшие ничего подобного, были крайне встревожены. В 422 г. до н. э. они направили на борьбу с Брасидом свой флот. Возглавлял его Клеон, который после успеха операции под Пилосом окончательно возгордился и возомнил себя великим полководцем. Однако сражение со спартанцами «кожевник» бездарно проиграл, да и сам сложил в нем голову. Правда, в том же бою нашел свою смерть и пелопоннесский командующий — Брасид.

Таким образом, в обоих враждующих государствах сошли со сцены главные «ястребы», самые ярые сторонники продолжения военных действий. И в Афинах, и в Спарте возобладали политические группировки, стремившиеся к миру. Бурную деятельность на этом направлении развил Никий. Ему удалось добиться начала мирных переговоров. В их результате в 421 г. до н. э. был заключен договор (так называемый Никиев мир), который возвращал обе стороны к положению, существовавшему до начала войны.

Договор был рассчитан на пятьдесят лет, но в действительности мир не мог быть долгим и прочным. Ведь не было устранено ни одно из противоречий, которые имелись между спартамцами и афинянами. По сути дела, Элладе была дарована всего лишь небольшая мирная передышка. Продолжалась она только несколько лет, да и в это время как Афинская архэ, так и Пелопоннесский союз готовились к новым военным кампаниям. Под прикрытием Никиева мира начинали уже происходить стычки, вначале небольшие, потом все более интенсивные; однако официально афино-спартанский договор пока отменен не был.

В это время на политической сцене Афин появилось и сразу стало играть выдающуюся роль новое действующее лицо. Молодой Алкивиад, двоюродный племянник покойного Перикла³, достигнув тридцатилетия (с этого возраста разрешалось избираться на пост стратега и на другие высшие должности), сразу стал активно участвовать в государственной жизни полиса.

Алкивиад, которому предстояло стать главным героем (хотя и далеко не всегда положительным) Пелопоннесской войны, был личностью исключительно яркой и в то же время крайне противоречивой. Вот как характеризует его римский историк I в. до н. э. Корнелий Непот, написавший книгу о знаменитых греческих полководцах: *«Кажется, природа, создавая этого человека, испытала, на что она способна. Недаром все писавшие о нем согласны в том, что никто не мог сравниться с ним ни в пороках, ни в добродетелях. Родился он в знаменитейшем государстве и в знатнейшем роде, превосходил всех своих современников красотой, был обилён умом и способен ко всякому делу (и на море, и на суше проявил он себя как великий полководец); в искусстве слова не уступал он лучшим ораторам — речь и внешность его производили такое впечатление, что никто не мог тягаться с ним в споре; был он также богат и, когда требовали*

³ И родной племянник его первой жены. Алкивиад, как и Перикл, по материнской линии происходил из рода Алкмеонидов.

обстоятельства — трудолюбив и терпелив; был он щедрым, блистательным в обиходе и во всем образе жизни, обходительным, обаятельным и умеющим ловко приноровиться к случаю; и он же в свободное время, когда дела не требовали душевного напряжения, оказывался изнеженным, беспутным, сластолюбивым и разнузданным, так что все дивились, как в одном человеке уживаются такие противоречия и такие разные природные свойства» (Корнелий Непот, Алкивиад, 1).

С многочисленными и несомненными талантами Алкивиада сочетались отрицательные качества: непомерное тщеславие, властолюбие, цинизм, беспринципность. Во всем он придерживался принципа «цель оправдывает средства»; моральных ограничений для него как будто совсем не существовало, собственная воля была превыше всего. Алкивиад являл собой редкостный пример аристократа-демагога. По сути дела, он занял в Афинах ту политическую нишу, которая пустовала со времен гибели Клеона, и считался вождем радикальных демократов. Впрочем, «благо народа» всегда оставалось для него лишь пропагандистским лозунгом, ширмой, за которой скрывались его огромные личные амбиции. Он хотел быть первым — первым во всем, чего бы это ни стоило.

Теперь именно Алкивиад стал главным противником умеренного и осторожного Никия. Никий выступал как миротворец — Алкивиад, наоборот, призывал к возобновлению войны. В 415 г. до н. э. судьбу двух политиков должен был решать остракизм. Но когда черепки после голосования подсчитали, итог оказался совершенно неожиданным: большинство граждан высказалось за изгнание не Алкивиада и не Никия, а третьего лица — демагога Гипербола. Ему-то и пришлось покинуть полис, а два непримиримых соперника остались на родине и продолжали враждовать. Внутренняя напряженность не была снята. Афиняне были так удивлены и возмущены подобным ходом событий, что после этого совсем перестали применять остракизм.

В том же году Алкивиад выдвинул инициативу самой крупномасштабной за все время Пелопоннесской войны операции Афин — морской экспедиции на Сицилию. Планы полководца предусматривали не больше и не меньше как полное завоевание этого огромного острова и прежде всего взятие крупнейшего из сицилийских городов — Сиракуз. Сиракузы были сильным демократическим полисом, по величине и военной мощи лишь немного уступали самим Афинам, при этом поддерживали тесные связи со своей метрополией — Коринфом.

Овладение Сицилией, как считал Алкивиад, решит все стратегические задачи афинян: обеспечит им гегемонию в Греции, обезвредит Пелопоннесский союз. При этом казалось, что операцию удастся осуществить, избежав вмешательства Спарты. Ведь условия Никиева мира непосредственно не нарушались: сицилийские полисы не были членами Пелопоннесского союза.

Тщетно пытался Никий противодействовать замыслам Алкивиада, убеждая афинский демос в том, что попытка захвата Сицилии — авантюра, обреченная на провал. Доводы его соперника звучали убедительнее. Плутарх (Алкивиад, 17) пишет: *«Своими упованиями он (Алкивиад) быстро воодушевил и увлек молодых, старики рассказывали им о чудесах и диковинках, которые они увидят в походе, и повсюду в палестрах⁴ и на полукружных скамьях во множестве собирались люди, чертили на песке карту острова, обозначали местоположение Африки и Карфагена»*. Ведь молодой полководец обещал согражданам, победив на Сицилии, повести их дальше — и на Карфаген, и на Италию...

В конце концов народное собрание приняло решение о начале экспедиции, о подготовке для нее мощного флота и армии вторжения. Во главе вооруженных сил были поставлены в ранге стратегов инициатор всего предприятия Алкивиад, а также — вот очередной парадокс афинской демократии — его главный оппонент Никий, который, очевидно, должен был сдерживать чрезмерное рвение своего энергичного коллеги.

Незадолго до отплытия флота в Афинах было совершено религиозное преступление, омрачившее всеобщую эйфорию. Как-то ночью неизвестные лица изуродовали **гермы** — стоявшие на улицах и перекрестках города изображения бога Гермеса. Враги Алкивиада — в основном это были завидовавшие ему демагоги — обвиняли его и его сторонников в этом кощунстве. Кроме того, поступил донос, что в доме Алкивиада и под его руководством совершалось еще одно нечестивое деяние — пародировались Элевсинские мистерии, глубоко чтимый священный обряд.

Алкивиад настаивал на своей невиновности и требовал немедленного разбирательства дела в суде. Однако следствие затянулось, а тем временем огромная афинская армада, состоявшая из 136 кораблей, отбыла на запад. Но как только флот прибыл к сицилийским берегам и начал там военные действия, Алкивиад был отозван в Афины на судебный процесс по делу о повреждении герм. Понимая,

⁴ Палестры — в Древней Греции помещения для занятий спортом.

что его наказание и, возможно, даже казнь (поддерживавшее его войско было далеко, на Сицилии, а в городе набрали силу его недоброжелатели), самый талантливый и энергичный из афинских полководцев предпочел не возвращаться на родину. Он бежал и вскоре перешел на сторону Спарты. В Афинах его заочно приговорили к смерти, а имя его было проклято жрецами.

Сицилийская экспедиция продолжалась, но потеря Алкивиада фактически обезглавила ее. По иронии судьбы командующим афинскими силами остался Никий, убежденный в неизбежном провале всей операции. Что он мог сделать при таких пораженческих настроениях? Около двух лет Никий безуспешно и чрезмерно вяло осаждал Сиракузы. Сиракузяне обратились за содействием в Спарту, и лакедемонские власти, разорвав мир с Афинами, прислали на помощь осажденным отряд под командованием спартиата Гилиппа.

Гилипп проявил себя блестящим организатором. Он укрепил обороноспособность Сиракуз, поднял боевой дух их жителей и сумел нанести поражение пошедшему на штурм города афинскому войску. Не поправило дела Никия и прибывшее к нему подкрепление — еще 65 кораблей. После нескольких битв на суше и на море в 413 г. до н. э. флот афинян оказался полностью разгромлен, а сухопутная армия, начавшая отступление от Сиракуз, настигнута и уничтожена. Сам Никий был взят в плен и казнен.

Поражение на Сицилии стало страшной катастрофой для Афин, подорвавшей их силы. Было потеряно около 200 военных судов, 10 тысяч гоплитов, то есть треть всего полисного ополчения. Часть афинских воинов погибли в сражениях, других обратили в рабство и отправили на сиракузские каменоломни. Кроме того, на окончившуюся полным крахом авантюру были напрасно потрачены огромные денежные средства.

Полностью оправиться от перенесенного потрясения «город Паллады» так и не смог. Сицилийская экспедиция стала переломным пунктом в ходе Пелопоннесской войны: отныне стратегическая инициатива перешла к Спарте.

Брожение умов

Уже с самых первых лет войны стало несомненным, очевидным для всех фактом катастрофическое падение нравов в греческих государствах. Это, в частности, не ускользнуло от внимания самого

проницательного из античных историков — Фукидида, который к тому же был современником и очевидцем разворачивавшихся событий⁵. Приведем несколько выдержек из его труда, ясно показывающих, как низко пала Эллада во время крупнейшего межполисного конфликта.

«Сломленные несчастьем люди, не зная, что им делать, теряли уважение к божеским и человеческим законам... В Афинах все больше начало распространяться беззаконие. Поступки, которые раньше совершались лишь тайком, теперь творились с бесстыдной откровенностью... Все ринулись к чувственным наслаждениям, полагая, что и жизнь и богатство одинаково преходящи... Ни страх перед богами, ни закон человеческий не могли больше удерживать людей от преступлений, так как они видели, что все погибает одинаково и поэтому безразлично, почитать ли богов или нет...» (Фукидид, II. 52–53).

«До такой неистовой жестокости дошла эта междоусобная борьба. Она произвела ужасное впечатление, особенно потому, что подобное ожесточение проявилось впервые... Война, учитель насилия, лишив людей привычного жизненного уклада, соответственным образом настраивает помыслы и устремления большинства людей и в повседневной жизни... Изменилось даже привычное значение слов в оценке человеческих действий. Безрассудная отвага, например, считалась храбростью, готовой на жертвы ради друзей, благородная осмотрительность — замаскированной трусостью, умеренность — личиной малодушия, всестороннее обсуждение — совершенной бездеятельностью. Безудержная вспыльчивость признавалась подлинным достоинством мужа. Забота о безопасности была лишь благовидным предлогом, чтобы уклониться от действия. Человек, носящий других и вечно всем недовольный, пользовался доверием, а его противник, напротив, вызывал подозрения. Удачливый и хитрый интриган считался проницательным, а распознавший заранее его планы — еще более ловким...»

Политические узы оказывались крепче кровных связей, потому что члены гетерий скорее шли очертя голову на любое опасное дело. Ведь подобные организации отнюдь не были направлены ко благу общества в рамках, установленных законами, но противозаконно служили лишь для распространения собственного влияния в своеко-

⁵ Фукидид был афинским стратегом, но, допустив ошибку при проведении одной из военных операций в 424 г. до н. э., подвергся изгнанию из Афин. Находясь на чужбине, он и написал свой исторический труд.

рыстных целях. Взаимная верность таких людей поддерживалась не соблюдением божеских законов, а, скорее, была основана на совместном их попирании... Отомстить за обиду ставилось выше, чем избежать обиды. Взаимные клятвы, даваемые для примирения, обе стороны признавали лишь средством для того, чтобы выиграть время в трудном положении, и считали себя связанными ими лишь до тех пор, пока не соберутся с силами для новой борьбы... Причина всех этих зол — жажда власти, коренящаяся в алчности и честолюбии. Отсюда истекает и жгучая страсть к соперничеству, когда люди предаются спорам и раздорам... Они утверждают, что борются за благо государства, в действительности же ведут лишь борьбу между собой за господство... Благочестие и страх перед богами были лишь пустым звуком, и те, кто совершал под прикрытием громких фраз какие-либо бесчестные деяния, слыли даже более доблестными» (Фукидид, III. 82).

Из процитированных строк действительно вырисовывается в высшей степени неприглядная картина. Война стала мощным катализатором внутрисполитических конфликтов. Распадалась солидарность граждан; во многих городах вспыхнула борьба между сторонниками демократии и олигархии; первые, как правило, опирались на поддержку Афин, а вторые — Спарты. Борьба эта велась с крайней ожесточенностью и зачастую выливалась в массовые кровопролития.

Сами воюющие стороны также отнюдь не церемонились друг с другом: зачастую подвергалось казни или обращалось в рабов все население захваченного города. Не спасал даже нейтралитет. Так, в 416 г. до н. э. афинский флот совершил поход против Мелоса — острова в южной части Эгейского моря. Мелос оставался одним из немногих государств, не примкнувших ни к одному из противостоящих блоков. Афиняне потребовали от островитян немедленно вступить в Архэ, а когда те с гордостью обреченных отказались, приступили к осаде и, естественно, вскоре взяли Мелос: силы были слишком неравны. Афинское народное собрание вынесло (кстати, по предложению Алкивиада) решение о бесчеловечной расправе с мелосцами: все взрослые мужчины были перебиты, а женщины и дети проданы в рабство.

Таких войн Греция еще не знала: даже борьба против персов в первой половине V в. до н. э. велась на более гуманных началах, хотя те и были «варварами», иноплеменниками. Ясно, что перед нами — симптом глубокого кризиса, причем кризиса прежде всего идеологического, разложения традиционной системы взглядов и ценностей.

Но кризисы такого рода не происходят в один момент: они зреют в течение длительного времени. Пелопоннесская война, конечно, ускорила падение нравов, однако само это падение подготавливалось задолго до нее: семена грядущих распрей были посеяны, когда Эллада находилась еще в состоянии мира.

В «Периклов век», когда еще никто и представить себе не мог ожидающие впереди бедствия, в греческих полисах впервые появились новые и странные люди. Это были странствующие учителя мудрости, переезжавшие из города в город, произносившие напыщенные и остроумные речи на площадях, собиравшие толпы слушателей и готовые за плату дать любому желающему уроки красноречия, искусства управления государством, а заодно и изложить в доступной форме все накопленные человеческой мыслью знания. Особенно много таких приезжих знаменитостей было в Афинах, где их деятельность всячески поощрялась Периклом, а потом — и его преемниками.

Афиняне старшего поколения, традиционного склада ума относились к этим учителям скептически и не без опаски, окрестив их пренебрежительным именем **софистов**, то есть «мудрствующих» (под этим названием они и вошли в историю). Но молодежь, особенно из знатных и богатых семей, слушала лекции софистов с восторгом. Во время Пелопоннесской войны их визиты в «город Паллады» не прекратились, а, пожалуй, даже участились.

Среди софистов были действительно крупные мыслители. В их числе следует назвать философа Протагора, оратора Горгия. Но подвизались в качестве софистов также и несколько десятков самонадеянных посредственностей, а то и просто шарлатанов.

Безусловно, у каждого из представителей софистического движения было какое-то свое собственное учение. Но всем этим учениям, несмотря на различия, был присущ ряд важных общих черт. Самое главное — в центре их теоретических построений находился человек. Как писал в одном из своих трудов Протагор (фр. B1 Diels-Kranz), *«человек есть мера всех вещей»* — это высказывание стало классическим.

Тезис Протагора знаменовал два исключительно значимых новшества. Во-первых, поворот философии к человеку. Философы предыдущих эпох занимались в основном проблемами внешнего физического мира, пытались открыть законы, по которым возникла и живет Вселенная. Дела человеческие не интересовали их, поскольку казались слишком «мелкими». Софисты же принципиально отказались от изучения мира, считая его непознаваемым. Особенно откро-

венно в этом смысле (может быть, с прямой целью шокировать публику) выразился Горгий, выдвинувший три положения: 1. Ничего не существует. 2. Если что-то и существует, то оно непознаваемо. 3. Если что-то и познаваемо, то невыразимо. Иными словами, изучать возможно только человека, его внутренний мир, взаимоотношения людей, жизнь общества. Да, собственно, только это и нужно для жизни.

Во-вторых, что вытекает из признания человека мерой всех вещей? Ведь нет же какого-то одного человека; есть множество людей, и у каждого — своя «мера», свои суждения, свое видение истины. А значит, все относительно, все субъективно. Нет никакой абсолютной истины, общей для всех; не существует объективных ценностей. Можно доказать или опровергнуть все что угодно — для этого следует лишь ловко подбирать аргументы (это называлось «сделать слабый довод сильным»).

Отсюда следует ряд особенностей учений софистов. Их прагматизм: истинно то, что полезно и выгодно. Их правовой нигилизм и культ силы: кто сумеет навязать оппоненту свою точку зрения, тот и прав. Афинские послы, ведя переговоры с осажденными мелосцами, цинично заявляли: *«Более сильный требует возможного, а слабый вынужден подчиниться»* (Фукидид, V. 89). Нет сомнения, что этому отстаиванию «права сильного» они научились у софистов.

Конечно, не стоит оценивать деятельность софистов только отрицательно. Они способствовали широкому распространению знаний в Греции. Ранние мыслители проповедовали свои идеи в узких кружках единомышленников, а софисты вынесли философию на улицы и площади. Эти всесторонне образованные люди, «энциклопедисты» и «просветители» тогдашнего мира, внесли вклад в развитие ряда наук (грамматики, теории государства и права и др.), фактически положили начало античному ораторскому искусству.

И все же в целом софисты способствовали подрыву традиционных полисных ценностей, кризису верований и морали, росту индивидуализма. Для них было характерно критическое отношение к общепринятому мировоззрению, особенно к религии. Протагор (фр. B4 Diels-Kranz) говорил: *«О богах я не могу знать, есть ли они, нет ли их»*.

Подобное вольнодумство и безбожие софистов породило в конце концов неприязнь к ним в массе афинского демоса, привыкшего мыслить по старинке. Это с особенной силой сказалось в годину бедствий, вызванных Пелопоннесской войной. Несчастье за несчастьем обрушивалось на «город Паллады»: страшная эпидемия, не-

удачи на полях сражений, увенчавшиеся полным провалом сицилийской экспедиции... Казалось, сами боги гnevаются на Афины за то, что в них безнаказанно живут и философствуют такие «нечестивцы», как Протагор. Как раз около 412 г. до н. э. этого софиста предали суду и приговорили к изгнанию из Афин.

Итак, в демократическом полисе начинались преследования и репрессии за инакомыслие. И это тоже было дурным знаком. Уходила в прошлое терпимость. Страсти накалялись... На протяжении Пелопоннесской войны афинян несколько раз охватывали настоящие приступы религиозной истерии. Достаточно вспомнить еще одно упоминавшееся выше судебное дело о «поругании святынь»: процесс против лиц, обвиняемых в повреждении герм. Хотя твердых доказательств их виновности так и не было представлено, многих осудили на казнь. И, не забудем, вынудили тем самым такого талантливого полководца, как Алкивиад, перейти на сторону врага. Понятно, что все это шло отнюдь не на пользу общему делу, подрывало единство и сплоченность граждан государства.

Бороться судами и приговорами против идейных новшеств, даже неприятных, было бесполезно. Идее следовало противопоставить идею. И как раз в это время в Афинах появился мыслитель — один из самых ярких и оригинальных во всей истории человечества, — который решительно выступил против софистов. Его имя и по сей день известно каждому: это — Сократ (470–399 гг. до н. э.).

Сократ был непохож на софистов даже всем своим образом жизни. Софисты были богатыми, процветающими и важными — Сократ, человек небольшого достатка, ходил по городу в простой одежде, часто босиком, при этом никогда не брал денег с учеников. Софисты путешествовали — Сократ, коренной афинянин, почти никогда не покидал родного полиса. Софисты давали уроки в домах состоятельных молодых афинян — Сократ обычно вел свои беседы на улицах, в лавках, палестрах. Софисты произносили перед слушателями вычурные речи, не терпящие возражений, — Сократ блестяще разработал метод философского диалога: серией вопросов, на первый взгляд простых и наивных, а в действительности сложнейших, он доводил своего оппонента до признания неправоты его взглядов, а затем тем же путем доказывал справедливость собственной позиции. Софисты много писали — Сократ не оставил после себя никаких трудов, и с его учением мы знакомы лишь в пересказе его учеников: великого философа Платона и историка Ксенофонта.

Правда, большинство современников, как ни странно, не замечали принципиальной разницы между Сократом и софистами. Это

объясняется тем, что и тот и другие посвятили себя изучению одних и тех же проблем — человека и общества. Но вот решали эти проблемы они совершенно по-разному, хотя афинский мудрец воспринял все действительно ценное, что содержалось в учениях софистов.

Софисты утверждали, что все в мире относительно, — Сократ в противовес им доказывал существование объективной истины, которую к тому же можно, хотя и трудно, отыскать. Он учил, что есть обязательные для всех, неписанные моральные законы — законы добра и истины. Тот, кто их постигнет, не сможет уже совершать дурные поступки. Вот только дано это далеко не каждому: научиться нравственности могут лишь немногие, ибо это требует большой самоотдачи и искреннего стремления.

Эти взгляды Сократа определяли его политическую позицию. В отличие от софистов, которые по большей части были сторонниками демократии, он находил немало недостатков в этой форме правления и не боялся критиковать их. Особенное его неприятие вызывали непрофессионализм и некомпетентность полисного народоправства (нам уже знакомы эти черты). Он говорил: *«Глупо должностных лиц в государстве выбирать посредством бобов (то есть с помощью жребия), тогда как никто не хочет иметь выбранного бобами рулевого, плотника, флейтиста или исполняющего другую подобную работу, ошибки в которой приносят гораздо меньше вреда, чем ошибки в государственной деятельности»* (Ксенофонт, Воспоминания о Сократе, I. 2. 9).

Итак, столь характерная для античных демократий жеребьевка, по мнению Сократа, порочна по своей сути. Управлять полисом должен не кто угодно, а специалисты, люди знающие и тем самым «избранные». О массе же демоса это сказать никак нельзя. Не случайно афинский философ с некоторым презрением относился к простонародью. Вот как наставлял он одного из своих собеседников: *«Неужели ты стесняешься валяльщиков, баשמачников, плотников, кузнецов, земледельцев, купцов, рыночных торговцев, думающих только о том, чтоб им купить что-нибудь подешевле и продать подороже? А ведь из всех их и состоит народное собрание»* (Ксенофонт, Воспоминания о Сократе, III. 7. 6).

Таким образом, в учении Сократа были налицо элитарные, даже антидемократические элементы. С симпатией относился он к спартанским порядкам. Поэтому не удивительно, что к «босоногому мудрецу» тянулись, казалось бы, столь непохожие на него представители аристократической молодежи. Алкивиад в юности очень тесно общался с Сократом. Но Алкивиад, во всяком случае, на

словах был сторонником демократии. А вот другой ученик Сократа — Критий, тоже знатный аристократ, потомок древних афинских царей, — выступал как более откровенный олигарх, решительный противник демоса и горячий поклонник Спарты. Еще один близкий к Сократу человек — политик Ферамен — придерживался более умеренных взглядов, но народовластию тоже отнюдь не сочувствовал.

В целом участвовавшие военные неудачи, бесспорно, вели к внутреннему кризису в Афинах, к кризису демократии. Особенно после страшного поражения на Сицилии многие граждане начали ощущать, насколько вредно засилье демагогов, по инициативе которых зачастую принимались опасные для полиса решения. Нарастание элементов охлократии, авантюристическая внешняя политика вождей государства — все это стало вызывать отторжение. Дошло до того, что от демократических принципов отшатнулись те слои населения, которые не столь давно были их главной опорой, — среднезажиточные крестьяне, служившие в войске в качестве гоплитов. В первой половине V в. до н. э. именно эти люди внесли основной вклад в становление демократии, а теперь они видели, что от них мало что зависит, что тон в полисе задает «корабельная чернь». Да и перспективы продолжающейся войны представлялись безрадостными.

В Афинах нарастали олигархические настроения. Начали набирать силу сторонники примирения со Спартой. Да и вообще в идейной жизни царили растерянность и сумятица.

Олигархи начинают и... проигрывают

Спартанцы же после победы под Сиракузами ощутили радикальное изменение ситуации и принялись развивать свой успех. По совету перешедшего к ним на службу Алкивиада, который, естественно, прекрасно знал все слабые места афинян, они сменили тактику военных действий на суше. Периодические вторжения в Аттику оказались совершенно неэффективными, и поэтому в 413 г. до н. э. войска Пелопоннесского союза захватили и укрепили на ее территории постоянный плацдарм — крепость Декелею к северу от Афин. Там был размещен спартанский гарнизон, и тем самым в Афинах поддерживалось постоянное напряжение. Ведь теперь эвакуированные в город крестьяне не могли на зиму возвращаться в свои деревни, как раньше.

Однако Спарта начала осознавать: в конечном счете исход войны будет решен не на суше, а на море. Им не удастся одержать окончательной победы, пока у них не появится флот, сопоставимый по размерам с афинским. А для создания такого флота спартамцам были необходимы очень большие денежные средства, которыми они, естественно, не располагали. За финансовыми субсидиями, которые требовались для постройки кораблей и содержания их экипажей, спартанские власти обратились к давним врагам эллинов — персидскому царю (им в то время был Дарий II) и его сатрапам.

Персы, не сумевшие в свое время одолеть греческие государства открытым военным натиском, теперь действовали по отношению к ним, руководствуясь принципом «разделяй и властвуй». Естественно, Ахеменидам была только на руку распря между Афинами и Спартой, которые ослабляли друг друга. Персия с готовностью предоставила Спарте значительную денежную помощь, за это добившись ряда выгодных для себя уступок. Прежде всего она потребовала, чтобы полисы Малой Азии, отвоеванные у нее в ходе Греко-персидских войн, были снова возвращены под ее контроль.

Нелегко давалось спартамцам это решение. В Лакедемонии прекрасно понимали, что пойти на поводу у персов — значит, предать общегреческое дело. А ведь Спарта претендовала на гегемонию в Элладе — к лицу ли ей было пятнать себя столь неблагоприятными поступками? В конце концов было принято тайное решение: договор с персами заключить — деньги были крайне нужны, — но после окончания Пелопоннесской войны малоазийских греков им все же не отдавать и, если потребуется, дать Ахеменидам отпор.

В казну лакедемонян полилось персидское серебро, и уже в 412 г. до н. э. сильный спартанский флот вышел в Эгейское море. Одним из его командиров был Алкивиад, который должен был обучать спартиатов тактике морской войны — ведь те были совсем неопытны в таких делах.

Алкивиад показал удивительное умение приспосабливаться к любым обстоятельствам. Куда девалась его бывшая любовь к роскоши? Он совершенно преобразился. Как рассказывает Плутарх (Алкивиад, 23), *«чисто спартанскими привычками и замашками он окончательно пленил народ, который, видя, как коротко он острижен, как купается в холодной воде, ест ячменные лепешки и черную похлебку, просто не мог поверить, что этот человек держал когда-то в доме повара, ходил к торговцу благовониями или хоть пальцем касался милетского плаща»*.

Однако и со спартамцами Алкивиад не ужился. Уже вскоре многие из них стали его завистниками и недоброжелателями. Случайно узнав, что в Лакедемонне зреют замыслы его физического устранения, Алкивиад бежал из спартанского флота. Некоторое время он подвизался при дворе персидского сатрапа Тиссаферна, управлявшего частью Малой Азии.

Тем временем полисы, входившие в Афинскую морскую державу, почувствовали резкое ослабление своего гегемона и стали один за другим поднимать восстание и переходить на сторону пелопоннесцев. Вышли из союза с Афинами Хиос, Милет, города Эвбеи. Растерянные после сицилийской катастрофы афиняне ничего не могли поделать. Нужно было время, чтобы восполнить понесенные потери. К тому же ведь теперь в Эгейде действовал спартанский флот, поддерживавший отпавших афинских союзников.

К 411 г. до н. э. Архэ почти полностью распалась, поступления фороса прекратились, а это серьезно ударило по финансам Афин. Кроме того, был утрачен контроль над черноморскими проливами, по которым в Аттику поступал хлеб. Однако «город Паллады» был еще достаточно силен, чтобы снарядить новый флот взамен погибшего при Сиракузах и направить его на усмирение непокорных союзников. Афиняне отнюдь не собирались сдаваться; они настраивались на продолжение борьбы.

Но тут в дополнение к внешним трудностям пришли внутренние. Зашатались сами основы афинской демократии. Пошли разговоры о том, что народовластие приобрело слишком уж крайний, радикальный характер, что не худо было бы ограничить его, отодвинуть от управления беднейших граждан, «корабельную чернь». Спарта потому и одерживает победу за победой, говорили сторонники этой точки зрения, что в ней нет такой свободы и распушенности, как в Афинах...

Подняли голову антидемократические политические группировки — гетерии. Они существовали в Афинах и раньше, со времен Фукидида, сына Мелесия, но теперь они взяли прямой курс на свержение существующего государственного устройства и на установление олигархии. Кроме того, несколько десятков действовавших в Афинах небольших гетерий начали объединяться, чтобы успешнее бороться с демагогами. А вместе они представляли собой серьезную силу.

Первый шаг к ограничению демократии был сделан сразу после поражения на Сицилии. Афиняне учредили чрезвычайную коллегия, состоявшую из десяти специальных должностных лиц — **пробулов**.

Пробулами стали самые авторитетные граждане, в основном пожилого возраста⁶. Их полномочия были очень широки. Новые магистраты рассматривали все государственные дела перед их представлением в Совет Пятисот и народное собрание. Тем самым демос уже не был столь же полновластен и бесконтролен, как раньше.

В 411 г. до н. э. при содействии пробулов олигархические гетерии осуществили в Афинах государственный переворот. Произошло это следующим образом. Афинский флот под командованием стратегов находился на военной базе на острове Самос. Стратеги, узнав, что Алкивиад больше не со спартамцами, решили вновь переманить этого выдающегося полководца на свою сторону. В условиях дефицита талантливых лидеров это и действительно было бы хорошим подспорьем для Афин.

Алкивиад соглашался возвратиться, но ставил условие: в государстве должна быть ликвидирована та охлократия, которая приговорила его к смерти. Эмиссары от флота отправились в Афины и стали вести там агитацию за изменение политической системы, за отмену демократического правления. Они призывали к восстановлению «отеческого» государственного устройства, то есть такого, которое было до всех демократических реформ.

Олигархи всячески склоняли граждан на свою сторону, не останавливались перед запугиванием и даже перед устранением противников. Так, был тайно убит демагог Андрокл, возглавлявший в это время демократическую группировку. Такая же судьба постигла и другого видного демагога — Гипербола, который был изгнан острокизмом и жил на Самосе.

В конце концов народное собрание под давлением гетерий приняло официальное решение об уничтожении демократии. Таким образом, переворот свершился мирным путем, без кровопролитий. Был создан новый высший орган управления — олигархический совет, состоявший из четырехсот человек. Поэтому утвердившийся в 411 г. до н. э. в Афинах режим в науке обычно называют «режимом Четырехсот».

Все было сделано для того, чтобы отстранить самых бедных граждан от управления полисом. Отменили столь типичную для демократии плату за исполнение должностей, так что теперь их могли занимать только состоятельные граждане, как и во всех олигархических государствах. А самое главное — гражданский коллектив Афин был ограничен до пяти тысяч человек. Много это или мало?

⁶ В их числе, например, драматург Софокл, которому было в это время более 70 лет.

В «Периклов век» жителей Аттики, пользующихся гражданскими правами, было более 40 тысяч. После потерь в ходе Пелопоннесской войны их количество, естественно, значительно уменьшилось, но и теперь составляло около 25–30 тысяч. Иными словами, при новом строе большинство граждан было лишено своего статуса. В число пяти тысяч вошли богатые и зажиточные афиняне, не ниже средних крестьян, служивших в войске как гоплиты. Только они могли отныне участвовать в работе народного собрания. А те, кто был беднее, кто составлял собой ту самую «корабельную чернь», оказались полностью отсечены от политической жизни.

Но даже и «урезанную» экклесию из пяти тысяч олигархи не спешили собирать. Правительство Четырехсот решало все дела своей властью. Станный это был режим! Среди его вождей были самые разные, непохожие друг на друга люди. Идейным вдохновителем переворота и фактическим руководителем полиса стал оратор Антифонт, о котором, кстати, дает очень уважительный отзыв великий Фукидид (VIII. 68. 1): *«Это был человек, талантом и нравственными качествами не уступавший никому из своих современников, человек глубокого ума и выдающийся оратор»*.

Если Антифонт, по крайней мере, был человеком идеи, то о его соратниках даже и этого нельзя сказать. Другой видный олигарх — Писандр — еще совсем недавно слыл демагогом, ярким защитником демократии, а теперь из чисто своекорыстных мотивов поменял свои убеждения на противоположные. Еще один лидер Четырехсот — Фриних — был известен только своей ненавистью к Алкивиаду. Теперь он положил все свои силы на то, чтобы опальный полководец так и не смог вернуться в Афины, хотя, напомним, именно ради его возвращения была свергнута демократия. Вошел в новое правительство также и Ферамен, хотя ему, стороннику умеренной олигархии, установившиеся порядки представлялись слишком жесткими и суровыми, близкими к тирании, и он пытался бороться с особенно экстремистскими действиями Четырехсот.

Олигархи вовсе не были намерены продолжать войну со спартамцами. Напротив, вскоре после своего прихода к власти они направили в Спарту посольство и повели переговоры о скорейшем заключении мира, причем изъявляли готовность идти на очень серьезные уступки. Эта откровенно проспартанская направленность режима Четырехсот очень быстро полностью подорвала его популярность в среде афинян.

С самого начала олигархическому правительству решительно отказался подчиняться афинский флот, стоявший на Самосе. Мы

хорошо знаем, что именно он со времен Фемистокла традиционно являлся главной опорой демократии: ведь гребцами на триерах служили самые бедные граждане. Кстати, наверное, именно потому олигархия в Афинах установилась так легко и бескровно, что флота в это время не было в городе.

Моряки отстранили от власти своих стратегов, признавших режим Четырехсот, и избрали на их место новых, из своей среды, среди которых самую видную роль играл Фрасибул — решительный сторонник народовластия. Иными словами, флот фактически превратился в «полис на кораблях». Ничего удивительного в этом нет: нам уже известно, что в понимании древних греков «полис — это не стены, а люди». Получилось так, что существовало одновременно два афинских правительства, враждебных друг другу: олигархическое в самом городе и демократическое на Самосе.

Очень интересный факт: первое, что сделали демократы, руководившие флотом, — вступили в переговоры... с тем же Алкивиадом. Очевидно, все понимали, что в сложившихся тяжелых условиях только его таланты смогут спасти государство. Алкивиад, поняв, что с олигархами договориться ему не удастся, принял сторону демократии и прибыл на Самос. Моряки тут же избрали его стратегом, и он возглавил военно-морские силы Афин. При этом официально он по-прежнему считался преступником, приговоренным к смерти!

Да и в самой Аттике режим Четырехсот, просуществовав лишь четыре месяца, утратил всякую поддержку гражданского коллектива. Этим воспользовался Ферамен, возглавив движение за свержение этого режима. Его усилия увенчались успехом: Четыреста были отстранены от власти, их главари (и прежде всего Антифонт) преданы суду и казнены. Власть реально перешла в руки пяти тысяч граждан: на смену крайней олигархии пришла умеренная.

Тот строй, который утвердился теперь в Афинах, заслужил одобрение со стороны многих древнегреческих политических теоретиков. Фукидид (VIII. 97. 2) характеризует его так: *«Этот государственный строй (по крайней мере в ранний период) представляется самым лучшим у афинян (во всяком случае на моей памяти). Действительно, это было благоразумное смешение олигархии и демократии. Таким образом, это государственное устройство впервые вывело афинское государство из того тяжелого состояния, в котором оно находилось»*. С Фукидидом согласен и Аристотель (Афинская политика, 33. 2): *«В эту пору, по-видимому, у афинян было действительно хорошее управление: шла непрерывно война, и руководство государством принадлежало тем, кто обладал тяжелым вооружением»*.

Однако уже в следующем, 410 г. до н. э., и эта умеренная олигархия тоже прекратила существование. Классическим Афинам явно была более свойственна демократия, и она была восстановлена в полном объеме. Надолго ли? Ведь демагоги, вновь обретшие силу, как говорится, «ничего не забыли и ничему не научились».

Тридцать тиранов

Восстановление демократии совпало по времени с серьезными переменами на фронтах Пелопонесской войны. Позиции Афин резко улучшились. И прежде всего потому, что благодаря полководческому таланту Алкивиада афинский флот на протяжении нескольких лет смог одержать целый ряд блестящих побед над спартанским в разных регионах Эгеиды — в районе Черноморских проливов, у побережий Ионии и Фракии. Справедливости ради надо сказать, что Алкивиаду содействовали и другие полководцы — Фрасибул и избранный стратегом Ферамен. Но все-таки главный вклад в военные успехи, бесспорно, внес именно тот военачальник, который еще недавно считался врагом государства.

Многие полисы, отпавшие от Архэ, были вновь возвращены под власть Афин. Правда, взыскивать с них форос теперь уже не представлялось возможным, а афинский полис нуждался в деньгах. В поисках новых источников дохода Алкивиад, восстановив контроль над Черноморскими проливами, учредил там таможенную, в которой взималась пошлина со всех торговых судов, проходивших в Эгейское море из Понта Эвксинского и обратно. Кроме того, он поддерживал дружественные отношения с персидскими сатрапами Тиссаферном и Фарнабазом. Эти сановники державы Ахеменидов теперь оказывали финансовую помощь Афинам. Создавалось впечатление, что в войне вновь происходит перелом. Шансы «города Паллады» на конечную победу значительно возрастали.

В 407 г. до н. э. Алкивиад во всем блеске славы, во главе победоносного флота триумфально возвратился в родной город, где он не был уже восемь лет, со дня своего отплытия на Сицилию. Все граждане вышли встречать его в Пирейскую гавань. Как рассказывает Плутарх (Алкивиад, 32), *«все бежали к нему, выкрикивали его имя, приветствовали его, шли за ним следом, увенчивали венками, если удавалось протиснуться поближе, те же, кому этого не удавалось, старались разглядеть его издали; люди постарше показывали его молодым»*. Торжество и ликование было полное.

Алкивиаду были, конечно же, прощены все его бывшие прегрешения, смертный приговор отменен. Более того, афиняне вопреки всем своим обычаям, забыв о демократической коллегиальности, избрали его **стратегом-автократором**, то есть единоличным командующим вооруженными силами, и дали право самому назначать себе помощников по собственному усмотрению.

Алкивиад находился на вершине своей политической карьеры. Он был ближе, чем когда-либо, к положению фактического тирана Афин. Оставалось сделать последний шаг: официально установить тиранию. Но вот на это Алкивиад не пошел, не воспользовался удобными обстоятельствами. Вероятно, у него — как-никак родственника Перикла и ученика Сократа — оставались еще некоторые моральные «тормоза», не позволявшие открыто попирать существующие законы. Демократия и на этот раз устояла.

Вскоре Алкивиад вновь повел флот в Эгейское море для продолжения борьбы со Спартой. И тут-то в очередной раз выяснилось, насколько переменчив и непостоянен в своих симпатиях и антипатиях афинский демос. Недавнего кумира почти немедленно ждала новая опала. Сograждане считали его после одержанных побед каким-то полубогом, думали, что для него нет ничего невозможного. А он был всего лишь человеком, не застрахованным от ошибок, как и любой другой.

После первого же, причем незначительного поражения афинян, в котором к тому же Алкивиад не был повинен (его не было в тот момент при флоте), народное собрание тут же вынесло решение об отстранении стратега-автократора от должности. Какой-то злой рок, казалось, тяготел над героем: вопреки всем своим стараниям он всюду приобретал себе только врагов. Глубоко уязвленный, Алкивиад не вернулся больше в Афины, а удалился на Херсонес Фракийский, где у него были родовые владения.

Афинский демос в последние годы Пелопоннесской войны вообще вел себя в высшей степени нервно и невыдержанно. Опять начали нарастать элементы охлократии в управлении государством. Демагоги, ободренные победами, по-прежнему настаивали на борьбе с врагами «до победного конца», снова и снова толкали полис на принятие авантюрных, недостаточно взвешенных решений.

Когда Спарта, видя свои неудачи, возобновила мирные переговоры и предлагала выгодные для Афин условия, они были отвергнуты с порога: самый влиятельный из тогдашних демагогов — Клеофонт, — по рассказу Аристотеля (Афинская полития, 34. 1), «явился в народное собрание пьяный и одетый в панцирь» (вообще-то прихо-

дять в экклесию при доспехе и оружии строго запрещалось) и помешал заключению мира, говоря, что не допустит этого иначе как при условии, чтобы лакедемоняне вернули все города». И так вел себя фактический лидер государства, руководитель его политики!

Какая обстановка сложилась в Афинах — очень хорошо видно на примере инцидента, случившегося в 406 г. до н. э. Тогда была одержана последняя крупная морская победа над спартанцами — в сражении при Аргинусских островах, недалеко от берегов Малой Азии. Однако стратегов, выигравших бой и возвратившихся на родину, ожидали не слава и почести, а... суд. Их обвинили в том, что они не подобрали тела погибших афинских воинов для подобающего погребения. Это считалось тяжелым религиозным преступлением. Тщетно стратеги доказывали, что сделать это не удалось из-за бури, которая разыгралась сразу после сражения. Народное собрание, не вникая в суть дела, единым приговором осудило их на смерть. Кстати, среди казненных был Перикл-младший, сын знаменитого Перикла и Аспасии.

Перед нами — еще один образчик религиозной истерии, столь характерной для военных лет. Афинский демос собственными руками лишил себя тех военачальников, которые у него еще были, обезглавливал вооруженные силы полиса. Рано или поздно все это не могло не кончиться очень плохо. Так в конце концов и получилось.

Главную роль на завершающем этапе Пелопоннесской войны сыграл командующий спартанским флотом (**наварх**) Лисандр, выдающийся полководец. Он добился того, чтобы персы отказали Афинам в финансовой помощи и вновь стали активно поддерживать Спарту. А в 405 г. до н. э. он нанес афинянам решающее поражение в битве при речке Эгоспотама, на побережье Геллеспонта. Применив военную хитрость и воспользовавшись тем, что командиры противника были по большей части совершенно некомпетентны (иных в Афинах уже не осталось), Лисандр внезапным ударом захватил врагов врасплох прямо на корабельной стоянке и наголову разгромил их. Лишь одному из афинских стратегов — Конону — удалось с несколькими триерами спастись бегством.

Дело при Эгоспотамах стало событием, предрешившим исход всего многолетнего военного столкновения. На море теперь всецело господствовала Спарта, и у афинян не было сил, чтобы противостоять ей. У Лисандра впервые появилась возможность осадить Афины не только с суши, но и с моря, полностью блокировать их и отрезать доступ продовольствия. Нечего и говорить, что он этой возможностью немедленно воспользовался.

Флот спартанского наварха встал у Пирейской гавани. В это же время сухопутное пелопоннесское войско, выйдя из Декелии, окружило Афины. Теперь для «города Паллады» были бесполезны даже Длинные стены. Осада продолжалась несколько месяцев. Начался голод. В среде афинских граждан вновь росло недовольство демагогами, которые довели государство до такого состояния. Клеофонта предали суду и казнили. Возобновили свою подрывную деятельность антидемократические гетерии.

Возросло влияние «умеренного» Ферамена, который убеждал афинян в невозможности дальнейшего сопротивления. В 404 г. до н. э. город, изнуренный осадой, вынужден был капитулировать. Победители-спартанцы продиктовали очень жесткие и суровые условия мира.

Согласно этим условиям, Афинская морская держава распускалась. Афинский флот (точнее, то, что от него еще оставалось) подлежал уничтожению. Должна была быть скрыта наиболее важная часть оборонительных укреплений, в том числе Длинные стены. Афины обязывались признать гегемонию Спарты в Греции. Город, который еще недавно блистал как «школа Эллады», ее крупнейший политический центр, столица обширной симмахии, превратился в рядовой полис.

Таков был исход Пелопоннесской войны. Каковы же причины конечного (и полного) поражения Афин в этом межэллинском конфликте? Ведь военные действия по большей части шли, в общем-то, на равных.

Главной из этих причин была, конечно, внутренняя непрочность Афинской архэ. Непомерная эксплуатация союзников порождала в их среде сепаратистские устремления, и эти устремления не замедлили открыто проявиться при первых же признаках ослабления Афин. Пелопоннесский союз был построен на более мягких началах. На первый взгляд его структура казалась рыхлой, но именно добровольное членство полисов в этой симмахии делала ее по-настоящему прочной.

Далее, афинский демос был настолько вдохновлен большими успехами, достигнутыми в предвоенный период, что явно переоценил свои силы. В ходе войны Афины допустили ряд серьезнейших стратегических и тактических ошибок; зачастую давали о себе знать авантюризм и излишняя нервозность. Внешним успехам, бесспорно, не способствовали постоянные внутривнутриполитические кризисы, вспышки стасиса. Нельзя не отметить еще и то, что известную роль в победе Спарты сыграла финансовая помощь, оказанная ей персами.

Но и после поражения в Пелопоннесской войне мытарства Афин не закончились. Вскоре после заключения мира в город прибыл Лисандр. Выступая в народном собрании, суровый наварх обвинил афинян в том, что условия мирного договора выполняются недостаточно быстро, и потребовал ликвидации демократического устройства полиса. Взявший слово после него Ферамен убеждал сограждан в том, что у них не остается другого выхода, кроме как подчиниться. Так афинская демократия во второй раз менее чем за десятилетие временно прекратила существование.

Вся полнота власти была передана коллегии из тридцати олигархов, ярых приверженцев Лакедемона. Ее поддерживали антидемократические гетерии, но главной опорой олигархического режима стал размещенный в Афинах спартанский гарнизон.

В коллегии Тридцати вначале ведущую роль играл Ферамен, но со временем на первое место в нем выдвинулся Критий. Этот афинянин заслуживает того, чтобы сказать о нем несколько слов. Он был, как мы уже знаем, учеником Сократа, но, впрочем, потом поссорился со своим учителем. Умный и образованный человек, талантливый писатель и философ, Критий в то же время являлся жестоким и циничным политиком, убежденным, идейным противником любой формы народовластия и горячим поклонником спартанских порядков.

Новые правители, по словам Аристотеля (Афинская полития, 35. 2–3), *«первое время... проявляли умеренность по отношению к гражданам... С самого начала они держались такого образа действий, устраняли сикофантов и людей, подлаживавшихся в речах своих к народу вопреки его настоящим интересам, аферистов и негодяев, и государство радовалось этому, думая, что они делают это из высших интересов»*. Но со временем всем стала ясна истинная сущность режима, по сравнению с которым правление Четырехсот в 411 г. до н. э. показалось «цветочками». Тридцать перешли к террору и репрессиям; вскоре они по справедливости получили от сограждан прозвище «Тридцать тиранов».

Переломным моментом стал конфликт между двумя лидерами олигархов — Фераменом и Критием. Ферамен, враг любых крайностей, был возмущен экстремистскими мерами правящей коллегии и открыто протестовал. В ответ на это Критий приказал схватить и казнить своего оппонента. Теперь он стал фактическим главой полиса, и никто не мешал ему всеми силами мстить демократии, к которой он имел личные счеты: несколько лет назад демос приговорил его к изгнанию из Афин.

Политика «Тридцати тиранов» являлась откровенно проспартанской и олигархической, даже без малейшего намерения маскироваться под народовластие. Вновь были лишены гражданских прав небогатые афиняне. Количество граждан было сокращено на этот раз даже не до пяти, а до трех тысяч жителей. У тех, кто не вошел в это число, было отнято оружие, а сами они высланы из города в сельскую местность.

Но самым страшным была, конечно, череда казней. Стремясь запугать своих противников, олигархи убивали, порой без суда и следствия, всех неугодных им лиц, в первую очередь тех, кто придерживался демократических убеждений. По инициативе Крития руками наемных убийц был устранен Алкивиад, живший в это время в персидских владениях. Многие демократы, пытаясь сохранить жизнь и продолжать борьбу, бежали из Аттики. Такими беженцами переполнились соседние полисы — Фивы и Мегары.

Коллегия Тридцати расправлялась не только с теми, в ком видела врагов. Нередко олигархи избирали своими жертвами ни в чем не повинных людей в надежде поживиться их богатством. Так, однажды было принято решение казнить самых богатых метэков — просто для того, чтобы конфисковать их имущество в казну. На случай, если их все-таки выдворят из города, «Тридцать тиранов» подготовили себе убежище в Элевсине. Этот маленький городок на западе Аттики был укреплен, а все его жители отведены в Афины и опять же перебиты, — естественно, без всякой вины с их стороны, а просто чтобы «расчистить место». Всего за время правления новой олигархии — а оно не продолжалось и года — лишились жизни более полутора тысяч человек.

Понятно, что подобный разгул беззакония не мог длиться долго. Неизбежно было возмездие. В 403 г. до н. э. бежавшие из Афин сторонники демократии сумели сплотиться в сильный вооруженный отряд и со стороны Фив вступили в Аттику. Ими командовал полководец Фрасибул, прославившийся еще во времена Пелопоннесской войны. Вначале повстанцы укрепились в небольшой крепости Фила на границе области, а вскоре внезапным ударом захватили такой важный стратегический пункт, как Пирей.

«Тридцать тиранов», ощущая, что их власть пошатнулась, решили разгромить демократов в открытом бою и вывели против них войско. Но первая же битва закончилась полным поражением олигархов и гибелью Крития. Остальные главари режима, видя, что их дело полностью проиграно, ушли в Элевсин. Даже спартанцы, шокированные террористическим правлением Тридцати, перестали их поддерживать и вывели свой гарнизон из Афин.

Фрасибул при ликовании демоса вступил в город; демократия была торжественно восстановлена. Для того чтобы немедленно прекратить гражданские смуты, народное собрание приняло закон о всеобщей амнистии. Граждане обязывались не держать друг на друга зла за то, что одни из них совсем недавно защищали олигархию, а другие боролись против нее.

Амнистия не распространялась только на самих «Тридцать тиранов» и на их ближайших приспешников. Они засели в Элевсине. Туда же было разрешено переселиться тем из афинян, которые никак не могли примириться с возрождением народовластия. Таким образом, Аттика на некоторое время разделилась на два полиса: демократический — Афины и олигархический — Элевсин. Но через два года Элевсин был воссоединен с государством; при этом владевшие им олигархи частью были убиты, частью скрылись.

Таким образом, и вторая попытка свержения демократии тоже оказалась безуспешной, хотя на этот раз, казалось бы, олигархам многое благоприятствовало. Демократический политический строй, несмотря на все беды и невзгоды, оказался по-настоящему прочным и сильным, продолжал пользоваться поддержкой в широких слоях гражданского коллектива. Кровопролитная внутренняя борьба в Афинах надолго прекратилась.

Экскурс 4

Демократия и закон

В IV веке до н. э. (а мы как раз уже вплотную приблизились к нему) Аристотель посвятил часть одного из главных своих трудов — трактата «Политика» — классификации различных форм демократии. Он выделил несколько типов демократического государственного устройства, а среди них особенно подробно остановился на демократии крайней, или радикальной. Какие же основные черты этой политической системы отмечает великий философ?

По словам Аристотеля (Политика, IV. 1292a5 слл.), при крайней демократии *«верховная власть принадлежит не закону, а простому народу. Это бывает в том случае, когда решающее значение будут иметь постановления народного собрания (то есть псефисмы), а не закон. Достигается это через посредство демагогов. В тех демократических государствах, где решающее значение имеет закон, демагогам нет места, там на первом месте стоят лучшие гражд-*

дане; но там, где верховная власть основана не на законах, появляются демагоги. Народ становится тогда единодержавным... В этом случае простой народ, являясь монархом, стремится и управлять по-монаршему (ибо в этом случае закон им не управляет) и становится деспотом (почему и льстецы у него в почете), и этот демократический строй больше всего напоминает из отдельных видов монархии тиранию: поэтому и характер у них один и тот же: и крайняя демократия, и тирания поступают деспотически с лучшими гражданами; постановления такой демократии имеют то же значение, что в тирании распоряжения... Решающее значение предоставляется не законам, а постановлениям народа, так как демагоги отдают на его решение всё. И выходит так, что демагоги становятся могущественными вследствие сосредоточения верховной власти в руках народа, а они властвуют над его мнениями, так как народная масса находится у них в послушании. Сверх того, они, возводя обвинения на должностных лиц, говорят, что этих последних должен судить народ, а он охотно принимает обвинения, так что значение всех должностных лиц сводится на нет.

По-видимому, такого рода демократии можно сделать вполне основательный упрек, что она не представляет собой государственного устройства: там, где отсутствует власть закона, нет и государственного устройства. Закон должен властвовать над всем... Таким образом, если демократия есть один из видов государственного устройства, то, очевидно, такое состояние, при котором все управляется постановлениями народного собрания, не может быть признано демократией в собственном смысле».

«Водораздел» между крайней демократией и любой другой для Аристотеля пролегает в следующей точке: во всех остальных видах демократического устройства верховная власть принадлежит закону, а в крайней демократии — народу. В другом месте «Политики» (IV. 1296b28 слл.) встречаем еще одну важную характеристику: «Если перевес будет на стороне массы земледельцев, то возникнет первый из видов демократического строя (то есть умеренная демократия), а где перевес на стороне ремесленников и поденщиков, там образуется крайний из видов демократического строя».

Создается полное впечатление, что, описывая радикальную демократию, философ имел в виду конкретный полис и конкретную эпоху. Перед нами — как будто живая картинка Афин времен Пелопоннесской войны. Совпадает буквально всё. И преобладание беднейшей части граждан («корабельной черни») над крестьянами среднего достатка. И засилье демагогов, которые манипулируют волей

народа по своему усмотрению. И беспричинные расправы над людьми достойными...

Что и говорить, Аристотель дает крайней демократии очень низкую, негативную оценку. По его мнению, это даже и не демократия вовсе. Более того, ее вообще нельзя назвать государственным устройством. А ближе всего она к тирании. Разница только в том, что в роли тирана, монарха выступает не одна личность, а весь демос; в остальном же способ правления один и тот же: бесчинство, произвол, деспотизм.

Что же в глазах мыслителя роднило крайнюю форму демократии с тиранией — с той политической системой, которая в классическую эпоху уже повсеместно вызывала неприязнь? Главное сходство подчеркивается в «Политике» снова и снова: в обоих случаях отсутствует власть закона. Закон — не во главе всего, как следовало бы; выше него стоит при тирании — единоличный правитель, при демократии — демос. Демос управляет государством, принимая в народном собрании псефисмы, которые оказываются выше самих законов.

Для Аристотеля это было принципиально. Но вот в реальной политической жизни Афин V в. до н. э. строгое значение между законом и псефисмой вообще не проводилось. Всякая псефисма, если за нее проголосовало большинство, обретала силу закона. Всякий новый закон, если его нужно было ввести, мог быть введен только в форме псефисмы.

Это, конечно, порождало различные неудобства. Получалось, что один и тот же статус имело и решение самого принципиального характера (например, закон о том, кто может, а кто не может быть афинским гражданином), и постановление, принятое по какому-нибудь самому частному поводу (скажем, награждение того или иного политика почетным золотым венком за заслуги перед полисом). Кроме того, количество таких законов-псефисм все нарастало и нарастало. Экклесия буквально «штамповала» их на каждом своем заседании. Они вырезались на каменных плитах и выставлялись на публичное обозрение в общественных местах города, чаще всего на Агоре. Но кто мог прочесть все эти документы, кто мог их хорошо знать? Тем более, что профессиональных юристов в Афинах не существовало.

А ведь там, где нет хорошего знания законов, не может быть и эффективного управления. Народное собрание принимает псефисму; где гарантия, что она не вступает в прямое противоречие с какой-нибудь из принятых раньше? А если вступает, то окажется,

что в государстве отныне будут действовать два законодательных акта противоположного содержания, и какому же из них следовать?

Строго говоря, за этим должна была следить гелиея. Мы уже знаем, что в ней можно было опротестовать псефисму, противоречащую существующему законодательству, и тогда судьи-присяжные отменяли такое постановление. Но ведь афинские дикасты знали законы и право ничуть не лучше, чем все остальные граждане. Им просто не под силу была возложенная на них задача — обеспечить, чтобы все законы согласовывались друг с другом. И в результате многие никак не согласовывались... В Афинах, по сути дела, не было единого законодательного свода, который мог бы стать основой дальнейшего правотворчества.

Нередко находились в небрежении даже древние, освященные опытом поколений законы Драконта и Солона. Справедливости ради нужно сказать, что пользоваться этими законами в V в. до н. э. стало уже довольно затруднительно. Они были записаны на так называемых кирбах и аксонах — деревянных досках, вставленных во вращающиеся рамы. Дерево — не самый долговечный материал. За полтора века своего существования доски пришли почти в полную негодность, и прочитать что-то на них оказывалось под силу далеко не каждому. Поэт Кратин — современник Перикла, — подшучивая над плохим состоянием кирб, писал (фр. 274 Kock):

Клянусь Солоном и Драконтом — кирбы их
Пригодны, чтоб на них сушить теперь горох.

Конечно, такая ситуация была ненормальной, и со временем афиняне это осознали. Переломным моментом стал антидемократический переворот 411 г. до н. э. Олигархия Четырехсот, как мы помним, пришла к власти без всякой внешней поддержки и вполне мирным путем. Выяснилось, что демократия не обладает надежными правовыми механизмами, которые гарантировали бы ее сохранение и предохраняли бы ее от уничтожения. А таким механизмом мог стать только закон.

В результате сразу после свержения Четырехсот начали применяться активные меры, направленные на упрочение законности в жизни полиса. Авторитет законов нужно было восстановить, сделать его незыблемым. Выражаясь современным языком, зарождалась идея правового государства (хотя самого этого понятия в античности еще не существовало).

Прежде всего нужно было разобраться, что в действительности является законом, а что — нет. В том, что великие законодатели прошлого — Драконт и Солон — составили именно законы, а не что-либо иное, — в этом ни у кого сомнения не возникало. А вот стоило ли считать законом любую, самую незначительную псефисму народного собрания, даже если она гордо красовалась на Агоре, вырезанная на мраморной плите? Это был еще вопрос. Одним словом, возникала необходимость ясно очертить круг настоящих законов, законов в полном смысле слова, чтобы впредь уже не путать закон с «не-законом».

Отстранив от власти правительство Четырехсот, *«афиняне учредили законодательные комиссии»* — об этом сообщает Фукидид (VIII. 97. 2). Начался общий пересмотр существующих узаконений. Главной целью работы было придать законам такой вид, чтобы ими можно было пользоваться, — полуистлевшие деревянные доски для этой цели явно не подходили.

До наших дней, к счастью, сохранился один из продуктов деятельности законодательных комиссий. Это — большая плита, на которую тщательно, четким и разборчивым шрифтом был перенесен с аксонов текст закона Драконта об убийстве, о наказаниях, предписанных за это преступление, о порядке проведения судебного процесса над убийцей. Исследование памятника показало, что при переписывании закона старались быть скрупулезно точными, сохранять все формулировки, даже если они и казались устаревшими. Уже знакомый нам консерватизм...

Аналогичная процедура была проделана и с законами Солона. И членам комиссий, и рядовым писцам, несомненно, пришлось порядком потрудиться. Нужно было, во-первых, разобрать стершиеся письма на аксонах, к тому же еще и сделанные старинным, уже неупотребительным письмом. При этом приходилось проявлять постоянное внимание: как бы не допустить ошибки! Ведь законы должны стать воистину священными, в них нельзя изменить ни йоты⁷. А во-вторых, очень трудоемким было и само перенесение законов на мрамор. Ведь нужно было заполнить ими десятки плит.

Не удивительно, что пересмотр законов растянулся примерно на десять лет. Да и время для этого было не самое благоприятное: шел последний период Пелопоннесской войны, афиняне терпели пораже-

⁷ Стремление сохранить законы совершенно неизменными видно в том, что на каменные плиты были перенесены даже заголовки: «Первый аксон», «Второй аксон» и т. д.

ния. А потом демократия была вновь свергнута. Впрочем, даже «Тридцать тиранов» не приостановили законодательную реформу, а лишь на время придали ей иное направление. Естественно, получившие власть над Афинами крайние олигархи в первую очередь заботились о «переиздании» тех законов, которые были выгодны им.

После восстановления демократического устройства работа была продолжена и вскоре завершена. Теперь афинский полис имел полный свод законов, получивший каноническую, нормативную форму. Почти сразу после свержения Тридцати и провозглашения амнистии народное собрание приняло следующий декрет:

«Афинянам иметь государственный строй согласно установлениям отцов; законами пользоваться Солоновыми, и его же мерами и весами; пользоваться также установлениями Драконта, теми именно, какими мы пользовались в прежнее время... Разрешить также любому частному лицу являться в Совет и советовать все, что он сможет хорошего, относительно законов... Пусть Совет Ареопага заботится о законах, чтобы власти соблюдали установленные законы... Неписаным законом властям не пользоваться ни в каком случае. Ни одному постановлению ни Совета, ни народа (то есть ни одной псефисме) не иметь большей силы, чем закон» (Андокид, I. 83–87).

Особенно пристальное внимание нужно уделить именно этим последним словам. Они показывают, что теперь афиняне уже понимали разницу между законом и псефисмой. Закон имеет общий характер, действует долговременно и прилагается к различным ситуациям. Псефисма — постановление, выражающее волю демоса по конкретному вопросу. В восстановленной демократии закон был решительно поставлен над псефисмой. Закону обязаны подчиняться все; именно он, а не демос — истинный господин государства.

К этой идее «власти закона» Афины пришли долгим, выстраданным путем, через невзгоды на полях сражений, через внутренние смуты и кровопролития. Демократия становилась более умеренной и стабильной, отказывалась от крайних, радикальных и даже экстремистских черт, пыталась положить конец господству безответственной толпы и засилью демагогов.

Глава V

ТЕПЛЫЙ ВЕЧЕР

За расцветом — кризис

Пелопоннесская война закончилась. По большому счету можно сказать, что в ней вообще не было победителя, что от нее не выиграла, а проиграла вся Эллада. Длительный вооруженный конфликт сыграл огромную отрицательную роль в истории греческого мира, положил начало нарастанию кризисных явлений во всех без исключения полисах. В Греции практически не было региона, который не пострадал бы от продолжавшихся из года в год военных кампаний, сопровождавшихся гибелью людей, разорением сельскохозяйственных угодий, разрывом торговых связей, бессмысленными тратами колоссальных денежных средств.

Война оказала негативное воздействие на внутривнутриполитическую ситуацию в эллинских государствах, которая стала более нестабильной; участились гражданские смуты и перевороты. На внешнеполитической арене объективной тенденцией стала нарастающая раздробленность, невозможность объединить силы даже перед лицом серьезных угроз. Одним словом, Греция вышла из многолетнего испытания существенно ослабленной. В этом смысле Пелопоннесскую войну следует признать исключительно важной вехой античной истории, но вехой, так сказать, со знаком «минус». Она знаменовала собой некий рубеж эпох.

Так совпало, что сразу после Пелопоннесской войны греческий мир перешел из V века до н. э. в век IV. Совпадение, конечно, случайное, но глубоко символичное. Два столетия были совершенно непохожи друг на друга. Остался позади «золотой век» Эллады, время ее высшего процветания. Наступал век кризиса. Именно так, кстати, он воспринимался и самими греками IV века до н. э.: они

рассматривали свою эпоху как далеко не лучшую в истории страны и с ностальгией оглядывались назад — на «великое прошлое», на славные годы побед над персами, расцвета и усиления Афин при Фемистокле, Кимоне, Перикле, военных успехов простой и мужественной Спартой.

Кризис, который постиг Грецию, был кризисом классического полиса как типа общества и государства. Именно он стал теперь главным, ключевым процессом эволюции античной цивилизации, пронизал собой все стороны бытия. Каковы же его основные составляющие?

Нередко считают, что корни кризиса лежали в экономической сфере. Но на самом деле это не вполне верно. Бесспорно, греческая экономика IV в. до н. э. имела отличительные черты по сравнению с предшествующим столетием. Резко участвовавшие, ставшие едва ли не ежегодными вооруженные конфликты между полисами подрывали их благосостояние. Особенный ущерб наносился земледелию. Однако чаще всего полисы довольно быстро оправлялись от этого ущерба. А, с другой стороны, войны стимулировали развитие многих отраслей ремесленного производства: оружейного дела, судостроения, строительства оборонительных сооружений. В целом вряд ли можно говорить о том, что общее богатство греческих государств было в IV в. до н. э. существенно меньше, чем в предыдущем.

Возникавшие экономические проблемы в большинстве случаев успешно разрешались. Так, Афины теперь утратили такой неисчерпаемый источник дохода, каким раньше был форос, взимавшийся с союзников. Чтобы выжить в усложнившемся мире, сохранять авторитетное положение, афинянам приходилось изыскивать внутренние ресурсы, опираться на собственные силы. Именно это они и делали: развивали сельское хозяйство в Аттике, интенсивнее разрабатывали Лаврийские серебряные рудники. Правда, своего хлеба по-прежнему не хватало. Но афинскому полису удалось установить дружественные отношения с далеким Боспорским царством в Северном Причерноморье, и тамошние правители по льготным ценам, а то и просто в дар поставляли в Афины крупные партии зерна.

Разумеется, не всем полисам удалось столь же успешно справляться с экономическими трудностями. Сильнее других пострадала Спарта, заплатившая особенно большую цену за свои притязания на гегемонию в Элладе. Победа в Пелопоннесской войне далась ей отнюдь не просто, потребовала чрезмерного напряжения всех сил. И уже через несколько десятилетий Лакедемон находился в очень тяжелом положении. Участились военные неудачи; гражданский

коллектив спартиатов, и раньше-то не слишком большой, еще более поредел от потерь на полях сражений. Обрела независимость Мессения, а это резко уменьшило количество илотов.

В бытие Спарты стали проникать дотоле чуждые ей явления: деньги, имущественное расслоение, частная собственность на землю. Прославленная «община равных» трещала по швам и разваливалась. Появились богатые и бедные; социальное неравенство стало отныне в спартанском полисе таким же фактом, как и в остальных.

Однако ситуация в Спарте была скорее исключением, чем проявлением общего правила. Искусственно законсервированный еще в архаическую эпоху жесткий «Ликургов строй» рано или поздно не мог не рухнуть. Спарта должна была начать превращаться в «нормальный» полис. Теперь именно это и происходило, принимая подчас чрезвычайно болезненные для спартиатов формы.

Что же касается большинства греческих государств, то в них все эти проблемы были не новыми, существовали и раньше, но, однако, не препятствовали расцвету полисного строя. Очевидно, в IV в. до н. э. появились какие-то принципиально новые факторы, которые приводили к системному кризису. Эти факторы, насколько можно судить, лежали все-таки прежде всего в сфере политики, а не экономики.

Ключевым элементом полисного типа государственности было наличие сплоченного, замкнутого гражданского коллектива, который противопоставлял себя как всем прочим категориям населения, так и внешнему миру. Именно этот принцип начал теперь серьезно подрываться. Если взять пример Афин, история которых известна лучше всего, то окажется, что отдельные лица, не являвшиеся гражданами, стали значительно более влиятельными, чем прежде. Так, не гражданами, а метэками в своем подавляющем большинстве были менялы-трапезиты, а между тем они принадлежали к числу богатейших жителей Афин. Самый состоятельный из афинских трапезитов — Пасион — вообще был отпущенным на волю рабом.

Хотя сами эти люди не могли непосредственно участвовать в политической жизни, они тем не менее активно и небезуспешно «лоббировали» свои интересы в народном собрании и других органах власти, используя материально зависимых от них политиков. Складывалась парадоксальная ситуация: гражданин, причем видный и известный в городе гражданин, служил своей деятельностью метэку, иногда — бывшему рабу.

Для полиса времен расцвета были характерны единство и солидарность гражданского коллектива. В IV в. до н. э. эти единство и

солидарность начали распадаться. Утрачивалось чувство общности гражданина со своим государством, возрастала аполитичность, безразличие к судьбе родины, забота исключительно о своих частных делах. На смену традиционной коллективистской этике постепенно приходил индивидуализм.

Общество разрывалось внутренними конфликтами, распадалось на отдельные группы с особыми интересами, и борьба между этими группами могла даже приводить к кровавым столкновениям. Характерный пример: в таком крупном полисе, как Аргос, в 370 г. до н. э. беднейшие граждане устроили так называемый **скитализм** — массовое избиение богачей, в ходе которого погибло более тысячи человек, а их имущество было поделено между бедняками.

В IV в. до н. э. философ Платон писал в трактате «Государство» (IV. 423a) о том, что в каждом полисе как бы *«заключены два враждебных между собой государства: одно — бедняков, другое — богачей»*. Подчеркнем: богатые и бедные граждане существовали в Элладе и ранее, но вплоть до эпохи кризиса их противостояние не приводило к подобным эксцессам.

Состоятельные люди в V в. до н. э. охотно шли на траты в пользу государства, видя в этом укрепление собственного престижа. А теперь они изменили свою позицию и уже без всякой готовности принимали на себя назначаемые полисом литургии, зачастую всячески старались уклониться от них. Для этого они скрывали и занижали размеры своего богатства, иногда переводили его из земельной собственности, которую трудно было спрятать от сограждан, в деньги.

Изменилось в эпоху кризиса классического полиса и отношение к военной службе, которая раньше воспринималась не только как обязанность, но и как священное право каждого гражданина. Внутри гражданского коллектива все меньше находилось людей, желающих терпеть тяготы участия в походах, тем более в условиях, когда войны стали почти постоянными. В результате роль общеполисного ополчения в войске уменьшилась. Вместо воина-гражданина характерной фигурой в Элладе стал воин-наемник.

Развитие наемничества в военном деле стало одной из самых ярких черт греческой истории IV в. до н. э. Отряды наемников комплектовались из лиц, которые по какой-нибудь причине, добровольно или вынужденно выпали из полисных структур. Кто-то вконец разорился, продал свой земельный участок и остался без средств к существованию; кого-то за преступление приговорили к изгнанию из родного города; кому-то пришлось уйти на чужбину, потерпев поражение в политической борьбе. Такие-то люди зачастую и вер-

бовались на наемную службу. Они сделали войну своей профессией; сражаться за родину из патриотических чувств они не хотели или не могли, а вот за жалование воевали охотно.

Безусловно, наемники становились воинами-профессионалами; по своей выучке и боевым качествам они превосходили граждан-ополченцев. Но в то же время их, как правило, отличали жестокость, беспринципность, своекорыстие. Наемник есть наемник: он готов продать свои услуги всякому, кто больше заплатит, даже если потребуются сражаться против своих же бывших сограждан. Вся жизнь такого человека вела к утрате полисных «корней», а это тоже усугубляло общий кризис.

Широкое внедрение наемничества породило, помимо прочего, перемены в практике военного дела. Реже, чем раньше, на полях сражений действовали гоплитские фаланги, которые комплектовались из воинов-граждан. Появился новый род войск — **пелтасты** (средневооруженная пехота). Их вооружение включало небольшой кожаный щит в форме полумесяца, легкий полотняный панцирь, дротик, ударное копье и длинный меч. Отряды пелтастов набирались в основном из наемников. Они отличались большей мобильностью и маневренностью, чем гоплиты, и в некоторых боевых ситуациях (таких, как действия на пересеченной местности, штурм укреплений) оттеснили фалангу на второй план.

На волне кризиса, в обстановке нестабильности и смут в ряде греческих полисов IV в. до н. э. вновь появилось такое явление, как тирания, казалось бы, отошедшая в прошлое уже в конце архаической эпохи. Удачливые военачальники, «сильные личности», зачастую — командиры наемников, опираясь на свои отряды, захватывали единоличную власть в некоторых государствах Эллады. В ходе своего правления они старались «железной рукой» навести порядок, сгладить внутренние конфликты, разрешить противоречия между различными слоями населения.

Некоторые из этих правителей достигали значительных успехов, распространяли свою власть за пределы одного полиса. Так, Ясон, тиран фессалийского города Феры, сумел возглавить всю Фессалию — отсталую, но обширную и богатую область — и даже претендовал на гегемонию в Греции, пока не погиб в результате заговора. Еще более могущественным был тиран Сиракуз Дионисий. Он создал большую и могучую державу, которая включала в себя значительную часть Сицилии, а также территории в Южной Италии.

Однако почти все тиранические режимы IV в. до н. э. оказывались непрочными, недолговечными и довольно быстро прекращали су-

ществование. Тирания не стала и не могла стать эффективным путем выхода из кризиса классического полиса.

Во внешнеполитической сфере кризис проявился в распаде системы межполисных отношений. В целом ситуация значительно усложнилась. На смену традиционному для V в. противостоянию двух самых могущественных полисов — Афин и Спарты — пришла система, в которой существовали и боролись друг с другом несколько разных по своему значению «центров силы». Все они претендовали на лидерские позиции, на гегемонию в Элладе, но эти претензии потерпели крах.

Всецело возобладали центробежные тенденции: Греция превратилась в скопище крупных и мелких государств, почти постоянно воюющих друг с другом. Каждое из них, даже самое крохотное, всеми силами держалось за независимость, потому-то они и истощали себя и друг друга непрерывными конфликтами. Нарастал хаос, в который погружался весь мир классических полисов.

Такое положение было, конечно, на руку только Ахеменидам. Персы радовались, смотря на то, как эллины — их исконные враги — сражаются между собой и от этого слабеют. Когда-то греки, объединенные в союз, с позором прогнали со своей земли полчища Ксеркса. Теперь, со времен Пелопоннесской войны, между ними не было единства, и этим можно было воспользоваться...

Давая общую характеристику кризиса IV в. до н. э., нужно отметить его комплексный характер. Кризисные явления поразили саму сущность полисной цивилизации, сказались на всех ее сторонах. При этом, насколько можно судить, кризис, при всей своей болезненности, был скорее не столько болезнью упадка и старения, сколько болезнью роста.

Общество все больше перерастало узкие полисные рамки, которые перестали соответствовать новым историческим условиям. Система небольших городов-государств, в основе которых лежали гражданские общины, оказывалась несостоятельной в обстановке развития межполисных экономических связей, осознания этнического и культурного единства Эллады. Все говорило о том, что классический полис в чистом виде изжил себя, что необходим переход к качественно новому, более широкому типу политического объединения. А в то же время в реальной жизни большинство полисов, повторим, противилось объединительным тенденциям, отстаивая собственную независимость.

Полис как феномен будто бы стремился вырваться за пределы себя самого — и пока не мог этого сделать. К тому же были совер-

шенно неясны, даже в самых общих контурах, формы грядущего объединения. Будет ли оно равноправным или же в нем появится гегемон, играющий ведущую роль? Насколько глубоким оно окажется, приведет ли к созданию единого греческого государства или ограничится статусом союза полисов? Каковы будут его конкретные цели? Наконец, кто станет объединителем? Все эти вопросы были прямо-таки животрепещущими, и на них предстояло ответить следующему этапу исторического развития.

Время собирать камни

В новой ситуации, изменившейся отнюдь не в лучшую сторону, предстояло Афинам залечивать раны Пелопоннесской войны. А раны эти были действительно тяжелыми. Уменьшилось население полиса: тысячи граждан погибли на полях сражений или стали жертвами террора «Тридцати тиранов». Прославленный афинский флот, еще недавно господствовавший в Эгейде, больше не существовал. Пуста была государственная казна, и непонятно было, как ее пополнить: ведь Архэ пришлось распустить, о форосе от союзников теперь не шло и речи. Тяготел над Афинами позор страшнейшего в их истории поражения.

И все-таки «город Паллады» нужно было возрождать. Как мы помним, сразу после восстановления демократии в 403 г. до н. э. была объявлена всеобщая амнистия. Отрадный знак! Афиняне показывали: они намерены отложить внутренние распри и общими усилиями добиваться того, чтобы их полис вновь занял достойное место в Элладе. Но пока приходилось считаться с фактами и признавать главенство победителей-спартанцев.

Спарта же в начале IV в. до н. э. стала единоличным и неоспоримым гегемоном Греции. Города, раньше входившие в состав Афинской морской державы, теперь оказались под контролем лакедемонян. Во всей Греции, пожалуй, не было более могущественного человека, чем спартанский наварх Лисандр. Этому суровому, мрачному спартиату повсюду оказывались прямо-таки божественные почести: ему при жизни воздвигались статуи, в его честь учреждались праздники. Ничего подобного эллинский мир до того не знал.

Однако уже очень скоро большинство полисов — в том числе даже и тех, которые ранее были верными союзниками Спарты, — осознало, что спартанское владычество ничуть не лучше афинского.

Спартанские власти проводили в Греции совершенно негибкую политику, опираясь на грубую военную силу. Создавалось впечатление, что некоторые методы господства — чрезмерный нажим на союзные государства, жесткий и откровенный диктат им своей воли — были заимствованы спартамцами у побежденных афинян, но при этом доведены до еще больших крайностей.

Лисандр как будто взял на себя роль некоего самовластного правителя. Он ликвидировал во многих полисах демократическое устройство и учредил в них олигархические режимы во главе с коллегиями прямых спартанских ставленников. Одним из таких режимов было и правительство «Тридцати тиранов» в Афинах, но оно-то продержалось недолго, а большинству других городов повезло меньше. Олигархов поддерживали размещенные в полисах лакедемонские гарнизоны. Любые проявления непокорности подавлялись. Все это вполне закономерно привело к нарастанию антиспартанских настроений в греческом мире.

Уже в 395 г. до н. э. началась новая война между эллинами. На этот раз против Спарты выступила мощная коалиция, в которую вошел целый ряд ведущих полисов. Не удивительно, что в составе этого альянса оказались и Афины, и другой злейший враг спартанцев — Аргос. Однако среди противников Лакедемона мы находим также его бывших союзников — Фивы и даже Коринф. Именно в окрестностях Коринфа, на перешейке Истм, в основном развертывались военные действия; оттого и война носит название Коринфской.

Персидский царь Артаксеркс II в этой войне поддерживал анти-спартанские силы, причем не только деньгами, но и кораблями. В чем же причина изменения политики Ахеменидов? Здесь нам придется кое-что припомнить. Во время Пелопоннесской войны спартанские власти в обмен на помощь со стороны персов обещали вернуть им греческие полисы Малой Азии. Однако, став после победы над Афинами гегемоном Эллады, Спарта не могла не сознавать, что отныне на ней лежит и серьезная моральная ответственность, в том числе обязанность защищать «подопечные» города от внешних врагов. А уж кого-кого как не персов следовало считать главными врагами! Поэтому лакедемоняне отнюдь не спешили передавать греков-ионийцев под персидский контроль.

Отношения Персии и Спарты резко ухудшились, и еще в 399 г. до н. э. между ними начались открытые военные действия. Спартанцы сразу перешли в атаку и переправили в Малую Азию, во владения Ахеменидов войско, которым командовал царь Агесилай — выдающийся полководец, одна из самых ярких личностей в греческой ис-

тории IV в. до н. э. Агесилай быстро достиг значительных успехов на побережье, нанес противникам ряд поражений и подумывал уже о том, чтобы отобрать у персов весь Малоазийский полуостров.

Понятно, что персидский царь, стремясь предотвратить эту опасность, всячески содействовал врагам Спарты в самой Элладе. В результате лакедемоняне вынуждены были отозвать из Азии Агесилая с его войском для защиты родины. Угроза персидским владениям миновала.

Нелегко было спартамцам бороться с противостоящим ей союзом. Ведь из пяти сильнейших государств Балканской Греции четыре выступили против одного. Уже в самом начале Коринфской войны в одном из сражений погиб Лисандр. В 394 г. до н. э. отличившийся еще в последние годы Пелопоннесской войны афинский полководец Конон, находясь во главе персидского флота, выиграл у Спарты крупную морскую битву. После этого он с триумфом прибыл в Афины и восстановил Длинные стены. Таким образом, афиняне отчасти загладили позор своей капитуляции в 404 г. до н. э., отказались от ее самого унижительного условия. Другой выдающийся афинский стратег — Ификрат — нанес спартанскому войску несколько чувствительных поражений неподалеку от Коринфа.

Однако Спарта была еще сильна и отнюдь не намеревалась сдаваться. Коринфская война шла с переменным успехом и приобрела затяжной характер. Тем временем персы решили, что спартанцы ослаблены достаточно, и вновь склонились на их сторону. К этому моменту все воюющие полисы были уже готовы пойти на мирные переговоры, но нуждались для этого в посреднике. В роли такого посредника и выступил персидский царь.

В 387 г. до н. э. Артаксеркс собрал в своей столице — городе Сузы — представителей греческих государств и там фактически продиктовал им условия общего мира. Эти условия решительно подтверждали спартанскую гегемонию в Элладе. Предписывалось распустить все существовавшие на территории Греции военно-политические союзы. Это касалось в первую очередь антиспартанской коалиции. В то же время Пелопоннесский союз под главенством Спарты сохранялся, и Персия закрывала на это глаза. Гарантом соблюдения мира выступал персидский царь и его сатрапы; в награду под власть персов передавались-таки греческие города Малой Азии, отвоєванные у них в ходе Греко-персидских войн.

Мир 387 г. до н. э., завершивший Коринфскую войну и получивший в античности название «Царского мира» (поскольку главную роль в его заключении сыграл царь Персии), был крайне невыгодным

и унижительным для всей Греции. Единственным государством, которое этот договор удовлетворял, была, естественно, Спарта. По большому же счету выиграла от заключения мира только держава Ахеменидов. Когда-то персы проиграли в открытом военном столкновении. А теперь, пользуясь ослаблением и разрозненностью греков, они смогли без особенных жертв восстановить свои позиции, достигли всего, чего только могли желать: полисы Малой Азии снова находились под их владычеством, а государства Балканской Греции обращались к Персии как к высшему арбитру.

Спартанская же гегемония приобрела еще более жесткие формы. Теперь лакедемоняне уже не считались с какими бы то ни было нормами законности, сплошь и рядом прибегали для защиты своих интересов к откровенной агрессии. Так, в 382 г. до н. э. отряд спартанцев врасплох захватил такой крупный город, как Фивы. Там был установлен поддерживавший Спарту олигархический режим, на фиванском акрополе обосновался спартанский гарнизон. В 378 г. до н. э. точно такая же попытка была предпринята по отношению к Афинам, но неудачно.

Афины тем временем вполне восстановили свои силы после поражений конца предшествующего столетия. Возродилась их морская мощь. Афиняне стали всерьез подумывать о том, чтобы воссоздать под своим лидерством могущественную симмахию, наследницу Архэ. Собственно, они никогда и не оставляли этой мысли. А теперь для ее воплощения в жизнь начали понемногу складываться благоприятные обстоятельства.

Уже в годы Коринфской войны (в 390–389 гг. до н. э.) Фрасибул — тот самый, который сверг режим «Тридцати тиранов» и восстановил демократию, — отплыл во главе флота к побережью Малой Азии. Находившиеся там полисы, еще недавно входившие в Архэ, он вновь приводил под власть Афин и взыскивал с них дань. Вначале дела Фрасибула, казалось, шли успешно, но закончилась его экспедиция самым плачевным образом. Когда этот полководец пытался подчинить город Аспенд, местные жители убили его, напав ночью на лагерь афинян.

Становилось ясно: на прежних условиях союзников не возвратить. Порядки, которые господствовали в Афинской морской державе V в. до н. э. — с полным подчинением воле гегемона, выплатами фороса и пр., — безвозвратно ушли в прошлое, и никто не согласится на их возобновление. Если Афины хотели снова создать военно-политическое объединение, то его следовало строить на более равноправных и добровольных началах.

Впрочем, граждане «города Паллады» умели учиться на собственных ошибках. Они готовы были пойти на смягчение своей политики. В течение 380-х гг. до н. э. Афины заключили ряд двусторонних договоров о военном союзе с различными полисами Эгеиды, в том числе с важным в стратегическом отношении островом Хиосом. На основе этих договоров в 378 г. до н. э. сложился так называемый Второй Афинский морской союз. Он включил в себя около 70 городов-государств — намного меньше, чем было в Афинской архэ, но все-таки тоже немало.

Афиняне старались сделать новую симмахию как можно более прочной, а для этого нужно было при второй попытке избежать подчиненного положения союзников, которое отталкивало их. Новый союз основывался на принципах равенства участников. Афинский полис обязывался не диктовать свою волю остальным, не вмешиваться в их внутренние дела. Все решения должны были приниматься не по произволу гегемона, а лишь после обсуждения в высшем органе союза — **синедрионе**. Синедрион заседал в Афинах, но в нем были представлены все члены объединения. Система принудительных выплат форо́са больше не практиковалась. Вместо нее государства, входившие в союз, вносили добровольные взносы.

Иными словами, Второй Афинский морской союз был создан на гораздо более приемлемых для союзников началах, чем Первый. Бесспорно, это делало симмахию довольно прочной и превращало ее в очень влиятельную силу греческого мира. Разумеется, крайне недовольны ее появлением были спартанцы. Они настаивали на том, что союз основан в нарушение условий «Царского мира», а значит, должен быть немедленно распущен. Однако гегемония лакедемонян уже подходила к концу, хотя сами они об этом не подозревали.

На этот раз полисом, который бросил вызов Спарте, были Фивы. В 379 г. до н. э. там произошел политический переворот. Лаконофильская олигархия была свергнута, спартанский гарнизон изгнан из города. К власти пришло демократическое правительство; главную роль в нем играл человек по имени Эпаминонд. Его без преувеличения можно назвать гениальным полководцем, мастером передовых приемов военного искусства, к тому же кристально честным и благородным человеком.

Фивы, стоявшие во главе Беотии — богатой, плодородной и густонаселенной области, — быстро стали одним из главных участников борьбы за преобладание в Греции. Обеспечено было им в это время и дружественное отношение Афин: ведь у обоих городов был общий враг.

В 371 г. до н. э. близ беотийского местечка Левктры состоялось крупное сражение между спартанской и фиванской армиями. Спартиаты уже очень давно не знали серьезных поражений в военных действиях на суше. А теперь фиванцы вступили с ними в бой как равные с равными и... одержали полную победу, наголову разгромили противника!

Результат битвы при Левктрах был совершенно неожиданным. И после нее вся политическая ситуация в Греции в корне изменилась. Появился новый полис-гегемон: от Спарты эта роль перешла к Фивам. Фиванцы, воодушевленные победой, сразу же приступили к дальнейшему развитию достигнутых успехов.

На протяжении 360-х гг. до н. э. многочисленное беотийское войско под командованием Эпаминонда несколько раз вторгалось в Пелопоннес. Это привело к почти полному распаду Пелопоннесского союза, к отделению Мессении от спартанского полиса. Мессенские илоты после четырех веков рабского существования получили наконец свободу.

Спарта терпела поражение за поражением. Ее территория сразу уменьшилась в два раза. К тому же вместо союзников теперь ее отовсюду окружали враги. Даже полководческий талант царя Агесилая не мог предотвратить катастрофы. Случалось, что фиванцы подходили к самой Спарте. Вот тут-то спартанцы впервые в своей истории пожалели, что их город не имеет оборонительных стен. Уже несколько столетий на подступах к нему не стояла неприятельская армия, а теперь это произошло. От захвата и полного разгрома Спарты спасло, можно сказать, чудо: речка Еврот, на которой она стояла, разлилась от дождей, и войско Эпаминонда, находившееся на противоположном берегу, не стало форсировать эту водную преграду.

Стремительным усилением и возвышением Фив были крайне недовольны Афины. Гегемоны-фиванцы устраивали их ничуть не больше, чем гегемоны-спартанцы. А, пожалуй, даже меньше: Спарта от Аттики довольно далеко, а Фивы — вот они, по соседству! Их приходилось всегда побаиваться. Поэтому афиняне совершили довольно необычный «кульбит» в своей внешней политике: если вначале они поддержали демократический переворот в фиванском полисе, то теперь неожиданно... перешли на сторону Спарты и стали выступать против Фив. Давненько Афины и Спарта не оказывались в одном лагере...

В 362 г. до н. э. при Мантинее, в центре Пелопоннеса, состоялось крупнейшее сражение. Беотийскому войску Эпаминонда противостояло спартанское ополчение, подкрепленное отрядами из Афин и некоторых других городов. Битва проходила очень тяжело для обеих

сторон. С небольшим перевесом победили беотийцы, но зато их ряды постигла невосполнимая утрата: в бою пал «кузнец» фиванских успехов — великий Эпаминонд.

После Мантинейского сражения Фивы, истощенные чрезмерным напряжением сил, в значительной мере утратили свое влияние. Они по-прежнему оставались одним из сильнейших эллинских государств, но не могли уже быть реальным гегемоном всей Греции.

Итак, с гегемонией Спарты было покончено, Фивы тоже не удержались на первоначально набранной высоте, — кому это было на руку? Безусловно, в первую очередь Афинам. К началу 350-х гг. до н. э. Второй Афинский морской союз стал самым мощным объединением полисов в греческом мире. Афинский флот численностью до 100 кораблей курсировал по Эгейскому морю, нападал на города и острова, не входившие в союз. Из средств военной добычи и взыскиваемой дани симмахия имела немалые доходы. Главенство в союзе позволяло афинянам также контролировать Черноморские проливы, а ведь через них — не забудем — в Балканскую Грецию ввозился хлеб.

Беда Афин, однако, заключалась в том, что, почувствовав свою силу, они понемногу начали переходить к прежней политике диктатора по отношению к союзникам, ущемлять их интересы. На территории некоторых союзных полисов опять стали основываться афинские клерухии. Подчас от союзников требовали увеличения взносов. Намечался возврат к методам эпохи Афинской морской державы. Естественно, другие члены симмахии были возмущены. Это-то и предопределило ее распад. Все повторялось, как будто второй раз шло по тому же порочному кругу.

Целый ряд полисов, в том числе весьма значительных, таких как Хиос, Родос, Византий, поднял против Афин восстание, которое известно в науке под названием Союзнической войны. Эта война шла в 357–355 гг. до н. э., и афинянам не удалось одержать победу над отпавшими союзниками. Отныне Второй Афинский морской союз, хотя формально и продолжал существование — в сильно уменьшенном и ослабленном виде, — но фактически уже не действовал.

«Работа над ошибками»

Итак, внешняя политика Афин в IV в. до н. э. знала и взлеты, и падения. Иной раз казалось, что возрождение былой славы и могущества уже не за горами. А были моменты, когда все надежды на улучшение внезапно рушились.

А как обстояло дело во внутренней жизни афинского полиса? Здесь мы наблюдаем картину более стабильную и позитивную. Политическая система классической демократии продолжала развиваться и совершенствоваться. Афиняне многому научились горький опыт олигархических переворотов времен Пелопоннесской войны. При этом они понимали, что во многом сами виноваты в тех невзгодах, которые пережило государство. Ужасов олигархии могло бы и не быть, если бы демос не допустил множества грубых ошибок, не заставил многих граждан временно отвернуться от демократического идеала.

Чтобы сделать народовластие более прочным, чтобы по возможности обезопасить его от новых попыток свержения, нужно было попробовать отказаться от тех особенно отрицательных черт, которые в худшие времена демократии превращали ее в охлократию — господство безответственной толпы. Много бед принесло полису засилье демагогов. Совсем покончить с ними вряд ли было возможно — демагоги, судя по всему, являлись неотъемлемым элементом системы прямого народовластия. Но отдавать в их руки все государственные дела, конечно, не стоило. Необходимо было поставить на их пути какие-то надежные заслоны. Самое главное — следовало в политических вопросах руководствоваться не эмоциями и слепой волей, а доводами разума.

Мы уже знаем: по контрасту с часто творившимися беззакониями предшествующей эпохи, когда и демократы, и их противники не очень-то сковывали себя в своих действиях нормами права, теперь в гражданском коллективе сформировалась чрезвычайно важная идея «власти закона». Именно закон, а не демос истинный господин полиса, которому все обязаны неукоснительно повиноваться. На практике это повело даже к некоторому ограничению власти народного собрания.

В конце V в. до н. э., как говорилось в предыдущей главе, весь свод афинских законов был пересмотрен и получил четкую, окончательную форму. После этого процедура принятия новых законов, отмены старых или внесения изменений в существующие была очень сильно усложнена. В частности, экклесия отныне больше не занималась законодательством. Это право было передано специальной комиссии **номофетов** («законодателей»), которые избирались из числа судей-присяжных. Такая перемена в государственном устройстве была предпринята именно для того, чтобы народ не принимал под влиянием демагогов скороспелых, необдуманных и вредных для полиса законодательных актов. В ведении народного собрания ос-

тались только псефисмы — постановления по конкретным вопросам, не имеющие общей силы.

Ограничение полномочий экклесии не означало, однако, что этот орган теперь не является высшим в государстве. Демократия становилась более умеренной, чуждой крайностей, но она вовсе не прекращала существование! Демос совершенно добровольно отказался от законодательной власти, сочтя, что это позволит сделать управление более эффективным. Но ничто не мешало ему вновь принять эту власть, если возникнет такая надобность, — например, в условиях чрезвычайного положения, серьезной военной угрозы, заставляющей действовать быстро.

Демократия по-прежнему заботилась о том, чтобы народ мог реально находиться у кормила государства, чтобы все граждане на равных принимали участие в политической жизни. Сохранялась система мистофории, которая позволяла беднейшим афинянам занимать выборные должности. Более того, оплата участия в управлении полисом даже расширялась. С начала IV в. до н. э. гражданам впервые стали платить за посещение народного собрания.

Несомненно, здесь можно увидеть не только черту совершенствования государственного устройства, но и проявление кризисной эпохи. В период высшего расцвета Эллады, наверное, никому и в голову бы не пришло, что за исполнение своей первоочередной гражданской обязанности он должен еще и получать деньги. А теперь, очевидно, из-за возрастания аполитичности появились проблемы с посещаемостью, и платой старались привлечь побольше участников.

Само народное собрание стало работать стабильнее и рациональнее, чем раньше. Были установлены различные по своей значимости типы заседаний экклесии. Каждое четвертое заседание называлось «главным», на нем рассматривались особенно важные вопросы, а не повседневная рутина. На таких собраниях, конечно же, было желательно присутствие как можно большего числа граждан, — чтобы принятые решения получали всеобщее признание. Поэтому и плата за участие в них была выше, чем на обычных собраниях.

На протяжении IV в. до н. э. несколько раз реконструировали экклесиастерии на Пниксе. Главной целью перестроек было значительно расширить помещение для работы экклесии. Кстати, зачем это делалось? Вовсе не потому, что народное собрание теперь включало в себя больше людей. Как мы только что видели, дело обстояло скорее как раз наоборот. Да и общее гражданское население афинского полиса было меньше, чем до Пелопоннесской войны: полно-

стью оправиться от понесенных в ней потерь так и не удалось. На самом деле увеличивали Пникс, очевидно, по другой причине: чтобы гражданам свободнее, комфортнее сиделось на скамьях. Теснота, с которой раньше спокойно мирились, теперь уже вызывала недовольство.

Экклесия в новую эпоху старалась более целенаправленно сконцентрироваться на своих непосредственных обязанностях, не отвлекаться на вопросы, которые ее напрямую не касались. В V в. до н. э. она нередко рассматривала судебные дела, а теперь отказалась от этой практики. Пусть судебными процессами занимаются судебные органы, народному собранию это не с руки, — видимо, такое сложилось мнение. В результате роль этих судебных органов в жизни государства — а она и прежде была значительной — еще сильнее возросла.

Прежде всего это относится, конечно, к гелиее. Но даже и древний Совет Ареопага — этот осколок давно ушедшего в прошлое аристократического строя — увеличил свое влияние. Напомним, что еще со времен реформы Эфиальта Ареопаг, утратив почти все свои многочисленные функции, остался только судом по некоторым видам преступлений, в основном связанных с религией. Но его моральный авторитет по-прежнему был почти непререкаем. Ближе к концу классической эпохи этим воспользовались. Демократия, становясь более умеренной, нуждалась, как говорят современные политологи, в «системе сдержек и противовесов». И одним из звеньев такой системы как раз мог выступить старинный, всеми уважаемый Совет, высказывая свое веское мнение по важнейшим вопросам политики и заставляя к нему прислушаться. Особенно актуальным это стало, когда Афины столкнулись с серьезнейшими внешнеполитическими проблемами, которые поставили под вопрос всю дальнейшую судьбу государства. Но об этих проблемах речь еще впереди.

А кто же были те люди, которые играли теперь ведущую роль в афинской общественной жизни? Среди них мы уже практически не находим представителей издавна известных знатных родов. Времена «аристократической демократии» остались позади. Редко-редко среди политиков IV в. до н. э. можно встретить настоящих аристократов. Да и они тоже, как выясняется, если присмотреться к их деятельности повнимательнее, занимали влиятельное положение не из-за своего «благородного» происхождения, как бывало раньше, а исключительно в силу личных качеств и способностей.

Перемена произошла в эпоху Пелопоннесской войны. Демос, как мы уже видели, смог вырастить лидеров из собственной среды и

больше не нуждался в опеке знати. Появились «новые политики»: вначале они были скорее исключениями, потом их становилось все больше и больше; к середине IV в. до н. э. именно такой тип политического деятеля стал нормой: человек, не блещущий «славой предков», зато, как правило, весьма состоятельный, — выходец из ремесленно-торговой среды, связанный с миром крупных мастерских, меняльных контор, купеческого порта.

Изменился состав полисной элиты — и неизбежно должны были измениться многие формы и приемы политической борьбы, выработанные во времена «аристократической демократии», а теперь уже как-то неуместные. Совершенно вышел из употребления ostracism — а ведь в V в. до н. э. он нередко становился ключевым событием того или иного года. И не удивительно: жертвами голосования черепками становились, как правило, политики-аристократы. Считалось, что подвергнуться ostracism — это даже некая честь. Когда в 415 г. до н. э. такое случилось с незнатным демагогом Гиперболом, один афинский комедиограф писал:

Хоть подлость в нем достойна наказания,
Да слишком много чести для клейменого¹:
Суд черепков не для таких был выдуман.

(Платон Комик, фр. 187 Кокк)

Потому-то после Гипербола никого больше не изгоняли ostracism: он как бы «осквернил» собой эту процедуру. Теперь в целях политической борьбы чаще стали использоваться судебные процессы в гелиее. Хочешь победить конкурента — подавай на него в суд, добивайся обвинительного приговора.

В IV в. до н. э. резко возросла специализация в полисном управлении. В предыдущую эпоху крупнейшие политические лидеры, такие как Фемистокл или Перикл, были одновременно и видными полководцами, и выдающимися ораторами, и опытными администраторами-финансистами. А теперь эти сферы деятельности отделились друг от друга. Государственные мужи стали «узкими специалистами», профессионалами — каждый в чем-нибудь одном.

Особенно четкая грань прошла между делами военными и гражданскими. Стратеги занимались отныне лишь вопросами, связанными с вооруженными силами, и не вмешивались в вопросы чисто

¹ «Клейменными» называли рабов, а Гипербол здесь метафорически сравнивается с рабом именно из-за «низкого» происхождения.

политические. Знаменитые афинские полководцы IV в. до н. э. — Ификрат, Тимофей, Хабрий — были именно только полководцами. На полях сражений они блистали, но вот выступающими в народном собрании, выдвигающими проекты постановлений их мало когда видели.

Что же касается «штатских» политиков (их в Афинах стали в это время называть просто «ораторами»), то их родной средой были как раз экклесия, Совет Пятисот, суды присяжных. В этих органах они чувствовали себя буквально «как рыба в воде», а об искусстве военачальника не имели за частую никакого представления. Судя по всему, такое разграничение полномочий произошло из-за того, что управление полисом усложнилось. Афины были теперь намного беднее, чем до Пелопоннесской войны, а бедным государством руководить труднее, чем богатым: приходится всегда думать прежде всего о том, где добыть средства на то или иное мероприятие, как увеличить доходы и сократить расходы...

При этом из двух образовавшихся категорий политиков «ораторы» занимали более высокое положение, чем стратеги. Именно они возглавляли политические группировки, а военачальники их поддерживали. Оратор Демосфен — нам еще предстоит познакомиться с ним поближе — так описывал ситуацию: *«Оратор является предводителем, и полководец у него в подчинении, и еще триста человек, готовых кричать ему в лад»* (Демосфен, XIII. 20).

Интересно, что в IV в. до н. э. в Афинах можно было пользоваться большим влиянием и авторитетом, не занимая вообще никакого официального положения. Сплошь и рядом наблюдаем мы, как виднейшие политические лидеры, определяющие всю жизнь государства, при этом не избираются или почти не избираются на высшие полисные должности. Раньше ситуация была совсем иной: и Кимону, и Периклу, да даже еще и Алкивиаду необходимо было, помимо всего прочего, находиться на посту стратега. А теперь было достаточно популярности в народном собрании, умения ярко и убедительно говорить перед ним — для того, чтобы предлагаемые политиком меры были поддержаны демосом.

Один немецкий ученый первой половины XX века с недоброй иронией назвал Афины конца классической эпохи «республикой адвокатов». Это, конечно, преувеличение, — но ведь, как известно, во всяком преувеличении есть зерно истины. Афинские политические деятели тех лет, о которых идет речь, действительно были в первую очередь «деловыми людьми», закаленными в судебных тяжбах. В большинстве своем они и начинали карьеру как логографы — со-

ставители речей для судов присяжных, — а потом уже переходили в политику. Что и говорить, все они замечательно владели словом. Оно было их главным оружием.

IV век до н. э. вообще следует назвать временем высшего расцвета ораторского искусства в Древней Греции, и особенно в Афинах. Античное полисное общество и в целом было необычайно благоприятной питательной средой для развития красноречия. В особенной мере это относится к демократическим полисам, таким, каким и был «город Паллады». Огромной власти устного слова способствовали главные черты прямого народоправства и прежде всего свободный, общественный характер обсуждения всех государственных дел, когда каждый имел право голоса в дискуссии. Играло свою роль и отсутствие столь привычных для нас средств массовой информации — газет и журналов, радио, телевидения. Как могли афинские граждане получать и распространять любые новости иначе, чем через устную речь?

Уже на первых этапах развития демократии многие афинские политические деятели пользовались заслуженной репутацией талантливых ораторов. Особенно славился этим Перикл. Но он не писал речей заранее, при выступлениях импровизировал, а потом не публиковал сказанное. «Афинский олимпиец» был практиком, а не теоретиком. Уже затем софисты подвели под красноречие прочную теоретическую основу, создали особую науку об ораторском искусстве — **риторику**, придавшую ему новый импульс.

В IV в. до н. э. в Афинах появились школы ораторов. Именно их, как правило, посещали юноши, мечтающие о политической карьере. Повзрослев и став государственными деятелями, они стремились также и к литературному признанию, а для этого издавали произнесенные по различным поводам речи, составляя свои «собрания сочинений». Многие из этих речей поэтому дошли до нашего времени.

В результате, если сравнить список лучших афинских ораторов со списком ведущих политиков позднеклассических Афин, два списка почти полностью совпадут. Давайте познакомимся с некоторыми из этих политиков, попытаемся кратко охарактеризовать каждого из них. Отметим сразу, что практически все они действовали во второй половине IV в. до н. э., то есть тогда, когда история афинской демократии уже подходила к концу. Их одновременное появление на арене общественной жизни можно назвать «лебединой песней» Афин.

Евбул. Прославился прежде всего как выдающийся финансист. В течение ряда лет он, занимая, в общем-то, не столь уж и высокую должность управляющего театральным фондом, фактически руко-

водил всеми финансами полиса. Ему приходилось работать в условиях внешнего ослабления Афин. И экономическая, и политическая жизнь государства страдали от постоянных вооруженных конфликтов. Евбул задался целью переориентировать город с военного на мирный путь. Как можно меньше воевать — ведь войны ведут к бессмысленным тратам денег, — как можно больше уделять внимания вопросам внутреннего развития: к этому он стремился. Проведя многочисленные успешные меры в области экономики, увеличив доходы афинян и путем строгой экономии уменьшив их расходы, Евбул смог значительно укрепить полисные финансы.

Эсхин. Был сторонником той же политической линии. Происходя из бедной семьи, в молодости он занимал низшие государственные должности, например, работал писцом — афинянин побогаче считал бы это позорным для себя. Но затем сумел стать влиятельным политиком, опираясь на большой ораторский талант. Чтобы успешнее воздействовать на слушателей, Эсхин брал уроки актерского мастерства. Будто бы он даже сам выступал на театральной сцене, — во всяком случае, так утверждали его недоброжелатели.

Фокион. Этот человек в Афинах IV в. до н. э. был скорее исключением — политик, одновременно остававшийся полководцем. За свою очень долгую жизнь он неоднократно командовал отрядами в различных войнах. Сограждане избирали его стратегом 45 раз — чаще, чем кого-либо во всей афинской истории. Впрочем, как военачальник Фокион все-таки по большей части оставался на вторых ролях. Зато в политической жизни он имел высокую репутацию безупречно честного и принципиального деятеля. Его — и только его — современники сравнивали с такой кристально чистой фигурой, как Аристид Справедливый. Фокиону были не по душе крайности радикальной демократии; на трибуне народного собрания он постоянно вступал в горячие споры с демагогами.

Демад. А вот это — полная противоположность Фокиону. Его считали настоящим воплощением демагога в худшем смысле слова. Беспринципный, неразборчивый в средствах, склонный к интриге, всегда готовый продать за деньги свои услуги политика, сколотивший нечестным путем большое состояние — такой его образ рисуют античные авторы. Но в среде демоса Демад пользовался немалой популярностью — и причиной опять же дар красноречия. Среди ораторов IV в. до н. э. он был если не самым талантливым, то, во всяком случае, самым ловким и остроумным. Он никогда не лез за словом в карман, был готов без всякой подготовки сказать речь по любому вопросу.

Ликург. Редкий случай — среди лидеров демократии нам после долгого перерыва вновь встретилось аристократическое имя. И действительно, Ликург происходил из знатнейшего, очень древнего рода Этеобутадов. Его отдаленным предком был другой Ликург, еще в VI в. до н. э. выступавший против тирана Писистрата; может быть, кто-нибудь из читателей о нем еще помнит. Однако Ликург-младший играл большую роль в полисе, избирался на различные должности (обычно финансовые) отнюдь не из-за славы своего рода, а исключительно благодаря своим личным способностям.

Переходим наконец к самому выдающемуся государственному деятелю последних лет афинской демократии — единственному, чье имя действительно осталось в веках. Если о Евбуле или Эскине, Демаде или Фокионе знают ныне только специалисты, то зато каждый, без сомнения, слышал о Демосфене.

Демосфен (384–322 гг. до н. э.) происходил из незнатной, но состоятельной семьи; его отец был владельцем оружейной мастерской. Едва ли не с детства Демосфен всерьез увлекся ораторским искусством и поставил себе цель — стать выдающимся мастером красноречия. Этому, казалось бы, препятствовало все, что только можно. Будущий оратор обладал целым рядом физических недостатков, которые, на первый взгляд, совершенно исключали его успех на этой стезе. У Демосфена был тихий голос, плохая дикция, слабое дыхание. Кроме того, он страдал нервным тиком — плечо его во время речи непроизвольно подергивалось. Выходить со всеми этими качествами на трибуну народного собрания или суда присяжных — значило быть немедленно освиственным и навеки позабыть о любой карьере.

Однако Демосфен не собирался сдаваться. Начался длительный и тяжелый труд по развитию ораторских способностей. Чтобы научиться говорить громче, юноша шел на берег моря во время бури и старался перекрыть шум прибоя. Чтобы улучшить дикцию — говорил с набранными в рот камешками. Чтобы выработать хорошее дыхание — поднимался на крутую гору и при этом говорил. Чтобы отучить себя от привычки дергать плечом — вешал прямо над ним острый меч (благо в доме отца-оружейника мечи всегда имелись) так, чтобы от острия до плеча было не больше одного-двух миллиметров. Дернешь плечом — больно уколешься; со временем привычка сама собой прошла.

Днями и ночами, запершись, Демосфен сидел дома — и занимался, занимался, занимался. Упражнялся перед зеркалом, следя за тем, чтобы мимика соответствовала смыслу сказанного. А чтобы не возникал соблазн бросить все, пойти отдохнуть, развлекаться (как-никак

молодость брала свое), — выбривал половину головы: в таком виде на улице не покажешься.

Демосфен добился своего. Он стал не просто оратором, а величайшим мастером красноречия в античной Элладе, не имевшим себе равных ни среди современников, ни в последующие эпохи. До нас дошло несколько десятков речей Демосфена, и по ним можно составить представление об особенностях его стиля. Каждая из этих речей — плод долгой и тщательной работы, но по их тексту этого совсем не заметно. Слова как будто сами собой вырываются из ораторских уст. Пафосом, динамизмом, воодушевлением, огромной силой выразительности пронизаны демосфеновские произведения.

Еще совсем молодым человеком Демосфен прошел первое «испытание» в гелиее. Он судился с одним из своих родственников об имуществе. Яркие выступления юноши создали ему хорошую репутацию, и он начал успешную карьеру судебного оратора, стал модным логографом. Состоятельные люди заказывали ему писать речи для их тяжб — Демосфен и сам разбогател.

Со временем он обратился к политической деятельности, стал все чаще выходить на трибуну экклесии и других органов власти. Иногда занимал различные государственные должности: был членом Совета Пятисот, несколько лет возглавлял театральный фонд, а позже еще несколько лет — другой важный фонд, военный, в котором хранились средства, направляемые на оборону полиса. Иными словами, он превратился в прекрасного знатока афинских финансов. Но не на занятии должностей, а на прямых обращениях к демосу зиждилось его влияние. А влияние это было таким, что временами Демосфена с полным основанием можно было назвать «политиком номер один» в Афинах.

...В IV в. до н. э. политический «космос» афинского полиса был, если так можно выразиться, более населенным, чем прежде, но, за редчайшими исключениями, каждая звезда в этом космосе светила теперь более тускло, нежели в V в. до н. э. Даже славный Демосфен, при всем уважении к нему, безусловно, проиграет, если поставить его на фоне таких титанов, как Фемистокл или Перикл. Что уж говорить об остальных! Они проходят перед нами какой-то однообразной толпой, и разве что путем очень внимательного всматривания можно заметить между ними какие-то различия.

Показательный факт: когда несколько веков спустя Плутарх составлял жизнеописания знаменитых греков, он сделал своими героями почти всех видных лидеров первого столетия афинской демократии, — а во втором его привлекли только Демосфен да еще Фокион. Остальные показались не заслуживающими внимания.

В чем политики IV в. до н. э. действительно превосходили своих предшественников — так это в коррупции. Подкуп, взяточничество стали повседневными явлениями, настоящим бичом общественной жизни. Даже у Демосфена руки были не вполне чисты; и он подчас не гнушался принимать «дары», чтобы посодействовать быстрому и успешному принятию какого-нибудь решения.

Как-то раз Демосфену у всех на глазах в театре дал пощечину его давний недоброжелатель — богач Мидий. Демосфен немедленно возбудил против него судебный процесс и уже написал обвинительную речь, но тут Мидий, испугавшись наказания, предложил оратору «отступного» — крупную денежную сумму. Демосфен взял деньги и отозвал свой иск из суда (но речь все-таки опубликовал!).

А встречались и такие государственные мужи, о которых весь народ знал как о людях абсолютно продажных, но тем не менее пользовался их услугами, признавая за ними иные достоинства (ораторский дар, хорошее знание финансов) и прощая за это бессовестное стремление к наживе.

Каждый из ведущих политиков стоял во главе собственной группировки, состоявшей из нескольких десятков, иногда — из нескольких сот граждан. Группировки эти то создавали между собой коалиции, то вступали друг с другом в непримиримую борьбу. Дробность общественной жизни стала знамением эпохи. Соперничество выплескивалось в острые дебаты лидеров на заседаниях народного собрания и Совета Пятисот, на судебных процессах, которые политические деятели возбуждали против своих конкурентов.

При этом нет серьезных оснований говорить, как иногда делается, о наличии в Афинах этого времени организованных, сплоченных «партий». Ни одну из группировок, сложившихся в полисных условиях, нельзя назвать партией. Этому препятствует многое. И их малая численность. И признаки организационного характера: разумеется, ни одна античная политическая группировка не имела ни устава, ни аппарата, ни фиксированного членства, а для современных партий все это обязательно.

Но самое главное — партия создается и существует как объединение людей вокруг каких-либо идейных, программных установок. А группировки демократических Афин формировались не на идейной, а на личностной основе, вокруг политических лидеров. Каждый из этих лидеров, определяя свою позицию по тому или иному вопросу, руководствовался как соображениями принципиального характера, своими представлениями о том, что будет благом для афинян,

так и конкретными выгодами более низменного плана. Случалось, что политик полностью менял собственные взгляды и переходил в лагерь своих же бывших противников.

И все-таки в целом внутренняя история Афин на протяжении большей части IV в. до н. э. отличалась, повторим, значительной стабильностью, отсутствием жестоких и кровопролитных междоусобных конфликтов. Возникающие противоречия стремились разрешать мирным путем, по возможности с помощью компромисса. Да, в эkkлeсии и гелиее кипели страсти, политики-ораторы не скупились на эпитеты, очерняя друг друга. Но не будем забывать: во многих других полисах в таком случае вообще хватались за оружие — и начиналась резня на улицах! Лучше, конечно, сражаться словами, чем мечами.

Таким образом, на фоне кризисного мира IV века до н. э. Афины представляли собой еще сравнительно светлую картину. И уж, безусловно, ситуация в них улучшилась по сравнению со временем Пелопоннесской войны. Система народовластия модифицировалась, стала лучше соответствовать изменившейся социальной структуре полиса и новой политической обстановке.

Демократия судит мыслителя — демократию судят мыслители

Смягчению политической борьбы в Афинах немало способствовала амнистия 403 г. до н. э. Гражданам законом предписывалось забыть о недавней борьбе между сторонниками демократии и олигархии, не мстить своим бывшим противникам. Особенно настаивал на неукоснительном соблюдении амнистии видный государственный деятель Архин. Как рассказывает Аристотель (Афинская полития, 40. 2), *«когда кто-то из возвратившихся (то есть из возвратившихся из Пирея в город демократов) начал искать возмездия за прошлое, он (Архин) велел арестовать его и, приведя в Совет, убедил казнить без суда»*. Бывает, что и незаконная по форме мера способствует укреплению законности...

Однако добиться истинного, не показного примирения было не так-то просто. Слишком много озлобления накопилось за время смут внутри гражданского коллектива. И теперь это озлобление выплескивалось самыми различными «обходными» путями.

В 399 г. до н. э. Все Афины облетела весть: судят Сократа! Нет сомнения, что многие афиняне с радостью потирали руки: наконец-то этот «возмутитель общественного спокойствия» получит по заслугам. Давно уже было прекрасно известно, что Сократ отнюдь не принадлежит к преданным сторонникам демократии, что он критикует ее недостатки. Кроме того, на философа упала тень преступлений его бывших учеников. Одним из этих учеников был, как мы знаем, Алкивиад, — а ведь он принес столько невзгод государству в период Пелопоннесской войны.

Учился когда-то у Сократа и Критий — кровавый глава «Тридцати тиранов». Кстати, придя к власти, Критий пытался привлечь своего бывшего учителя к злодеяниям Тридцати, более того — сделать его как бы знаменем олигархического движения. К чести Сократа, он решительно отказался сотрудничать с этим экстремистским режимом, демонстративно не подчинялся его приказам и... остался безнаказанным. Будь на месте философа любой другой гражданин, подобная независимость во взглядах и действиях немедленно стоила бы ему головы. Сократа, судя по всему, олигархи все-таки уважали и щадили.

Не удивительно, что восстановленная демократия считала «босоногого мудреца» своим врагом. И возбужденный против него судебный процесс явно имел политическую подоплеку. Достаточно сказать, что одним из главных обвинителей выступал Анит — богатый владелец кожевенной мастерской, ведущий политик демократической ориентации и ближайший сподвижник Фрасибула.

Поскольку действовала амнистия, политические мотивы суда нельзя было выставить открыто. Их искусно затушевывали, а на первый план выдвинули религиозные моменты. Обвинение формулировалось так: *«Сократ повинен в том, что не чтит богов, которых чтит город, а вводит новые божества, и повинен в том, что развращает юношество; а наказание за то — смерть»* (Диоген Лаэртский, II. 40).

Ход, придуманный обвинителями, был совершенно безошибочен. И неважно, что обвинение, если вдуматься, звучало голословно. Сократ неукоснительно соблюдал все положенные законами религиозные обряды, да и вообще отличался благочестием, а отнюдь не безбожием. Он действительно утверждал, что внутри него есть некий божественный голос, который в минуту трудного выбора направляет его на верный путь. Но почему он не имел права так считать? Ведь античная религия в принципе не сковывала свободу мысли.

Однако разве стали бы вникать в эти тонкости афинские судьи-присяжные, которые, как нам прекрасно известно, не отличались хорошим знанием законов, а судили часто под влиянием эмоций? Уже далеко не в первый раз в среде демоса разжигали религиозную истерию. Главное — указать легковозбудимой толпе на врага: вот он, судите его, казните... Время, конечно, расставит все на свои места, но дело-то к этому времени будет уже сделано.

Сократа судила коллегия гелиеи, состоявшая из 501 человека. Философ, выступая с защитительной речью, не стал, вопреки обыкновению, унижаться перед присяжными. Он не вымаливал себе пощаду, не плакал, не приводил в судебное присутствие детей... С огромным чувством собственного достоинства, блистая логикой, Сократ убедительно доказал беспочвенность обвинения, продемонстрировал, что всю свою жизнь он чем мог честно служил полису, приносил ему только благо, а не зло, и соответственно заслуживает скорее награды, чем наказания.

Но именно это и раздражило дикастов. Внимать доводам разума они не привыкли, а то, что подсудимый ведет себя так же независимо, как вел себя всегда (в том числе и при «Тридцати тиранах»), им очень не понравилось. Итоги голосования судей показали: большинством голосов семидесятилетний философ приговорен к смертной казни. Вскоре после этого в афинской тюрьме палач поднес ему чашу с цикутой.

Суд над Сократом и его осуждение навсегда остались одним из самых мрачных пятен на «белых одеждах» афинской демократии. Перед нами — один из первых в истории (и уж, во всяком случае, один из самых известных) случаев преследования за инакомыслие, за «диссидентство», за то, что человек не такой, как все, да еще осмеливается отстаивать свое право на индивидуальность, право быть непохожим, выделяться из массы других людей. И вот ведь парадокс: не жестокий тиран, не олигархи казнили Сократа. Приговор ему вынесло — причем с соблюдением всех необходимых формальностей, «буквы закона» — демократическое государство, самое передовое, самое прогрессивное в Элладе, да и во всем тогдашнем мире.

У Сократа было много талантливых учеников, и именно они впоследствии определили пути развития античной философской и общественно-политической мысли. Казнь учителя — казнь, в сущности, безо всякой вины — потрясла их до глубины души. Большинство их покинуло Афины. Кто-то так и остался на чужбине, кто-то потом возвратился. Но неприязнь к демократии сохранили практически все, и до конца жизни.

Покажем это на конкретных примерах. Вот перед нами один из учеников Сократа — Ксенофонт (430–355 гг. до н. э.), историк, философ и плодовитый писатель, славившийся грациозной простотой и ясностью стиля. Уехав из Афин, он вел жизнь воина-наемника и особенно сблизился со спартамцами. Спартанский царь Агесилай вообще стал для него лучшим воплощением государственного деятеля.

Ксенофонту, выходцу из знатного рода, была не по душе демократия. Гораздо ближе была ему политическая система Спарты. Ее описанию и оправданию он посвятил специальное сочинение «Лакедемонская полития». Ксенофонт проявлял обостренный интерес также к различным формам монархического устройства, особенно к персидской монархии, которую он откровенно идеализировал. В большом романе «Киропедия» («Воспитание Кира») он под видом повествования о деяниях древнего царя Персии, основателя могущества Ахеменидов, нарисовал утопический образ идеального правителя.

Ксенофонта в целом все-таки нельзя назвать оригинальным мыслителем. Гораздо более крупной фигурой в истории философии, одним из величайших философов всех времен и народов был другой ученик Сократа — Платон (427–347 гг. до н. э.). Тоже знатный аристократ по происхождению, в молодости он писал стихи, серьезно занимался спортом, мечтал о политической карьере, но однажды повстречался на афинских улицах с «босоногим мудрецом». Это в корне изменило жизнь юноши, который с тех пор всецело предался философским изысканиям.

Платон приходился племянником Критию. Не удивительно, что к режиму «Тридцати тиранов» он вначале отнесся с симпатией. Впоследствии, уже на склоне лет, сам Платон вспоминал об этом так: *«Я был убежден, что они отвратят государство от несправедливости и, обратив его к справедливому образу жизни, сумеют его упорядочить, и потому с большим интересом наблюдал за ними: что они будут делать? И вот я убедился, что за короткое время эти люди заставили нас увидеть в прежнем государственном строе (то есть в демократии) золотой век!.. Так вот, видя все это и многое другое в том же роде, я вознегодовал и устранился от всех этих зол»* (Платон, Письма, VII. 324d–325a).

Будущий философ, таким образом, не успел принять участия в бесчинствах Тридцати. Тем не менее после восстановления демократии он имел основания опасаться за свою дальнейшую судьбу. А тут еще и казнь Сократа... Не удивительно, что вскоре после это-

го Платон тоже предпочел не оставаться больше в Афинах. Он отправился в долгое путешествие, посетил Египет, Великую Грецию. Несколько лет прожил при дворе сиракузского тирана Дионисия, пытаясь обратить всесильного правителя к добродетели. Но его старания оказались тщетными: в конце концов Дионисию наскучили поучения, и он приказал продать Платона в рабство. К счастью, друзья мыслителя тут же выкупили его на свободу.

В 387 г. до н. э. Платон вернулся на родину и основал в одном из афинских предместий философскую школу. Эта школа, одна из первых в Элладе и, бесспорно, самая знаменитая, называлась Академией². Платон возглавлял ее до конца жизни и воспитал многих выдающихся мыслителей (с одним из них мы еще встретимся чуть позже).

Платон много писал. Излюбленным его жанром был не сухой научный трактат, а философский диалог — легкая, непринужденная беседа о сложнейших вопросах бытия. В своих произведениях Платон предстает не только великим философом, но и прекрасным мастером художественного слова. Главное действующее лицо почти всех диалогов — Сократ: устами покойного учителя Платон излагает собственное учение.

Среди многочисленных вопросов, интересовавших Платона, важное место занимала политическая проблематика. Ей посвящены огромные, по несколько сот страниц каждый, диалоги «Государство» и «Законы». Мыслитель больше всего озабочен проблемой поиска идеального государственного устройства, такого, у которого не было бы недостатков. Он признает, что в реальном, окружающем его мире полисов такого идеала нет, но уверен, что его можно создать.

Что же для этого необходимо? Прежде всего, по мнению Платона, нужно укрепить полисное единство и солидарность, сформировать условия, при которых будут невозможны внутренние распри. А для этого требуется полностью отказаться от демократии и подвергнуть жизнь граждан строжайшей регламентации. Этому будет служить всё: и бдительный надзор «правителей-философов» (Платон считал, что власть в государстве должна принадлежать именно им), и существующие в помощь им воины-стражи, которые будут пресекать любое нарушение, и предельно жесткая система законов.

² Впоследствии слово «Академия» стало нарицательным; в наши дни им обозначают высшие научные учреждения в ряде стран. Но интересно, что появилось это слово, в общем-то, случайно. Философская школа Платона стала так называться только потому, что находилась в роще, посвященной мифологическому герою Академу.

Платона иногда называют основоположником и первым теоретиком тоталитаризма. И действительно, предлагаемое им общество выглядит несомненно тоталитарным. В нем личность рядового гражданина всецело подавлена государственными структурами. Однако изобрел ли сам Платон такую политическую систему, придумал ли ее, так сказать, «из ничего»?

Конечно, нет. Каждому, кто внимательно читал предшествующие страницы, наверное, уже стало ясно: образцом для платоновской утопии послужило государство, вполне реально существовавшее уже много веков. Речь, конечно, идет о Спарте. Платон, как и Ксенофонт, симпатизировал спартанским порядкам. Но ведь нам уже приходилось упоминать, что Спарта в крайней форме воплотила некоторые тенденции, характерные для полисного типа государственности как такового.

Так, может быть, дело не в Платоне, а в полисе? Не Платон — основоположник тоталитаризма, а полис по самой своей сути был организацией тоталитарной, философ же лишь отразил это в своих построениях? К этому непростому вопросу нам еще предстоит вернуться.

Пока говорилось об идеальном государстве. Что же касается реальных, современных ему государственных устройств, то Платон делит их все на «правильные» и «отклоняющиеся» или «искаженные». К правильным он относит только монархию (законную царскую власть, уходящую корнями в глубины древности) и аристократию (власть «лучших», причем лучших не столько в смысле знатного происхождения, сколько выдающихся своими нравственными достоинствами). Все же остальные типы государственного устройства попадают в число отклоняющихся: и демократия, и олигархия, и тирания. Как видим, народовластие в этой схеме отведено отнюдь не самое почетное место — рядом с правлением кучки богачей и беззаконной властью тирана.

Как Платон был лучшим из учеников Сократа, так впоследствии лучшим из учеников самого Платона стал другой великий философ — Аристотель. Уроженец города Стагир на северном побережье Эгейского моря, сын врача, семнадцатилетним юношей приехал он в Афины в 367 г. до н. э., чтобы учиться в платоновской Академии. Аристотель проявил замечательные философские способности и потому, окончив курс, был оставлен при школе в качестве преподавателя, став в ней одной из ведущих фигур.

После смерти Платона Аристотель рассчитывал, что ему предложат возглавить Академию. Надежды его не оправдались, и философ покинул Афины. Вскоре после этого он оказался к северу от границ

Эллады, в Македонии, где был домашним учителем юного наследника престола — будущего Александра Македонского. С 335 г. до н. э. Аристотель снова жил в Афинах и основал там вторую знаменитую философскую школу, получившую название Ликей³.

Аристотель писал как изящные диалоги в духе Платона, так и серьезные, порой сухие и трудные для понимания философские и научные трактаты. До нашего времени, к сожалению, дошли только эти последние. Философ, живший в самом конце классической эпохи, поставил себе задачу систематизировать и обобщить сведения по всем основным областям знания, которые были получены к его времени. С этой задачей он блестяще справился: недаром часто его называют самым универсальным умом всей древности.

Среди многочисленных сочинений Аристотеля — труды не только по философии, но и по физике, астрономии, географии, биологии, медицине, психологии, этике, истории, праву, риторике, литературоведению, искусствоведению... Один только перечень этих дисциплин впечатляет. И в каждой из них глава Ликейя досконально разбирался, в каждой сумел сказать новое слово.

Столь многостороннего мыслителя, конечно, должны были привлечь и проблемы политической теории. Их Аристотель разбирает в обширном трактате, который так и называется — «Политика». В нем речь идет о целях существования государства, его структуре, лучших и худших формах его устройства.

Если Платона в чем-то можно назвать великим фантазером, создателем грандиозных, но неосуществимых политических утопий, то Аристотель — скорее реалист и практик. Он мало озабочен идеалом; его больше интересует, что на деле можно предпринять для улучшения государственного управления.

Типы политических систем Аристотель вслед за своим учителем делит на «правильные» и «отклоняющиеся». Демократия у него опять же оказывается в числе отклоняющихся, наряду с олигархией и тиранией. К правильным же он относит монархию, аристократию, а также — внимание, здесь мы встречаем нечто новое! — так называемую **политию**. Этот термин — новшество самого Аристотеля. Им философ обозначил «средний» государственный строй, промежуточный между «чистой» демократией и «чистой» олигархией, объединяющий в себе положительные черты той и другой.

³ И здесь, как в случае с Академией, название появилось во многом случайно: Ликеем называлась роща, в которой была основана школа. Но впоследствии слово «Ликей» (обычно в латинизированной форме — «Лицей») тоже стало нарицательным.

Получается, что, смешав два «неправильных» устройства, можно получить из них правильное. Аристотель вообще был горячим сторонником «золотой середины», умеренности, врагом любых крайностей. И если внимательно всмотреться в то, что он называет «политией», то окажется: в сущности, это не что иное, как умеренная демократия — демократия без демагогов, без засилья безответственной толпы, без внутренних смут, демократия, в которой отведено подобающее место всем — богатым и бедным, в которой ни те, ни другие не стремятся навязать друг другу свою волю, а совместно трудятся для общего блага. А главное место в таком государстве занимают представители «среднего» общественного слоя, зажиточные земледельцы. Именно их полис всемерно поддерживает. Они — основа и опора стабильности и процветания общества, в экономическом, военном и любом другом отношении.

Пожалуй, из всех форм государственного устройства Аристотель отдавал предпочтение именно политии. Не потому, что считал ее наилучшей в принципе или тем более идеальной. Нет, монархия или аристократия, конечно, лучше. Но их время давно ушло в прошлое, и бессмысленно пытаться их возродить. А политию (то есть умеренную демократию) вполне возможно создать и заставить эффективно работать.

Итак, отношение к демократии у Аристотеля уже не столь однозначно-негативно, как у Ксенофонта и Платона. Все дело в том, какая это будет демократия. Если в ней властвует закон, если масса демо-са не творит бесчинств, а достойные люди занимают подобающее им достойное место, — то почему бы и нет? Чем дальше от казни Сократа, тем яснее, кажется, можно проследить примирение мыслителей с народовластием. Хотя, следует подчеркнуть, полным и безоговорочным это примирение так никогда и не стало. Ни в классическую эпоху, ни позже ни один античный философ не признал демократию образцом, идеалом. Теоретики в лучшем случае готовы были с ней мириться, но отнюдь не почитать; слишком уж много в этом строе видели недостатков.

Особую позицию в идеологической борьбе занимал писатель Исократ (436–338 гг. до н. э.). Давая характеристику его творчеству, не так уж и просто определить, к какому жанру оно относится, кем по основному роду деятельности был этот известный в Афинах автор.

Философом? Нет, хотя Исократ и учился у софистов, сам он не писал философских трактатов, да и вообще сомневался в том, что

философия способна кого-то чему-то научить. Историком? Опять же нет, хотя для его сочинений характерен интерес к историческим сюжетам. Оратором? Здесь мы ближе к истине: Исократ действительно составлял речи, но сам их никогда не произносил, обладая застенчивым характером и боясь выступать перед народом. В молодости он занимался ремеслом логографа, но затем открыл и возглавил самую известную в Афинах риторическую школу. В какой-то степени он даже противостоял Платону и Аристотелю, считая, что именно риторика, а не философия должна стать основой образования и общей культуры личности.

Такой вот парадокс: многих известных афинских ораторов обучил человек, сам никогда не выходивший на ораторскую трибуну. Речи свои Исократ делал достоянием общественности иным способом: он издавал их и распространял в Афинах и за их пределами в качестве книг. Эти произведения пользовались большой популярностью: ведь в них затрагивались очень актуальные для IV в. до н. э., волновавшие всех вопросы — о том, как выйти из кризиса, по каким путям направлять внутреннюю и внешнюю политику, какая форма государственного устройства предпочтительнее и эффективнее. В сущности, Исократ был одним из первых в античной и мировой истории публицистом (хотя самого этого слова в Древней Греции еще не существовало).

Исократ писал не для узкого кружка своих учеников, как Платон и Аристотель, а для широкой читательской аудитории. А это значит, что ему нельзя было открыто порицать саму идею демократии: у народа это не встретило бы никакой поддержки, да могло и оказаться опасным для автора. В душе Исократ относился к народоправству с некоторой неприязнью, но вынужден был маскировать свои взгляды.

Вот несколько его характерных высказываний: *«Я одобряю равноправие и демократию, но не любую, а лишь хорошо организованную, созданную не как попало, но на справедливой и разумной основе»* (Исократ, VII. 60). А что же понимать под «хорошо организованной» и «справедливой» демократией? Это становится ясным из другой цитаты: *«Самое ужасное — это уравнивание в правах людей порядочных и дурных, а самое справедливое — тщательное проведение разграничения между ними с тем, чтобы люди, неравные между собой, не получали и равных благ, но каждый пользовался и положением и почетом по достоинству»* (Исократ, III. 14).

Оценивая этот пассаж, следует правильно понимать, кто имеется в виду под «порядочными» и «дурными». Под первыми, несомненно,

состоятельные люди, а под вторыми — бедняки, «чернь». Итак, перед нами что-то новое, раньше не встречавшееся: на словах Исократ восхваляет демократию, но на деле незаметно подменяет понятия и называет «справедливой демократией» не что иное, как самую настоящую олигархию, где власть принадлежит богатым. Впоследствии эта тенденция получила широкое распространение — называть демократией то, что ею не является.

Демократическому принципу всеобщего равенства граждан Исократ явно предпочитает другой принцип: каждый должен получать по достоинству и заслугам. Можно заметить, что этот принцип больше всего совпадает со взглядами древнего законодателя Солона. Не случайно политические идеалы Исократа лежат именно там — в далеком прошлом, в солоновской и даже досолоновской эпохе. Это — так называемое отеческое государственное устройство, которое было до всех демократических реформ.

Именно тогда, по мнению Исократа, афинское государство было хорошо организовано. Все дела в полисе контролировал мудрый Ареопаг, ведя афинян по пути благой жизни. Поэтому Исократ всячески призывал возродить значение этого древнего Совета и даже посвятил этому специальное произведение — «Ареопагитик». В ряде его речей отчетливо заметны также симпатии к монархии. И это — настоящее знамение времени. Монархические идеи в IV в. до н. э. буквально «носились в воздухе». Мы уже видели, что и Платон, и Аристотель однозначно относили царскую власть к «правильным», заслуживающим похвалы политическим формам.

Была в воззрениях Исократа одна важная черта, которая резко отличала его от всех современных ему мыслителей. Платон и Аристотель, отыскивая пути выхода из поразившего Элладу кризиса, не могли и не хотели выйти из полисных рамок. Образцовое государство для них возможно только в виде полиса — маленького, самодовлеющего полиса с замкнутым гражданским коллективом. А эта искусственная консервация устаревающих принципов уже не соответствовала изменившимся историческим условиям.

Исократ, напротив, глубже, чем кто-либо, понимал невозможность возвращения к старому полисному миру и необходимость преодоления политической раздробленности. Он разработал более реалистичную программу выхода из кризиса, выдвинув идею объединения всей Греции под эгидой какого-нибудь сильного государства. Для того, чтобы такое объединение состоялось, необходима была какая-то общая цель (ведь объединяться можно только ради чего-то, а не просто так), причем цель высокая, священная. Исократ предложил

и такую цель: совместный поход против «исконного» врага эллинов — Персидской державы — и ее сокрушение или, по меньшей мере, отвоевание у нее всей Малой Азии.

Силами греческих полисов одержать победу над колоссальным государством, раскинувшимся от долины Нила почти до долины Инда, — утопия, фантастика? Но не нужно доверяться первому впечатлению. Не забудем: в Греко-персидских войнах V века до н. э. эллины одержали полную победу. Их военная организация, тактика, вооружение оказались несравненно эффективнее, чем персидская. Это, кстати, понимали и сами Ахемениды, активно привлекая на свою службу в качестве наемников греческих солдат и полководцев.

Но одно дело — прогнать врага со своей земли, и совсем другое — самим перейти в наступление на его территорию, погрузиться в бескрайние просторы Персии. Однако и здесь грекам было чем похвастаться. Еще в 400 г. до н. э. против персидского царя Артаксеркса II поднял мятеж его брат Кир Младший, занимавший должность сатрапа Малой Азии. Он набрал отряд греческих наемников численностью около 10 тысяч человек и двинулся на центральные области государства. Дойдя почти до Вавилона, Кир дал сражение войску Артаксеркса. Греки эту битву выиграли, но в ней погиб сам Кир, что сделало всю акцию бессмысленной. Десятитысячный отряд (одним из его командиров был знакомый нам Ксенофонт) проделал трудное отступление к берегам Черного моря. Но самое главное — экспедиция эллинов в самое сердце державы Ахеменидов показала: с персами можно успешно бороться даже в их собственных владениях. Чуть позже против них победоносно воевал в Малой Азии спартанский царь Агесилай.

Таким образом, план Исократы был вполне реален и выполним. Развивавшаяся им идея носит в современной науке об античности название **панэлленизм**. Охватившую Грецию войну, считал этот автор, следует перенести в Азию, а богатства Азии — в Грецию. Это решит проблему бедности, вызовет отток незанятого населения на новые, захваченные от персов земли, избавит Элладу от терзающих ее гражданских смут.

Но кто же возглавит объединение греков, кто станет гегемоном? Прежние центры силы не могли уже претендовать на эту роль. Исократ поочередно обращает свой взор на Афины, Спарту, Фивы, сицилийскую державу Дионисия, но нигде не видит достойного лидера. Наконец, на севере пробудилась новая и мощная сила. Об этом речь пойдет уже в следующей главе.

Экскурс 5

Демократия и женщины

Мы близки к концу истории афинской демократии. Перед нами прошел, наверное, не один десяток ярких личностей — политиков, полководцев, мыслителей... И нетрудно заметить, что практически все имена, до сих пор появившиеся в изложении (да и дальше будет точно так же), принадлежат мужчинам. Едва ли не единственным исключением была Аспасия — но ее известность носила скорее скандальный оттенок.

Отчего же такое пренебрежение проблемами женского пола? Это — не наша сознательная воля, а отражение действительного порядка вещей, имевшего место в классической Греции. Афинская демократия (как и любая античная демократия) была в полном смысле слова «демократией для мужчин». Потому-то у нас пока не было даже подходящего повода рассказать сколько-нибудь подробно о положении женщин в Афинах. Но сделать это все-таки необходимо для полноты картины, и мы воспользуемся концом очередной главы, чтобы остановиться на «женском вопросе».

В 392 г. до н. э. драматург Аристофан написал и поставил на театральной сцене комедию «Женщины в народном собрании». Сюжет ее таков: в один прекрасный день женщины решают, что их мужья плохо управляют государством и что им самим необходимо взять власть в свои руки. Переодевшись мужчинами, подвязав искусственные бороды, они приходят в афинскую экклесию, составляют большинство при голосовании и выносят решение: *«Бразды правленья предоставить женщинам»* (Аристофан, Женщины в народном собрании, 430).

В чем, собственно, соль аристофановского юмора? Выше уже говорилось о том, что для афинских комедий классической эпохи были характерны сказочно-фантастические сюжеты. Комедиографы изображали в своих пьесах то, чего не может быть. И в эту категорию абсолютно невозможного, наряду с полетом на небо на навозном жуке и с постройкой птичьего города, входит также переход власти к женщинам. Такое могло случиться только в воображении Аристофана; зрители, хохотавшие над его шутками, не могли допустить даже и возможности, чтобы в реальной жизни женщины получили хоть какую-то долю участия в управлении полисом.

Положение женщин-гражданок в демократических Афинах было, что и говорить, приниженным. Они не имели равным счетом никаких

политических прав: не могли участвовать в работе народного собрания, ни в каких выборах. Единственной формой общественной жизни, открытой для них, оставались религиозные праздники. В сущности, лишены были женщины и всех остальных гражданских прав: они не могли даже владеть имуществом.

Скудна содержанием, скучна была жизнь афинянки. Муж, встав утром и позавтракав, покидал жилище, а возвращался лишь к вечеру. Ведь грек-мужчина вел жизнь в высшей степени общественную, проводил целый день на улицах и площадях своего города. Там он участвовал в работе органов власти, общался с друзьями, узнавал последние новости...

А жена его все это время была замкнута в пространстве дома. Ее занятиями были прядение и ткачество, ведение хозяйства, присмотр за домашними рабами и рабынями, воспитание малолетних детей. Позволялось разве что побывать в гостях у подруги, да и то под присмотром кого-нибудь из слуг. Даже на рынок за покупками женщины не ходили; это считалось мужским делом.

В трактате «Домострой», посвященном ведению домашнего хозяйства, Ксенофонт пишет, отражая господствовавшее в его время мнение: *«Природу обоих полов с самого рождения, как мне кажется, бог приспособил: природу женщины для домашних трудов и забот, а природу мужчины — для внешних... Женщине приличнее сидеть дома, чем находиться вне его, а мужчине более стыдно сидеть дома, чем заботиться о внешних делах»* (Ксенофонт, Домострой, 7. 22; 7. 30).

Если к мужу приходили друзья и по этому случаю устраивалась веселая пирушка (**симпосий**), супруга в ней не участвовала. Она оставалась на своей половине, в гинекее⁴, в то время как глава семьи кутил с гостями в обществе музыкантов и танцовщиц.

Не исключено, что афинянам было просто неинтересно в компаниях своих законных жен. Сами-то они были политически развитыми и всесторонне образованными людьми. Могли и поспорить на философские темы, и посостязаться в произнесении речей, и почитать наизусть большие куски из произведений великих поэтов... А женщины ничем этим похвастаться огнюдь не могли. Если мальчиков в семь лет отправляли учиться в школу, то девочки практически никакого образования вообще не получали. Они оставались в гинекее под присмотром матери вплоть до замужества и в большинстве своем не владели даже искусством грамотности.

⁴ Древнегреческий жилой дом делился на две половины: мужскую (**андрон**) и женскую (**гинекей**).

Несомненно, играл свою роль и такой фактор, как большая разница в возрасте между вступающими в брак. В том же «Домострое» Ксенофонта главный герой — образцовый крестьянин Исхомах — вспоминает о своей жене: *«Когда она пришла ко мне, ей не было еще и пятнадцати лет, а до этого она жила под строгим присмотром, чтобы возможно меньше видеть, меньше слышать, меньше говорить»* (Ксенофонт, Домострой, 7. 5). И столь ранние браки для девушек были нормой. А что касается мужчины, самым подходящим временем для вступления в брак считалось достижение тридцатилетия. Понятно, что при таких условиях семья строилась на заведомо неравных основах. Муж был уже вполне взрослым, самостоятельным человеком, а жена — совсем юной, не имеющей еще никакого жизненного опыта. И она с самого начала привыкала смотреть на супруга «снизу вверх».

Кстати, при заключении брака мнение невесты не имело никакого значения. Все за нее решали родители; именно с ними и договаривался жених, вел все дела, связанные со сватовством⁵. А свою будущую спутницу жизни он зачастую впервые видел только на свадьбе. Иными словами, браки заключались не по любви, а по расчету. И в жене грек видел не столько возлюбленную, сколько хранительницу домашнего очага и мать законных наследников.

Вот как говорится об этом в одной дошедшей до нас речи, которая по ошибке попала в сборник произведений Демосфена, а в действительности была написана, судя по всему, малоизвестным оратором Аполлодором. Слова, которые сейчас будут процитированы, многим из наших современников могут показаться циничными и шокирующими. *«Гетер мы заводим ради наслаждения, наложниц — ради ежедневных телесных потребностей, тогда как жен мы берем для того, чтобы иметь от них законных детей, а также для того, чтобы иметь в доме верного стража своего имущества»* (Демосфен, LIX. 122).

Из этого сообщения видно, что афинянин мог обзавестись помимо законной жены еще и рабыней-наложницей. Кроме того, здесь мы впервые встречаемся с гетерами, и о них тоже следует сказать несколько слов. Гетеры были женщинами легкого поведения, но греки искали в общении с ними не столько чисто сексуальных утех (как раз их они вполне могли получить и в семье), а скорее интеллектуального удовольствия.

⁵ Как о некой сенсации, рассказывали афиняне о поступке одного из граждан по имени Каллий. Он имел трех дочерей и позволил им самим выбирать себе женихов.

В отличие от женщин-гражданок, которые были совершенно неразвитыми в духовном плане, гетеры (обычно они являлись уроженками других городов и принадлежали в Афинах к разряду метэков) как раз получали хорошее образование. Они могли поддержать беседу о литературных, философских или даже политических предметах, обладали хорошими манерами, да и в целом кругозор их был весьма широк. Не удивительно, что многие граждане предпочитали общество гетер обществу своих жен.

Некоторые из афинских гетер оставили заметный след в истории. Именно гетерой по основному роду своих занятий была знаменитая Аспасия. В IV в. до н. э. славилась красотой и скандальным образом жизни гетера Фрина, неоднократно служившая моделью для лучших скульпторов и живописцев. Несколько позже гетера Таида была близка к Александру Македонскому и участвовала в его великом походе на Персидскую державу.

...В целом отношение греков к женщинам очень хорошо отразилось в строке из стихотворения одного античного поэта: «И с ними плохо, и без них никак нельзя!» Женщину воспринимали как неизбежное зло. Не случайно известный миф о Пандоре, рассказанный Гесиодом, гласил: именно через женщину в мир пришли все бедствия, все зло.

Женщина для греков — существо, принадлежащее скорее к миру Хаоса, чем к упорядоченному мужскому Космосу. Она — игрушка страстей, которые решительно преобладают у нее над разумом, тогда как в норме все должно быть наоборот. Женщина в чем-то даже сродни дикому животному, которое нужно укрощать, приручать. И это не метафора. Уже знакомый нам Иسخомах (герой произведения Ксенофонта) говорит, что его жена спустя некоторое время после замужества *«привыкла ко мне и была ручной, так что можно было говорить с ней»* (Ксенофонт, Домострой, 7. 10). Обратим внимание на сам язык: ведь так обычно выражаются именно о животных. Не приходится сомневаться в том, что юная супруга Иسخомаха, скорее всего, впервые в своей жизни оказавшаяся один на один с чужим, раньше не знакомым ей мужчиной, действительно первое время «дичилась». Именно так вели себя, насколько можно судить, и все ее сверстницы.

В тесной связи с вышеописанным отношением к женщинам находилось широкое распространение в Греции такого явления, как гомосексуализм. Обычно в научно-популярных книгах о древних греках об этом стыдливо умалчивают. Однако, как говорится, из песни слова не выкинешь. Гомосексуализм был абсолютно повсеместным и повседневным фактом. Более того, считалось, что однополая

любовь, любовь между мужчинами (обычно между зрелым мужем и юношей), имевшая, помимо прочего, еще и образовательно-воспитательный оттенок, в принципе выше и достойнее, чем любовь к женщине.

И еще на одном интересном, даже парадоксальном нюансе следует остановиться. Как ни странно, особенно приниженным положение женщин было в самых демократических полисах — таких как классические Афины. Там, где у власти стояла аристократия, у представительниц «прекрасного пола» было хоть чуть-чуть, но все-таки побольше возможностей проявить себя в общественной жизни.

Речь идет прежде всего о так называемых политических браках. Знатные роды, желая установить между собой дружественные отношения или, скажем, помириться после долгой вражды, чаще всего скрепляли свой союз брачными узами. Так было и в афинском полисе, пока аристократы еще играли видную роль в его общественной жизни. Например, когда около 480 г. до н. э. роды Алкмеонидов, Филаидов и Кериков создали альянс против Фемистокла, выразилось это в двух почти одновременно сыгранных свадьбах. Кимон — глава Филаидов — женился на Исодике из рода Алкмеонидов, а сестра Кимона Эльпиника была выдана замуж за Каллия из рода Кериков.

Роль женщин в этих браках нельзя считать целиком пассивной. Они могли содействовать заключению или разрыву союза, а также оказывать влияние на мужей-политиков в повседневной жизни. Все это относится, подчеркнем, исключительно к представительницам знати, а незнатным женщинам путь в политику был закрыт в принципе. По мере демократизации политической системы Афин, как мы уже знаем, роль аристократии снизилась, а вместе с ней ушли в прошлое и политические браки. В эпоху господства демоса последняя возможность как-то влиять на управление государством, ранее существовавшая для некоторых женщин, исчезла.

Именно в этом и заключается парадокс: чем демократичнее был полис — тем сильнее в нем проявлялось «засилье» мужчин. Ярким контрастом Афинам выступала в этом отношении Спарта. В этом жестком, военизированном государстве, где элементы демократии если и были, то находились в зачаточном состоянии, — в этом государстве женщина пользовалась несравненно большей свободой. Спартанцы в высшей степени уважали своих жен и матерей (а порой даже дочерей), во всем прислушивались к их мнению. Некоторые греческие авторы считали даже, что реальная власть в спартанском государстве находится в руках женщин, а не мужчин.

Возвращаясь же в Афины, завершим этот экскурс констатацией вот какого факта: участие женщин в политической жизни классической демократии было затруднено практически до полной невозможности не только и, может быть, даже не столько отсутствием у них гражданских прав, но и консерватизмом общественного мнения. Любые попытки женщин как-то заявить о себе встречали самое решительное осуждение.

Даже великий Перикл, при всей широте его кругозора, в этом вопросе придерживался вполне традиционных, общепринятых взглядов. Вот его слова, приведенные Фукидидом (II. 45. 2): *«Та женщина заслуживает величайшего уважения, о которой меньше всего говорят среди мужчин, в порицание или в похвалу»*. Кстати, по иронии судьбы тогдашняя жена самого Перикла — Аспасия — ни в малейшей мере не удовлетворяла этому требованию. Но она не была афинянкой...

А для афинских гражданок главным жизненным правилом должно было стать — жить как можно более незаметно. Впрочем, в своем подавляющем большинстве они воспринимали это как должное, довольствовались существующим положением вещей и не добивались большего.

Глава VI

НА АФИНЫ ОПУСКАЕТСЯ НОЧЬ

Объединение или свобода?

Македония... Выше по ходу изложения название этой страны — ближайшей северной соседки Греции, отделенной от нее горным массивом Олимпа, — несколько раз упоминалось, но рассказать о ней подробнее пока что не было случая. Это и не удивительно: Македония уже с начала классической эпохи нередко вступала в контакты с греческими полисами, однако вплоть до середины IV в. до н. э. она не играла по-настоящему значительной роли в политической жизни Эллады, оставалась как бы на втором плане, в числе слабых и несамостоятельных участников межгосударственных отношений. В период расцвета Афинской архэ Македония даже одно время входила в ее состав и платила Афинам форос, а позже, во времена усиления Фив, находилась под их контролем.

Македоняне — народ, населявший страну, — были близкими родственниками греков¹. Возможно, их следует считать просто одной из периферийных ветвей греческого народа. Судя по всему, греки и македоняне могли даже понимать друг друга без переводчика. Основными занятиями жителей Македонии являлись земледелие и скотоводство, а сами эти жители были свободными крестьянами, объединенными в сельские общины и самостоятельно обрабатывавшими свои наделы. Городская жизнь была развита слабо.

Государство в Македонии сложилось довольно поздно (этот процесс завершился лишь к V в. до н. э.) и имело форму достаточно

¹ Не следует путать их с македонцами, которые живут на территории Македонии ныне. Эти последние принадлежат к славянам и поселились на Балканском полуострове гораздо позже.

примитивной монархии: власть царя отнюдь не являлась абсолютной, а была ограничена сильным аристократическим окружением. Представители высшей македонской знати — **гетайры** («товарищи») — входили в состав царского совета, занимали ключевые посты в войске, становились наместниками окраинных македонских областей, зачастую передавая свою власть по наследству, из поколения в поколения, и выступая в роли полунезависимых правителей, почти не подчинявшихся главе государства.

Важную роль в управлении Македонией по традиции играло также собрание войска, набиравшегося из свободных крестьян. Голос этого собрания подчас оказывался решающим, когда умирал царь и нужно было определить, кто будет следующим. Впрочем, царем не мог стать кто угодно: носитель высшей власти должен был принадлежать к династии Аргеадов, которая держала в своих руках престол и считалась греческой по происхождению. Древнейшей столицей государства был город Эги; в IV в. до н. э. эта роль перешла к другому македонскому городу — Пелле.

Положение Македонии в греческом мире резко изменилось в правление энергичного и талантливого царя Филиппа II (359–336 гг. до н. э.). В результате его деятельности Македонское государство за короткий срок стало сильнейшим на Балканском полуострове. Уже в начале своего царствования Филипп II провел ряд важнейших реформ, направленных на укрепление военно-политической мощи страны.

Центральное место среди этих преобразований заняли военные реформы, которые придали новый импульс развитию фаланги. Созданная Филиппом прославленная македонская фаланга, вооруженная огромными копьями длиной до 6–7 метров (**сариссами**), была значительно глубже греческой (она насчитывала до 24 шеренг гоплитов) и при этом более маневренной за счет лучшей выучки воинов, большего числа подразделений и младших командиров. Отныне этой фаланге не было равных на полях сражений.

Наряду с ней македонская армия включала вспомогательные части, состоявшие из средневооруженных пехотинцев. В задачу этих отрядов входило нанесение первого удара по противнику и фланкирование фаланги во избежание ее окружения. Исключительно большую роль в войске играла сильная конница. Македонские кавалерийские подразделения действовали гораздо активнее, чем греческие: они смело шли в атаку, а после обращения врага в бегство преследовали его по возможности до полного уничтожения.

Как в пехоте, так и в коннице были созданы элитные отряды, отличавшиеся особенной боеспособностью. Кроме того, войско Филиппа II было прекрасно оснащено разного рода техническими приспособлениями — катапультами, таранами, осадными машинами, служившими для штурма укрепленных городов. Ранее эта часть военного дела всегда была слабым местом гопплитских армий.

Наряду с реформами вооруженных сил Филипп проводил и другие преобразования. Он завершил централизацию Македонии, укрепил царскую власть, урезав самостоятельность местной знати. Амбициозный правитель способствовал экономическому развитию страны, основывал новые города, путем удачных военных операций расширял выход Македонии к морю, присоединял соседние территории, отличавшиеся плодородием и богатые полезными ископаемыми, в том числе золотом и серебром.

Довольно длительное правление Филиппа II было почти целиком заполнено постоянными войнами. Он вел активные военные действия сразу на нескольких направлениях, повсюду осуществляя завоевательную внешнюю политику. На северных границах главным предметом внимания Филиппа стала Фракия, и постепенно он захватил значительную часть этой страны, что повело к существенному увеличению македонских владений.

Филипп II заслужил репутацию образованного человека, покровителя греческой культуры. Широко известным по всей Элладе стал тот факт, что на роль воспитателя своего сына Александра он пригласил великого философа Аристотеля. Авторитет македонского царя среди греков стал необычайно высоким. Многие полисы, страдавшие в IV в. до н. э. от жестокого кризиса, начинали даже видеть в нем долгожданного «спасителя», который объединит Грецию и вернет ей былое процветание.

Такое отношение шло навстречу замыслам самого Филиппа. Опираясь на резко возросшую мощь своего государства, он приступил к достижению своей заветной цели — гегемонии в эллинском мире. Будучи исключительно дальновидным государственным деятелем, македонский царь не спешил, действовал расчетливо и осторожно, стремясь достигнуть пусть не моментальных, но прочных результатов. Поэтому первой своей задачей на «греческом» направлении он поставил овладение теми полисами, которые находились с ним по соседству, на северном побережье Эгейского моря.

Положение для Филиппа усложнялось тем, что этот регион издавна считался зоной влияния и интересов Афин. Этим влиянием афинский полис, располагавший сильным флотом, не был распо-

жен с кем-либо делиться. Таким образом, экспансия Македонии в Северной Эгеиде неизбежно влекла за собой ее конфликт с афинянами.

Уже на этом этапе Филипп II проявил себя не только как выдающийся военачальник, но и как лучший дипломат своего времени. Вступая в борьбу с греческими полисами, он одерживал верх не только путем прямых вооруженных действий, но и с помощью переговоров, хитростей, закулисных политических интриг и прямых подкупов влиятельных лиц в различных городах. Подкупленные, естественно, становились его тайными сторонниками. Умело ссоря друг с другом своих врагов, Филипп пожинал плоды их раздора, действуя по принципу «разделяй и властвуй».

Когда в 358 г. до н. э. македонский царь захватил Амфиполь — важный стратегический пункт в Северной Эгеиде, — в Афинах это вызвало настоящий взрыв бессильного гнева. Филиппу была объявлена война, но военные действия были вялотекущими и не приносили афинянам ровно никаких результатов. А Филипп, напротив, преуспевал; в его руках оказался еще и полуостров Халкидика.

В конце концов афинский полис, смирившись с утратой своих позиций, вынужден был в 346 г. до н. э. заключить с Македонией мирный договор. Это так называемый Филократов мир, названный по имени Филократа — главы афинского посольства, прибывшего в Пеллу. Договор закреплял успехи Филиппа, развязывал ему руки для дальнейшего наступления на эллинов и потому крайне невыгодный как для Афин, так и для Греции в целом. Поползли слухи, что послы, отправленные в Македонию для подписания мира, были попросту подкуплены Филиппом, потому-то и согласились на все предложенные им условия.

Воюя с Афинами, одновременно Филипп успешно вмешивался и в дела других греческих государств. Он поставил под свой контроль самую северную область Греции — Фессалию, а потом добился того, что его включили в состав Дельфийской амфикитии — очень авторитетного религиозно-политического союза полисов, охранявшего святилище Аполлона в Дельфах. Фактически Филипп уже вскоре стал реальным лидером амфикитии, и она принимала важнейшие решения с его подачи.

По мере того как македонский царь все более усиливался, а его влияние в Элладе возрастало, перед греческими полисами все острее и острее вставал вопрос: как относиться к амбициозным планам Филиппа? Следует ли оказать упорное сопротивление любым его притязаниям на гегемонию или же необходимо подчиниться, осознав

собственное бессилие? А может быть, лучше всего занять выжидательную, нейтральную позицию и предоставить события их естественному ходу? Проблема осложнялась тем, что не вполне ясно было, как воспринимать Македонию и ее владыку: как органическую часть эллинского мира или как чуждую, «варварскую» силу, подобную Персии?

Не удивительно, что в различных регионах Греции все эти вопросы решались по-разному. Одни полисы добровольно признавали власть Филиппа, другие сражались до последнего, третьи — их было большинство — колебались, не могли выработать единой позиции, разрывались на части внутренней борьбой. Разумеется, македонскому царю такой раскол мнений был только на руку.

В Афинах развитие событий пошло именно по этому последнему сценарию. Каждая из многочисленных политических группировок должна была как-то определить свою позицию в вопросе о македонской опасности: ведь вопрос этот был одним из самых важных и болезненных. Виднейшие государственные деятели придерживались различных точек зрения на отношения с Македонией. Одни из них настаивали на необходимости мобилизовать все силы и средства, чтобы дать достойный отпор Филиппу. Другие же считали, что существует возможность достигнуть компромисса, примириться с грандиозными замыслами македонского царя, пусть даже ценой каких-то уступок.

Многим афинским политикам казались убедительными доводы Исократ об исключительной важности объединения Эллады для борьбы против персов. Этот выдающийся публицист на протяжении многих десятилетий развивал идею панэллинизма. А теперь Исократ, как ему представлялось, нашел в лице Филиппа того самого сильного и авторитетного вождя, который сможет воплотить в жизнь его теоретические построения — встать во главе греческих полисов, примирить их под своей эгидой и повести в великий поход на Восток.

Около 345 г. до н. э. Исократ опубликовал речь под названием «Филипп», ставшую настоящим призывом к македонскому царю взять в свои руки дело сплочения эллинского мира. Именно Исократ можно назвать идеологом сторонников Македонии в Афинах. Правда, сам он не занимался активной политической деятельностью. Но воплощением его установок в жизнь занимался ряд влиятельных политиков — выдающийся финансист Евбул, талантливый оратор Эсхин, опытный полководец Фокион, дипломат Филократ и другие.

Их противники, выступавшие за решительную борьбу с Филиппом, клеймили их как предателей, тайных агентов македонского царя, подкупленных им. В этих обвинениях, судя по всему, было некоторое зерно истины: известно, что Филипп II активно пользовался подкупом в своей дипломатии. Однако можно с уверенностью сказать, что большинство политических лидеров промакедонской ориентации было вдохновляемо не стремлением к измене, а своеобразно понимаемым представлением о благе государства.

Всех этих очень разных людей объединяла мысль о том, что македонская гегемония в целом окажется полезной для Греции в целом и для Афин в частности. Конечно, они отдавали себе отчет в том, что афинский полис, оказавшись под чужой гегемонией, может полностью или частично утратить свою независимость, но считали это наименьшим из возможных зол.

К тому же сторонники примирительного отношения к Македонии небезосновательно полагали, что сопротивление все равно бесполезно ввиду неравенства сил. Ни один отдельно взятый полис, даже Афины, не мог, конечно, на равных противостоять Филиппу. Чтобы добиться хоть какого-то успеха в борьбе с ним, необходимо было создавать крупный военно-политический союз, который охватил бы собой наиболее значительные греческие полисы. Иными словами, опять же нужно было объединяться. Но такой союз был практически невозможен в условиях IV в. до н. э., когда система межполисных отношений претерпевала кризис и города Эллады постоянно воевали друг с другом, истощая себя в бесплодных конфликтах.

Да и сами Афины были уже далеко не те, что столетие назад, когда они наносили сокрушительные поражения самому персидскому царю. Вооруженные силы государства были значительно слабее, финансовая система долгое время находилась в расстройстве. Правда, Евбул, на протяжении ряда лет руководя афинскими финансами, сумел значительно укрепить их. Именно поэтому он был особенно заинтересован в сохранении достигнутых результатов. А любая война, тем более война с Македонией, подрывала эти результаты, наносила ощутимый ущерб государственной казне. Евбул закономерно оказывался в стане противников конфликта с Филиппом.

Самым выдающимся лидером тех слоев афинян, которые выступали за бескомпромиссную борьбу с амбициями македонского царя, был, бесспорно, Демосфен. Его сторонниками выступали вожди некоторых других группировок, в том числе Ликург. Демосфен и его единомышленники — убежденные сторонники афинской демокра-

тии — вполне понимали, что победа Филиппа и установление македонского владычества в конечном счете, скорее всего, повлекут за собой гибель этой политической системы, устранение демоса от управления государством, установление олигархии или даже тирании. Забегая несколько вперед, отметим: время показало, что они отнюдь не ошибались.

В страстных речах перед народным собранием Демосфен призывал афинян стряхнуть с себя оцепенение и всерьез готовиться к схватке с могущественным врагом: укреплять сухопутное войско и флот, направлять все свободные денежные средства на нужды обороны, вести переговоры с другими полисами о создании антимакедонской коалиции, преодолевая при этом застарелые распри.

Оппоненты Демосфена старались очернить его, заявляя, что он столь решительно выступает за войну с Македонией только потому, что сам подкуплен персидским царем. И действительно, Артаксеркс III, занимавший в то время престол в Сузах, осознавал опасность, которую начинал представлять для него Филипп II, и пытался не допустить усиления этого последнего. Артаксеркс вел против Филиппа свою игру, тоже посылая в греческие полисы персидское золото и таким путем вербуя себе сторонников среди ведущих политиков.

Страсти в Афинах накалялись. Дебаты между противоборствующими сторонами отличались крайне жестким характером, зачастую выходили за рамки какой бы то ни было политической корректности. До нас дошли речи Демосфена и Эсхина, направленные друг против друга. Эти речи переполнены грубыми нападка, клеветническими обвинениями, а то и площадной бранью. Вот, для примера, только один характерный выпад Демосфена против Эсхина: *«Он и взяточник, и лстец, и заклеянный проклятием, и обманщик, и предатель друзей, — словом, в нем сосредоточены все самые ужасные преступления»* (Демосфен, XIX. 201).

Борьба по «македонскому вопросу» шла с переменным успехом. То одной, то другой стороне удавалось одержать верх. В результате линия Афин на внешнеполитической арене была нестабильной, неоднократно изменялась. Победой сторонников Македонии, несомненно, следует считать заключение Филократова мира в 346 г. до н. э. Впоследствии, однако, Демосфен и члены его группировки начали столь широкомасштабную кампанию против послов, подписавших этот договор, что глава посольства Филократ вынужден был бежать из Афин. Мир между афинским полисом и Филиппом II был расторгнут.

Важным вопросом, который постоянно волновал афинян, было расходование государственных финансов. В это время все излишки денежных средств, оставшихся у полиса, по предложению Евбула передавались в театральный фонд и использовались на вспомоществование беднейшим гражданам, позволяя им посещать празднества и театральные представления. Такая политика, без сомнения, вполне удовлетворяла низшие слои демоса.

Однако Демосфен решительно выступал за передачу этих свободных средств из театрального фонда в военный, которым он сам тогда руководил. В конце концов ему удалось добиться своего, и на укрепление афинского войска были, таким образом, направлены значительные суммы.

Заботила Демосфена и необходимость создания союза греческих полисов, направленного против Македонии. Он лично вел переговоры со многими городами Эллады, добиваясь их перехода на сторону Афин. Частые поездки великого оратора по различным частям греческого мира приносили свои плоды: антимакедонская коалиция постепенно формировалась, хотя, пожалуй, медленнее, чем следовало бы.

В 340 г. до н. э. Филипп II осадил и пытался взять Византий. Этот город², находившийся на берегу пролива Боспор Фракийский, занимал уникальное геостратегическое положение. Попади он в руки македонского царя — и тот стал бы господином пути в Черное море, контролирующим поступление зерна оттуда в Балканскую Грецию. На этот раз, однако, афиняне смогли оценить степень грозившей им опасности (ведь именно Афины были главным импортером черноморского хлеба) и оказали Византию своевременную помощь. В результате тот смог выдержать осаду и не сдался македонянам.

Тем не менее Филипп считал, что наступило время активных, решительных действий. Помимо прочего, доходившие до него вести о складывающемся антимакедонском союзе побуждали его нанести упреждающий удар. В 339 г. до н. э. он установил свой контроль над важнейшим в стратегическом отношении Фермопильским проходом и овладел охранявшей подступы к нему с юга крепостью Элатеей. Теперь он грозно нависал над всей Средней Грецией, в том числе и над Аттикой; воспрепятствовать его дальнейшему продвижению становилось чрезвычайно трудно. Захватнические планы македонского царя были отныне ясны для всех.

² Впоследствии Константинополь, а ныне — Стамбул.

В Афинах весть о происшедших событиях застала граждан врасплох и произвела настоящий шок. Впоследствии Демосфен так вспоминал об этом в одной из своих речей (XVIII. 169–170):

«Был вечер. Вдруг пришел кто-то к пританам и принес известие, что Элатея захвачена. Тут некоторые — это было как раз во время обеда³ — поднялись с мест и стали удалять из палаток на площади торговцев и устраивать костер из их щитков, другие пошли приглашать стратегов и вызывать трубача. По всему городу поднялась тревога. На следующий день с самого рассвета пританы стали созывать Совет в булевтерий, а вы (т. е. афиняне) направились в народное собрание и, не успев еще Совет обсудить дело и составить пробулевму, как весь народ сидел уже там наверху⁴. После этого туда явился Совет. Пританы доложили о полученных ими известиях, представили самого прибывшего, и тот рассказал обо всем. Тогда глашатай стал спрашивать: “Кто желает говорить?” Но не выступил никто. И хотя уже много раз глашатай повторял свой вопрос, все-таки не поднимался никто. А ведь были налицо все стратеги, все обычные ораторы, и отечество призывало, кто бы высказался о мерах спасения».

Настолько велика была всеобщая растерянность и паника. В конце концов слово взял сам Демосфен и предложил программу немедленных действий. По его инициативе в срочном порядке был заключен военный союз Афин с Фивами: два сильнейших полиса Средней Греции, ранее почти постоянно враждовавшие и боровшиеся за гегемонию, смогли наконец объединиться для противостояния общему противнику.

Кроме Афин и Фив в антимакедонский союз входил и ряд других полисов: Коринф, Мегары, города Эвбеи... Но сопротивление угрозе, исходящей от Филиппа, было явно организовано слишком поздно. К тому же в нем приняли участие далеко не все греческие государства. В частности, Спарта заявила о своем нейтралитете.

В 338 г. до н. э. близ города Херонеи в Беотии произошло решающее сражение между македонским войском Филиппа II и союзной греческой армией, основу которой составляло афино-фиванское ополчение. В афинской фаланге в качестве рядового гоплита сражался и Демосфен. Силы сторон были примерно равны по размерам: и то и другое войско насчитывало примерно по 30 тысяч человек.

³ В античной Греции было принято обедать вечером.

⁴ На Пниксе.

Битва была длительной и трудной как для греков, так и для македонян, и исход ее долгое время оставался неясным. Вначале казалось, перевес на стороне греческой коалиции. Но затем фланговая атака македонской кавалерии, которой командовал Александр, юный сын Филиппа, сокрушила элитные силы фиванцев и обратила греков в бегство.

Херонейское сражение оказалось для Эллады воистину роковым, ознаменовало конец независимости греческого полисного мира и установление македонской гегемонии. Его можно назвать одной из самых трагических страниц древнегреческой истории, по сути дела, завершившей собой ее классическую эпоху.

Символична судьба престарелого Исократа (ему было 98 лет). Еще недавно он сам призывал Филиппа объединить Элладу. Но, увидев, какими насильственными методами действует македонский царь, Исократ был глубоко удручен. Вскоре после битвы при Херонее он покончил жизнь самоубийством, отказавшись принимать пищу.

Можно, конечно, давать самые разные оценки борьбе Филиппа II за гегемонию в Греции, тем приемам, которые он применял в этой борьбе. Однако несомненно одно: историческое поражение полисного мира, судя по всему, было неизбежным. Установление македонского владычества стало закономерным результатом кризиса классического полиса и всей системы межполисных отношений. С каким бы уважением ни относились мы к Демосфену, славному борцу за независимость демократических Афин, все-таки следует помнить: он защищал обреченные, уходящие в прошлое ценности, победа которых в новых условиях вряд ли была возможна.

Конец Демосфена, конец демократии

После поражения при Херонее в Афинах со дня на день ждали вторжения македонян. Предлагались самые различные меры, направленные на укрепление обороноспособности города. Так, Гиперид — оратор и политик ярко выраженной антимакедонской ориентации, один из вождей радикальных демократов — внес предложение освободить и вооружить рабов, предоставить гражданские права метэкам. Столь революционная инициатива не вызвала сочувствия даже у Демосфена и, конечно, была отклонена.

Впрочем, Филипп не пошел на Афины. Он прекрасно понимал, что дело подчинения Греции его гегемонии еще не закончено. Элли-

ны были побеждены, но не сломлены. Чтобы утвердить македонское господство насильственным путем, пришлось бы осаждать и захватывать один за другим полисы различных греческих областей, а эта задача была вряд ли выполнимой. Поэтому царь Македонии предпочел действовать дипломатическими методами, тем более что теперь он мог говорить с греками с позиций силы, языком победителя.

После Херонейской битвы Филипп проявил демонстративное милосердие и миролюбие. Он заключил с Афинами мирный договор на весьма щадящих условиях: афиняне не понесли почти никаких территориальных потерь. Афинские воины, взятые в плен при Херонее, были возвращены на родину без выкупа. Политические лидеры, проявившие себя как враги Македонии (Демосфен, Гиперид и другие), не подверглись никаким репрессиям, демократия в Афинах не была ликвидирована.

Таким образом Филипп желал показать, что он — не жестокий завоеватель, а объединитель Греции, тот самый долгожданный гегемон, который принесет мир, порядок и процветание в раздробленный мир эллинских полисов, будет не самовластно диктовать свою волю, а прислушиваться во всех важнейших вопросах к мнению греков.

В 337 г. до н. э. по инициативе Филиппа в Коринфе был созван общегреческий конгресс, который должен был подвести итоги греко-македонского противостояния, утвердить победу Македонии правовыми актами и наметить перспективы дальнейших действий. На конгресс прибыли представители всех полисов Балканской Греции (кроме Спарты, которая по-прежнему сохраняла нейтралитет и отказывалась сотрудничать с Филиппом⁵).

В ходе переговоров был принят ряд важных решений, которые определили историческую судьбу греческого мира на последующие десятилетия. Объявлялось о завершении войн и установлении всеобщего мира в Элладе, гарантом которого выступал македонский царь. Более того, запрещалось вести не только внешние вооруженные конфликты друг с другом, но и междоусобные войны внутри полисов, организовывать государственные перевороты и изменять существующий политический строй, прибегать к массовым казням и конфискациям имущества, проводить радикальные социально-экономические реформы, такие как отмена долгов, передел земель, освобождение больших групп рабов. Объявлялась свобода торговли и мореплавания, для безопасности которого должна была вестись борьба с пиратством.

⁵ Спарта была вынуждена признать македонскую гегемонию позже, в 333 г. до н. э., после того как она объявила Македонии войну, но потерпела поражение.

Таким образом, Филипп выступал в чрезвычайно выигрышной роли «благодетеля» Эллады, даровавшего ее измученной земле стабильность и благосостояние. В то же время за красивыми фразами отчетливо прочитывалась олигархическая направленность основных мероприятий конгресса: ведь они были нацелены не в последнюю очередь против сторонников крайней демократии.

Важнейшим решением Коринфского конгресса стало создание общегреческого военно-политического союза, гегемоном которого и главнокомандующим вооруженными силами объявлялся Филипп. Следует подчеркнуть: царь Македонии не включил Грецию в состав своих владений, не сделал ее частью македонского государства. По отношению к грекам он выступал не в качестве властелина, а в качестве вождя. Соответственно, он обязался не вмешиваться во внутренние дела греческих полисов.

Главной целью новосозданного союза провозглашалась война против Персии, которая тут же, на конгрессе, и была объявлена. Для ведения военных действий создавалась союзная армия, которая должна была комплектоваться из греков и македонян примерно в равной пропорции. Таким образом, Филипп — вольно или невольно — оказывался тем государственным деятелем, который претворял в жизнь панэллинскую программу Исократы.

Однако, объединив Грецию, он уже не успел в полной мере приступить к реализации «второго пункта» этой программы — великого похода на Восток. Роковая случайность разрушила все его планы, оборвав жизнь этого энергичного правителя. В 336 г. до н. э. на пиру, который Филипп давал по случаю замужества своей дочери, молодой македонский аристократ, незадолго до того претерпевший от царя обиду и жаждавший мести, заколол его кинжалом.

Поход на Персию все-таки состоялся и привел к ее полному покорению. Но эта часть великих свершений выпала уже на долю сына и преемника Филиппа II — Александра III, вошедшего в историю под именем Александра Македонского, или Александра Великого (правил в 336–323 гг. до н. э.). Об Александре Македонском и его деяниях мы не будем подробно рассказывать. Его личность была настолько яркой и крупномасштабной, что заслуживает отдельной книги, и об Александре, конечно, написано немало хороших книг. А мы коснемся некоторых событий из его жизни лишь постольку, поскольку они имели отношение к истории Афин и афинской демократии.

Унаследовав македонский престол, Александр горел желанием продолжить дело отца и начать войну с персами. Но в то же время

он прекрасно понимал, что вначале необходимо обеспечить тылы, укрепить собственное положение у власти. Полтора года ему пришлось потратить на усмирение мятежей и недовольства как на границах Македонии, так и — в особенности — в греческих полисах. Не без труда удалось добиться подтверждения на очередном конгрессе в Коринфе полномочий Александра как нового гегемона пан-эллинского союза, командующего греко-македонскими вооруженными силами.

Затем, в 335 г. до н. э., Александр отправился с войском в экспедицию на север, на фракийские и иллирийские племена: они были в свое время включены Филиппом II в состав своего государства, но теперь взбунтовались. Отсутствие непредвиденно затянулось, и в Элладе вновь стали пробуждаться антимакедонские настроения. Возобновил свою агитацию неутомимый Демосфен, который сохранял большое влияние (не случайно именно его афинский демос уполномочил произнести надгробную речь при похоронах воинов, погибших в Херонейской битве).

Демосфен призывал греков сбросить чужеземное владычество, не подчиняться больше «этому мальчишке», как он презрительно называл царя Македонии (тому был всего лишь 21 год). Его призывы находили поддержку в общественном настроении. А тут еще от города к городу поползли слухи о том, что Александр якобы погиб где-то на севере. Слухи впоследствии оказались ложными, но в тот момент об этом никто не знал.

Первыми не выдержали фиванцы. Восстав, они оказали македонянам открытое сопротивление. Однако силы были неравны. Александр неожиданно вернулся в Грецию, взял Фивы и подверг их страшной каре. Один из славнейших греческих городов был стерт с лица земли, а все его население обращено в рабство⁶. Этим македонский царь хотел показать, какая участь постигнет всех непокорных. Остальные греческие полисы, потрясенные расправой, уже не помышляли о демонстративном проявлении недовольства.

Разгневанный Александр хотел наказать также Афины и прежде всего «главного смутьяна» — Демосфена. Напуганные афиняне немедленно послали к нему послом оратора Демада, который давно уже находился в прекрасных отношениях с македонянами. Демаду удалось уговорить царя, чтобы тот пощадил Афины и их граждан. Демосфен и на этот раз не пострадал.

⁶ Примерно через 20 лет Фивы были восстановлены, но никогда уж не достигли прежней мощи.

В 334 г. до н. э. Александр во главе греко-македонской армии переправился в Азию и начал свой великий поход на Персию. Управлять Македонией и Грецией на время своего отсутствия он оставил Антипатра — одного из самых высокопоставленных вельмож государства, опытного полководца. Никто тогда не мог даже и подумать, что Александр больше никогда не возвратится на родину.

Пока гегемон находился далеко на востоке, Афины, как и другие греческие полисы, были в основном предоставлены своей собственной судьбе. В это время среди афинских политических деятелей выдвинулся на первый план Ликург, ставший одной из последних ярких личностей в истории афинской демократии. Двенадцать лет, с 336 до 324 г. до н. э. он занимал пост верховного распорядителя финансами. Увеличивая доходы государства, очень рационально расходуя имеющиеся в казне средства, он добился укрепления экономического и военно-политического положения Афин в условиях македонского владычества.

Ликург принадлежал к противникам Македонии. Но он прекрасно понимал: в изменившейся исторической обстановке не время для авантюрных и непродуманных демаршей. Немедленно поднять восстание — означало обречь себя на неминуемое поражение: Афины ослабели после неудачи при Херонее, да и моральный дух граждан был сильно подорван. Чтобы когда-нибудь, в будущем, рассчитывать на успех, нужно было копить силы. Этим он и занимался, улучшая обороноспособность города как на суше, так и на море. В частности, при нем в составе афинского флота наряду с традиционными триерами появились более крупные военные суда.

Но особенно прославил Ликург Афины своей грандиозной строительной программой. Следует сказать, что афиняне всегда очень ответственно относились к украшению своего города монументальными общественными постройками. Это считалось одним из приоритетов. Даже в суровые годы Пелопоннесской войны на Акрополе возводился храм Афины и Посейдона — Эрехтейон. Но то строительство, которое велось в Афинах при Ликурге, по своему размаху и уровню может быть сопоставлено разве что с тем, которое осуществлял Перикл.

На Агоре появилось несколько новых храмов, посвященных Аполлону, Зевсу и Афине. Там же, на главной городской площади, был возведен комплекс зданий для работы судов присяжных. Был сильно перестроен и приобрел более импозантный вид театр Диониса. Соорудили стадион для проведения состязаний в дни праздника Панафиней. В Пирее расширили корабельные доки, верфи и арсенал...

Одним словом, афинский полис как бы показывал всем, что он возрождается, не намерен довольствоваться той незавидной ролью, которая отведена ему в новой системе межгосударственных отношений, и когда-нибудь бросит вызов этой системе, вызов Македонии.

На фоне Ликурга несколько отодвинулся на второй план Демосфен. Впрочем, нельзя сказать, что он совсем утратил популярность и уважение сограждан. В нем по-прежнему чтили непреклонного борца за свободу Афин. По решению Совета Пятисот и народного собрания он был удостоен золотого венка — высшей награды за заслуги перед отечеством. А в 330 г. до н. э. великий оратор в важном судебном процессе одержал полную победу над своим главным политическим противником — Эсхином, и тот, опозоренный, навсегда покинул пределы Афинского государства.

Однако спустя еще несколько лет Демосфен оказался замешан в очень неприятную историю. В 324 г. до н. э. в Афинах неожиданно появился Гарпал — главный казначей Александра Македонского. Оказалось, что он, похитив из казны огромную сумму (около 5 тысяч талантов), бежал от своего царя. Теперь македонянин прибыл в Аттику с несколькими кораблями, наполненными деньгами и драгоценностями, и, раздавая направо и налево взятки, пытался побудить афинский демос поднять восстание против Александра. Ведь, только развязав войну в Элладе, он мог надеяться, что не будет схвачен македонскими властями и подвергнут заслуженной каре. В числе прочих политиков богатые «подарки» получил от Гарпала и Демосфен.

Восстание афиняне, конечно же, не подняли: это было бы безумием. Но в то же время и не выдали Гарпала Антипатру, наместнику Македонии, хоть он того и требовал. Проворовавшемуся казначею позволили безнаказанно скрыться. Впрочем, вскоре он все равно погиб, а его сокровища остались храниться на афинском Акрополе. Их нужно было вернуть Александру, чтобы не усугубить его гнев. Но когда деньги стали считать, выяснилось, что их количество изрядно, примерно наполовину, поубавилось.

В Афинах разразился грандиозный скандал. Совет Ареопага начал расследование дела о пропаже денег. В ходе расследования выяснилась причастность к ней Демосфена, который при всех своих достоинствах и раньше никогда не отличался равнодушием к «презренному металлу». И теперь он был уличен в том, что попользовался богатствами Гарпала. Демосфена судили и приговорили к колоссальному штрафу, выплатить который ему было просто не под силу. Великому оратору ничего не оставалось, как бежать из Афин.

Демосфен очень тяжело переносил разлуку с родиной. Поселившись на острове Эгина, откуда открывался вид на Аттику, Пирейскую гавань, а на горизонте можно было разглядеть сами Афины, он ежедневно проливал слезы, мечтая о возвращении. Но это был еще не конец его политической деятельности...

Тем временем Александр Македонский, нанеся сокрушительное поражение последнему персидскому царю Дарию III, овладел всей державой Ахеменидов и стал ее полным господином. Он дошел с войском вплоть до Северо-Западной Индии, а потом возвратился в Вавилон, сделав его своей новой резиденцией и столицей.

В свое время, как мы знаем, наставником Александра был Аристотель. Будущий «покоритель полумира», несомненно, многому научился у почтенного философа, но две важнейшие аристотелевские идеи — о полисе как высшем типе государственной организации и об исконном превосходстве эллинов над «варварами» — так никогда и не стали ему по-настоящему близки. Всей своей деятельностью Александр творил совершенно новый, невиданный в прежней греческой истории мир — мир, в основе которого лежал не полис, а огромная империя, мир, в котором должно было произойти уравнивание и слияние греков и народов Востока на некой общей эпохе. Рождалась новая эпоха, которую в науке называют эпохой эллинизма, и у начала ее стоял Александр Македонский.

Укрепляя единство своего государства, Александр стремился как только мог сглаживать противоречия между победителями и побежденными, между греко-македонянами и жителями бывшей Персии. При каждом удобном случае он демонстрировал, что перед лицом царя все равны, все в одинаковой мере являются его подданными. Персы, египтяне, финикийцы и прочие «варвары» могут не бояться притеснений и насилий; гордые жители греческих городов и македонские воины-крестьяне должны забыть о своей былой спеси и даже о свободолюбии, склониться перед волей единого владыки. Такова была принципиальная политика Александра, которую иногда определяют как «политику слияния народов». Она представляла собой, бесспорно, разрыв с устоявшимися античными традициями.

Радикально изменился даже весь образ жизни Александра. Он окружил себя азиатской роскошью, стал носить персидское царское платье, приблизил к своему двору знатных персов — бывших вельмож Дария, — принял сложный дворцовый церемониал Ахеменидов, пытался навязать своим соратникам обязательный для всех ритуал коленопреклонения перед монархом. А ведь греки не привыкли вставать на колени, даже молясь богам!

Кстати, Александр систематически предпринимал шаги по собственному обожествлению. Отцом его был объявлен уже не Филипп II, а египетский бог Аммон. А ведь сын бога и сам должен считаться богом! Царь как живое божество — эта идея была более чем привычной на Востоке, но греческому мировоззрению она до сих пор оставалась совершенно чуждой.

Не удивительно, что все это представлялось грекам и македонянам крайне унижительным, они чувствовали себя приравненными к побежденным и не понимали: ради чего же тогда, собственно, стоило воевать и совершать подвиги? В результате против Александра начали составляться заговоры; впрочем, все они были своевременно раскрыты, а заговорщики жестоко наказаны. При этом царь не останавливался даже перед расправой над своими ближайшими соратниками.

В мире, который строил Александр Македонский, не должно было остаться ни малейшего следа полисной независимости. Это противоречило бы концепции полной и ничем не ограниченной власти одного человека. Филипп II, как мы помним, проводил довольно мягкую политику по отношению к греческим полисам, был не владыкой их, а гегемоном, обязался на Коринфском конгрессе 337 г. до н. э. не вмешиваться в их внутренние дела. Теперь его сын грубо нарушал решения конгресса, вел себя с греками как с обычными подданными, посылал им из Вавилона приказы по своему произволу.

Так, однажды по всем городам Эллады было распространено распоряжение царя: официально признать его божественный статус. Пришел этот указ и в Афины. Скрепя сердце, афинянам пришлось подчиниться. Демад написал законопроект, народное собрание приняло его, и Александр был провозглашен богом.

Еще болезненнее для афинского полиса был другой царский приказ: предоставить независимость острову Самосу, которым Афины владели уже давно (с 365 г. до н. э.) и на котором находилась клерухия афинских граждан. Теперь клерухи должны были покинуть Самос и вернуться в Аттику; естественно, вставали проблемы, где их размещать, откуда взять для них земельные наделы и т. д. Вполне естественно, что на Александра смотрели со смесью самых различных чувств — восхищения, страха, даже ненависти.

В 323 г. до н. э. величайший полководец в мировой истории в расцвете сил (ему было 33 года), в самый разгар новых военных приготовлений внезапно заболел и умер в Вавилоне⁷. Весть об этом,

⁷ Кончина Александра была настолько неожиданной, что сразу же возникла версия о его отравлении, которая, впрочем, представляется ученым маловероятной.

дойдя до Греции, немедленно всколыхнула новую волну антимакедонских настроений. Эллы решили, что вот тут-то настал самый подходящий момент избавиться наконец от гегемонии северного соседа.

В который уже раз огромную активность проявил неугомонный Демосфен. Разъезжая по греческим городам, он убеждал их вступать в военный союз, направленный против Македонии, и его увещевания имели успех. Союз, объединивший целый ряд государств, был создан, во главе его стали Афины, и афинский стратег Леосфен был назначен главнокомандующим союзными вооруженными силами.

Сам Демосфен — а он, напомним, был осужден в Афинах и находился «в бегах», — естественно, получил реабилитацию и торжественно возвратился в родной полис. *«Когда он поднимался из Пирея в город, — рассказывает Плутарх (Демосфен, 27), — навстречу вышли не только все власти и все жрецы, но и остальные граждане, чуть ли не до последнего человека, и восторженно его приветствовали».* Возникла ассоциация с возвращением Алкивиада в 407 г. до н. э. Но тот сумел восстановить симпатии сограждан своими военными заслугами, а Демосфен — исключительно силой ораторского слова.

Сторонники Македонии, напротив, подверглись опале. Демад был лишен политических прав. Не обошли стороной даже жившего в Афинах философа Аристотеля, припомнив, что он когда-то был учителем Александра, да и потом оставался в дружбе с ним. Против него возбудили судебный процесс, воспользовавшись, как это часто бывало (вспомним суд над Сократом), придирками религиозного характера. Аристотель не стал дожидаться приговора (он вполне мог быть смертным) и покинул Афины. Вскоре философ скончался.

Македонии была объявлена война, известная под названием Ламийской. Вначале военные действия развивались успешно для греков. Их силы выдвинулись на север и заняли Фермопилы. Навстречу им выступил из Пеллы наместник Македонии Антипатр, но в происшедшей битве потерпел поражение и был осажден в находившейся неподалеку крепости Ламия.

Однако успехи оказались эфемерными. На помощь Антипатру прибыли из Азии другие македонские полководцы со своими войсками. Тут-то и стало ясно, что историческая ситуация полностью изменилась и эпоха побед полисных ополчений отошла в прошлое. Греки потерпели ряд серьезных поражений как на суше, так и на море. Ламийская война оказалась недолгой, и уже в 322 г. до н. э. Афины вынуждены были капитулировать.

Антипатр продиктовал суровые условия мира, полностью ставившие афинский полис под контроль победившей стороны. В Пирее был размещен македонский гарнизон, что стало особенно болезненным ударом по самолюбию афинян: присутствие чужих солдат самим своим фактом показывало, что Афины больше не независимы ни в каком отношении. С морским могуществом «города Паллады» было тоже покончено — и на этот раз навсегда, без возможности возрождения.

Антипатр — и это для нас особенно важно — сделал то, на что в свое время не пошли ни Филипп II, ни Александр Македонский. Он официально ликвидировал афинскую демократию и установил в побежденном городе олигархическое правление. Таким образом, именно эту дату — 322 г. до н. э. — следует назвать роковым рубежом в истории демократических Афин: политический строй, просуществовавший немногим менее двух веков, строй, с которым были связаны все самые впечатляющие достижения афинского полиса классической эпохи и который стал образцом для сторонников народовластия в последующие века, прекратил существование.

Те афинские политики, которые имели репутацию непримиримых врагов Македонии, сторонников демократии, и которых ее наместник считал главными виновниками развязывания войны, были приговорены к смерти. В первую очередь это касалось Демосфена и Гипериды (Ликурга к тому времени уже не было в живых). Гипериду схватили тут же и после пыток (ему вырвали язык) казнили.

Демосфен бежал из Афин и некоторое время скрывался от разыскивавших его повсюду македонян. Наконец, враги настигли его: оратор прятался в храме на одном из островков у побережья Пелопоннеса. Чтобы не попасть в руки Антипатра (его, скорее всего, тоже подвергли бы мучительным пыткам), Демосфен покончил жизнь самоубийством, приняв яд, который всегда носил с собой.

Так трагично закончилась судьба последнего выдающегося деятеля демократических Афин. Глубоко символично, что его гибель относится к тому же 322 г. до н. э. Демосфен окончил свои дни вместе с демократией. Кстати, имя оратора в переводе с древнегреческого означает «сила народа» или «сильный народом».

Перевороты, перевороты...

Со времени свержения «Тридцати тиранов» в 403 г. до н. э. и вплоть до поражения в Ламийской войне, на протяжении примерно восьми десятилетий, в Афинах не известно ни одной попытки

свержения или изменения существующего государственного устройства. Что и говорить, демократия IV в. до н. э. обеспечивала полису стабильность и прочный внутренний порядок.

Начиная с 322 г. до н. э. ситуация изменилась на прямо противоположную. На смену стабильности пришла длительная и почти непрерывная полоса государственных переворотов. Они следовали буквально один за одним, порой отделяясь друг от друга лишь несколькими годами. Никак не могла установиться сколько-нибудь долговечная политическая система; не очень понятно было, что должно прийти на смену демократии, которая ранее лучше всего отвечала потребностям Афин, но теперь была насильственно ликвидирована.

Впрочем, дело не только во внутренних факторах, но и во внешних. Конец IV — начало III в. до н. э., начало эпохи эллинизма, было очень беспокойным временем не только в Афинах, но и во всем тогдашнем мире, пережившем череду длительных и кровопролитных войн. Шла борьба за наследство Александра Македонского, за созданную им огромную державу.

Сразу после кончины Александра разразился острый кризис власти, связанный именно с проблемой престолонаследия. В результате компромисса различных армейских группировок преемниками умершего царя были провозглашены сразу два человека: его слабый брат (Филипп III) и новорожденный сын (Александр IV)⁸. Поскольку ни тот, ни другой, естественно, не были способны реально управлять государством, возникла необходимость учреждения регентства. С 321 г. до н. э. регентом был Антипатр — старейший из сподвижников Александра, наместник Македонии и Греции.

Вскоре после того как «покоритель полумира» сошел в могилу, начался ожесточенный конфликт между его многочисленными полководцами, которых обычно называют **диadoхами** («преемниками»). Диadoхи были опытными, закаленными в битвах воинами, одаренными, сильными и жестокими людьми, жаждавшими одного — господства, первенства.

Они поделили между собой державу, и каждый получил в управление одну из ее областей под верховным контролем фиктивных «царей» и регента. Однако это не повело к миру: диadoхи стремились к неограниченной власти, к расширению подчиненных им территорий, к утверждению превосходства над соперниками и постоянно

⁸ Строго говоря, этот мальчик родился некоторое время спустя после смерти отца. Он был — редкостный случай — провозглашен царем еще во чреве матери.

вступали друг с другом в распри. Войны продолжались около сорока лет и привели к распаду империи Александра. На ее месте постепенно сложилось несколько новых, достаточно крупных и сильных государств, так называемых эллинистических монархий. В этих государствах укрепились диадохи, став независимыми царями и основав правящие династии.

Понятно, что раздоры между преемниками Александра Македонского не могли не отразиться и на жизни Греции. Расположенные там полисы, по сути дела, утратили свой суверенитет и в основном шли в фарватере политики диадохов. Да и полисам ли было тягаться с этими могущественными владыками, каждый из которых располагал огромным войском? И любое событие борьбы диадохов тут же как эхом отдавалось в ослабевшей, утратившей былые позиции Элладе.

Как отразилась эта борьба на истории Афин? Они также не являлись уже самостоятельным политическим субъектом: ситуация в них отныне определялась не столько внутренними условиями, сколько внешними силами, прежде всего перипетиями взаимоотношений между диадохами.

Мы уже знаем, что в 322 г. до н. э. Антипатр свергнул в Афинах классическую демократию. Установился олигархический режим, опорой которого выступал стоявший в Пирее македонский гарнизон. Полноправными гражданами были объявлены лишь те, чье состояние превышало 2000 драхм (таких в афинском полисе насчитывалось около 9 тысяч человек, в то время как общее гражданское мужское население на момент переворота составляло примерно 30 тысяч). Иными словами, бедная часть афинян, как это и ранее бывало при господстве олигархов, отстранялась от участия в политической жизни.

Во главе государства при олигархии стояли два политика, в которых македонский наместник видел своих надежных сторонников: Демад и Фокион. Странная это была пара, участники которой ни в чем не напоминали друг друга. Между безупречно честным Фокионом, человеком строгих моральных правил, и беспринципным политиканом Демадом имелась, пожалуй, только одна точка соприкосновения: оба понимали, что необходимо считаться с реалиями новой эпохи, что, как говорится, «плетью обуха не перешибешь» и остается одно — подчиняться сильнейшему, коль скоро сопротивление бессмысленно. Ни один из них не был предателем родины, но сама жизнь сделала обоих коллаборационистами.

В 319 г. до н. э. Демад отправился послом в Пеллу, но там был арестован. Его обвинили в тайных интригах против Антипатра и

казнили. Престарелый Фокион, уже переступивший порог восьмидесятилетия, тоже не слишком-то прочно держал бразды правления в своих руках. Все говорило о том, что олигархическое правительство вряд ли окажется долговечным. Но толчком к его уничтожению стали опять же внешние события.

В том же 319 г. до н. э. в Македонии умер регент Антипатр. Пока он был жив, ему удавалось своим авторитетом держать остальных диадохов в повиновении. А теперь борьба между ними разразилась с новой силой. В частности, возник конфликт по поводу того, кто будет управлять Македонией и контролировать Грецию. Выявились два претендента: сын Антипатра Кассандр и пожилой полководец Полисперхонт, которому Антипатр на смертном одре передал регентство.

И у того, и у другого было немало приверженцев в Греции, в том числе и в Афинах. В 318 г. до н. э. Полисперхонт, надеясь укрепить свои позиции и создать себе популярность, направил афинянам послание, в котором разрешал им восстановить демократию. Естественно, те тут же с энтузиазмом ликвидировали олигархический режим. Его глава — Фокион — пытался бежать, но был схвачен, подвергнут суду и приговорен к казни.

Казалось, народовластие возрождено. Но это были не более чем иллюзии. Какая уж это демократия, если она устанавливается по указке сверху, по чьему-то милостивому соизволению. Ведь вряд ли мыслима демократия без свободы. А свободой-то как раз Афины уже не располагали, во всяком случае, подлинной свободой.

К тому же в Пирее по-прежнему находился чужеземный гарнизон. Кстати, в борьбе македонских полководцев этот отряд принял сторону не Полисперхонта, а Кассандра. А вскоре и сам Кассандр с большим войском появился неподалеку от Аттики. Он отнюдь не хотел уступать своему сопернику такой «лакомый кусок», такой крупный город, экономический и культурный центр, важный стратегический пункт, каким были Афины.

Увидев, что Полисперхонт терпит поражение, афиняне передались Кассандру, а тот навел в полисе свои порядки. Недолго, всего лишь около года, продолжалась «демократическая интерлюдия»: теперь опять установился олигархический режим. Недавно казненный Фокион из разряда преступников был переведен в разряд героев, его останки были торжественно перезахоронены.

Впрочем, новая олигархия отличалась умеренным и даже мягким характером. Статус граждан сохранили те, чье имущество оценивалось в 1000 драхм и выше. Таких афинян, пользовавшихся полно-

правием, было в государстве все-таки большинство; лишь самые неимущие отсекались от общественной жизни. Отменена была свойственная демократии система жеребьевок при выборах высших должностных лиц; отныне они избирались голосованием.

В это время, с 317 г. до н. э. и на протяжении десяти лет, во главе афинского полиса, пожалуй, впервые за всю его историю стоял... самый настоящий философ. Звали его Деметрий Фалерский⁹, и был он учеником Аристотеля. Поставленный Кассандром управлять Афинами, официально он носил титул «попечителя государства». Часто Деметрия называли тираном, но, видимо, все-таки не вполне правомерно. Он старался не нарушать законов, действовал не вопреки им, а, напротив, заботился об их соблюдении. Политическую систему, существовавшую при нем в Афинах, все-таки лучше определять не как тиранию, а, повторим, как олигархию.

Проводя успешную экономическую политику, Деметрий Фалерский добился того, что Афины в его правление достигли значительного материального благосостояния. Однако любви и популярности среди сограждан он так и не снискал. С его именем ассоциировалась потеря свободы и независимости; афиняне прекрасно понимали, что он — лишь ставленник внешней могущественной силы. Однако неприязнь к «тирану-философу» была пассивной. Чтобы отстранить его от власти, опять же потребовалось вмешательство извне.

Нужно сказать, что в годы, о которых идет речь, особенно усилился один из участников борьбы диадохов — Антигон Одноглазый. Пожалуй, именно Антигон и его сын Деметрий Полиоркет (это прозвище означает «осаждающий города») были самыми яркими фигурами в греческой истории конца IV в. до н. э. Они завладели «срединной» частью царства Александра Македонского — Малой Азией, Сирией и Финикией. Это позволяло им одновременно воевать на нескольких направлениях и не допускать объединения сил остальных диадохов, владения которых занимали скорее периферийное положение.

Почувствовав себя сильнейшим среди борющихся полководцев, Антигон Одноглазый самовольно присвоил пост регента — верховного правителя. Это сталкивало его в первую очередь с Кассандром, который, одержав верх над Полисперхонтом и правя в Македонии, сам претендовал на этот статус. Нанести основной удар по Кассандру Антигон решил с юга его владений, со стороны Греции.

⁹То есть уроженец Фалера, одного из демов Аттики. Так его называют, чтобы отличать от других исторических деятелей по имени Деметрий, живших в Греции в это время (с одним из них нам вскоре предстоит познакомиться).

В 307 г. до н. э. к берегам Аттики подошел сильный флот, которым командовал Деметрий Полиоркет, получивший от отца поручение взять Афины, или, как гласили его пропагандистские лозунги, «освободить» их. Первая же атака на город показала, что афинская олигархия не имела практически никакой поддержки в массах населения. Власть Деметрия Фалерского рухнула в одночасье, сам он бежал из города¹⁰, а сограждане, демонстрируя ненависть к нему, переплавили многочисленные изображавшие его статуи на... ночные горшки. В Афины победителем вступил его тезка — Деметрий Полиоркет. Вскоре после этого в его руках оказался и Пирей, из которого был изгнан подчинявшийся Кассандру гарнизон.

Овладев афинским полисом, Полиоркет созвал народное собрание и торжественно объявил о восстановлении демократии. Демос ликовал. Однако эта «возрожденная демократия» на деле снова оказалась лишь фикцией народовластия. Афиняне могли сколько угодно спорить в экклесии, голосовать, принимать декреты... А решения по всем важнейшим вопросам были уже не в их власти. Ведь в городе теперь жил сам Деметрий, на несколько лет сделавший Афины своей резиденцией.

Исключительно интересно пронаблюдать, как относились афинские граждане к своему «освободителю». Сразу бросаются в глаза сцены самого изощренного низкопоклонства. Народное собрание провозгласило его живым богом. А ведь еще совсем недавно в Афинах с большим недовольством был встречен приказ об обожествлении Александра Македонского. Мировоззрение греков явным образом менялось, они проходили путь «от гражданина к подданному».

Встал вопрос о том, где поселить Деметрия. Ведь богу не пристало обитать в доме или даже во дворце, единственное подходящее место для него — храм. И высокому гостю предоставили для жительства Парфенон, где тот, не отличаясь строгими моральными правилами, кутил с друзьями и гетерами. Полиоркету и во всем остальном оказывали почести, подобающие лишь божеству: учредили в его честь культ со жрецами, справляли посвященные ему праздники, писали ему религиозные гимны, обращались к нему с

¹⁰Интересно сложилась дальнейшая судьба Деметрия Фалерского. После нескольких лет скитаний он оказался в Египте и стал советником тамошнего правителя — диадоха Птолемея I. По инициативе Деметрия в столице Египта Александрии были основаны Мусей — чрезвычайно авторитетное научно-культурное учреждение — и крупнейшая в античном мире библиотека.

запросами по любому делу, как к оракулу... Лесть торжествовала. По сути дела, на смену одному режиму единовластия пришел другой, во главе которого стоял Деметрий — «бог при демократии».

В одном лишь афинский демос остался прежним — в своем непостоянстве и готовности отвернуться от вчерашнего кумира. Деметрия боготворили, пока он одерживал победы и добивался успехов, а как только его постигла неудача, он стал больше не нужен. Эта история заслуживает того, чтобы на ней остановиться, и здесь нам придется снова выйти за пределы Афин.

К тому времени, о котором идет речь, недееспособных «царей», преемников Александра Македонского, уже не было в живых. В ходе войн диадохов они стали не более чем заложниками в руках борющихся сторон. Стремящиеся к власти полководцы стали воспринимать законных правителей как помеху для своих амбиций, и от них начали понемногу избавляться. Вначале был убит Филипп III, а несколько лет спустя — Александр IV.

Таким образом, легитимная династия Аргеадов пресеклась. Воспользовавшись этим, Антигон Одноглазый в 306 г. до н. э. объявил царем себя, а своим соправителем назначил сына — Деметрия Полиоркета. Однако в ответ на этот шаг остальные диадохи тоже приняли царский титул, а, кроме того, создали против Антигона и Деметрия мощную коалицию.

В 301 г. до н. э. Антигон Одноглазый и Деметрий Полиоркет потерпели от этой коалиции крупное поражение в Малой Азии. Антигон погиб в битве, а Деметрию удалось спастись. Он направился в Афины, чтобы там найти себе убежище. Однако афиняне даже не пустили на территорию своего государства человека, которого сами же они причислили к небожителям. Слабый, проигравший Деметрий, очевидно, не был для них богом.

А вскоре после этого в Афинах установилась тирания. Около 300 г. до н. э. некий политик и военачальник по имени Лахар совершил очередной государственный переворот и стал единоличным правителем полиса. Этот тиран, в общем-то, не совершил ничего достойного упоминания, хотя и удерживал власть в своих руках примерно пять лет.

В 295 г. до н. э. он был свергнут — и не кем иным, как Деметрием Полиоркетом. Этот диадох, отнюдь не собиравшийся сдаваться, опять собрал сильное войско и флот, осадил Афины и вскоре взял их. Лахар бежал, Деметрий вступил в город. И снова было объявлено о восстановлении «демократии», и снова Полиоркету были льстиво оказаны божеские почести...

Год спустя Деметрий сумел даже овладеть властью в Македонии и стать ее царем (Кассандр незадолго до того умер). Афиняне, следует полагать, вздохнули с облегчением, когда он покинул их город, отправившись на север. Впрочем, «живой бог» и в дальнейшем любил бывать в «городе Паллады», — очевидно, ему нравилось поклонение. Неизвестно, задумывался ли он над тем, насколько оно искренне. А искренним оно, конечно, не было, что показали новые неудачи Полиоркета.

Стоя во главе Македонии, он пытался использовать оказавшееся в его руках царство для подготовки ширококомасштабных военных действий против остальных диадохов, всячески укреплял свою сухопутную и морскую мощь. В конце концов он, истощив ресурсы страны тратами на вооружение, утратил доверие подданных. Его отказалось поддерживать собственное войско, и в 287 г. до н. э. Деметрий был изгнан из Македонии. Он вновь попытался обосноваться в Афинах и вновь получил отпор. Осада города на этот раз не принесла никаких плодов. Деметрий, покинув Грецию, отправился на восток, и больше мы не встречаем этого блестящего авантюриста на страницах афинской истории¹¹.

Все повторялось... Афины в очередной раз были провозглашены свободными. Объявлялось, что политический строй, существовавший в предыдущие годы, был не демократией, а олигархией, но вот теперь-то будет восстановлена истинная демократия. А в Пирее, афинской гавани, по-прежнему стоял македонский гарнизон, который так и не удалось оттуда выбить.

Пустая оболочка

Можно было бы и дальше продолжать следить за перипетиями жизни Афин эпохи эллинизма. Но они становятся все менее и менее интересными, все менее и менее исторически значимыми. В 268 г. до н. э. полис ввязался еще в один военный конфликт против царя Македонии, которым был в то время Антигон Гонат, сын Деметрия Полиоркета. В 262 г. до н. э. афиняне проиграли эту войну и в наказание получили македонский гарнизон уже не только в Пирее, но и в центре самого города. Афины стали сателлитом Македонии, утра-

¹¹ Вскоре он попал в плен к другому диадоху — Селевку — и окончил свои дни в заточении.

тили даже ту долю независимости, которую ранее имели: управлял ими присылавшийся Антигоном эмиссар¹².

Впрочем, даже если бы — чего не бывает! — война оказалась успешной для Афин, для них мало что изменилось бы. Ни для кого не было секретом, что за спиной врагов Македонии стоял эллинистический Египет, и соответственно в случае их победы Греция просто перешла бы из македонской зоны влияния в египетскую.

В 229 г. до н. э. афинскому полису удалось все-таки освободиться от македонского владычества. Он заявил о своем нейтралитете, но постоянная угроза со стороны Македонии сохранялась. Чтобы обезопасить себя, афиняне вступили в контакт с возникшей на западе мощной силой — Римской республикой. Римляне начинали все активнее интересоваться делами в эллинистическом мире, а спустя некоторое время перешли к открытой экспансии на этом направлении. В первой половине II в. до н. э. они в двух войнах нанесли поражение Македонии и полностью покорили это государство, сделав его своей провинцией.

В 146 г. до н. э. римская гегемония распространилась на всю Балканскую Грецию. Афиняне все это время были верными сторонниками Рима, шли всецело в фарватере его политики, что позволяло им — хотя бы на словах — сохранять некую призрачную свободу и по большей части избегать прямого вмешательства в их внутренние дела.

Долгое время спустя, в 88 г. до н. э., Афины решили порвать с Римом и встали на сторону его врага — Митридата VI Евпатора, царя государства Понт в северной части Малой Азии. Митридат в начале I в. до н. э. необычайно усилился и решил бросить вызов Римской республике, объявив ей войну. Афины стали одним из форпостов понтийского владыки в Греции.

Но если вначале и были какие-либо надежды на победу над римлянами, то очень скоро выяснилась вся их иллюзорность. Могущественнее Рима не было в то время державы в Средиземноморье. В 86 г. до н. э. римский полководец Сулла приступом взял Афины и подверг город ужасающему разгрому, в ходе которого не щадили ни женщин, ни детей. Во второй раз в афинской истории — и теперь уже навсегда — были разрушены Длинные стены. Потом, впрочем, Сулла сменил гнев на милость и объявил, что возвращает афинянам свободу.

¹² Интересно, что первым эмиссаром был Деметрий — внук Деметрия Фалерского.

Насколько малое, просто-таки ничтожное содержание вкладывалось тогда в само это слово — «свобода»! Ведь на деле Афины были теперь уже не более чем одним из многочисленных городов, полностью подвластных римлянам. С 30 г. до н. э., когда в Риме свершился переход от республики к империи, судьба «города Паллады», как и всего огромного государства, оказалась всецело в руках одного человека — императора (или «кесаря», как называли его греки).

Далеко не все римские императоры были «чудовищами на троне». Так, правивший в 117–138 гг. н. э. Адриан пользовался заслуженной репутацией всесторонне образованного человека, горячего поклонника греческой культуры. Он неоднократно бывал в Афинах, порой даже подолгу жил там, а однажды даже занимал пост афинского архонта-эпонима. Афиняне получали от Адриана обильную финансовую помощь, что позволяло им, как и в былые эпохи, украшать свой город монументальными постройками. В частности, именно тогда было завершено сооружение храма Зевса Олимпийского, начатого еще в VI в. до н. э., при тиране Писистрате.

На протяжении эпох эллинизма и Римской империи Афины постепенно превращались в «город-музей». Туда съезжались толпы любопытствующих туристов — греков и римлян — со всех концов античного Средиземноморья. Местные жители охотно показывали им достопримечательности — Акрополь и Агору, Ареопاغ и Пникс... Издавались путеводители по Аттике.

В Академии и Ликее продолжали действовать философские школы, основанные еще Платоном и Аристотелем. В театре Диониса по-прежнему ставились драмы. Но, кроме традиций древней и высокой культуры, Афины уже мало чем могли похвастаться. Город, как бы погрузившись в сон, жил воспоминаниями о великом прошлом, о безвозвратно канувшем в Лету «золотом веке».

Давно миновали те времена, когда афиняне наносили поражения Персии, безраздельно господствовали в Эгейском море, претендовали на гегемонию в Элладе. Теперь никакой политической роли их полис уже не играл. Даже в те годы, когда он формально не находился ни под чьим владычеством, а считался независимым, ему приходилось довольствоваться положением маленького и слабого государства, послушно исполняющего волю той или иной крупной державы. В лучшем случае удавалось лавировать между этими державами и добиваться каких-то, хоть минимальных выгод.

Ушло и экономическое процветание Афин. Впрочем, это относится не только к ним, но и ко всей Балканской Греции. В новых исторических условиях, практически сразу после походов Алексан-

дра Македонского и создания на востоке новых обширных царств, колыбель эллинской цивилизации утратила все свои былые позиции. Греция всегда была бедной, скудной по своим ресурсам страной, но теперь эта бедность стала особенно заметной на фоне богатства эллинистических царств. В многочисленных полисах происходил постепенный упадок, а главные центры силы, где жизнь воистину была ключом, сместились на территорию бывших владений Ахеменидов (а позже — на запад, в Италию). Кризис полисной системы, начавшийся, как мы знаем, еще в конце классической эпохи, продолжался, усугублялся и, не находя выхода, переходил в полный застой. Из региона передового во всех отношениях Эллада становилась глухой провинцией — разве что овеванной ореолом прежней славы.

Походы Александра фактически были претворением в жизнь «программы Исократ», однако конечные результаты происшедших процессов парадоксальным образом оказались во многом иными и не столь радужными, как представлялось этому афинскому публицисту. Напомним, Исократ полагал: победа над Персией приведет к оттоку туда излишков населения Греции, а персидские богатства, наоборот, хлынут в эллинские города. Что же получилось на самом деле?

А получилось именно так, как он предсказывал, но нужно было смотреть не на один, а на два хода вперед. Действительно, на завоеванные земли стали активно переселяться греки. На первых порах это несколько разрядило внутренние противоречия, снизило «земельный голод». Однако со временем уменьшение количества жителей стало, напротив, одним из факторов упадка, поскольку это в конечном счете приводило к настоящему запустению страны. Нужно учитывать еще и то, что на восток уходили лучшие людские силы, самые энергичные, инициативные и предприимчивые граждане, то есть налицо были не только количественные, но и качественные потери.

С другой стороны, приток огромных денежных средств из захваченной Персии тоже предусматривался «программой Исократ», но и он вызвал крайне неоднозначные последствия. Количество денег в обороте резко возросло, а производимых в Греции товаров, естественно, не стало больше. Все мы прекрасно знаем, что происходит в таком случае. Дали о себе знать инфляционные эффекты: падение платежеспособности монеты и значительный рост цен на всю продукцию сельского хозяйства и ремесел.

Эти факторы имели общегреческий характер, а для Афин положение еще усложнялось рядом конкретных обстоятельств. В классическую эпоху «город Паллады» был средоточием торговых путей,

в Пирейской гавани не смолкал шум от постоянно прибывавших туда, разгружавшихся и загружавшихся купеческих кораблей. Это тоже осталось в прошлом: торговые маршруты проходили теперь через совсем другие места — остров Родос, Александрию Египетскую. *«Пирей превратился в маленькое поселение вокруг гаваней»*, — писал в конце I в. до н. э. географ Страбон (IX. 396).

А тут еще, как нарочно, к началу III в. до н. э. истощились Лаврийские серебряные рудники. Какое-то время еще переплавляли старый шлак, пытаясь добыть из него серебро, оставшееся после первой обработки. Но потом и это оказалось бессмысленным. Несколько помогло Афинам то, что в 168 г. до н. э. римляне от своих щедрот передали им во владение остров Делос, одновременно основав там порт беспошлинной торговли. Поступавшие оттуда доходы пополняли городскую казну, но со временем захирел и Делос.

Политическая система, существовавшая в афинском полисе на всем протяжении эллинистического и римского периодов, официально по-прежнему именовалась демократией. Причем после каждого очередного переворота лица, пришедшие к власти, торжественно провозглашали, что та демократия, которая была раньше, до них, не являлась истинной, а вот истинная именно теперь-то и будет организована.

Это неоднократно вводило в заблуждение историков — как в древности, так и в наши дни. И поныне ведутся споры о том, когда же афинская демократия реально прекратила свое существование. Не все согласны с традиционной точкой зрения, согласно которой это произошло в 322 г. до н. э., на рубеже эпох классики и эллинизма. Порой можно встретить мнение о завершении истории народовластия в Афинах в 262 г. до н. э., а то и еще позже.

Однако не следует быть наивными. Назвать можно что угодно и как угодно, но всегда нужно смотреть — есть ли за формой содержание или же это не более чем «пустая оболочка». Если исходить только из названий, то можно припомнить, что, например, Римская империя вплоть до своего конца носила официальное наименование «Римская республика». Но какая уж там республика, когда судьба всех подчинена полновластию одного лица, когда на смену патриотизму и ответственности за судьбу государства приходят верноподданнические чувства?

Впрочем, зачем далеко ходить? Даже не углубляясь в историю античности, очень нетрудно и в современном мире найти случаи, когда в качестве демократии декларирует себя режим, весьма и весьма далекий от подлинного народовластия. Послушать самого жес-

токого диктатора — и окажется, что нет более преданного сторонника демократических ценностей, чем он, что все конституционные нормы в его стране неукоснительно выполняются.

Во многом таким же образом обстояло дело в поздних Афинах. И «правитель-философ» Деметрий Фалерский, и «живой бог» Деметрий Полиоркет, и просто тиран Лахар — все они правили, внешне не изменив или почти не изменив форм демократической системы. Но что это меняло? Видимо, дело не в формах, не в государственных институтах, или, во всяком случае, не только в них. Ушло что-то незримое, но главное; ушел дух демократии, и осталось мертвое тело.

Правда, Афины и в эллинистическую эпоху, и во времена римского владычества продолжали оставаться полисом. Теперь уже скорее «квази-самостоятельным», чем действительно самостоятельным — но все-таки полисом. А полис как таковой — и мы говорили об этом еще в начале книги — неотъемлемо содержал в себе некоторые элементы демократии. Среди них — и понятие гражданина, гражданского коллектива, и народное собрание, и выборные должностные лица — магистраты. Все это в Афинах сохранялось. Но элементы сами по себе не составляют системы. Полис и демократия — не одно и то же.

По целому ряду серьезных причин мы не можем считать афинский полис послеклассического времени демократическим полисом. Во-первых, повторим, демократия невозможна без политической свободы, без независимости. А свободными афиняне не были с тех пор, как Антипатр поставил в Пирее македонский гарнизон. Потом этот гарнизон могли выводить или снова вводить. Но в любом случае судьба Афин решалась уже не в Афинах.

Во-вторых, даже и в структуре государственной власти, в ее организации произошли изменения. Так, высших должностных лиц выбирали уже больше не жребием, а голосованием. Об этом говорят примеры, когда гражданин повторно становился архонтом-эпонимом. Не говоря уже о том, что в классическом афинском полисе подобная практика была настрого запрещена, — абсолютно невероятно, чтобы жребий два раза выпал одному и тому же лицу. А ведь еще Аристотель в свое время писал (Политика, IV. 1294b8): *«Одной из основ демократического строя является замещение должностей по жребию, олигархического же — по избранию»*.

Значительно возросла роль Ареопага — органа, который менее всего можно назвать демократическим. Этот древний Совет, в годы классического народовластия решительно отодвинутый на задний

план, теперь полностью восстановил и упрочил свои позиции. В I в. до н. э. римский оратор Цицерон, неоднократно бывавший в Афинах, прямо писал о том, что ими управляет Ареопаг. Афинские декреты этого времени начинаются формулировкой: «Совет Ареопага, Совет Шестисот¹³ и народ постановили...»

В-третьих, государственные дела реально решались уже не всем коллективом граждан. На деле все рычаги власти держал в своих руках довольно узкий круг политической элиты. Интересный факт: начиная с эпохи эллинизма, Афины переживают своеобразный «аристократический ренессанс». Знатные роды, при демократии постепенно вытесненные из общественной жизни, опять берут свое. На страницах источников возобновляются упоминания о Кодридах, Кериках, Ликомидах... Выходцы из них, сохранив, несмотря ни на что, свои богатства, становятся «первыми людьми» в полисе. Теперь, чтобы принимать видное участие в управлении, нужно было, как и до установления демократического строя, иметь «благородное» происхождение.

Стоит поближе познакомиться с одним из ярких представителей этой «новой старой элиты» поздних Афин, чтобы получить о ней достаточное понятие. Герод Аттик, живший во II веке н. э., был, бесспорно, самым влиятельным из граждан афинского полиса своего времени. Происходил из рода Кериков, но в то же время числил среди своих предков и Филаидов, и даже Писистратидов. Это не удивительно: ведь аристократические семьи Аттики уже давным-давно все породнились друг с другом путем политических браков.

Герод был деятелем не только местного афинского, но и общеперсского масштаба: входил в состав римского сената, даже занимал однажды в Риме должность консула — одного из высших должностных лиц. Обладая колоссальным состоянием, которое щедро тратил на пышные постройки как в родных Афинах, так и в других городах Эллады. Имел репутацию талантливого оратора и писателя. Такие вот люди задавали теперь тон в «городе Паллады». О демосе как высшей силе в полисе больше нет и речи.

...Около ста лет назад видный немецкий ученый-политолог Роберт Михельс, проанализировав функционирование ряда современных ему демократических обществ, выявил интересную закономерность, которую он, может быть, слишком претенциозно назвал «железным

¹³ Так назывался теперь бывший Совет Пятисот. Число его членов было увеличено в связи с тем, что в начале эпохи эллинизма к десяти филам, учрежденным Клизфеном, прибавились еще две.

законом олигархии». Формулируется этот закон так: любой политический строй, возникший как демократия, рано или поздно (и скорее рано, чем поздно) фактически переродится в олигархический, пусть даже и сохраняя прежнее название.

Произойдет это потому, что, как писал Михельс, «прямое господство масс технически невозможно». Обязательно возникнет необходимость в некоем особом общественном слое, который специально занимается организацией государственного управления. Это — «активное меньшинство», профессионалы — политики и администраторы; это — элита. А элита, как известно, имеет тенденцию к увековечению своего положения.

Да мы и без всякой теории знаем: человек, попавший во власть и вкусивший всех связанных с ней привилегий, так просто из этой власти не уйдет, будет держаться за нее до последнего. Скажем, однажды избранный депутат будет снова и снова стараться удержаться на этом посту, и велик шанс, что он просидит в парламенте до самой смерти. Министр, даже проштрафившийся, вряд ли будет совершенно отстранен; его просто переведут на другую должность (и примеров тому — сколько угодно), но он останется во властных структурах.

Более того, они и детей своих, скорее всего, направят на ту же стезю. Иными словами, политическая элита приобретает наследственный характер и лишь в редких случаях принимает в свой состав «чужака». Она богатеет, сливается с миром крупного капитала. Власть народа, декларируясь на словах, в действительности становится фикцией. А ведь реальное господство некой более или менее узкой, замкнутой группы лиц — это и есть самая настоящая олигархия.

Применим ли к античным Афинам «железный закон» Михельса, выработанный совсем на другом историческом материале? Если взять за основу расцвет афинской демократии, V в. до н. э. — то ни в каком отношении не применим. Элита, конечно, всегда существовала в политической жизни. Аристид, Фемистокл, Кимон, Перикл — яркие ее представители. Но эта элита не проявляла — и просто не имела возможности проявлять — тенденцию к превращению в замкнутый, самодостаточный организм, обладающий властью.

Целый ряд механизмов был задействован для того, чтобы правление демоса было реальным, а не фиктивным. Должностные лица, даже самые высокие, не могли принимать сколько-нибудь ответственных решений без санкции народного собрания. Постоянное применение жеребьевок, небольшие сроки пребывания на государственных постах — все это приводило к тому, что состав элиты

подвергался постоянной ротации, появлялись новые люди, старые отходили на второй план... Поскольку принцип свободы сопрягался с принципом ответственности, магистраты подлежали обязательной — и строгой — отчетности перед народом.

Понятно, что в таких условиях олигархические элементы просто не могли сформироваться. Как ни был влиятелен и авторитетен Перикл, демосу ничего не стоило, как только он захотел, со скандалом отправить «афинского олимпийца» в отставку. Характерно, что сторонники олигархии, коль скоро такие появлялись, даже и не пытались как-то внедриться в систему и исподволь, изнутри преобразовать ее в своих интересах. Видимо, понимая, что это невозможно, они предпочитали тотально критиковать демократию, отрицать ее целиком и полностью, не находя с ней никаких точек соприкосновения.

Один современный западный ученый остроумно подметил, что афиняне изобрели остракизм, а римляне — триумф¹⁴, и этот факт во многом символизировал политическое мировоззрение тех и других и предопределил их исторические судьбы. Наблюдение, безусловно, верное. В Риме умели ценить и почитать своих лидеров. А в классических Афинах мало кто из видных государственных деятелей не был в конце концов подвергнут опале, а то и казни. Но ведь во многом именно поэтому афиняне и создали демократию, реальное народовластие, а у римлян ничего подобного никогда не было. А, с другой стороны, Рим сколотил под своим владычеством колоссальную державу, а все попытки афинского полиса, шедшие в этом направлении, наталкивались на неудачу.

Итак, в «золотой век» афинской демократии «железный закон олигархии» не работал. В IV в. до н. э., когда вся Эллада переживала кризис и готовилась к переходу на совершенно новые пути развития, появились первые признаки того, что в недалеком будущем этот закон все-таки даст о себе знать. Политики стали становиться профессионалами — но пока еще под контролем демоса.

И вот наконец, в эпоху эллинизма, после многочисленных перипетий переходного периода, все, как говорится, «возвратилось на круги своя». Грандиозный, уникальный «афинский эксперимент» завершился. «Город Паллады» перестал быть единственным и неповторимым; в нем утвердился самая обыкновенная олигархия. Умеренная, маскирующаяся под демократию, — но тем не менее олигархия.

¹⁴ **Триумф** — в Древнем Риме торжественный въезд полководца-победителя в город, в обстановке всеобщего ликования.

Экскурс 6

Демократия и боги

В конце IV в. до н. э., когда афиняне, можно сказать, соревновались друг с другом в почитании «живого бога» Деметрия Полиоркета, один из сложенных в его честь гимнов содержал такие слова:

Другие боги или где-то далеко,
Иль не имеют слуха,
Иль нет их вовсе, иль они не внимают нам,
Тебя же зрим живого,
Не в дереве, не в камне, а воистину;
Тебя-то мы и молим.

(Гермокл, фр. 1 Powell)

Из этих слов очень хорошо видно, что обожествление Деметрия было вызвано не только беззастенчивым подхалимажем, но и кризисом существующих религиозных воззрений. Нового бога потребовалось вводить потому, что старые уже не удовлетворяли. Иными словами, рубеж двух эпох — классической и эллинистической — ярко отразился в сфере не только политики, но и религии.

Каковы были основные черты религиозной жизни ранее, в демократических Афинах? Говоря об этом, следует помнить, что любая религиозная система, сложившаяся в условиях античного полиса, неизбежно должна была иметь полисный характер, соответствовать полисной системе ценностей. Это суждение справедливо для Эллады в целом; естественно, оно в полной мере относится и к афинскому полису.

Ряд четко определяемых особенностей характеризует традиционную древнегреческую религию. Во-первых, это **политеизм** — многобожие. На эллинской почве мы долго практически не встречаем монотеистических идей. Впрочем, нельзя сказать, что совсем не встречаем. Еще в VI в. до н. э. мы читаем у поэта и философа Ксенофана (родом из Ионии) вот какие строки:

Есть один только бог, меж богов и людей величайший,
Не похожий на смертных ни обликом, ни сознанием...
Весь целиком он видит, весь сознает и весь слышит.
...Без труда, помышленьем ума он все потрясает...
Вечно на месте одном пребывает, не двигаясь вовсе,
Переходить то туда, то сюда ему не пристало.

(Ксенофан, фр. B23–B26 Diels–Kranz)

Это, конечно, еще не монотеизм в прямом смысле слова, раз наряду с пресловутым «одним богом» появляются какие-то другие боги. Тем не менее перед нами — очень серьезный и смелый шаг за пределы традиционных наивно-мифологических взглядов, обоготворявших и персонифицировавших силы природы. Однако не будем забывать, что перед нами — передовой мыслитель.

Подавляющее большинство остальных эллинов просто не поняло бы Ксенофана. Они были свято убеждены в реальном существовании олимпийских богов и богинь — Зевса и Аполлона, Афины и Деметры... Настолько свято убеждены, что, пожалуй, даже выражение «они верили в богов» будет слишком слабым. Ведь где есть вера — там есть место и сомнению. Нельзя же сказать, что мы верим, скажем, в Америку или Австралию. Мы просто знаем, что они есть, даже если никогда в этих странах не бывали.

Для приверженцев современных религий характерна категория веры. А древние греки, так сказать, просто знали, что их боги есть. Эти божества были не предметом веры, а объективной реальностью, воспринимаемой чувствами. Нельзя было бы задать эллину вопрос, верит ли он, например, в Афродиту. Он не верил в нее — он наблюдал и ощущал ее действие повсюду, прежде всего на себе: ведь любовь не чужда никому.

Еще одной основополагающей чертой древнегреческой религии был **антропоморфизм** — «очеловечение» богов. Их представляли и изображали как тех же людей, но только людей идеальных: бессмертных, совершенно прекрасных, обладающих огромным могуществом, блаженных, то есть не ведающих горестей и забот.

Впрочем, идеал здесь следует понимать в чисто физическом смысле. С точки зрения морали, нравственности боги вполне разделяли все человеческие недостатки. Согласно мифам, небожители вполне способны препираться, браниться, хвастаться, лгать, воровать, изменять своим божественным супругам... Этот доведенный до предела антропоморфизм резко критиковал тот же Ксенофан (фр. B15 Diels-Kranz):

Если бы руки имели быки и львы или кони,
Чтоб рисовать руками, творить изваянья, как люди,
Кони б тогда на людей, а быки на быков бы похожи
Образы рисовали богов и тела их ваяли,
Точно такими, каков у каждого собственный облик.

Но и в данном случае Ксенофан сильно опередил свое время. Средний, рядовой грек не находил ничего несообразного в мифоло-

гических повествованиях. Ведь он вырос с ними, в буквальном смысле слова впитал их с молоком матери.

Обратим внимание еще вот на какой факт. Ксенофан не был афинянином и вряд ли когда-нибудь в своей жизни бывал в Афинах. И это относится не только к нему. Кого бы мы ни взяли из представителей ранней греческой философии, предлагавших взамен древних мифов иные, более рациональные теории, — будь то Фалес или Анаксимандр, Пифагор или Гераклит, Парменид или Демокрит — никто из них не имел никакого отношения к «городу Паллады». В Афинах был свой мудрец — Солон, а он был твердо и прочно уверен в том, что миром правят боги, охраняя и защищая общественный порядок.

В «золотой век» демократии, в годину славных побед над персами и создания могучей морской державы оказалось, что в сфере интеллектуального развития Афины довольно сильно отстают от главных культурных центров греческого мира, прежде всего от полисов Ионии. Выяснилось это, можно сказать, случайно. В правление Перикла и позже в Афины приехало немало философов с разных концов Эллады. Их привлекала жизнь в богатом, процветающем, свободном городе, где, казалось, можно было беспрепятственно излагать любые, самые радикальные взгляды.

Однако вскоре стало вполне очевидно, что афинский демос в своей массе не готов воспринять эти философские новшества. Более того, заезжие знаменитости стали предметом самого настоящего озлобления. Анаксагор утверждает, что солнце — всего лишь раскаленная каменная глыба, а не бог Гелиос; судить Анаксагора! Протагор пишет, что о богах люди не могут знать ничего достоверного; судить Протагора! Приехал в Афины известный атеист Диагор с острова Мелос, заявлявший, что никаких богов нет совсем. Естественно, он был приговорен к смерти. А когда Диагор бежал, спасаясь от казни, афинский суд назначил награду за его голову. Наконец, выше нам уже приходилось говорить о суде над Сократом, и мы помним, что в официальном обвинении там фигурировало то же самое преступление — безбожие.

В свете всех этих фактов, может быть, стоило бы пересмотреть распространенное в науке мнение, согласно которому античная языческая религия была исключительно «терпимой» к инакомыслию, что она никак не сковывала свободу самых неортодоксальных взглядов. Следует помнить о том, что эта религия имела полисный характер и соответственно находилась в теснейшей, неразрывной связи с полисной государственностью. В сущности, религиозные и государственные структуры практически совпадали.

В полисе буквально все было сакральным, священным. Это относится к любой сфере общественной деятельности. Полис — феномен не только политический, но и религиозный, не только государство, но и своего рода церковь, как бы парадоксально это ни звучало. Жрецы, например, являлись такими же должностными лицами, магистратами, как архонты или стратеги, отнюдь не составляя особой, отдельной структуры — духовенства.

Поэтому был абсолютно невозможен конфликт между духовной и светской властями, столь характерный для многих обществ. Собственно, конфликтовать было некому и не с кем: духовная и светская власть воплощалась в одних и тех же институтах и лицах. Очень хорошо видно на примере должности архонта-басилея: гражданин, сроком на год избиравшийся жребием на этот пост, становился одновременно одним из первых лиц в государстве и главным жрецом. Большой вопрос, можно ли вообще употреблять слово «светский» по отношению хоть к какой-нибудь сфере бытия греческого полиса.

А отсюда вытекает важное следствие: «свободомыслие» в религиозных делах терпели до тех — и только до тех — пор, пока оно не начинало казаться опасным для государства. В узких кружках приверженцев-философов и Анаксагор, и Протагор, конечно, могли излагать какие угодно учения. Совсем другое отношение к ним складывалось, когда они пытались распространять свои идеи в широких кругах гражданства. Как это так — боги то ли существуют, то ли не существуют?! А в чью же честь тогда полис ежегодно проводит множество торжественных праздников, цементирующих его единство? Подобные «развращающие» взгляды, конечно, считались заслуживающими наказания.

Говоря о делах религиозных, вполне резонно поставить еще вот какой вопрос. Афины были демократическим полисом — отражалось ли это как-нибудь на религии? Была ли афинская религия тоже какой-то особенной, демократической? Вроде бы мы вправе этого ожидать.

Однако, всматриваясь в исторические реалии и факты, мы — не без некоторого удивления — ничего подобного не обнаруживаем. Оказывается, что в Афинах эпохи классической демократии все формы почитания богов, общения с ними были в точности, до деталей, такими же, как и в любом другом полисе, будь то типично олигархический Коринф, нетипично олигархическая Спарта или какой-нибудь город, находящийся под властью тирана.

Повсюду — и с минимальными вариациями — в честь богов устраивались процессии. Приносились обильные жертвы. Органи-

зовывались спортивные и музыкальные состязания. Отовсюду, чтобы узнать будущее, отправляли священных послов к Дельфийскому и другим оракулам. Во всех частях греческого мира и пантеон¹⁵ чтимых божеств был один и тот же. Конечно, в Афинах особым пиететом пользовалась покровительница города — богиня Афина. А в Коринфе такую же роль играла Афродита, в Аргосе — Гера, в Олимпии — Зевс... Но к политическому устройству все это ведь не имеет отношения.

Нам могут возразить, что в афинской истории зафиксированы божества, имеющие явно демократический характер. Известны, например, богиня Демократия и бог Демос. В других эллинских государствах им аналогий нет. Они, несомненно, являлись олицетворением уже не природных сил, как традиционные небожители, а явлений общественной жизни, причем явлений вполне определенных, связанных с народовластием.

Все это так. Но нужно посмотреть, в какое время появились эти новые божества. Культ богини Демократии впервые встречаем в самом конце классической эпохи, в последней трети IV в. до н. э. Бог Демос начинает упоминаться еще позже. Своего высшего развития почитание их обоих достигло в эпоху эллинизма. А мы уже знаем, что в эту эпоху демократия в Афинах была лишь по названию. Истинное, реальное содержание невозвратно уходило из ее форм, становившихся пустыми. Потому-то эту «пустую оболочку» и приходилось заполнять такого вот рода «эрзац-божествами». Если какое-то явление начинает обожествляться, это верный знак, что оно уже не существует или почти не существует в действительной жизни. Забавный и характерный факт: в конце IV в. до н. э. в Афинах бок о бок стояли статуи богини Демократии и... «живого бога» Деметрия. А ведь, казалось бы, что может быть несовместимее?

Конечно, и в период расцвета народовластия были в афинском полисе мифологические персонажи (не боги, а герои, то есть существа рангом пониже), которых можно связать с демократической формой правления. Например, «тираноубийцы» Гармодий и Аристоклитон, — кстати, вполне реальные лица, — которые еще в 514 г. до н. э. закололи Гиппарха, сына Писистрата. В классических Афинах их чрезвычайно почитали. На Агоре стояли их статуи. И настолько неотъемлемой частью города они считались, что, когда в 480 г. до н. э. эти статуи похитил и увез в Персию Ксеркс, афиняне тут же изготовили и поставили на их место новые.

¹⁵ **Пантеон** — совокупность божеств, почитаемых в рамках какой-либо религии.

Но и в этот культ следует смотреться повнимательнее. Даже если мы абстрагируемся от того факта, что «тираноубийцы» на самом деле тираноубийцами не были (тиран Гиппий после их заговора остался в живых и даже ужесточил свое правление), все равно увидим, что в Гармодии и Аристогитоне чтили не столько основателей демократии в собственном смысле слова — и на самом деле, никакой демократии они не устанавливали, да и мысли такой не имели, — а борцов за свободу полиса, за свободу граждан от власти одного человека. Свобода от тирании и демократия — все-таки не одно и то же.

Но самым знаменитым и славным среди афинских героев был, безусловно, Тесей. Один из мифов о нем рассказывал: объединив всю Аттику в единое государство, он будто бы установил в ней демократию. Миф этот мог сложиться не раньше чем в классическую эпоху: до того, напомним, греки не имели в своем лексиконе даже и слова «демократия». Тем более анахронизмом будет применять этот термин ко времени Тесея, который, согласно легендам, жил еще до Троянской войны.

Но, как бы то ни было, кажется, мы нашли тот самый религиозный символ афинской демократии, который до сих пор безрезультатно искали? В чем-то это действительно верно. И все же в образе Тесея, который был особенно популярен в V в. до н. э., на первый план выступают не столько собственно демократические, сколько иные черты. Тесей в понимании афинян — сильный и деятельный правитель, постоянно совершавший подвиги, увеличивавший размеры государства, ведший успешные войны с соседями и особенно прославившийся своими деяниями на море.

Пожалуй, он был скорее не символом демократии, а символом афинской мощи. Не случайно его почитание достигло максимума тогда, когда и эта мощь была в своей высшей точке. Около 475 г. до н. э. Кимон объявил о том, что ему удалось отыскать останки героя на острове Скирос в Эгейском море (согласно мифам, он умер именно там). Эти останки, кому бы они на самом деле ни принадлежали, были с большой помпой перевезены в Афины, там перезахоронены, и на месте перезахоронения построено святилище.

И с тех пор виднейшие афинские государственные деятели и полководцы, готовя какую-нибудь важную акцию, старались заручиться «поддержкой» Тесея, а то и уподобиться ему. Так делал сам Кимон, так поступал после него и Перикл. Но это было, повторим, в V в. до н. э. А в следующем столетии почитание этого героя заметно идет на спад. Демократия сохранялась и совершенствовалась, но

прежнего военно-морского могущества уже не было. Как следствие, и Тесей стал не столь популярен.

Дело здесь вот в чем. Когда Афины после славных побед над персами необычайно усилились и претендовали на гегемонию в Элладе, им оказался необходим, так сказать, собственный «национальный герой». Образ такого рода всегда бывает необходим для сплочения граждан вокруг общей цели. Ведь не все умеют мыслить абстрактно; многие нуждаются в конкретном символе, воплощающем единство. К тому же в греческом мире в целом начиная с архаической эпохи необычайно распространилось почитание героев. Считалось, что они ближе к людям, чем боги.

Величайшим из героев, чтимым повсюду, где только жили эллины, был, конечно, Геракл. Но афиняне не могли просто взять и поставить себя под его покровительство. И не могли по очень простой причине: Геракл был уже «занят». Он воспринимался как общегреческий герой, но тем не менее имел особую связь со Спартой. Спартанские цари возводили свою родословную именно к нему.

В таких условиях культ Геракла получал серьезные политические последствия. Государство, вводившее или поддерживающее этот культ, как бы подспудно признавало свою зависимость от спартанцев. Но вот на это афинский полис пойти не мог ни при каких обстоятельствах. Ведь как раз в это время он бросал Спарте вызов! А значит, был необходим собственный, местный мифологический противовес Гераклу, в некотором роде «анти-Геракл».

Именно эта роль и была предназначена Тесею. У лакедемонян есть свой великий герой — у нас будет свой! Геракл был известен прежде всего своими двенадцатью подвигами, истреблением чудовищ. Соответственно и Тесею приписали ряд разнообразных, но очень похожих на геракловские подвиги. Он и Минотавра победил на Крите, и убил огромного, наводящего ужас быка, которого в свое время не добил Геракл, и с диким кабаном расправился, и воевал с амазонками... А в IV в. до н. э. противостояние Афин и Спарты постепенно отошло на задний план перед лицом других, более насущных проблем. А вместе с ним отошел на задний план и Тесей.

Итак, между религией и демократией почти не было точек прямого соприкосновения. В этом нет ничего странного: трудно представить себе вещь менее демократичную, чем религия — будь то античная греческая, будь то любая другая. Во главе пантеона стоял Зевс — «владыка бессмертных и смертных», как его называл уже Гомер, — воспринимавшийся как монарх, как царь (собственно, к нему часто прилагался эпитет «царь»). А в целом мир олимпийских

богов больше всего напоминал какое-нибудь сообщество знати, предающееся чисто аристократическим утехам, особенно пирам.

Но почему же — вернемся к вопросу, вставшему перед нами в начале этого экскурса, — со временем афинян, да и греков в целом, перестала удовлетворять их традиционная религия, почему возникла необходимость в «живых богах» типа Деметрия Полиоркета? Кризисные явления в религиозной жизни стали впервые заметны в период Пелопоннесской войны.

Почти три десятилетия шла кровавая бойня, охватившая собой все области Эллады, и люди стали задумываться: а что же боги? Почему они позволяют твориться этим безобразиям, не прекратят их? Не хотят? Или не могут? Какой из этих двух ответов ни выбери — олимпийцы оказываются в невыгодном положении. В первом случае выходит, что они злые, а во втором — что бессильные.

От богов ждали не обещаний загробного блаженства, а прямой, непосредственной помощи в реальных земных делах. И если эти надежды не оправдывались — в богах начинали разочаровываться. Черета крупных и мелких конфликтов, охватившая Грецию в IV в. до н. э., не оставляла места для идеи божественного миропорядка. А дальше — македонское владычество, утрата эллинскими полисами всякой политической роли, бесконечные схватки между диадохами...

Не удивительно, что удачливый, победоносный полководец вызывал теперь больший авторитет, чем любой бог. От него зависело многое: жизнь или смерть, свобода или рабство тысяч людей. Что по сравнению с ним Зевс или Аполлон, которые, по выражению из выше цитированного гимна, «где-то далеко»?

А тот же Деметрий или другие диадохи, которых все активнее обожествляли, — они, конечно, были ближе. Причем ближе не только в чисто территориальном смысле. Обратим внимание на интересный парадокс: традиционные греческие боги, казалось бы, так похожи на людей! А в то же время у людей с ними — почти ничего общего. Были эти божества какими-то слишком холодными, равнодушными, замкнутыми в своем прекрасном аристократическом мире. Отношения с ними строились, в общем-то, на основе чистого прагматизма. Люди приносят богам жертвы и дары, молятся им — а боги за это, как считалось, выполняют то, о чем их просят. А может быть, и не выполняют — ненадежные, капризные это союзники.

Формирующаяся и развивающаяся личность начинала искать более тесной, эмоциональной связи с божеством. Возникали новые потребности — излить богу душу в страстной молитве, слиться с

ним, раствориться в нем... А те же Зевс или Аполлон для этой цели никак не подходили.

Нарастали элементы мистицизма в религиозной жизни. Нарастали постепенно, подспудно, начиная с эпох классики и даже архаики. Мистические черты отчетливо прослеживались в культах Диониса — бога умирающей и воскресающей природы, покровителя вина, Деметры — богини земледелия. Но лишь в эпоху эллинизма эти элементы получили решающее преобладание, что привело к коренным переменам в религиозном мировоззрении и в конечном счете — через несколько веков — к появлению христианства.

Традиционная полисная религия обращалась к общине, коллективу, государству, а не к отдельному индивиду. Кроме того, она говорила на языке разума, а не на языке чувств. Претерпевал кризис, уходил в прошлое классический полис — и вместе с ним неизбежно должна была уйти его религия. Демократический полис не был исключением.

Э п и л о г

ИТОГИ ДОЛГОГО ДНЯ

Свет и тени народовластия

Отношение к афинской демократии не было одинаковым на протяжении последующих исторических эпох, оно менялось. В средние века и в начале Нового времени демократические идеи вообще не были актуальны, не пришло еще время для их повторного восприятия — общество не созрело для этого. Характерно, что самый авторитетный политический трактат эпохи Возрождения, написанный Никколо Макиавелли, назывался «Государь». Уже из этого видно: власть воспринималась не иначе как воплощенной в персоне правителя, о суверенитете народа речи еще отнюдь не шло.

Положение начало меняться во второй половине XVIII в., когда как в Старом, так и в Новом Свете произошли буржуазно-демократические революции глобального значения. Однако интересно, что их творцы обращались в своей деятельности к модели не классических Афин, а Римской республики. У вождей Великой Французской революции на устах были имена Брута, Гракхов, Цицерона, а отнюдь не Перикла или Демосфена.

Тогда же «отцы-основатели» Соединенных Штатов Америки, одержав победу в войне за независимость от Англии — а она тоже, несомненно, имела революционный характер — и составляя конституцию, которая должна была лечь в основу устройства нового государства (кстати, по этой конституции американцы живут и ныне, внося в нее за двести с лишним лет очень незначительное число поправок), точно так же ориентировались на римские образцы. Всем известно, что верхняя палата высшего законодательного органа США получила название Сенат — как в Древнем Риме.

В чем же дело? Почему афинским опытом пренебрегали, а римский брали за основу? И это при том, что в Риме, даже в лучшие

времена республиканского правления, никогда не было реальной, полномасштабной демократии, всегда решительно преобладали олигархические элементы.

Главная причина здесь в том, что афинское народовластие считали слишком крайним и радикальным, слишком подверженным тенденциям охлократии — «власти толпы» — и засилью демагогов. Ведь сведения о демократических Афинах и, главное, их оценки черпали в основном из античных философских трактатов. А философы, такие как Сократ, Платон и Аристотель, ни в коей мере не относились — и мы об этом уже знаем — к восторженным приверженцам демократии «афинской чеканки», напротив, жестко критиковали ее.

Но времена меняются... Ныне политические теоретики, пишущие о классических Афинах, конечно, уже не следуют слепо в своих суждениях за великими древнегреческими предшественниками. Восторжествовал принцип историзма. Хотя, очевидно, все-таки не вполне. Афинская демократия и по сей день зачастую служит мишенью для критики. Однако критика эта теперь идет с совсем иных позиций, можно сказать, с прямо противоположных. Многие ученые полагают, что Афины были не «слишком демократичными», как думали лет двести назад, а, наоборот, «недостаточно демократичными».

Так, отмечается — и во многом совершенно справедливо, — что афинская демократия, да и любая античная демократия, была, в сущности, демократией для меньшинства. Она распространялась далеко не на все население, живущее на территории государства. Напомним: в Афинах никаких политических прав не имели метэки. О рабах — и говорить нечего: они просто не воспринимались как личности. Женщины, хотя и считались гражданками, участия в управлении полисом тоже не принимали.

Фактически из жителей Аттики — а их количество в классическую эпоху составляло 250–350 тысяч человек (цифра колебалась в зависимости от разных факторов: военных потерь, эпидемий, экономического состояния и т. д.) — всей полнотой гражданских и политических прав пользовались лишь взрослые свободные мужчины, принадлежавшие к урожденным афинянам. Иными словами, те, кто входил в состав коллектива граждан, из кого комплектовалось народное собрание. А их было 35–45 тысяч, иными словами, не более одной восьмой населения. Бесспорно, это была демократия для меньшинства!

Однако повторим еще раз: во всем нужно следовать принципу историзма. Недопустимо подходить к античным политическим сис-

темам с нашими современными мерками, предъявлять им завышенные требования, которым они соответствовать заведомо не могут. Можно сколько угодно упрекать афинян за то, что они не предоставили гражданских прав женщинам и рабам. Но иная ситуация в те времена была просто немыслимой! Ведь еще не прозвучала проповедь христианства, не раздалися знаменитые слова апостола Павла (Послание к Галатам, 3. 28): *«Нет раба, ни свободного; нет мужеского пола, ни женского; ибо все вы одно во Христе Иисусе»*.

Собственно, потому и только потому, что две тысячи лет назад родилась христианская религия, ныне женщины в цивилизованных странах полностью равноправны с мужчинами. А в дохристианские времена даже мысль о таком равноправии никому и в голову бы не пришла. То же самое можно сказать и о рабах. Кстати, в США вплоть до середины XIX в., несмотря на вполне демократическую конституцию, сохранялось, как известно, плантационное рабство в южных штатах. И обращались хозяева с привезенными из Африки рабами куда более жестоко, чем афиняне — со своими. Попробовал бы кто-нибудь предложить плантатору дать рабам хоть какой-то минимум человеческих прав — тот в ответ только рассмеялся бы. Да и женщины в рамках американской демократии долгое время не были допущены к участию в выборах. Тем более несерьезно ждать чего-то большего от древних обществ.

А что касается метэков... В этом пункте упреки по адресу афинской демократии выглядят особенно лицемерными. В сущности, в любом современном государстве имеются свои метэки. Только называют их более презрительно — мигрантами. Это — люди, приехавшие из других стран. Естественно, на своем новом месте жительства они не располагают политическими правами. Скажем, выходец из Армении, Украины или Таджикистана, поселившийся в России, не сможет принимать участия ни в каких выборах и голосованиях. Более того, меры по отношению к ним постоянно ужесточаются. Пожалуй, в Афинах метэкам жилось лучше, свободнее. Во всяком случае, им не приходилось бояться, что их в любой момент остановит полицейский-скиф и подвергнет унижительной процедуре проверки документов (да и документов-то никаких не было).

Очень серьезным и отнюдь не голословным выглядит следующее обвинение, делаемое афинской демократии. Блеск и процветание классических Афин в «золотой век» Перикла во многом зиждились на беспощадной эксплуатации городов, входивших в Архэ. Ведь, напомним, демократия — весьма дорогая политическая система, и ее реальное осуществление в любую историческую эпоху доступно

далеко не всякому государству, а только богатому. Афиняне смогли воплотить в жизнь основные принципы демократического устройства не в последнюю очередь потому, что форос, ежегодно присылаемый союзными полисами, представлял собой неиссякаемый источник доходов. Эти доходы можно было направлять и на оплату работы должностных лиц, и на возведение монументальных зданий, и на иные порождаемые народовластием расходы.

И опять же — все сказанное, конечно, верно. Это мы отмечали и раньше, не жалея красок при описании приниженного положения афинских союзников. Но слишком строго судить афинян за их «империализм» — значит, применять двойные стандарты, как говорить-ся, видеть соринку в чужом глазу, не замечая бревна в собственном.

И поныне сильнейшие демократические государства во внутренних делах, для собственных граждан, руководствуясь принципами свободы и равенства, на внешнеполитической арене движимы совсем иными мотивами. Для них точно так же характерны империалистические тенденции, борьба за зоны своего влияния и интересов, а в конечном счете — за достижение гегемонии, причем теперь уже не в бассейне Эгейского моря, а во всем мире. Ни для кого не секрет, что определенными кругами провозглашен курс на построение «однопольного» миропорядка¹⁶.

Перед нами — реальность, с которой ничего не поделаешь. Во все времена любое нормальное государство стремится не только к тому, чтобы быть демократическим, но и к тому, чтобы быть сильным и уважаемым. Это естественно. Почему же античные Афины должны были вести себя иначе?

Конечно, средства, которыми достигается влияние на окружающий мир, далеко не всегда достойны одобрения. Цинизм? Бесспорно. Но политика — вообще циничная, грязная вещь; ее не делают в белых перчатках.

Мы ни в коей мере не хотим идеализировать афинскую демократию. Ей был присущ ряд органических, неискоренимых пороков и недостатков. Она отнюдь не являлась идеальным государственным устройством — а такое устройство вообще возможно только в утопиях.

Подчеркнем еще раз: не следует слишком строго судить древних греков за то, что они не могли предотвратить появление этих негативных черт. Ведь демократическое устройство полисов Эллады,

¹⁶ Хотя само слово «однопольный», часто встречающееся в современных политических исследованиях, крайне неудачно и даже неграмотно. Как известно, у любого предмета могут быть только два полюса — не больше и не меньше.

прежде всего классических Афин, было первым в человеческой истории образцом подобной политической системы. Пробы и ошибки в самом начале пути были неизбежны. И не порицать нужно афинян, а учиться на этих их ошибках.

Так, говоря о внешней политике, следует помнить: афинский опыт показал, что чрезмерно грубое, неприкрытое навязывание своих интересов и своих ценностей другим государствам — а именно этим грешили Перикл и его сограждане в период расцвета Архэ — чревато крахом всей системы, ее развалом от первого же серьезного толчка, как и произошло во время Пелопоннесской войны. И не спасли никакие красивые лозунги свободы и равенства. Об этом не помешало бы задуматься кое-кому за океаном, тем, кто претендует на роль «всеобщих благодетелей» и хочет насильно осчастливить народы.

Нельзя, конечно, сказать, что ошибки прошлого никогда и ничему не учат. Современные демократические государства многое учли, от многих недостатков избавились. Так, в целом не привилась в нынешнем мире столь характерная для античности идея прямой демократии, «демократии непрофессионалов». В наши дни, как правило, пользуются механизмами демократии представительной.

Впрочем, и здесь не обойтись без существенных оговорок. В сфере правосудия все большее распространение получают суды присяжных. А ведь они целиком и полностью основаны на том, что приговоры обвиняемым должны выносить не специалисты-юристы, а обычные граждане, и руководствоваться при этом не столько буквой закона, сколько своей гражданской совестью. Суд присяжных — и нам это уже прекрасно известно — ведет происхождение именно из древнегреческой демократии. Его первый хорошо освещенный в источниках пример — афинская гелиея.

С другой стороны, не будем умалчивать и о том, что, избавившись от одних недостатков, современные демократические государства приобрели новые. В некоторых отношениях античная демократия, как представляется, имеет даже преимущество перед нынешней.

Так, в классических Афинах власть широких масс граждан, власть народа (не будем забывать, что от этого словосочетания произошел и сам термин «демократия») была несравненно более полной и реальной, нежели в любом демократическом государстве наших дней. Возьмем ли мы Россию или США, Францию или Германию, — повсюду, если называть вещи своими именами, народу позволяется напрямую выражать свое мнение лишь достаточно редко — на выборах, референдумах. При этом к практике референдумов прибегают

все реже и реже, и не исключено, что со временем ее просто ликвидируют. А выборы практически никогда и нигде не обходятся без подтасовок и фальсификаций. Согласно известному афоризму, «не важно, как проголосуют, а важно, как посчитают». И введение, казалось бы, таких прогрессивных электронных систем подсчета на деле лишь способствует искажениям: компьютером даже легче манипулировать, чем живыми людьми. Да и вскрыть потом эти манипуляции значительно сложнее. Компьютер не привлечешь к суду ни в качестве обвиняемого, ни в качестве свидетеля.

В промежутках же между выборами, то есть почти всегда, реальная власть находится в руках политических элит, а они — мы уже имели случай говорить об этом — стремятся к увековечению своего положения («железный закон олигархии»!). Кроме того, в современных демократиях явно наличествуют некоторые «вождистские» элементы. Власть «первого лица» государства (это либо президент, либо — в парламентских республиках — премьер-министр, канцлер), как правило, весьма велика. Ничего этого не было в античных Афинах.

Если бы — представим себе невозможное — удалось воскресить древнего грека, скажем, Аристотеля, предоставить ему возможность познакомиться с существующими ныне демократическими устройствами и попросить дать их оценку, что бы он сказал? Нет сомнений, что грек вообще не признал бы ни одно из современных государств демократией. Какая же это демократия, если народ почти никогда не влияет на принятие принципиальных решений? Это самая обычная олигархия, сказал бы грек, да еще и с примесью тирании.

В условиях прямой демократии античности подавляющее большинство граждан постоянно, регулярно, а не от случая к случаю участвовало в управлении государством. Политическая элита, конечно, имела в демократическом полисе. Но эта элита действовала не путем каких-то закулисных манипуляций, как это столь часто бывает в наши дни, когда видимость волеизъявления народа сплошь и рядом оказывается лишь ширмой для решений, принятых на ином, «незримом» уровне, а только посредством существующих конституционных механизмов.

Отсюда, кстати, то колоссальное значение, которое придавалось в общественной жизни афинского полиса ораторскому искусству, тот высочайший взлет, который оно пережило в классическую эпоху. Одним из важнейших талантов, требовавшихся от политического деятеля, было красноречие, умение убедить укомплектованные демосом государственные органы. Даже и в наших современных пред-

ставлениях оратор — одна из ключевых фигур, с которыми ассоциируется образ античных Афин.

В современных демократиях ораторское искусство если и существует, то в роли не очень-то уже и нужного рудимента. Это относится даже к той области, где оно наиболее ярко может проявиться, — к парламентским дебатам. Сколько бы ни блистал перлами красноречия парламентарий с трибуны, — подавляющее большинство его коллег проголосует не по убеждению, а по директиве, данной им руководством их партий и фракций. Соответственно парламент и действительно в известной степени превращается в «говорильню» (таково прямое значение этого слова), а решения фактически принимаются заранее, в ходе кулуарного торга.

В классических Афинах подобная ситуация была заведомо невозможной. Высокое значение ораторского искусства и вообще власть устного слова были связаны с тем, что в условиях прямой полисной демократии оратор действительно мог убедить свою аудиторию в необходимости того или иного действия. Все это способствовало реальному, а не фиктивному демократизму политической системы. Принятие решений было не монополизировано «группами влияния», не предрешиено заранее.

К тому же в отличие от современных условий масса граждан, голосующих в народном собрании, не была скована никакой партийной дисциплиной. Существовавшие политические группировки имели небольшие размеры и включали в себя только политиков-профессионалов, членов элиты. А демос голосовал так, как считал нужным. Это тоже препятствовало предварительным закулисным сговорам.

Не то чтобы их совсем не было. Случалось, тайно договаривались по тому или иному поводу и Перикл с Кимоном, и Алкивиад с Никием... Но такие случаи были очень редкими, можно сказать, исключениями. И вот почему. Заключая политическую сделку, договариваясь о солидарном голосовании «за» или «против» какого-нибудь законопроекта, все равно нельзя было гарантировать, что этот проект будет принят. Как повлиять на то, чтобы эkkлeсия сделала требуемый выбор? Ведь политики-то в ней заведомо в меньшинстве!

По большей части народное собрание принимало решение спонтанно, без какой-либо достигнутой заранее договоренности. Временами, особенно в эпохи внутренних и внешних кризисов, это приводило и к негативным эксцессам. Памятна ситуация 428 г. до н. э., когда после подавления восстания в Митилене афинская эkkлeсия на одном своем заседании постановила учинить жесто-

чайшую расправу над жителями этого лесбосского города, а на другом, буквально на следующий же день, отменила это постановление.

Иными словами, трудно объективно оценить, какой способ принятия решений лучше: в ходе ли предварительного кулуарного торга или непосредственно в ходе дискуссии и голосования. Но, во всяком случае, никто не будет спорить с тем, что второй способ демократичнее.

Классической афинской демократией очень трудно было манипулировать в чьих-либо личных или групповых интересах. Не то чтобы совсем нельзя: политической системы, абсолютно не подверженной манипуляциям, наверное, никогда не было, нет и не будет. Но афинский полис страдал от этого зла несравненно меньше, чем любое современное демократическое государство.

И наконец напомним то, о чем мимоходом уже упомянули, рассказывая о «Перикловом веке»: в классических Афинах принцип свободы неразрывно соединялся с принципом ответственности. Чрезвычайно разработанной была система отчетности должностных лиц перед демосом. Политик не только не получал никакой «неприкосновенности», позволяющей ему заниматься различными темными делишками, — напротив, он попадал под еще более пристальный надзор общественного мнения и в случае нарушения существующих законов или норм подвергался особенно суровому наказанию. У кого много власти, с того больше и спросится. Влияешь на судьбы государства — держи ответ за свои действия. Здесь нам тоже есть чему поучиться у древних афинян.

Тоталитарная демократия?

Здесь, на последних страницах книги, нам неоднократно придется возвращаться к тому, о чем уже упоминалось в той или иной связи выше, по ходу изложения. Развивать эти тезисы, рассматривать их, так сказать, под новым углом зрения. Это необходимо, чтобы лучше понять феномен афинской демократии, составить о ней максимально целостное представление.

Поговорим поподробнее вот о каком отличии демократических государств античности от современных. Та демократия, которая распространена в наши дни, является демократией либеральной. Это означает, что она ставит во главу угла свободы, желания и интересы

отдельной личности. Государство для человека, а не человек для государства — таков ее принцип. Очень большое место занимает категория прав человека.

Отнюдь не так было в древнегреческих полисах, в том числе в Афинах, где о «правах человека» и слышать не слышали. И даже не столько потому, что не существовало понятия об абстрактном «человеке»: были граждане, метэки и рабы, мужчины и женщины, и объем прав у этих групп населения ни в коей мере не совпадал.

Но важнее другое. Античная демократия являлась не либеральной, а коллективистской. Иными словами, она в первую очередь принимала во внимание интересы целого — всего государства, коллектива граждан. А отдельные лица всегда должны были быть готовы на жертвы во имя этих общих интересов.

Древнегреческая демократия была полисной, возникла, сформировалась и расцвела в условиях полиса. И этим многое, если не все, сказано. Полисный тип государственности подразумевал сплоченность граждан, их солидарность друг с другом. Философ Аристотель не случайно называл человека «общественным животным».

Это — осознанная позиция, выработанная на протяжении длительного исторического развития. Иначе как сообща иначе, как делая все возможное для блага своей общины, просто нельзя было существовать в пестром эллинском мире, раздробленном на десятки и сотни маленьких государств, в мире, где ближайшие соседи зачастую были злейшими врагами. «Расслабиться» и начать думать только о себе было, в сущности, невозможно.

Проиллюстрируем это на предельно простом примере. Начинается война, и члены гражданского коллектива должны, вооружившись, встать в ряды полисного ополчения. Уклониться, в принципе, было не так уж и сложно. Никаких военкоматов, естественно, не существовало, и если кто-нибудь совсем не хотел служить, он мог, скажем, уйти из города в сельскую местность, на свой участок — вряд ли кто-нибудь стал бы его там специально разыскивать. Мог сказать: «Я болен». Мог, наконец, сесть в гавани на корабль и отбыть на время в какое-нибудь нейтральное государство.

Однако не уклонялся почти никто. Во всяком случае, в период расцвета полисного строя. Граждане рассуждали примерно так: «Допустим, я не пойду на войну. По моему примеру не пойдет сосед, и сосед соседа, и третий, и четвертый, и пятый... Наша армия окажется слишком малочисленной и слабой. Мы потерпим поражение, и противник овладеет нашим полисом. Какова будет моя судьба, даже если не убьют (а мы знаем, что порой победившая сторона попросту

расправлялась со всем мужским населением проигравшей)? В лучшем случае — окажусь изгоем, лицом без гражданства, обреченным на скитания по Элладу и повсюду лишенным прав. В худшем случае — буду продан в рабство. Так уж лучше не отсиживаться, выжидая, чем кончится дело, а внести свою лепту в дело государства: рискнуть жизнью и попытаться в битве вместе с согражданами отстоять нашу независимость».

Все понимали, что участь человека напрямую зависит от участи его полиса. Будет хорошо полису — будет хорошо и его гражданам. И наоборот. Каждый гражданин пользуется всеми благами свободы лишь постольку, поскольку его полис свободен. Это создавало совершенно особый морально-психологический дух. Когда в 480 г. до н. э. Ксеркс с колоссальным войском шел походом на Элладу, персидских солдат приходилось гнать в бой бичами. А греки шли сражаться с энтузиазмом, воодушевлением — и разгромили полчища с востока!

Полисный коллективизм проявлялся буквально в любой сфере функционирования афинской демократии. Собственно, сама политика понималась иначе, чем в наши дни. Современная политическая жизнь основана на балансе противоборствующих сил и интересов, а в классической Греции ее целью было формирование единой, целостной воли к действию. Для нас политическая борьба, противостояние партий и группировок — нормальное, естественное состояние. А в греческих полисах такая борьба (стасис) всегда признавалась чем-то опасным, угрожающим стабильности государства, да и самому его существованию. Стремились не к компромиссу, а к единству. Оптимальной считалась такая ситуация, когда все граждане согласны между собою, когда возражающих и сомневающихся нет или почти нет.

До нас дошло некоторое количество древнегреческих надписей, в которых принятие государственным органом того или иного решения оглашается с указанием результатов голосования. При их чтении выявляется очень интересное обстоятельство. Цифры чаще всего имеют вот какой вид: «В голосовании приняло участие 1342 человека. Проголосовавших “за”: 1326. Проголосовавших “против”: 16» (надпись из города Колофон). Или: «В голосовании приняло участие 248 человек. Проголосовавших “за”: 248. Проголосовавших “против”: нет» (надпись с острова Кос).

Легко заметить, что общее число участвовавших в голосовании и число отдавших свои голоса за принимаемое решение совпадает — полностью или почти полностью. Процент проголосовавших

«против» либо ничтожно мал, либо вообще равен нулю. Такого единодушия, выражающего общую волю, всегда старались добиться.

А тем немногим, кто шел против общей воли, кто имел свое особое мнение, приходилось примириться с поражением. Античная демократия, в отличие от современных, ни в малейшей мере не учитывала мнения меньшинства, и механизмов такого учета не существовало. Считалось, что большинство всегда право, именно потому, что оно — большинство. Принятое им решение было окончательным.

Можно ли сказать, что античная демократия являлась тоталитарной, подавляющей личность, что она была такой политической системой, при которой всецело торжествовало понятие «мы» и совсем не оставалось места для «я»? Как ни парадоксально, ответ на этот вопрос будет и «да» и «нет», но ни тот ни другой не отразит вполне всю сложность рассматриваемого здесь феномена.

Тоталитаризм, как его определяют словари, — это «одна из форм авторитарных государств, характеризующаяся полным (тотальным) контролем государства над всей жизнью общества»¹⁷. Сам этот термин происходит от латинского слова *totalitas* — «целостность», и вплоть до относительно недавнего времени, до 1930-х годов, он не носил ярко выраженной негативной окраски. Многие политические теоретики даже считали желательным тоталитаризм, строй, при котором общее решительно преобладает над частным, государство — над человеком.

Затем, однако, эта идея оказалась полностью скомпрометирована реальными тоталитарными режимами, сформировавшимися в ряде стран Европы. Среди них — фашизм в Германии и Италии, советский строй в его худшие времена. Террор и репрессии, казни и концлагеря сопутствовали таким режимам. Понятно, что теперь уже никому не придет в голову восхвалять тоталитаризм. Но античные государства еще не имели подобного опыта. Платон, составляя проект тоталитарного государства, никак не мог предвидеть, что когда-то в будущем появятся Гитлер и Муссолини, Ленин и Мао...

В том, что древнегреческий полис как таковой нес в себе некоторые элементы или ростки тоталитаризма, сомневаться не приходится. Где-то эти ростки расцвели пышным цветом: тут сразу вспоминается Спарта. Где-то они не получили такого большого развития. Но от них не были вполне свободны даже демократические полисы.

¹⁷ Философский энциклопедический словарь. 2 изд. М., 1989. С. 661.

Тоталитарными элементами, о которых идет речь, были коллективизм, уже упоминавшийся выше, и тесно связанная с этим коллективизмом абсолютная власть государства над своими гражданами. *«Властям покорствуй — хочешь иль не хочешь»*, — писал еще Солон (фр. 27 Diehl). Государство не было ограничено никакими рамками; не было такого приказа, который оно не могло бы отдать, и этот приказ все должны были выполнять. Государство воплощало ту самую общую волю, которая считалась законом. Скажем, в Афинах, как мы уже знаем, силу закона немедленно получало любое постановление экклесии. А закон, конечно, должны выполнять все, в том числе и те, кто за него не голосовал.

Однако, если и говорить об античном полисном тоталитаризме, следует помнить, что этот тоталитаризм был совсем не таким, как современный, ближе знакомый нам. Во-первых, государство не было оторвано от общества, не представляло собой какую-то отдельную структуру, «механизм подавления». Государство, в сущности, совпадало с обществом. Вспомним: бюрократии не существовало, народоправство было прямым, органы власти, в первую очередь народное собрание, воплощали собой гражданский коллектив, армия являлась ополчением тех же граждан. Если это и тоталитаризм, то какой-то особый: государственные структуры не контролируют структуры общественные, не нависают над ними грозной, подавляющей силой, а сливаются с ними.

Во-вторых, коллективизм в полисных условиях был отнюдь не всевластным; бок о бок с ним существовал индивидуализм, высокая ценность личности. Меньше всего следует считать Древнюю Грецию архаической и классической эпох таким обществом, в котором граждане представляют собой некую серую массу, слепо подчиняющуюся коллективистским установкам, в котором все, так сказать, «ходят строем». Если бы это было так, греческая цивилизация, конечно, не породила бы такого ни с чем не сравнимого количества шедевров в культурной сфере, где особое значение имеет именно индивидуальное, личностное творчество.

Одновременно с коллективистскими тенденциями в той же мере возрастали и тенденции индивидуалистические. На одно и то же время пришлось в Элладе два процесса — «рождение полиса» и «рождение личности». Первый процесс проявлялся в записи сводов законов, которые должны были отразить и освятить единые для всей общины нормы, в появлении гоплитской фаланги — такого типа военной организации, в котором максимальное значение имеют единство и сплоченность. Выражением второго процесса стал «агональ-

ный дух», о котором раньше нам уже приходилось упоминать по различным поводам, состязательность в любой сфере человеческой деятельности. Классическая афинская демократия стала плодом взаимодействия этих двух противоположных импульсов.

Индивидуализм — это хорошо или плохо? Прежде всего, на наш взгляд, следует различать две вещи — индивидуализм и индивидуальность. Само по себе возрастание значения личности было, безусловно, позитивным фактором развития цивилизации. С этим никто не будет спорить, это справедливо для любой эпохи: общество, в котором личностный фактор подавлен, никогда не станет полноценным и гармоничным.

Однако вряд ли заслуживает похвалы и другая крайность. Когда индивидуальность перерастает в индивидуализм, когда этот последний превращается в самоцель и выходит за определенные рамки, не оставляя места для общих ценностей и интересов, — это способно подорвать целостность и стабильность государства. Особенно ярко это видно на примере политической борьбы в античной Элладе. Именно из-за того, что каждый полис был полон яркими личностями, каждая из которых стремилась ни в чем не уступить остальным, превзойти их, конфликты внутри полисов были, как правило, весьма острыми, приводили порой к многолетним периодам гражданской смуты.

Нередко борьба заканчивалась приходом к власти «сверхличности» — тирана. Таким образом, тирания оказывалась характерным проявлением индивидуалистической тенденции в общественной жизни. При тиране индивидуализм торжествовал — однако торжествовал лишь в лице самого тирана, ну, может быть, еще узкого круга его родственников и ближайших друзей. А права всех прочих граждан, напротив, были демонстративно урезаны. Не случайно полис, опасаясь единовластия, стремился наложить определенные ограничения на те действия аристократических личностей, которые слишком уж противопоставляли их коллективу.

Как видим, коллективизм и индивидуализм нельзя назвать мирно сосуществовавшими тенденциями: они находились в постоянном противоборстве. Именно в этом противоборстве складывалась и афинская демократия, и в целом древнегреческая цивилизация, постепенно обретая свои характерные черты.

В частности, в борьбе индивидуализма и коллективизма греки выработали столь типичный для них принцип меры, «золотой середины». Именно чувством меры, по сформировавшимся в полисном мире понятиям, должно руководствоваться поведение гармонически

развитой личности. Эта личность обладает огромными духовными и физическими силами, совершенствует их, свободно распоряжается ими, — но не должна ими злоупотреблять в ущерб коллективу! *«Лучшее — мера», «Ничего слишком»* (Диоген Лаэртский, I. 93; I. 63) — эти афоризмы древнегреческих мудрецов, призывавшие к умеренности во всем, служили укреплению в мировоззрении полисных ценностей.

Изучая человеческую историю, какую бы цивилизацию, эпоху, страну мы ни взяли, всюду мы встретим что-нибудь одно из двух: или коллектив преобладает над личностью, или личность — над коллективом. Первый случай — подавляющее большинство обществ Древнего (да и не только Древнего) Востока, Спарта, средневековый европейский мир, тоталитарные режимы XX века. Второй случай — современные либерально-демократические государства.

Что лучше? В обоих случаях перед нами — развитие одностороннее, а значит, не идеальное. Никто не будет спорить с тем, что подавление личности — это плохо, очень плохо. Но ведь и противоположная ситуация, когда личность — все, а коллектив, общество — ничто, не может вызвать безоговорочного одобрения. Обе стороны социального бытия важны, и обе должны занимать достойное, подобающее им место.

И только, пожалуй, один-единственный раз за долгие века и тысячелетия удалось найти баланс, равновесие между общим и частным, между единством общественного целого и свободным многообразием индивидов с их интересами, между традицией и новизной, когда эти два противолежаших начала не исключали друг друга, а сочетались в творческом синтезе. Это было сделано в рамках греческой полисной цивилизации, в период ее расцвета. Личность проявляла себя в нерасторжимой связи с коллективом и, еще не противопоставляя себя ему, пользовалась своей свободой и самостоятельностью на благо этого же коллектива.

Равновесие, подчеркнем, было динамичным, подвижным, а главное, очень неустойчивым. И потому недолговечным. Греция смогла удержаться на достигнутой ею вершине очень недолго, по сути дела, на протяжении V века до н. э. Уже в следующем столетии баланс был нарушен, и впоследствии никогда уже не восстановлен.

Но именно этот краткий период — уникальный период — создал то, что принято называть «греческим чудом». Именно он породил неповторимую, невыразимую никакими словами культуру античной Эллады, культуру, которой не было, нет и, видимо, уже не будет равных. И этот же период стал временем высшего расцвета класси-

ческой афинской демократии. Больше никогда история не видела подобного равновесия, подобного синтеза, плодами которого стали «Периклов век», Парфенон, театр Эсхила и Софокла, философские прозрения Сократа...

Великий эксперимент

Не исключаем, только что написанные слова звучат пессимистической ноткой. И все-таки в них есть истина, а истина не всегда лицеприятна, нередко она бывает и горькой.

Почему никому, никогда и нигде не удавалось создать идеальное государственное устройство? Почему оно могло существовать только на страницах красивых утопий Платона, Томаса Мора, Фурье, Маркса, а любая попытка воплотить его в жизнь приводила, как правило, только к большой крови и уж, во всяком случае, не достигала никакого успеха? Ответ, если вдуматься, не так уж и сложен. Есть такая вещь, как сопротивление человеческого материала. Люди не хотят быть осчастливленными против своей воли.

Почему говорят, что благими намерениями вымощена дорога в ад? Или, как не столь давно выразился один политический деятель, выражая ту же мысль на доступном ему уровне, «хотели как лучше, а получилось как всегда». Почему реформы, направленные на улучшение существующего порядка вещей, чаще всего приводят, наоборот, к его ухудшению? Потому что реформы редко когда бывают популярны в народе. От них не ждут ничего хорошего. А каковы ожидания, таков обычно бывает и результат.

Для того, чтобы построить государство и общество пусть не идеальное, но хотя бы в самом первом приближении напоминающее идеальное, необходимо очень важное условие: сознательность населения, его готовность участвовать в реализуемом грандиозном проекте и, если потребуется, поступаться для этого какими-то личными интересами. Такого сознательного народа в действительной жизни не бывает.

И опять же история знает одно исключение. Исключение это то же самое, о котором мы говорим на протяжении всей этой книги: античная Греция. Граждане эллинских полисов отличались какой-то просто фантастической, если сравнить с нашими современными условиями, политической сознательностью, умением увидеть общую цель и подчинить ей все частные.

Во многом именно поэтому на греческой почве удавались самые, казалось бы, немыслимые политические эксперименты, впервые создавались такие государственные устройства, каких ранее просто не было. И не просто создавались, а успешно функционировали. Так, в классических Афинах возникла если не идеальная, то, по крайней мере, образцовая демократия, самая полная и реальная, наиболее эффективно работавшая из всех возможных демократий. В то же самое время в Спарте сформировался «образцовый» тоталитаризм, всецело, практически без остатка подчинивший личность коллективу. И, что самое главное, в обоих случаях система была не навязана насильственно гражданам «сверху», а добровольно принята ими и поддерживалась, пока были силы.

Граждане греческих полисов были развитыми, мыслящими людьми. К демократическим Афинам это относится в особенной степени. Там царила поголовная грамотность среди гражданского населения. Без этого было бы немыслимо активное участие в общественной жизни. Существовали ведь такие процедуры, как, например, ostracism, когда каждый афинянин должен был написать на черепке имя кандидата на изгнание. А на Агоре и в других местах стояли высеченные на мраморных плитах декреты народного собрания, вывешивались важные объявления, — значит, все их читали.

При этом афиняне не просто владели искусством грамотности, но и полноценно им пользовались. В городе существовали книжные лавки, и продавались в них, будучи предметом большого спроса, отнюдь не любовные романы, как в нынешние дни¹⁸, а вещи очень серьезные, — например трактаты философов. Многие ли из наших современников готовы читать философские произведения, да еще и находить в этом удовольствие? Ответ, думается, ясен, и ответ этот — отнюдь не в нашу пользу.

Не так-то и далеко ушли мы от греков (и еще неизвестно, в лучшую ли сторону), чтобы позволить себе смотреть на них свысока. В демократическом полисе, каким были Афины, интеллектуальная жизнь буквально бурлила (а иначе и быть не могло), захватывая не только элиту, но и широкие слои гражданства.

Очень ярко демонстрирует сказанное аттическая трагедия в лице ее крупнейших представителей — Эсхила, Софокла, Еврипида. Она ставила глубочайшие этические, религиозные, философские пробле-

¹⁸ Интересно, что жанр любовного романа тоже был создан древними греками. Но произошло это несколько веков спустя, в эпоху расцвета афинской демократии его еще не было.

мы, заставляла зрителей мыслить — и при этом она была в полном смысле слова массовым, всенародным жанром. А в наши дни, как известно, театр посещают в основном избранные, утонченные натуры, а большинство довольствуется более незамысловатыми развлечениями.

Обратим внимание хотя бы вот на какой факт. Авторы трагедий не придумывали их сюжеты, а художественно обрабатывали старинные мифы. Конечно, не потому, что у драматургов не хватало фантазии: просто таков был устоявшийся обычай, которому продолжали следовать. Но дело в другом. Получается, что ход событий в пьесе был заранее предreshен. Если, скажем, в мифе Эдип по неведению убивает своего отца и женится на своей матери, то здесь ни один поэт не в силах ничего изменить. Ведь к мифам относились в высшей степени серьезно, видели в них не сказки и побасенки, а правдивое изложение действительно происшедших в глубокой древности событий.

Менять можно было разве что какие-то непринципиальные детали. И, безусловно, авторы имели определенную свободу в интерпретации психологической мотивировки тех или иных поступков героев. И Эсхил, и Софокл, и Еврипид написали трагедии на один и тот же сюжет: микенский царевич Орест убивает свою мать, мстя ей за отца, который был умерщвлен по ее приказу. Все три драмы дошли до нашего времени, и их можно сравнивать. Те чувства, которыми руководствуется Орест, то душевное состояние, которое порождает в нем необходимость этого акта, — все это трактуется драматургами отнюдь не одинаковым образом. Но сама фабула должна быть сохранена. Невозможно представить себе классическую трагедию, в которой Орест сжалился бы над матерью и сохранил бы ей жизнь.

Из сказанного вытекает, что афинским зрителям были заранее известны сюжеты пьес — даже совсем новых, только что написанных и впервые поставленных. Афинянину достаточно было знать название трагедии, на которую он идет, — и он мог достаточно подробно рассказать, как там будут развиваться события и чем дело кончится.

Иными словами, театр посещали не для того, чтобы следить за перипетиями сюжета, а с целями более высокими и утонченными: чтобы оценить, каково качество драмы, насколько хорошо автору и режиссеру (чаще всего это был один и тот же человек) удалось воплотить в жизнь свой замысел. В этих делах жители демократических Афин были настоящими знатоками, можно сказать, экспертами.

Приведем один пример. В 405 г. до н. э. Аристофан написал и поставил комедию «Лягушки», целиком посвященную сравнительному разбору достоинств и недостатков произведений Эсхила и Еврипида. По сути дела, это была театральная критика — жанр, который, если подходить к нему с нашими современными мерками, казалось бы, заведомо не может быть популярен в массах и является уделом узкого круга специалистов. Тем более неуместным он представляется в комедии, которая самой своей природой предназначена быть легким зрелищем.

Так что же, «Лягушки» провалились, не вызвали интереса у зрителей? Как раз наоборот. Афиняне смотрели комедию с неослабевающим вниманием, присудили Аристофану первый приз в состязаниях комедиографов и, более того, удостоили его уникальной почести: вынесли решение повторить постановку пьесы, чего вообще-то никогда не делалось. И это несмотря на то, что историческая обстановка отнюдь не располагала к подобному «эстетству»: шли последние годы Пелопоннесской войны.

А в другой своей комедии, под названием «Облака», тот же Аристофан разбирает философские учения Сократа и софистов. Конечно, он представляет эти учения в гротескном, карикатурном виде — но на то и служил комический жанр. А между прочим, чтобы в полной мере оценить карикатуру, нужно хорошо знать оригинал.

В эпоху расцвета классической демократии афинские граждане были вполне готовы к осмысленному, ответственному разговору на любую, самую серьезную и сложную тему. С ними можно было, не упрощая, не «разжевывая» элементарных вещей, вступить в диалог и о литературе, и о философии, и, конечно же, в первую очередь о политике — а уж в ней-то они разбирались лучше всего.

Политика, в сущности, была стержнем, основой всего мировоззрения в греческой полисной цивилизации. Кстати, не забудем о том, что само слово «политика» — древнегреческого происхождения и производно именно от термина «πόλις». Изначально оно означало просто «городские дела». Война и мир, заключение договоров и союзов с соседями, принятие законов и их применение, управление государственными финансами — все это считалось именно «городскими делами», отнюдь не чуждыми, а, напротив, близкими и понятными для каждого гражданина.

Как раз то обстоятельство, что политика воспринималась не абстрактно, а конкретно, что она была для всех своим делом, и способствовало огромной гражданской сознательности афинян периода демократии. Очень важным предметом политической мысли являл-

ся, в частности, вопрос о соотношении управляющих и управляемых, тех, кто держит в своих руках власть, и тех, кто им подчиняется.

В олигархических полисах этот вопрос решался проще: управляет некая ограниченная группа лиц, она несет ответственность за государство, представляет и воплощает его, а остальные граждане выполняют распоряжения этой группы. Демократия, естественно, предполагала иной, и более сложный, подход. Управлять должны все. Но, разумеется, все не могут это делать постоянно и одновременно. Если в полисе будут одни только правители, то кому же они будут отдавать приказы?

Выход из ситуации находили в принципе ротации. Непосредственные носители власти должны сменяться, причем чем чаще, тем лучше. Поруководил — дай поруководить другому: он ничем не хуже. Воспитывай в себе оба умения: умение властвовать и умение следовать воле властей. Сочетание этих двух умений считалось лучшим признаком образцового гражданина. В своей совокупности они порождали ответственность за судьбу государства, ответственность не формальную, а реальную. Это было настоящее, полноценное **гражданское общество**, живущее сложной, напряженной жизнью.

Времена меняются... Как писал выдающийся немецкий социолог Макс Вебер, на смену «политическому человеку», характерному для той же античности, пришел «человек экономический». А этот последний не желает принимать на себя ответственность за общее дело: «своя рубашка ближе к телу». Если личность такого типа и стремится к власти, то власть нужна ей не как самоцель, а как средство для обогащения.

Либеральные демократии, как они работают ныне в странах Запада, рассчитаны именно на «экономического человека». Создается впечатление даже некоторого исторического тупика, когда восторжествовует всеобщее мещанство и не останется места для великих проектов. Впрочем, может быть, это и не так. Уже начали кое-где высказываться мнения, что данный тип демократии — не единственно возможный. Не только на словах, но и на деле стали реализовываться иные варианты. Скажем, демократия, складывающаяся в ряде стран Азии, во многом отличается от западной — отличается именно тем, что в ней преобладают скорее не либеральные, а коллективистские черты. И это очень хорошо: пусть будет максимальное разнообразие форм социально-политического устройства, «цветущая сложность»¹⁹, свидетельствующая о культурном богатстве и силе

¹⁹ Выражение замечательного, незаслуженно забытого русского мыслителя К. Н. Леонтьева.

цивилизации. Нет ничего хуже, чем торжество одних и тех же стереотипов во всем мире: это обедняет жизнь, делает ее серой.

Как там сложится в грядущем — не нам судить. Но уже то, что разговор об афинской демократии невольно вывел нас на животрепещущие проблемы современности, показывает: опыт этой демократии по-прежнему актуален, рано списывать его на «склад забытых вещей». Тот грандиозный эксперимент, который был две с половиной тысячи лет назад поставлен в «городе Паллады», который привел к поразительным успехам, но, конечно, породил и немало трагических страниц, вошел драгоценным достоянием в сокровищницу человеческой истории. Чем чаще мы о нем будем вспоминать, тем с большей пользой. *«История — учительница жизни»*, как совершенно справедливо писал великий Цицерон (Об ораторе, II. 9. 36).

Приложение

Состояние изученности темы

Тема афинской демократии, ее возникновения, развития, функционирования была, остается и, очевидно, всегда будет одной из самых актуальных, востребованных и приоритетных в мировой науке об античности. Пожалуй, можно без преувеличения сказать: во всей античной истории (во всяком случае, в древнегреческой) нет феномена более известного в веках, оказавшего большее влияние на последующие эпохи и соответственно привлекавшего большее внимание исследователей, нежели классическая афинская демократия.

Причины этого вряд ли даже нуждаются в подробном объяснении, да об этом, собственно, речь идет на протяжении всей нашей книги. Античная демократия, самым ярким образцом которой были классические Афины, являлась первым в мире примером демократического государственного устройства. Афины при демократии стали крупнейшим политическим, экономическим, культурным центром всего античного мира, «школой Эллады». Они одержали победу над огромной Персидской державой, пережили своеобразный «золотой век», породили большое количество великих поэтов, философов, ораторов, ученых, художников, таких как Эсхил и Софокл, Сократ и Платон, Фукидид и Демосфен, Фидий и Пракситель... Имена крупнейших лидеров афинской демократии — Клисфена, Фемистокла, Перикла и др. — относятся к числу виднейших исторических деятелей всех времен и народов.

Ученые, размышлявшие о феномене афинской демократии, обращали внимание не только на то, что роднит ее с демократиями современными, но старались проанализировать и ее специфические черты: прямой и реальный характер полисного народовластия, отсутствие бюрократии, отстраненность значительных групп населения — всех, кто не являлся гражданами, — от управления государством. Важной представлялась попытка ответов на вопросы о причинах, факторах и условиях появления, расцвета, гибели классической демократии, о ее сильных и слабых сторонах, о причинах отрицательной оценки демократического устройства в трудах многих политических теоретиков античности.

Одним словом, чем дальше, тем более насущным становилось максимально полное постижение классической афинской демократии как целостного явления античной и мировой истории. Представители западной историографии давно уже это прекрасно осознали. И поэтому в ней мы находим колоссальное количество работ об афинской демократии. Количество одних только монографических исследований по этой проблематике в западной антиковедческой литературе исчисляется десятками, если не сотнями, а статей — многими тысячами. Такой интерес наблюдался всегда; достаточно вспомнить такие классические работы, как «Афинская демократия» П. Клоше (1951), «История афинской конституции» Ч. Хигнетта (1952), «Афинская демократия» Э. Джоунса (1957), «Возникновение греческой демократии» У. Форреста (1966), «Афинская демократия» Т. Таркиайнена (1966), «Демократия

античная и современная» М. Финли (1973), «Проблемы греческой демократии» Ж. де Ромийи (1975) и др.¹

Но в особенной степени этот интерес активизировался именно на современном этапе, в 1990-х — 2000-х гг., что лишний раз напоминает об актуальности проблемы. Определенным стимулом для интенсификации работы антиковедов на этом направлении послужил отмечавшийся в 1993 г. 2500-летний юбилей реформ Клизфена и рождения демократического устройства в Афинах. В связи с юбилеем в ряде стран мира прошли различные мероприятия — конференции, выставки, привлечшие внимание широкой общественности². К сожалению, в нашей стране все это оказалось практически незамеченным: россиян в то время волновали совершенно иные проблемы.

В силу вышесказанного было бы бессмысленно, да, пожалуй, и просто невозможно пытаться перечислить хотя бы с некоторым приближением к полноте посвященные афинской демократии работы. Поэтому мы укажем здесь только важнейшие и последние по времени монографии, вышедшие на Западе за последние два десятилетия: «Демос: открытие классической Аттики» Р. Осборна (1985); «Открытие свободы» К. Раафлауба (1985); «Греческая демократия» К. Моссе (1986); «От народного верховенства к верховенству закона» М. Оствальда (1986); «Крестьянин-гражданин и раб: основания афинской демократии» Э. Вуд (1988); «Происхождение демократического мышления» С. Фаррар (1989); ряд книг Дж. Обера — «Масса и элита в демократических Афинах» (1989), «Политические разногласия в демократических Афинах» (1998), «Афинская революция» (1999); М. Хансена — «Были ли Афины демократией?» (1989), «Афинская демократия в век Демосфена» (1995); «Перикл и его век» Ф. Шатле (1990); «Афины от Клизфена до Перикла» Ч. Форнары и Л. Сэмсона (1991); «Демократия и политическое участие в Афинах» Р. Синклера (1991); «Классическая афинская демократия» Д. Стоктона (1991); «Перикл Афинский и рождение демократии» Д. Кэгена (1991); «Мед и цикута: демократия и паранойя в древних Афинах и современной Америке» Э. Сэген (1991); «Школа Эллады» А. Раубичека (1991); «Демократия и классическая Греция» Дж. Дэвиса (2-е изд., 1993); «Демосфен и его время» Р. Сили (1993); «Сила народа и бессилие мысли» Ш. Шуберт (1993); «Афинская демократия» Й. Блейкена (2-е изд., 1994); «Происхождение и развитие древнегреческой демократии» Дж. О'Нейла (1995); «Перикл и афинская демократия» М. А. Леви (1996); «Первые демократии» Э. Робинсона (1997); «Классические Афины: демократия и силовая политика в V–IV вв. до н. э.» К.-В. Вельвея (1999); «Греческий мир в 479–323 гг. до н. э.» С. Хорнблауэра (3-е изд., 2002); «Античная демократия и современная идеология» П. Родса (2003).

Даже и этот довольно длинный перечень отнюдь не является исчерпывающим. Разумеется, основные исследования афинской демократии в современной мировой науке идут по нескольким направлениям, дополняющим друг друга, но в каких-то аспектах и противостоящих друг другу. Среди таких направлений можно обозначить: изучение политических институтов афинской демократии, их истории и функционирования (Р. Осборн, М. Хансен, Д. Стоктон, А. Раубичек, Й. Блейкен, П. Родс и др.); изуче-

¹ Выходные данные перечисленных здесь и ниже работ на языках оригиналов см. в списке литературы в конце книги.

² См. издания, выпущенные по итогам этих мероприятий: *The Birth of Democracy. Athens, 1993*; *Aristote et Athènes. P., 1993*; *The Archaeology of Athens and Attica under the Democracy. Oxf., 1994*; *Ritual, Finance, Politics: Athenian Democratic Accounts Presented to D. Lewis. Oxf., 1994*; *Die athenische Demokratie im 4. Jahrhundert v. Chr. Stuttgart, 1995* и др.

ние неинституциональных политических процессов в условиях демократического полиса (М. Оствальд, Дж. Обер, Р. Синклер, Э. Сэген и др.); изучение демократической идеологии в греческой античности (К. Раафлауб, С. Фаррар, Ш. Шуберт, Дж. Обер и др.); изучение крупнейших политических деятелей афинской демократии (Ф. Шатле, Ч. Форнара и Л. Сэмонс, Д. Кэген, Р. Сили, М. А. Леви и др.). В результате поступательного синтеза получаемых на разных направлениях результатов перед нами предстает все более живая, яркая и многогранная картина такого сложного и важного исторического явления, каким была классическая афинская демократия.

Значительно менее обнадеживающей представляется ситуация в современном отечественном антиковедении. К сожалению, в российской историографии осознание важности и актуальности рассматриваемой здесь проблематики, похоже, еще не пришло. Этот круг сюжетов освещен (признаться, по не вполне понятным нам причинам) несравненно слабее, чем в западной науке, и мы пока очень серьезно отстаем в данной области от наших зарубежных коллег. Необходимо пытаться по мере возможности наверстывать этот разрыв.

В частности, наиболее болезненный дефицит ощущается в общих описаниях феномена. Имеются серьезные и интересные работы, в которых предметом анализа становятся те или иные конкретные аспекты истории и функционирования классической афинской демократии. Если говорить об исследованиях последних лет, то необходимо назвать книги В. М. Строгеевского «Полис и империя в классической Греции» (1991), Л. П. Маринович «Античная и современная демократия: новые подходы» (2001), Х. Турманса «Рождение Афины. Афинский путь к демократии: от Гомера до Перикла» (2002), С. Г. Карпюка «Общество, политика и идеология классических Афин» (2003). Но, повторим и подчеркнем, в этих работах рассматриваются именно отдельные проблемы афинской демократии, а не вся она в своей целостности.

Что же касается общего очерка истории афинской демократии на всем ее протяжении и по возможности во всех ее аспектах, то написание такого очерка (разумеется, если говорить о действительно серьезных, а не дилетантских работах) не предпринималось в отечественной историографии уже около века, со времен выхода монографии В. П. Бузескула «История афинской демократии» в начале XX века. Эта книга, бесспорно, написана на очень высоком научном уровне и может считаться классической. На момент своего выхода она обладала целым рядом безусловных и значительных достоинств. Многие из этих достоинств она, разумеется, сохранила и по сей день. Однако, работая с названной монографией, необходимо всегда помнить о ее солидном, столетнем «возрасте», о том, что она отражает уровень науки своего времени и на сегодняшний день в каких-то отношениях просто не могла не устареть. Ведь со времени ее издания появились и новые важные источники (эпиграфические, археологические, нумизматические), имеющие самое прямое отношение к истории демократических Афин; известные уже и ранее источники были лучше изучены, более комплексно интерпретированы, в некоторых случаях точнее датированы; к тому же антиковедам на протяжении прошедшего столетия удалось разработать новые, современные методики исследования исторических источников, исторических процессов и событий, что позволяло все лучше и лучше понять афинскую демократию. Одним словом, наука — это такая сфера интеллектуальной деятельности, которой свойственно поступательное развитие, она не стоит на месте.

Недавно монография В. П. Бузескула была переиздана; не можем объяснить это ничем иным, кроме как вышеупомянутым дефицитом общих трудов о классической афинской демократии. Но простое переиздание старой, пусть и хорошей книги проблему отнюдь не снимает. Ведь современных взглядов на рассматриваемую проблематику такая работа, понятны, содержать заведомо не может.

Также переведена недавно на русский язык книга Дж. Дэвиса «Демократия и классическая Греция». По этому поводу хотелось бы сказать следующее. Во-первых, если уж необходимо было познакомить русского читателя с каким-либо из новых западных исследований об афинской демократии, то выбор, судя по всему, сделан не оптимально: работа Дэвиса — отнюдь не лучшее из этих новых исследований. Собственно, исследовательского характера она как раз и не имеет, являясь в основном простым описанием и изложением событий, причем изложением несколько поверхностным, лишенным значительной глубины анализа.

Во-вторых, не хочется верить, что переиздавая старинные книги и переводя зарубежные, российское антиковедение расписывается тем самым в своей неспособности создать что-либо значительное в этой области собственными силами. Мы убеждены, что такие потенции у наших ученых есть, и они должны быть задействованы. Повторим снова и снова: ощущается насущная потребность в общем очерке афинской демократии, написанном отечественным автором, причем на современном уровне, трактующем тему в ее целостности и совокупности, доступно для широкого читателя (ведь первая в человеческой истории развитая демократия — тема, интересная далеко не только для антиковедов)³ и в то же время компетентно в научном отношении. Ибо тем временем существующая лакуна заполняется грубыми дилетантскими поделками неспециалистов; эти книжки, изобилующие серьезными ошибками и откровенно устаревшими положениями, только вульгаризируют проблематику и тем самым компрометируют ее.

Такая ситуация недопустима. Отчасти заполнить означенную лакуну и призвана книга, предлагаемая нами ныне на суд читательской аудитории. Мы видели свою задачу, поскольку речь идет о научно-популярной книге, именно в том, чтобы сочетать современный научный уровень с доступным, по возможности ярким характером изложения (но, разумеется, без упрощений и вульгаризации). При этом мы старались в максимальной степени сочетать рассмотрение фактологического материала с постановкой концептуально-теоретических вопросов и попыткой их решения. Нам хотелось, чтобы максимальное количество людей, не являющихся учеными в области античности, а просто интересующихся историей, смогли с пользой для себя составить полное и корректное представление о характере древнегреческой демократии и связанных с нею проблемах⁴. Такая задача в нашей стране еще не ставилась, и соответственно изданий аналогичной направленности на русском языке пока нет.

³ Отметим, в связи со сказанным, что как раз монография В. П. Бузескула на эту роль претендовать не может. Это исследование не имеет популярного характера и трудно для восприятия широким читателем (в том числе и потому, что написано оно довольно тяжело, автор совершенно не ставил перед собой задачи быть увлекательным).

⁴ В связи с такими задачами мы всячески избегали перегрузки книги научным аппаратом, что могло бы затруднить восприятие материала широким читателем. Жанр научно-популярного издания диктует свои законы. В тексте книги мы ссылались только на античные источники; современные исследовательские работы указаны в списке литературы в конце книги.

Автор этих строк долго шел к написанию общего очерка истории афинской демократии. Нам уже давно и достаточно интенсивно приходилось заниматься различными связанными с ней конкретными проблемами. Нами разбирался и анализировался ряд институтов, процессов, событий, имевших место в демократических Афинах. В какой-то момент представилось логичным и даже необходимым перейти от этих частных сюжетов на уровень более широкого обобщения.

В значительной степени наши исследования выполнялись при поддержке Российского гуманитарного научного фонда (исследовательские проекты 00-01-00208а, «Власть и право в греческом мире: от архаики до эллинизма», 2000–2001 гг., и 02-01-00010а, «Институт остракизма в Афинах классической эпохи», 2002–2003 гг.). В рамках этих проектов нами был подготовлен ряд статей, а также монография «Остракизм в Афинах», изданная также при поддержке РГНФ (издательский проект 05-01-16096д, 2005 г.). В монографии нами был не только изучен институт остракизма как таковой, но и детально рассмотрен контекст функционирования этого института — политическая жизнь в демократическом афинском полисе классической эпохи.

Приводим полный перечень работ по истории Афин, опубликованных нами в ходе работы над проектами РГНФ:

- Суриков И. Е. Закон Клисфена об остракизме: к реконструкции некоторых формулировок // Древнее право. 2000. № 1 (6). С. 14–22 (проект 00-01-00208а).
- Суриков И. Е. Законодательство Драконта в Афинах и его исторический контекст // Древнее право. 2000. № 2 (7). С. 8–18 (проект 00-01-00208а).
- Суриков И. Е. К реконструкции некоторых формулировок закона Клисфена об остракизме // Антикведение на рубеже тысячелетий. М., 2000. С. 92–94 (проект 00-01-00208а).
- Суриков И. Е. Политическая борьба в Афинах в начале V в. до н. э. и первые остракофории // Вестник древней истории. 2001. № 2. С. 118–130 (проект 00-01-00208а).
- Суриков И. Е. Место аристократических родословных в общественно-политической жизни классических Афин // Из истории античного общества: Межвузовский сборник научных трудов. Вып. 7. Нижний Новгород, 2001. С. 138–147 (проект 00-01-00208а).
- Суриков И. Е. Законодательство Солона об упорядочении погребальной обрядности // Древнее право. 2002. № 1 (9). С. 8–21 (проект 00-01-00208а).
- Суриков И. Е. Законы Драконта как мнимая реальность // Восточная Европа в древности и средневековье: Мнимые реальности в античной и средневековой историографии. М., 2002. С. 215–221 (проект 00-01-00208а).
- Суриков И. Е. Трагедия Эсхила «Просительницы» и политическая борьба в Афинах // Вестник древней истории. 2002. № 1. С. 15–24 (проект 00-01-00208а).
- Суриков И. Е. Фемистокл: homo novus в кругу старой знати // Диалог со временем: Альманах интеллектуальной истории. 8. Специальный выпуск: Персональная история и интеллектуальная биография. М., 2002. С. 342–364 (проект 00-01-00208а).
- Суриков И. Е. Ксенические связи в дипломатии Алкивиада // Античный мир и археология. Вып. 11. Саратов, 2002. С. 4–13 (проект 00-01-00208а).

- Суриков И. Е. Античная нарративная традиция об институте остракизма // *Studia historica*. Т. 2. М., 2002. С. 51–74 (проект 02-01-00010а).
- Суриков И. Е. Изменения в афинских законах в V в. до н. э. (на примере закона об остракизме) // *Древнее право*. 2003. № 1 (11). С. 8–22 (проект 02-01-00010а).
- Суриков И. Е. Остракон Мегакла, Алкмеониды и Эретрия (Эпиграфическое свидетельство о внешних связях афинской аристократии) // *Вестник древней истории*. 2003. № 2. С. 16–25 (проект 02-01-00010а).
- Суриков И. Е. Из истории находок острака в Афинах // Из истории античного общества: Межвузовский сборник научных трудов. Вып. 8. Нижний Новгород, 2003. С. 121–131 (проект 02-01-00010а).
- Суриков И. Е. [Рецензия:] Brenne S. Ostrakismos und Prominenz in Athen: Attische Bürger des 5. Jhs. v.Chr. auf den Ostraka. Wien, 2001 // *Вестник древней истории*. 2003. № 3. С. 223–227 (проект 02-01-00010а).
- Суриков И. Е. IV речь корпуса Андокида как исторический источник // *Проблемы истории, филологии, культуры*. 2003. Вып. 13. С. 3–13 (проект 02-01-00010а).
- Суриков И. Е. Функции института остракизма и афинская политическая элита // *Вестник древней истории*. 2004. № 1. С. 3–30 (проект 02-01-00010а).
- Суриков И. Е. Остракизм Кимона // *Античный вестник: Сборник научных трудов*. Вып. 7. Омск, 2005. С. 98–108 (проект 02-01-00010а).
- Суриков И. Е. О некоторых мнимых реальностях в античной и современной историографии древних Афин // *Древнейшие государства Восточной Европы*. 2003 год. Мнимые реальности в античных и средневековых текстах. М., 2005. С. 239–250 (проект 02-01-00010а).
- Суриков И. Е. Просопографическая заметка об афинской аристократии эллинистической эпохи // *Antiquitas aeterna*. 2005. Вып. 1. С. 122–130 (проект 02-01-00010а).
- Суриков И. Е. Остракизм в Афинах. М.: Языки славянских культур, 2006. 640 с. (проект 05-01-16096д).

Таким образом, наша научно-популярная книга опирается на результаты, полученные при выполнении проектов РГНФ. Насколько велика степень воздействия этих результатов на развитие данного направления науки — пока трудно сказать со всей определенностью, поскольку они получены очень недавно. Во всяком случае, книга дает нам возможность изложить эти результаты наиболее подробно и всеобъемлюще, сделать их достоянием широкой читательской аудитории. Мы и ранее стремились и в дальнейшем надеемся привлекать внимание коллег к проблемам античной демократии.

Работа над настоящей книгой также велась при поддержке Российского гуманитарного научного фонда, в рамках конкурса по подготовке научно-популярных книг 2007 г. (проект 07-01-93201а/к).

Основные даты и события, упоминаемые в книге (хронологическая таблица)

- Конец III тыс. до н. э.** — начало переселения греков на юг Балканского п-ова
- II тыс. до н. э.** — ахейская (микенская) цивилизация в Греции. Афины — столица «дворцового царства»
- Около XII в. до н. э.** — дорийское вторжение в Грецию
- XI–IX вв. до н. э.** — «Темные века»
- IX–VIII вв. до н. э.** — появление алфавитной письменности у греков
- VIII–VI вв. до н. э.** — архаическая эпоха древнегреческой истории. Великая греческая колонизация
- VIII–VII вв. до н. э.** — завоевание Спартой Мессении. «Великая ретра Ликурга»
- 753 г. до н. э.** — сокращение срока правления архонтов с пожизненного до десятилетнего
- 713 г. до н. э.** — допуск к архонтату всех евпатридов
- Начало VII в. до н. э.** — завершение афинского синойкизма
- 683 г. до н. э.** — введение годичного архонтата
- Середина VII в. до н. э.** — завершение формирования коллегии девяти архонтов
- 640–559 гг. до н. э.** — годы жизни Солона
- 636 г. до н. э.** — мятеж Килона
- 627–585 гг. до н. э.** — правление тирана Периандра в Коринфе
- 621 г. до н. э.** — законодательство Драконта
- Конец VII в. до н. э.** — первая попытка Афин основать колонию в Сигее. Поражение в войне с Мегарами за Саламин
- 602–527 гг. до н. э.** — годы жизни Писистрата
- Рубеж VII–VI вв. до н. э.** — установление демократии в Мегарах
- VI в. до н. э.** — завершение складывания «общины равных» в Спарте. Создание Пелопоннесского союза. В Дельфах составляют список «Семи мудрецов»
- Около 600 г. до н. э.** — Афины по инициативе Солона овладевают Саламином
- 594 г. до н. э.** — Солон — первый архонт Афин. Законодательство и реформы Солона: сисахфия, учреждение гелии, Совета Четырехсот и др.
- 593–583 гг. до н. э.** — десятилетнее путешествие Солона
- 582–580 гг. до н. э.** — попытка захвата власти Дамасием

- 560-е гг. до н. э. — победа Писистрата в войне с Мегарами. Писистрат — лидер группировки диакриев
- 560 г. до н. э. — установление тирании Писистрата
- Середина VI в. до н. э. — начало чеканки монеты в Афинах
- 546 г. до н. э. — окончательный приход Писистрата к власти в Афинах. Захват персами греческих полисов Малой Азии
- 532 г. до н. э. — олимпийская победа Кимона Старшего, «уступленная» им Писистрату
- 527 г. до н. э. — начало правления Гиппия
- 526 г. до н. э. — Гиппий занимает пост первого архонта
- 525 г. до н. э. — Клисфен занимает пост первого архонта
- 524 г. до н. э. — Мильтиад занимает пост первого архонта
- 524–459 гг. до н. э. — годы жизни Фемистокла
- 514 г. до н. э. — заговор Гармония и Аристокитона. Захват персами северного побережья Эгейского моря
- 510 г. до н. э. — свержение тирании в Афинах. Возможное начало чеканки монет с изображениями совы и головы Афины
- 508 г. до н. э. — Исагор избран первым архонтом
- 507 г. до н. э. — победа Клисфена над Исагором. Начало демократических реформ. «Рождение афинской демократии»
- 506 г. до н. э. — афинское посольство в Персию. Неудачная попытка Спарты восстановить власть Исагора. Основание на Эвбее первой афинской клерухии
- Около 500 г. до н. э. — завершение реформ Клисфена и его политической деятельности
- V–IV вв. до н. э. — классическая эпоха древнегреческой истории
- 1-я половина V в. до н. э. — «строгий стиль» в скульптуре
- 500–449 гг. до н. э. — Греко-персидские войны
- 500 г. до н. э. — начало Ионийского восстания
- 496 г. до н. э. — Гиппарх занимает пост первого архонта
- 494 г. до н. э. — Ионийское восстание подавлено персами. Взятие Милета
- 494–429 гг. до н. э. — годы жизни Перикла
- 493 г. до н. э. — Фемистокл занимает пост первого архонта. Начало строительных работ в Пирее
- 490 г. до н. э. — Марафонская битва
- 489 г. до н. э. — суд над Мильтиадом
- 487 г. до н. э. — реформа архонтата. Первое применение остракизма, изгнание Гиппарха
- 486 г. до н. э. — изгнание остракизмом Мегакла. Воцарение Ксеркса в Персии
- 484 г. до н. э. — изгнание остракизмом Ксантиппа
- Около 484–425 гг. до н. э. — годы жизни историка Геродота
- 482 г. до н. э. — изгнание остракизмом Аристиды. Фемистокл — лидер Афин. Морская программа Фемистокла, создание мощного флота
- 481 г. до н. э. — создание Эллинского союза во главе со Спартой для отражения персидской агрессии
- 480 г. до н. э. — начало похода Ксеркса на Грецию. Досрочное возвращение в Афины граждан, изгнанных остракизмом. Битва при Фермопилах. Взятие персами Афин. Саламинское морское сражение

- Около 480 г. до н. э. — союз афинских аристократических родов против Фемисток-
ла
- 470-е гг. до н. э. — статуи «тираноубийц» Гармония и Аристоклитона работы скульп-
торов Крития и Несиота
- 479 г. до н. э. — сражения при Платеях и Микале. Изгнание персов из Греции
- 478 г. до н. э. — создание Делосского (Первого Афинского) морского союза
- 470-е — 460-е гг. до н. э. — Кимон — лидер Афин. Программа общественных
построек на Агоре. Усиление влияния Ареопага
- Около 475 г. до н. э. — перевоз «останков Тесея» с о. Скирос в Афины
- 470–399 гг. до н. э. — годы жизни философа Сократа
- 470 г. до н. э. — изгнание остракизмом Фемистокла
- 467 г. до н. э. — заочный суд над Фемистоклом в Афинах и вынесение ему смерт-
ного приговора. Фемистокл при дворе персидского царя
- 466 г. до н. э. — «тройная» победа Кимона над персами при Евримедонте
- 462/461 г. до н. э. — Эфиальт проводит реформу Ареопага. Изгнание остракизмом
Кимона. Убийство Эфиальта
- Около 460–396 гг. до н. э. — годы жизни историка Фукидида
- 450-е гг. до н. э. — демократические реформы Перикла. Введение мистифории,
тайного голосования в гелиее, сооружение экклесиастерия на Пниксе и др.
Постройка Длинных стен
- 459 г. до н. э. — начало морской экспедиции афинян в Египет
- 459–446 гг. до н. э. — Первая, или Малая Пелопоннесская, война
- 458 г. до н. э. — постановка трагедии Эсхила «Евмениды»
- 457 г. до н. э. — зевгитам разрешено занимать пост архонта
- 454 г. до н. э. — поражение афинского флота в Египте. Перенос казны Делосского
союза в Афины, превращение союза в Афинскую архэ
- 453 г. до н. э. — учреждение «судей по демам»
- 451 г. до н. э. — закон Перикла о гражданстве
- 450 г. до н. э. — поход Кимона на Кипр
- 449 г. до н. э. — «Каллиев мир» Афин с Персией
- 448 г. до н. э. — инициатива Перикла о созыве общегреческого конгресса в Афинах
- 446 г. до н. э. — «Тридцатилетний мир» Афин со Спартой
- Около 446 г. до н. э. — «Монетный декрет»
- 445–386 гг. до н. э. — годы жизни драматурга Аристофана
- 444 г. до н. э. — изгнание остракизмом Фукидида, сына Мелесия
- 444–429 гг. до н. э. — «Периклов век»: Перикл — единоличный лидер Афин. Строи-
тельная программа Перикла, создание архитектурного ансамбля Акрополя.
Начало деятельности софистов в Афинах
- 443 г. до н. э. — основание панэллинской колонии Фурии в Италии под эгидой
Афин
- 442 г. до н. э. — постановка трагедии Софокла «Антигона»
- 440–439 гг. до н. э. — восстание Самоса против афинского владычества. Подавление
восстания Периклом
- 437 г. до н. э. — экспедиция Перикла в Понт Эвксинский
- 436–338 гг. до н. э. — годы жизни публициста Исократ
- Конец 430-х гг. до н. э. — резкое возрастание внешнеполитической напряженности
в Греции, противоречий между Афинской архэ и Пелопоннесским союзом

- 434 г. до н. э. — возвращение из ostracism Фукидида, сына Мелесия. Начало судебных преследований соратников Перикла
- 432 г. до н. э. — конгресс Пелопоннесского союза по вопросу об объявлении войны Афинам. Спартанские посольства в Афины
- 431–404 гг. до н. э. — Пелопоннесская война
- 431 г. до н. э. — первое вторжение пелопоннесской армии в Аттику. Надгробная речь Перикла
- 430–355 гг. до н. э. — годы жизни историка Ксенофонта
- 430 г. до н. э. — начало эпидемии в Афинах. Опала Перикла
- 429 г. до н. э. — Перикл незадолго до смерти вновь избран стратегом
- 428 г. до н. э. — восстание Митилены против афинского владычества
- 427–347 гг. до н. э. — годы жизни философа Платона
- 425 г. до н. э. — увеличение ставок фороса союзников по инициативе Клеона. Захват афинянами Пилоса и взятие в плен отряда спартиатов
- 424 г. до н. э. — экспедиция Брасида на северное побережье Эгейского моря. Стратег Фукидид (будущий историк) не смог ему помешать и в наказание изгнан из Афин
- 422 г. до н. э. — гибель Клеона и Брасида
- 421 г. до н. э. — «Никиев мир» между Афинами и Спартой
- 420-е гг. до н. э. — «Афинская полития» Псевдо-Ксенофонта
- Около 420 г. до н. э. — начало политической деятельности Алкивиада
- 416 г. до н. э. — захват афинянами о-ва Мелос
- 415 г. до н. э. — изгнание ostracism демагога Гипербола. Начало морской экспедиции на Сицилию. Судебный процесс о повреждении герм. Бегство Алкивиада в Спарту
- 413 г. до н. э. — поражение афинян на Сицилии. Занятие спартанцами крепости Декелея в Аттике. Учреждение коллегии пробулов
- 412 г. до н. э. — снаряжение Спартой сильного флота при финансовой поддержке Персии
- Около 412 г. до н. э. — изгнание из Афин софиста Протагора
- 411 г. до н. э. — отпадение от Афин большинства членов Архэ. Первый олигархический переворот, установление и свержение режима Четырехсот. Начало пересмотра законов. Алкивиад во главе афинского флота
- 410 г. до н. э. — восстановление демократии
- 407 г. до н. э. — триумфальное возвращение Алкивиада в Афины
- 406 г. до н. э. — опала Алкивиада. Морское сражение при Аргинусских о-вах и суд над стратегами-победителями
- 405 г. до н. э. — победа Лисандра при Эгоспотамах. Начало осады Афин. Постановка комедии Аристофана «Лягушки»
- 404 г. до н. э. — капитуляция Афин. Ликвидация Афинской архэ, разрушение Длинных стен. «Тридцать тиранов». Убийство Алкивиада
- 403 г. до н. э. — Фрасибул освобождает Афины и восстанавливает демократию. Всеобщая амнистия. Олигархи уходят в Элевсин
- 401 г. до н. э. — воссоединение Элевсина с Афинами. Завершение пересмотра законов
- 400 г. до н. э. — поход греческих наемников Кира Младшего в срединные области Персидской державы

- Конец V в. до н. э.** — завершение строительства на Акрополе
- IV в. до н. э.** — кризис классического полиса в Греции. Высший расцвет ораторского искусства в Афинах
- Начало IV в. до н. э.** — введение платы за посещение народного собрания
- 399 г. до н. э.** — суд над Сократом. Начало войны Спарты с Персией в Малой Азии
- 395–387 гг. до н. э.** — Коринфская война
- 394 г. до н. э.** — Конон восстанавливает Длинные стены
- 392 г. до н. э.** — постановка комедии Аристофана «Женщины в народном собрании»
- 390–389 гг. до н. э.** — Фрасибул пытается возродить Афинскую архэ. Гибель Фрасибула
- 387 г. до н. э.** — «Царский мир». Платон основывает в Афинах Академию
- 384–322 гг. до н. э.** — годы жизни Демосфена
- 384–322 гг. до н. э.** — годы жизни философа Аристотеля
- 382 г. до н. э.** — захват спартанцами Фив
- 380-е гг. до н. э.** — Афины заключают договоры с полисами Эгеиды
- 379 г. до н. э.** — демократический переворот в Фивах. Начало деятельности Эпаминонда
- 378 г. до н. э.** — создание Второго Афинского морского союза. Попытка захвата спартанцами Афин
- 371 г. до н. э.** — битва при Левктрах
- 370 г. до н. э.** — «скитализм» в Аргосе
- 360-е гг. до н. э.** — походы Эпаминонда в Пелопоннес
- 367 г. до н. э.** — Аристотель поступает в платоновскую Академию
- 365 г. до н. э.** — захват афинянами Самоса
- 362 г. до н. э.** — битва при Мантинее
- 359–336 гг. до н. э.** — правление Филиппа II в Македонии
- 358 г. до н. э.** — захват Амфиполя Филиппом II. Афины начинают войну против Македонии
- 357–355 гг. до н. э.** — Союзническая война и фактический распад Второго Афинского морского союза
- 346 г. до н. э.** — «Филократов мир» Афин с Македонией
- Около 345 г. до н. э.** — речь Исократ «Филипп»
- 340 г. до н. э.** — Филипп II пытается взять Византий
- 339 г. до н. э.** — Филипп II захватывает Элатею. Антимакедонский союз греческих полисов
- 338 г. до н. э.** — битва при Херонее
- 337 г. до н. э.** — Коринфский конгресс. Законодательное закрепление македонской гегемонии в Греции
- 336 г. до н. э.** — вступление на престол Александра Македонского
- 336–30 гг. до н. э.** — эпоха эллинизма
- 336–324 гг. до н. э.** — Ликург управляет афинскими финансами. Новая строительная программа. Введение в Афинах культа богини Демократии
- 335 г. до н. э.** — Аристотель основывает в Афинах Ликей. Разрушение Фив
- 334 г. до н. э.** — начало Великого Восточного похода Александра Македонского. Антипатр — наместник Македонии

- 333 г. до н. э. — Спарта признает македонскую гегемонию
330 г. до н. э. — победа Демосфена над Эскином в судебном процессе
324 г. до н. э. — «дело Гарпала». Демосфен бежит из Афин
323 г. до н. э. — смерть Александра Македонского в Вавилоне, начало борьбы диадохов. Активизация антимакедонских настроений в Греции. Начало Ламийской войны
322 г. до н. э. — поражение Афин. Ликвидация классической демократии. Олигархический режим Демада и Фокиона. Македонский гарнизон на афинской территории
321 г. до н. э. — Антипатр — регент державы Александра
319 г. до н. э. — казнь Демада. Смерть Антипатра
318 г. до н. э. — Полисперхонт восстанавливает в Афинах демократию. Казнь Фокиона
317–307 гг. до н. э. — правление Деметрия Фалерского в Афинах
307 г. до н. э. — Деметрий Полиоркет «освобождает» Афины. «Восстановление демократии». Обожествление Деметрия Полиоркета
306 г. до н. э. — Антигон Одноглазый и Деметрий Полиоркет принимают царский титул
301 г. до н. э. — поражение Антигона Одноглазого и Деметрия Полиоркета в сражении с другими диадохами
Около 300 г. до н. э. — приход к власти в Афинах тирана Лахара
Начало III в. до н. э. — истощение Лаврийских серебряных рудников
295 г. до н. э. — Деметрий Полиоркет вновь захватывает Афины. Бегство Лахара
294 г. до н. э. — Деметрий Полиоркет — царь Македонии
287 г. до н. э. — Афины освобождаются от власти Деметрия Полиоркета
268–262 гг. до н. э. — война Афин с Македонией («Хремонидова война»). Поражение Афин
229 г. до н. э. — освобождение Афин от македонского владычества
1-я половина II в. до н. э. — начало римской экспансии на Балканском п-ове
168 г. до н. э. — во владение Афин переходит о. Делос
146 г. до н. э. — установление римского владычества в Греции
88 г. до н. э. — Афины переходят на сторону Митридата VI
86 г. до н. э. — Сулла берет Афины. Разрушение Длинных стен
30 г. до н. э. — рождение Римской империи
Около 46–119 гг. н. э. — годы жизни историка Плутарха
117–138 гг. н. э. — правление римского императора Адриана. Завершение в Афинах храма Зевса Олимпийского, начатого при Писистрате

Список литературы по истории афинской демократии

Сочинения античных авторов, сборники текстов

- Андокид*. Речи. СПб., 1996.
- Античная демократия в свидетельствах современников / Издание подготовили Маринович Л. П., Кошеленко Г. А. М., 1996.
- Античные риторика. М., 1978.
- Антология источников по истории, культуре и религии Древней Греции / Под ред. Кузищина В. И. СПб., 2000.
- Аристотель*. Афинская политика // Античная демократия в свидетельствах современников. М., 1996.
- Аристотель*. Политика // *Аристотель*. Сочинения в 4 томах. Т. 4. М., 1984.
- Аристофан*. Комедии. Т. 1–2. М., 1983.
- Афиней*. Пир мудрецов. М., 2003.
- Геродот*. История. М., 2004.
- Гесиод*. Труды и дни // Эллинские поэты VIII–III вв. до н. э. М., 1999.
- Гомер*. Илиада. Л., 1990.
- Греческие ораторы второй половины IV в. до н. э.: Гиперид, Ликург, Динарх, Эсхин // Вестник древней истории. 1962. № 1, 2, 3, 4; 1963. № 1.
- Демосфен*. Речи. Т. 1–3. М., 1994–1996.
- Диоген Лаэртский*. О жизни, учениях и изречениях знаменитых философов. М., 1979.
- Еврипид*. Трагедии. Т. 1–2. М., 1998–1999.
- Исократ*. Речи // Вестник древней истории. 1965. № 3, 4; 1966. № 1, 2, 3, 4; 1967. № 1, 3, 4; 1968. № 1, 2, 3, 4; 1969. № 1, 2.
- Корнелий Непот*. О знаменитых иноземных полководцах. М., 1992.
- Ксенофонт*. Греческая история. СПб., 1996.
- Ксенофонт*. Воспоминания о Сократе. М., 1993.
- Ксенофонт*. Анабасис. М., 1994.

- Ксенофонт*. Киропедия. М., 1993.
Ксенофонт. Лакедемонская политика // *Ксенофонт*. Сочинения. Вып. 5. Ревель, 1895.
Лисий. Речи. М., 1994.
Павсаний. Описание Эллады. Т. 1–2. М., 1994.
Платон. Собрание сочинений. Т. 1–4. М., 1990–1994.
Плутарх. Сравнительные жизнеописания. Т. 1–2. М., 1994.
Плутарх. Застольные беседы. Л., 1990.
Полизн. Стратегемы. СПб., 2002.
Псевдо-Ксенофонт. Афинская политика // Античная демократия в свидетельствах современников. М., 1996.
Секст Эмпирик. Сочинения. Т. 1–2. М., 1976.
Солон. [Стихотворения] // Эллинские поэты VIII–III вв. до н. э. М., 1999.
Софокл. Драмы. М., 1990.
Страбон. География. М., 1994.
Феофраст. Характеристики. М., 1993.
Фрагменты ранних греческих философов / Издание подготовил Лебедев А. В. Ч. 1. М., 1989 (2-я часть никогда не выходила).
Фукидид. История. М., 1993.
Цицерон, Марк Туллий. Философские трактаты. М., 1985.
Элиан, Клавдий. Пестрые рассказы. М., 1995.
Эллинские поэты VIII–III вв. до н. э. / Издание подготовили Гаспаров М. Л., Цыбенко О. П., Ярхо В. Н. М., 1999.
Эсхил. Трагедии. М., 1989.
Meiggs R., Lewis D. A Selection of Greek Historical Inscriptions to the End of the Fifth Century B.C. Oxf., 1989.

Работы современных ученых

- Андреев Ю. В.* Цена свободы и гармонии: Несколько штрихов к портрету греческой цивилизации. СПб., 1998.
Арский Ф. Н. Перикл. М., 1971.
Берве Г. Тираны Греции. Ростов-на-Дону, 1997.
Бергер А. К. Политическая мысль древнегреческой демократии. М., 1966.
Брашинский И. Б. Афины и Северное Причерноморье в VI–II вв. до н. э. М., 1963.
Бузескул В. П. Перикл. Личность, деятельность, значение. Л., 1923.
Бузескул В. П. История афинской демократии. СПб., 2003.
Вернан Ж.-П. Происхождение древнегреческой мысли. М., 1988.
Видаль-Накэ П. Черный охотник. Формы мышления и формы общества в греческом мире. М., 2001.
Гаспаров М. Л. Занимательная Греция: Рассказы о древнегреческой культуре. М., 1925.
Гиро П. Частная и общественная жизнь греков. М., 1994.
Гусейнов Г. Ч. Аристофан. М., 1988.

- Доватур А. И. Политика и Политии Аристотеля. М.; Л., 1975.
- Дэвис Дж. К. Демократия и классическая Греция. М., 2004.
- Дюрант В. Жизнь Греции. М., 1997.
- Жебелев С. А. Демосфен. Берлин; М., 1922.
- Зайцев А. И. Культурный переворот в Древней Греции VIII–V вв. до н. э. СПб., 2001.
- Зелинский Ф. Ф. История античной культуры. СПб., 1995.
- Зельин К. К. Борьба политических группировок в Аттике в VI веке до н. э. М., 1964.
- Исаева В. И. Античная Греция в зеркале риторики: Исократ. М., 1994.
- Йегер В. Пайдейя: Воспитание античного грека. Т. 1–2. М., 1997–2001.
- Каллистов Д. П. Античный театр. Л., 1970.
- Карпюк С. Г. Лекции по истории древней Греции. М., 1997.
- Карпюк С. Г. Общество, политика и идеология классических Афин. М., 2003.
- Кессиди Ф. Х. Сократ. М., 1988.
- Колобова К. М. Древний город Афины и его памятники. Л., 1961.
- Корзун М. С. Социально-политическая борьба в Афинах в 444–425 гг. до н. э. Минск, 1975.
- Кравчук А. Перикл и Аспасия. М., 1990.
- Куле К. СМИ в Древней Греции: сочинения, речи, разыскания, путешествия... М., 2004.
- Курилов М. Э. Социально-политическое устройство, внешняя политика и дипломатия классической Спарты. Саратов, 2005.
- Латышев В. В. Очерк греческих древностей. Ч. 1–2. СПб., 1997.
- Лосев А. Ф., Тахо-Годи А. А. Платон. Аристотель. М., 1993.
- Лурье С. Я. История античной общественной мысли. М.; Л., 1929.
- Лурье С. Я. Геродот. М.; Л., 1947.
- Маринович Л. П. Греки и Александр Македонский (К проблеме кризиса полиса). М., 1993.
- Маринович Л. П. Античная и современная демократия: новые подходы. М., 2001.
- Маринович Л. П., Кошеленко Г. А. Судьба Парфенона. М., 2000.
- Маркиш Ш. Сумерки в полдень: Очерк греческой культуры в эпоху Пелопоннесской войны. СПб., 1999.
- Марру А.-И. История воспитания в античности (Греция). М., 1998.
- Нильссон М. П. Греческая народная религия. СПб., 1998.
- Панченко Д. В. Платон и Атлантида. Л., 1990.
- Соболевский С. И. Аристофан и его время. М., 1957.
- Соколов Г. И. Акрополь в Афинах. М., 1968.
- Ставнюк В. В. Фемістокл і Афіни: діяльність Фемістокла в контексті еволюції афінського поліса. Київ, 2004.
- Ставнюк В. В. Становлення афінського поліса. Київ, 2005.
- Строгецкий В. М. Греческая историческая мысль классического и эллинистического периодов об этапах развития афинской демократии. Горький, 1987.
- Строгецкий В. М. Полис и империя в классической Греции. Нижний Новгород, 1991.
- Суриков И. Е. Из истории греческой аристократии позднеархаической и раннеклассической эпох. М., 2000.

- Суриков И. Е. Эволюция религиозного сознания афинян во второй половине V в. до н. э. М., 2002.
- Суриков И. Е. Античная Греция: Политики в контексте эпохи. Архаика и ранняя классика. М., 2005.
- Суриков И. Е. Древняя Греция: история и культура. М., 2005.
- Суриков И. Е. Остракизм в Афинах. М., 2006.
- Туманс Х. Рождение Афины. Афинский путь к демократии: от Гомера до Перикла (VIII–V вв. до н. э.). СПб., 2002.
- Фармаковский Б. В. Художественный идеал демократических Афин. Пг., 1918.
- Фролов Э. Д. Социально-политическая борьба в Афинах в конце V века до н. э. Л., 1964.
- Фролов Э. Д. Рождение греческого полиса. Л., 1988.
- Фролов Э. Д. Факел Прометея: Очерки античной общественной мысли. Л., 1991.
- Фролов Э. Д. Греция в эпоху поздней классики: Общество. Личность. Власть. СПб., 2001.
- Фостель де Куланж Н. Д. Древняя гражданская община. М., 1903.
- Хабиخت Х. Афины. История города в эллинистическую эпоху. М., 1999.
- The Archaeology of Athens and Attica under the Democracy. Oxf., 1994.
- Aristote et Athènes. P., 1993.
- Die athenische Demokratie im 4. Jahrhundert v.Chr. Stuttgart, 1995.
- The Birth of Democracy. Athens, 1993.
- Bleicken J. Die athenische Demokratie. 2 Aufl. Paderborn, 1994.
- Châtelet F. Périclès et son siècle. P., 1990.
- Cloché P. La démocratie athénienne. P., 1951.
- Davies J. K. Democracy and Classical Greece. 2 ed. Cambridge Mass., 1993.
- Farrar C. The Origins of Democratic Thinking: The Invention of Politics in Classical Athens. Cambridge, 1989.
- Finley M. I. Democracy Ancient and Modern. L., 1973.
- Fornara Ch. W., Samons L. J. Athens from Cleisthenes to Pericles. Berkeley, 1991.
- Forrest W. G. The Emergence of Greek Democracy: The Character of Greek Politics, 800–400 B.C. L., 1966.
- Hansen M. H. Was Athens a Democracy? Popular Rule, Liberty and Equality in Ancient and Modern Political Thought. Copenhagen, 1989.
- Hansen M.H. Die athenische Demokratie im Zeitalter des Demosthenes: Struktur, Prinzipien und Selbstverständnis. B., 1995.
- Hignett C. A History of the Athenian Constitution to the End of the Fifth Century B.C. Oxf., 1952.
- Hornblower S. The Greek World 479–323 BC. 3 ed. L.; N.Y., 2002.
- Jones A. H. M. Athenian Democracy. Oxf., 1957.
- Kagan D. Pericles of Athens and the Birth of Democracy. N.Y., 1991.
- Levi M. A. Pericle e la democrazia ateniese. Milano, 1996.
- Mossé C. La démocratie grecque. P., 1986.
- O'Neil J. L. The Origins and Development of Ancient Greek Democracy. Lanham, 1995.
- Ober J. Mass and Elite in Democratic Athens. Princeton, 1989.
- Ober J. Political Dissent in Democratic Athens: Intellectual Critics of Popular Rule. Princeton, 1998.

- Ober J.* The Athenian Revolution: Essays on Ancient Greek Democracy and Political Theory. Princeton, 1999.
- Osborne R.* Demos: The Discovery of Classical Attika. Cambridge, 1985.
- Ostwald M.* From Popular Sovereignty to the Sovereignty of Law. Law, Society, and Politics in Fifth-Century Athens. Berkeley, 1986.
- Raaflaub K.* Die Entdeckung der Freiheit: Zur historischen Semantik und Gesellschaftsgeschichte eines politischen Fundbegriffes der Griechen. München, 1985.
- Raubitschek A. E.* The School of Hellas: Essays on Greek History, Archaeology, and Literature. Oxf., 1991.
- Rhodes P. J.* Ancient Democracy and Modern Ideology. L., 2003.
- Ritual, Finance, Politics: Athenian Democratic Accounts Presented to D. Lewis. Oxf., 1994.
- Robinson E. W.* The First Democracies: Early Popular Government outside Athens. Stuttgart, 1997.
- Romilly J. de.* Problèmes de la démocratie grecque. P., 1975.
- Sagan E.* The Honey and the Hemlock: Democracy and Paranoia in Ancient Athens and Modern America. Princeton, 1991.
- Schubert Ch.* Die Macht des Volkes und die Ohnmacht des Denkens: Studien zum Verhältnis von Mentalität und Wissenschaft im 5. Jahrhundert v.Chr. Stuttgart, 1993.
- Sealey R.* Demosthenes and his Time: A Study in Defeat. Oxf., 1993.
- Sinclair R. K.* Democracy and Participation in Athens. Cambridge, 1991.
- Stockton D.* The Classical Athenian Democracy. Oxf., 1991.
- Tarkiaainen T.* Die athenische Demokratie. Zürich; Stuttgart, 1966.
- Welwei K.-W.* Das klassische Athen: Demokratie und Machtpolitik im 5. und 4. Jahrhundert. Darmstadt, 1999.
- Wood E. M.* Peasant-Citizen and Slave: The Foundations of Athenian Democracy. L., 1988.

Оглавление

От автора	5
Пр о л о г. Предрассветные сумерки	7
С птичьего полета	7
Аттика и ее обитатели	12
От «дворцового царства» к полису	18
Нет в многовластии блага?	27
Аристократия и демос	31
Афины на пороге перемен	35
Г л а в а I. Первые лучи	40
Заветы мудреца	40
И снова — борьба	49
Законопослушный тиран	55
Фиаско наследников	60
Экскурс 1. Аристократическая демократия	66
Г л а в а II. Солнце восходит	74
Выбор Клисфена	74
Рождение демократии	79
Тьма с Востока	86
«Выскачка из Фреарр»	93
Эфиальт против Ареопага	102
Вперед и вперед по пути народовластия	111
Экскурс 2. Консервативная демократия	119
Г л а в а III. Сияющий полдень	128
«Афинский олимпиец»	128
Демократия в «Периклов век»	137
День на Пниксе	145
День на Агоре	150
День в Гелиее	157
День в театре	165
День в Пирее	171
Город-тиран	177
Экскурс 3. Агрессивная демократия	184
Г л а в а IV. Внезапная гроза	189
Лицо врага	189
Большая война	197

В плену у демагогов	204
Брожение умов	214
Олигархи начинают и... проигрывают	221
Тридцать тиранов	227
Экскурс 4. Демократия и закон	233
Глава V. Теплый вечер	239
За расцветом — кризис	239
Время собирать камни	245
«Работа над ошибками»	251
Демократия судит мыслителя — демократию судят мыслители	262
Экскурс 5. Демократия и женщины	273
Глава VI. На Афины опускается ночь	279
Объединение или свобода?	279
Конец Демосфена, конец демократии	288
Перевороты, перевороты... ..	297
Пустая оболочка	304
Экскурс 6. Демократия и боги	313
Эпilog. Итоги долгого дня	322
Свет и тени народовластия	322
Тоталитарная демократия?	329
Великий эксперимент	336
Приложение. Состояние изученности темы	342
Основные даты и события, упоминаемые в книге	
(хронологическая таблица)	348
Список литературы по истории афинской демократии	354
Сочинения античных авторов, сборники текстов	354
Работы современных ученых	355

Игорь Евгеньевич Суриков

СОЛНЦЕ ЭЛЛАДЫ

История афинской демократии

Публикуется в авторской редакции

Корректор *Л. А. Макеева*

Технический редактор *С. В. Кузнецов*

Художественное оформление *С. В. Лебединского*

Лицензия ЛП № 000156 от 27.04.99. Подписано в печать 10.09.2008

Формат 60 × 90^{1/16}. Тираж 1000 экз. Усл. печ. л. 30. Заказ № 914.

Факультет филологии и искусств Санкт-Петербургского государственного университета.
199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., д. 11.

Отпечатано в типографии ООО «Издательство “Нестор-История”»

197110 СПб., ул. Розенштейна, д. 21.

тел. (812)622-01-23, e-mail: nestor_historia@list.ru